

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Рслан 392.10

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Годъ XXXIII. № 9—СЕНТЯБРЬ. 1893 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Часть I—официальная.

- I. Протоколъ засѣданія Совѣта Императорскаго Университета Св. Владимира 18 дек. 1892 года . . . 1—5
- II. Рецензіи сочиненія М. Черняховскаго: „Кишечныя свищи и ихъ леченіе,“ представленнаго въ Медицинскій факультетъ для полученія степени д-ра медицины . . . 1—9

Часть II—неофициальная.

- I. Наказаніе по Литовскому Статуту въ его трехъ редакціяхъ. Сочин., удостоенное Юридическимъ факультетомъ золотой медали.—Стин. Г. Демченко 121—152

Критика и бібліографія.

- II. О метонахъ древне-греческихъ храмовъ.—Привать-доц. Г. Павлуцкаго 512—531

- III. Гипнотизмъ по ученію Шарко и Психологической школы. (1881—93). Проф. А. Гиларова . . . 241—365

- IV. Къ исторіи векселя.—Проф. П. Цитовича . . . 83—111

Прибавленія.

- V. Труды Придѣлпровской метеорологической стѣи.—Проф. П. Броунова . . . 1—9

- VI. О производствѣ наблюденій надъ грозами и осадками.—Проф. П. Броунова . . . 1—21

- VII. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ . . . I—VI

- VIII. Тема, предлагаемая Юридическимъ факультетомъ Императорскаго Варшавскаго Университета на соисканіе преміи А. Хойнацкаго въ 1893—95 гг.

К І Е В Ъ.

1893.

УНИВЕРСИТЕТСКІЯ

206
1949

ИЗВѢСТІЯ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

№ 9—СЕНТЯБРЬ.

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.

В. І. Завадскаго. Большая-Васильковская улица, д. № 29—31.

1893.

Δ
Pslaw 392.10
✓

51 * 17

Печатано по' опредѣленію Совѣта Университета Св. Владиміра.
Ректоръ *Θ. Фортинскій.*

THE LIBRARY OF CONGRESS
DUPLICATE

СОДЕРЖАНІЕ.

Часть I—официальная.

- I. Протоколъ засѣданія Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра 18 декабря 1892 года . . 1—5
- II. Рецензіи сочиненія М. Черняховскаго: „Кишечные свищи и ихъ леченіе,“ представленнаго въ Медицинскій факультетъ для полученія степени д-ра медицины. 1—9

Часть II—неофициальная.

- I. Наказаніе по Литовскому Статуту въ его трехъ редакціяхъ. Сочиненіе, удостоенное Юридическимъ факультетомъ золотой медали. —Стип. Г. Демченка . 121—152

Критика и бібліографія.

- II. О метопахъ древне-греческихъ храмовъ. — Приватъ-доцента Г. Павлуцкаго 512—531
- III. Гипнотизмъ по ученію Шарко и Психологической школы. (1881—93).—Проф. А. Гилярова. 241—365
- IV. Къ исторіи векселя.—Проф. П. Цитовича 83—111

П р и б а в л е н і я.

- V. Труды Приднѣпровской метеорологической сѣти. —
 Проф. П. Броунова 1—9
- VI. О производствѣ наблюденій надъ грозами и осадками.
 —Проф. П. Броунова 1—21
- VII. Объявленія объ изданіи журналовъ и газетъ 1—v
- VIII. Тема, предлагаемая Юридическимъ фа-томъ Импе-
 раторскаго Варшавскаго Университета на соисканіе
 Хойнацкаго въ 1893—95 гг.
-

ПРОТОКОЛЬ

засѣданія Совѣта ИМПЕРАТОРСКАГО Университета св. Владиміра

18-го декабря 1892 года.

Въ настоящемъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ ректора Университета св. Владиміра О. Я. Фортинскаго присутствовали: деканы: Т. Д. Флоринскій, Н. В. Бобрецькій, Э. Г. Гейбель; ординарные профессора: В. Б. Антоновичъ, А. В. Праховъ, И. В. Лучицкій, Ю. А. Кулаковскій, О. И. Кнауэръ, К. М. Теофилактовъ, М. О. Хандриковъ, И. О. Шмальгаузенъ, П. Н. Венюковъ, Б. Я. Букрѣевъ, А. П. Эльтековъ, П. И. Броуновъ, С. М. Богдановъ, Г. К. Сусловъ, В. Г. Демченко, Л. С. Бѣлогрицъ-Котляревскій, А. Х. Ринекъ, М. И. Стуковенковъ, И. А. Сикорскій, Ф. А. Лешъ, П. И. Морозовъ; экстраординарные профессора: Н. М. Бубновъ, С. Т. Голубевъ, А. И. Сонни, А. Н. Гиляровъ, П. Я. Армашевскій, С. Н. Реформатскій, Г. Г. Де-Метцъ, Н. П. Яснопольскій, Н. А. Оболенскій, В. Е. Черновъ, А. А. Садовень, Я. Н. Тихомировъ; не присутствовали: ординарные профессора: А. В. Романовичъ-Славатинскій, Н. А. Озоровъ, В. С. Иконниковъ, П. В. Владиміровъ, Г. А. Леціусъ, И. И. Рахманиновъ, М. Е. Вашенко-Захарченко, М. П. Авенариусъ, О. В. Баранецкій, Н. Н. Шиллеръ, В. П. Ермаковъ, Н. К. Ренненкампфъ, О. О. Эйхельманъ, А. Я. Антоновичъ, Д. И. Пихно, О. О. Эргардтъ, В. А. Бецъ, П. И. Перемежко, В. А. Субботинъ, Г. Н. Минхъ, С. И. Чирьевъ, К. Г. Тритшель, А. В. Ходинъ, О. К. Борнгауптъ, В. В. Чирковъ, Г. Е. Рейнъ, Е. И. Афанасьевъ,—по неизвѣстной причинѣ, Н. П. Дашкевичъ, Н. А. Бунге, А. А. Коротневъ, П. П. Цитовичъ,—

по нахожденію въ отпуску, М. Ф. Владимірскій-Будановъ—по нахожденію въ командировкѣ; экстра-ординарные профессора: Я. Н. Барзиловскій, П. М. Покровскій, В. В. Подвысоцкій, Т. И. Лоначевскій-Петруняка — по нахожденію въ отпуску, А. Н. Казанцевъ, П. А. Лашкаревъ—по болѣзни, А. Д. Павловскій — по нахожденію въ командировкѣ.

Слушали протоколъ предшествовавшаго засѣданія Совѣта 30-го октября 1892 года и опредѣлили—протоколъ этотъ утвердить и по подписаніи, на основаніи 31 ст. Устава Университетовъ, издан. 1884 г., представить г. Попечителю Кіевского учебнаго округа.

Слушали представленія объ избраніи въ почетные члены Университета св. Владиміра Высокопреосвященнаго Іоаннія, митрополита Кіевского и Галицкаго и его Сіятельства г. Кіевского, Подольскаго, Волынскаго Генераль-Губернатора графа А. П. Игнатьева и Командующаго войсками Кіевского военного округа М. И. Драгомирова,—опредѣлили: признать избраніе вышеозначенныхъ лицъ почетными членами Университета св. Владиміра единогласнымъ и ходатайствовать объ утвержденіи ихъ предъ г. Министромъ Народ. Просвѣщенія.

Слушали представленіе профессоровъ: Беца, Борнгаупта, Броунова, Морозова и другихъ объ учрежденіи, согласно представленному проекту устава физико-медицинскаго общества при Императорскомъ Университетѣ св. Владиміра,—опредѣлили: представить на утвержденіе, согласно проекту чрезъ г. Попечителя округа г. Министру Народнаго Просвѣщенія.

Слушали ходатайство профессора Ринкеа объ ассигнованіи суммъ на пристройку къ хирургической клиникѣ, въ виду недостаточности свѣта въ операціонной залѣ этой клиники,—опредѣлили: предложить медицинскому факультету обсудить вопросъ о перемѣщеніи клиники терапевтической и хирургической—одну вмѣсто другой.

По выслушаніи представленія физико-математическаго факультета съ проектомъ правилъ для практикантовъ въ лабораторіи физическаго института Университета св. Владиміра, составленныхъ профессорами Шиллеромъ и Де-Метцомъ,—опредѣлили: проектъ этотъ одобрить и представить г. Попечителю округа на утвержденіе.

По выслушаніи представленій историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ о вознагражденіи нижепоименованныхъ приватъ-доцентовъ за чтеніе ими лекцій въ осеннемъ полугодіи 1892 г.

въ размѣрѣ по 100 руб. за часъ въ полугодіе именно: *Голубовскому, Павлуцкому и Клячину* за 2 часа—по 200 руб. каждому, *Совинскому и Курчинскому* за 6-ть часовъ по 600 руб. каждому,—опредѣлили: представить чрезъ г. Попечителя округа г. Министру Народнаго Просвѣщенія съ просьбой объ удовлетвореніи означеннаго ходатайства.

Слушали представленія факультетовъ съ росписаніемъ лекцій на весеннее полугодіе 1893 года и опредѣлили: представить чрезъ г. Попечителя округа въ Министерство Народнаго Просвѣщенія.

По выслушаніи ходатайства профессора Субботина о сложеніи съ него званія члена Совѣта Коллегіи Павла Галагана, — опредѣлили: съ профессора Субботина вышеозначенное званіе члена сложить, а профессору Сикорскому предложить это званіе.

Слушали представленіе библіотечной коммисіи о выпискѣ періодическихъ изданій для библіотеки въ 1893 году и опредѣлили: утвердить.

Слушали сообщеніе Кіевскаго губернскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ о соизволеніи Государыни Императрицы на назначеніе экстраординарнаго профессора Университета св. Владиміра Чернова директоромъ Кіевскаго Маріинскаго дѣтскаго пріюта съ 26 мая сего года и опредѣлили—принять къ свѣдѣнію.

Слушали представленіе историко-филологическаго факультета объ утвержденіи приватъ-доцента Г. Г. Павлуцкаго въ степени магистра теоріи и исторіи искусствъ и опредѣлили: утвердить.

Слушали представленіе медицинскаго факультета объ утвержденіи прозектора при кафедрѣ судебной медицины, докторанта А. С. Игнатовскаго въ степени доктора медицины и опредѣлили: утвердить.

Совѣтъ Университета св. Владиміра, въ засѣданіи 18 декабря 1892 года, одобривъ избранную ординарнымъ профессоромъ по кафедрѣ римскаго права Л. Н. Казанцевымъ тему рѣчи „Значеніе науки римскаго гражданскаго права“ для прочтенія таковой на торжественномъ собраніи Университета св. Владиміра, опредѣлили: назначить день для торжественнаго акта 16 число января 1893 г.

Слушали представленіе юридическаго факультета о присужденіи преміи Пирогова и награды золотою медалью студенту 7 семестра юридическаго факультета Ольшевскому за написанное и представленное въ факультетъ сочиненіе на тему: „Святѣйшій Правительствующій

щій Синодъ при Петрѣ Великомъ, его организація и дѣятельность“ и опредѣлили: утвердить.

Слушали предложенія г. Попечителя Кіевскаго учебнаго округа:

а) отъ 4 ноября за № 9719, объ опредѣленіи съ 1-го ноября сего года хранителя зоологическаго кабинета Университета св. Владимира Н. С. Лукьянова учителемъ естественной исторіи и физики въ Полтавскую женскую гимназію.

б) Отъ 13 ноября за № 10049, о томъ, что г. Министръ Народнаго Просвѣщенія назначилъ привать-доцента Университета св. Владимира доктора медицины Родзаевского экстраординарнымъ профессоромъ Казанскаго Университета по кафедрѣ фармаціи и фармакогнозіи съ 1-го ноября сего года.

в) Отъ 24 ноября за № 10348, объ оставленіи сверхштатнаго ординатора глазной клиники, лекаря Александра Шимановскаго въ занимаемой должности еще на одинъ годъ—по 23 октября 1893 г.

г) Отъ 25 ноября за № 10409, о разрѣшеніи допустить старшаго врача Кирилловскихъ богоугодныхъ заведеній, доктора медицины Михаила Поветику въ чтенію лекцій въ Университетѣ св. Владимира, въ качествѣ привать-доцента, по клиникѣ внутреннихъ болѣзней.

д) Отъ 24 ноября за № 10351, объ оставленіи сверхштатнаго ординатора при пропедевтической клиникѣ, лекаря Ивана Шрамкова въ занимаемой должности еще на два года—по 23 октября 1894 г.

е) Отъ 24 ноября за № 10352, объ оставленіи сверхштатнаго ординатора при кафедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, лекаря Николая Горбунова въ занимаемой должности съ содержаніемъ еще на два года—по 10 декабря 1894 г.

ж) Отъ 24 ноября за № 10350, объ оставленіи сверхштатнаго ординатора при кафедрѣ нервныхъ и душевныхъ болѣзней, лекаря Александра Тышевича въ занимаемой должности, безъ содержанія, еще на два года—по 10 декабря 1894 года.

з) Отъ 24 ноября за № 10349, объ оставленіи сверхштатнаго ординатора при кафедрѣ дѣтскихъ болѣзней, лекаря Федора Григоровича-Барскаго въ занимаемой должности еще на одинъ годъ—по 10-е декабря 1893 года.

и) Отъ 25 ноября за № 10411, о разрѣшеніи допустить доктора медицины Ивана Георгіевскаго въ чтенію лекцій въ Университетѣ

св. Владиміра въ качествѣ приватъ-доцента по предмету частной патологіи и терапіи.

в) Отъ 25 ноября за № 10407, о разрѣшеніи допустить доктора медицины Кирилла Сапѣжко къ чтенію лекцій въ Университетѣ св. Владиміра въ качествѣ приватъ-доцента по предмету хирургической діагностики.

Опредѣлили: принять къ свѣдѣнію.

РЕЦЕНЗИИ СОЧИНЕНИЙ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХЪ ВЪ ФАКУЛЬ- ТЕТЫ ДЛЯ ПРИОБРѢТЕНІЯ ВЫСШЕЙ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ.

Рецензии соч. докторанта М. Г. Черняховскаго „Кишечные свищи и ихъ леченіе. Значеніе резекціи кишки, какъ метода оперативнаго леченія кишечныхъ свищей“.

1.

Вопросъ о леченіи каловыхъ свищей представляетъ выдающійся клиническій интересъ и до послѣдняго времени оставался мало разработаннымъ. Диссертация М. Черняховскаго значительно подвинула дѣло. Благодаря тщательно собранной статистикѣ опубликованныхъ случаевъ леченія каловаго свища помощью жома Дюпюитрена (энтеротомія съ послѣдовательной пластикой) и резекціи кишекъ при этой болѣзни (энтерорафія линейная и круговая) и весьма цѣнному клиническому матеріалу, который публикуетъ авторъ, ему удалось выяснитъ невыгоды перваго — и достоинства втораго метода. Строеніе и классификація каловыхъ свищей изложены въ работѣ г. Черняховскаго весьма обстоятельно. Описаніе отдѣльныхъ моментовъ операцій содержитъ цѣнные практическія указанія и обнаруживаетъ знакомство автора съ предметомъ. Выводы по постановкѣ показаній отличаются крайней сдержанностью, которая вообще проглядываетъ во всемъ его трудѣ.

Работа докторанта Черняховскаго представляетъ добросовѣстный клиническій трудъ и вполне заслуживаетъ быть принятой въ качествѣ диссертации на степень доктора медицины.

Профессоръ А. Ринекъ.

2.

Въ этомъ обстоятельномъ трудѣ, написанномъ съ полнымъ знаніемъ предмета и искренней любовью къ нему, авторъ всесторонне разсматриваетъ вопросъ о леченіи брюшно-стѣночныхъ кишечныхъ свищей помощью различныхъ способовъ энтерорафіи и сравниваетъ этотъ современный методъ оперативнаго леченія кишечныхъ свищей съ прежде употреблявшимися.

Послѣ краткаго вступленія, авторъ прежде всего останавливается на терминологіи интересующей его болѣзни. Возставая противъ общепринятаго различія между противоестественнымъ заднимъ проходомъ и каловымъ свищемъ, онъ предлагаетъ замѣнить оба эти термина общимъ терминомъ: каловый или кишечный свищъ. Эту часть работы я считаю неудачной и полагаю, что и послѣ статьи д-ранта Черняховскаго большинство хирурговъ не перестанутъ дѣлать различіе между ненормальнымъ заднимъ проходомъ и каловымъ свищемъ и не станутъ смѣшивать кишечный свищъ съ каловымъ.

Во второй части прекрасно изложена этиологія кишечнаго свища, а въ третьей весьма подробно-анатомическая его патологія; при чемъ, однако, авторъ, по моему, неудачно замѣнилъ общеупотребительные термины: наружное, внутреннее отверстіе и свищевой ходъ или каналъ, терминами: начальное, конечное отверстія и промежуточный каналъ. Впрочемъ, авторъ не вполне послѣдовательно проводитъ свое нововведеніе; употребляя нерѣдко отвергнутый имъ терминъ: наружное отверстіе свища; на стр. 36 мы встрѣчаемъ даже въ одной и той же фразѣ рядомъ оба термина—начальное и наружное отверстіе.

Въ четвертой главѣ изложена клиническая картина кишечныхъ свищей, а главнымъ образомъ условія произвольнаго заживленія ихъ.

Въ пятой и главной части авторъ разсматриваетъ старѣйшіе и новѣйшіе способы леченія этого недуга и силится доказать противъ Goetz'a и Körte превосходство энтерорафіи надъ Dupuytren'овской энтеротоміей.—Увлеченный превосходными результатами, которые дала энтерорафія въ клиникѣ проф. Ринкеа, авторъ очевидно черезчуръ возноситъ эту операцію, на которую при хладнокровной оцѣнкѣ ея все-же никогда нельзя смотрѣть иначе, какъ на *ultimum refugium*. Послѣ критической оцѣнки энтеротоміи, при которой авторъ, по нашему, слишкомъ мало придаетъ значенія Брунсовскому электролити-

ческому энтеротому, онъ приводитъ самую полную, изъ пока опубликованныхъ, статистику энтерорафiи, предпринятой для исцѣленiя кишечныхъ свищей; а именно 41 сл. боковой энтерорафiи, въ томъ числѣ 4 новыя сл. изъ клиники проф. Ринка, и 134 сл. круговой энтерорафiи, въ томъ числѣ 8 случ. изъ клиники проф. Ринка.

Ссылаясь на приведенный статистическiй материалъ д-рантъ Черняховскiй доказываетъ, что смертность послѣ круговой энтерорафiи при кишечныхъ свищахъ понизилась за послѣднее время соотвѣтственно усовершенствованiю техники. Затѣмъ слѣдуетъ довольно объемистый отдѣлъ, въ которомъ авторъ весьма наглядно и обстоятельно описываетъ производство круговой энтерорафiи, какъ она практикуется въ клиникѣ проф. Ринка. Окончательный свой выводъ авторъ формулируетъ слѣдующимъ образомъ: между $\%$ смертности, выведеннымъ для энтеротомiи ($3,5\%$ — $7,3\%$) и $\%$ смертности, вычисленнымъ имъ для круговой энтерорафiи ($12,5\%$), а не круговой резекци, какъ неправильно говоритъ авторъ, не существуетъ „никакой поразительной разницы“. Нельзя сказать, чтобы фраза эта была сформулирована удачно, такъ какъ слово „поразительной“ имѣетъ здѣсь слишкомъ неопредѣленное значенiе; но и по существу дѣла, высказанное здѣсь авторомъ положенiе не выдерживаетъ критики. Если послѣ резекци кишки умерло приблизительно вдвое больше, чѣмъ послѣ энтеротомiи, то статистика все же говоритъ въ пользу энтеротомiи, какъ менѣе опасной операцiи, а не наоборотъ. Да вообще голымъ сопоставленiемъ обѣихъ этихъ операцiй никакъ нельзя рѣшить трудный вопросъ о наименѣе рискованномъ способѣ леченiя кишечныхъ свищей, такъ какъ обѣ упомянутыя операцiи примѣняются далеко не при одинаковыхъ условiяхъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ 12 случ. изъ клиники проф. Ринка, авторъ приводитъ еще 4 сл. брюшно-стѣночныхъ кишечныхъ свищей изъ той-же клиники, въ которыхъ не былъ наложенъ кишечный шовъ. Нельзя сказать, чтобы всѣ собственные случаи автора сообщены были съ той полнотой и обстоятельностью, которая мы привыкли встрѣчать въ клиническихъ сообщенiяхъ; такъ въ 6 сл. клиническая картина нарисована такъ неясно, что для читателя остается непонятнымъ, откуда взялось какое-то нагноенiе клѣтчатки передне-внутренней области бедра и промежности, противъ котораго не предпринимались радикальныя мѣры и которое сдѣлалось причиной смерти.

Вскрытіе не было произведено, такъ что и послѣ смерти причина послѣдней остается неизвѣстной. Въ сл. 16-мъ мы читаемъ о случайномъ вскрытіи полости мочевого пузыря, потребовавшемъ наложенія двойного ряда швовъ; дальнѣйшая судьба этого раненія намъ остается неизвѣстной.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, что работа д-ранта Черняховскаго, не взирая на указанные маловажные недостатки ея, въ общемъ вполнѣ достойна быть допущенной къ публичной защитѣ.

Ординарный профессоръ **Ө. К. Борнгауптъ.**

3.

Представленная для полученія степени д-ра медицины бывшимъ ординаторомъ хирургической факультетской клиники нашего университета лекаремъ М. Г. Черняховскимъ диссертация, подъ заглавіемъ: *„Кишечные свищи и ихъ леченіе. Значеніе резекціи кишки, какъ метода оперативнаго леченія кишечныхъ свищей“*, начинается краткимъ изложеніемъ исторіи развитія кишечной хирургіи, въ которомъ авторъ даетъ сжатый очеркъ постепеннаго расширенія области примѣненія кишечнаго шва, и говоритъ, что побужденіемъ къ настоящей работѣ его послужило желаніе способствовать богатымъ матеріаломъ хирургической клиники проф. А. Х. Ринкеа выясненію вопроса о показаніяхъ къ резекціи кишки при каловыхъ свищахъ, — вопроса, какъ извѣстно, до настоящаго времени еще спорнаго.

Самое изложеніе предмета диссертации состоитъ изъ 5 главъ. Въ 1-ой авторъ останавливается на опредѣленіи понятія „*anus praeternaturalis*“ и „*fistula stercoralis*“. Разобравъ различныя мнѣнія, приводимыя въ основаніе разграниченія этихъ понятій, авторъ приходитъ къ заключенію, что такое дѣленіе не можетъ быть проведено вполнѣ строго, и что, поѣтому, нѣтъ никакой надобности, подобно нѣкоторымъ даже изъ новѣйшихъ авторовъ, отдѣльно излагать анатомію, теченіе и леченіе этихъ двухъ формъ или степеней въ сущности одной и той же болѣзни. Указавъ затѣмъ на неполноту опредѣленія, даннаго König'омъ, авторъ считаетъ наиболѣе совершеннымъ опредѣленіе Nelaton'a, внося, однако, въ него нѣкоторыя свои поправки, съ цѣлью обобщить это опредѣленіе настолько, чтобы подъ него подходили всѣ

формы кишечныхъ свищей. — Во 2-ой главѣ излагаются этиологія и способы развитія кишечныхъ свищей, причемъ авторъ подраздѣляетъ ихъ на врожденные и приобретенные, а между послѣдними различаетъ патологическіе и травматическіе. — Глава 3-я отведена изложенію патологической анатоміи кишечныхъ свищей. Давъ сперва общую схему строенія кишечнаго свища, авторъ подробно разсматриваетъ каждую изъ анатомическихъ составныхъ его частей, т. е. конечное отверстіе, промежуточный каналъ начальное отверстіе и концы перфорированной кишечной петли въ отношеніи ихъ локализациі, числа, формы, строенія и проч. При этомъ всего болѣе обращаетъ авторъ вниманія на описаніе анатомическихъ особенностей концовъ перфорированной кишечной петли, и здѣсь, придерживаясь уже раньше высказаннаго имъ взгляда, что между *anus praeternaturalis* и *fistula stercoralis* нѣтъ принципиальной разницы, авторъ показываетъ, какъ устанавливаются съ одной стороны переходы между простой боковой и полной двуустной кишечной фистулой, а съ другой — какъ колеблются, въ зависимости отъ этихъ переходовъ, величина и размѣры шпоры. Разбирая затѣмъ послѣдовательно анатомическія особенности концовъ перфорированной кишечной петли: ихъ взаимное расположеніе, разницу въ діаметрѣ, атрофію и заустѣніе отводящаго конца, оттягиваніе устья послѣдняго отъ уровня, на которомъ открывается приводящій конецъ, — указывая на осложненія со стороны брыжейки, на перетяжки концовъ фистулѣзной кишки новообразованными перемычками, на выпаденія и вывороты концовъ кишки, и подкрѣпляя все это извѣстными въ литературѣ и помѣщенными въ собранной имъ статистикѣ примѣрами, — авторъ даетъ картину болѣзни, убѣдительно доказывающую, что центр тяжести данной болѣзни лежитъ далеко не въ одномъ присутствіи шпоры, какъ то обыкновенно излагается во многихъ общеизвѣстныхъ курсахъ хирургіи. Глава эта заканчивается краткой характеристикой анатомическихъ особенностей каждой изъ этиологическихъ группъ кишечныхъ свищей, чѣмъ еще разъ доказывается стремленіе автора дать въ своемъ патолого-анатомическомъ очеркѣ дѣйствительно по-возможности полную картину болѣзни, а не ограничиться описаніемъ лишь той разновидности каловыхъ свищей, которая остается послѣ гангренозныхъ грыжъ. Въ концѣ упоминается еще о рѣдкихъ формахъ кишечныхъ свищей, какъ-то: о кишечно-слизистыхъ и кишечно-полостныхъ. — Въ 4-ой главѣ авторъ даетъ краткое описаніе теченія болѣзни

и влиянія ея на общее состояніе организма, обращая при этомъ особенное вниманіе на то, что часто ожидаютъ слишкомъ многого отъ цѣлительныхъ силъ природы, между тѣмъ какъ обширныя статистическія сопоставленія послѣдняго времени показываютъ, что произвольное заживленіе наступаетъ не больше, какъ въ $\frac{1}{5}$ всѣхъ случаевъ кишечныхъ свищей.—Наконецъ 5-я, и послѣдняя, глава, самая обширная изъ всѣхъ, содержитъ изложеніе способовъ леченія болѣзни, и естественно распадается на 2 части: въ 1-ой сжато излагается способъ Dupuytren'a и другіе старые способы; во 2-ой—новый методъ—резекція кишки. Старые способы авторъ подводитъ подъ 2 группы: 1) способы, направленные къ восстановленію проходимости кишечнаго канала и 2) способы, имѣющіе въ виду закрытіе ненормальнаго отверстія. Результаты примѣненія этихъ старыхъ способовъ авторъ даетъ въ видѣ таблицы, составленной изъ статистическихъ сопоставленій Dupuytren'a, Heimann'a, Körte и Goetz'a, изъ которой оказывается, что смертность при примѣненіи этихъ способовъ 3,5 — 7,3%, а неудачи, въ смыслѣ образованія послѣдовательной фистулы, составляютъ отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ всѣхъ оперированныхъ случаевъ. Авторъ, однако, считаетъ невѣроятнымъ столь низкій % смертности и, вводя нѣкоторыя поправки въ наиболѣе обширную изъ указанныхъ статистику Goetz'a, а вмѣстѣ съ тѣмъ ссылаясь на авторитеты Nelaton'a, Dieffenbach'a, Пирогова и др., указываетъ рядъ опасностей, которыя грозятъ больному при примѣненіи энтеротома, какъ-то: прободной и общій непроходной перитонитъ, нагноеніе въ кишкѣ при раздавливаніи шпоры, піемическія явленія, коллапсъ и токѣ. Въ силу такихъ соображеній, авторъ окончательно высказывается, что выведенный Goetz'омъ % смертности для энтеротоміи (3,5%) ниже дѣйствительнаго, и что его слѣдуетъ по крайней мѣрѣ повысить до цифры, принятой Dupuytren'омъ, т. е. до 7,3%.—Помимо прямой опасности для жизни, энтеротомъ заслуживаетъ, по мнѣнію автора, много упрековъ и въ другихъ отношеніяхъ, а именно въ виду длительности леченія (отъ 3 мѣсяцевъ до 1 года), невѣрности, возможности послѣдовательныхъ стенозовъ кишки и даже наступленія полной неизлечимости болѣзни вслѣдствіе сморщиванія отводящаго конца въ теченіе длительнаго леченія болѣзни, потери эластичности кишки и плотнаго припаиванія ея къ брюшной стѣнкѣ. Въ развитіи этихъ явленій авторъ и склоненъ искать объясненія тому поразительному факту, указываемому статистикой, что отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$

всѣхъ оперированныхъ при помощи энтеротома случаевъ — остаются неизлеченными. Упомянувъ затѣмъ о болѣзненности леченія энтеротомомъ и о томъ, что даже при окончательномъ и вполне успѣшномъ излеченіи кишка часто остается припаянной къ брюшной стѣнкѣ, авторъ указываетъ наконецъ, что встрѣчается на практикѣ рядъ случаевъ, гдѣ энтеротомъ непримѣнимъ просто въ силу анатомическихъ особенностей болѣзни, въ другихъ-же случаяхъ отъ него нельзя получить успѣха потому, что причина, препятствующая нормальному движению кала, заключается не въ присутствіи шпоры, а въ какомъ-либо изъ указанныхъ выше въ патолого-анатомическомъ очеркѣ измѣненій отводящаго конца фистулѣзной кишки, преграждающемъ свободное движение кишечнаго содержимаго. Естественный выводъ изъ всего этого тотъ, что новый методъ леченія кишечныхъ свищей, состоящій въ освобожденіи кишки послѣ вскрытія брюшной полости и въ прямомъ положеніи шва на края кишечнаго дефекта, былъ встрѣченъ съ полнымъ вниманіемъ всѣми хирургами. Изложивъ затѣмъ вкратцѣ исторію кишечной резекціи при каловыхъ свищахъ, авторъ переходитъ къ изложенію собраннаго имъ статистическаго матеріала, при чемъ останавливается прежде всего на случаяхъ изъ клиники проф. А. Х. Ринека, часть которыхъ (4 случая) оперирована имъ самимъ. Собранные случаи авторъ распредѣляетъ на 2 группы: въ одну онъ относитъ случаи боковой энтероррафіи, и таковыхъ собрано у него, со включеніемъ случаевъ изъ клиники проф. А. Х. Ринека, 41 случай, въ другую — случаи резекціи круговой, каковыхъ авторъ приводитъ 134, т. е. почти вдвое больше, чѣмъ ихъ содержится въ наибольшей изъ иностранныхъ статистикъ Goetz'a, и въ 1½ раза болѣе, чѣмъ собрано въ послѣдней работѣ, касающейся этого предмета и принадлежащей д-ру Бугцу. Статистическіе выводы автора весьма интересны и поучительны: ни одинъ изъ случаевъ боковой резекціи кишки не окончился летально и ни одинъ изъ оперированныхъ больныхъ не отпущенъ неизлеченнымъ. Понятно, что въ виду этого авторъ не можетъ не отдать полнаго предпочтенія методу боковой энтероррафіи передъ старыми способами леченія кишечныхъ свищей. Круговая энтероррафія, по статистикѣ автора, даетъ однако 26,86% смертности (вмѣсто 33 – 40%, выведенныхъ изъ прежнихъ статистикъ) и 3,73% послѣдовательныхъ фистулъ. Но, получивъ такой сравнительно-высокій % смертности, авторъ основательно замѣчаетъ, что его нельзя признать

за выражение тѣхъ результатовъ, на какіе мы въ правѣ разсчитывать въ настоящее время, такъ какъ $\%$ этотъ вычисленъ изъ отношенія всей суммы удачныхъ случаевъ къ суммѣ неудачныхъ, наблюдавшихся за все время существованія данной операціи. Разбивъ затѣмъ собранный имъ матеріалъ по 5-лѣтіямъ, авторъ получаетъ въ 1-омъ 5-лѣтіи (1878—1882) $\%$ смертности равнымъ 40,81 $\%$, во 2-мъ (1883—1887) — 18,36 $\%$ и въ 3-емъ (1888—1892) всего 12,5 $\%$. Но и эту послѣднюю цифру авторъ склоненъ считать выше дѣйствительной, такъ какъ при ближайшемъ разсмотрѣніи случаевъ, составляющихъ послѣднюю группу, оказывается, что сюда случайно вошли очень тяжелые случаи, благодаря которымъ $\%$ смертности и достигъ указанныхъ предѣловъ, между тѣмъ какъ у отдѣльныхъ авторовъ смертность получилась гораздо меньшая, а у нѣкоторыхъ даже и вовсе не было смертельныхъ исходовъ. Обращая затѣмъ вниманіе на то важное обстоятельство, что эти результаты достигнуты въ большинствѣ случаевъ на самыхъ тяжелыхъ въ клиническомъ смыслѣ формахъ болѣзни, когда прежніе способы леченія оказались уже не достигающими цѣли, авторъ склоненъ думать, что имѣется полное основаніе ожидать въ этомъ отношеніи дальнѣйшихъ успѣховъ. — Анализируя затѣмъ причины летальныхъ исходовъ, авторъ констатируетъ, что опасность при разбираемой операціи грозитъ со стороны перитонита (прободнаго и непрободнаго), непроходимости кишечника вслѣдствіе сильнаго подворачиванія сшиваемыхъ краевъ, коллапса и шока, при чемъ между прочимъ оказывается, что прободной перитонитъ за послѣднее 5-лѣтіе не обозначенъ ни разу. — Изложеніе авторомъ отдѣльныхъ моментовъ операціи, въ связи съ указаніемъ опасностей, выступающихъ при каждомъ изъ нихъ, содержитъ въ себѣ цѣнные замѣчанія относительно нѣкоторыхъ деталей операціи, какъ послѣднія практикуются въ клиникѣ проф. А. Х. Ринка. Изъ кишечныхъ швовъ авторъ отдаетъ предпочтеніе шву Czerny, зажатіе просвѣтовъ сшиваемыхъ частей рекомендуетъ производить пальцами, высказывается за полное погруженіе шитой кишки въ брюшную полость и отвергаетъ внѣшнюю защиту кишечнаго шва по способу Senn'a и др.

Заключительный выводъ автора тотъ, что резекція кишки, какъ методъ оперативнаго леченія кишечныхъ свищей, должна вытѣснить энтеротомію, такъ какъ уже и теперь разница въ $\%$ смертности, получаемомъ при той и другой операціи, не велика, — а главной причи-

ной летальныхъ исходовъ при резекціи кишки за послѣднее 5-лѣтіе обозначенъ непрободной перитонитъ, который можетъ присоединиться и ко всякой другой операціи въ брюшной полости; удовлетвориться-же методомъ леченія, который, подобно эктеротоміи, даетъ въ 50% неудачу,—едвали возможно.

Въ общемъ диссертация, по массѣ собраннаго матеріала и умѣлой группировкѣ фактовъ, представляетъ солидный трудъ, написана хорошимъ языкомъ, содержитъ много цѣнныхъ указаній по кишечной хирургіи, и, кромѣ нѣсколькихъ неизбѣжныхъ редакціонныхъ погрѣшностей и мѣстами нѣкоторой неполноты изложенія, вполне удовлетворяетъ той цѣли, для которой она написана.

Проф. П. Морозовъ.

Глава Третья. Объектъ карательнаго права.

Непосредственнымъ объектомъ карательной дѣятельности государства является лицо, совершившее преступное дѣяніе. Преступникъ подлежитъ наказанію, отъ котораго его не можетъ защитить „жаденъ привилей, ани зацность, ани достоинство“¹⁾, ни иностранное подданство его, разъ онъ признанъ виновнымъ въ преступленіи: „все обыватели великого князства литовскаго.., почонъшы отъ вышъшого стану ажъ до нижшого... , такъ же чужоземцы заграничники великого князства литовъскаго, приеждъчы и якимъ колвекъ обычаемъ прибылые люди... мають быть сужоны на тыхъ врьдѣхъ, гдѣ хто выступить“ и „винные мають быти карани“²⁾. Единственное исключеніе допускается относительно короля.

Король подчиненъ законамъ, которые должны быть для него такъ же святы, какъ и для другихъ подданныхъ Великаго Княжества Литовскаго; во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ долженъ поступать согласно съ существующими законами³⁾. Но гдѣ та власть, которая могла бы судить и наказать короля въ случаѣ преступнаго съ его стороны нарушенія права?—Такой власти не существуетъ, потому что самъ король является представителемъ государства⁴⁾. Сеймъ,

¹⁾ См. Трет. Ст. I, 4 и мн. др.

²⁾ Вт. Ст. I, 1; Трет. Ст. I, 1; Перв. Ст. I, 1; Вт. Ст. I, 2; Трет. Ст. I, 2 и др.

³⁾ Трет. Ст. стр. IV, V—VII, X—XII.

⁴⁾ См. предыдущую главу. Напротивъ, въ древне-германскомъ правѣ король во всѣхъ отношеніяхъ находился подъ дѣйствіемъ закона: „Es war... festgesetzt, dass, wer einen seiner Kriegsgenossen durch Wunden oder Schläge verletzen würde, als ein Ehrloser (mit Nidingsnamen) aus der Kriegsgenossenschaft ausgestossen und als Friedloser aus allen Ländern, welche Knut beherrschte, verbannt sein sollte. Nun geschah es aber, dass

шляхта, недовольный народъ могутъ возстать¹⁾ и устранить нежела- тельнаго для нихъ государя, замѣстивъ вакантный тронъ какимъ-ни- будь другимъ вновь избраннымъ лицомъ; но судить короля и наказы- вать его они не имѣютъ права, такъ какъ не имъ, но королю, какъ представителю государства, и только ему одному, принадлежить верхо- венство въ области уголовного права.

Литовскій Статутъ нигдѣ ни однимъ словомъ не упоминаетъ о безнаказанности преступлений, если совершителемъ ихъ является ко- роль. Напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ довольно рѣшительно зая- вляется, что „мы Господарь однимъ тымъ правомъ судитисе маемъ“²⁾. Но заявленія эти всегда имѣютъ въ виду отношенія частнаго, гра- жданскаго права³⁾. Напротивъ, высказанное нами общее положеніе подтверждается отчасти въ другихъ законодательныхъ памятникахъ эпохи, отчасти фактами изъ дѣйствительной жизни.

Весьма важное опредѣленіе находится въ Бѣльскомъ привилей 1564 года: „не только ихъ милость панове воеводове и иные владники, але тежъ, посполъ князи, панове, маршалки, панята, и якимъ кольвекъ обычаемъ названные владники наши и вся шляхта никого не выйму- ючы, *почавши отъ старшаго по насъ Господаря* ажъ до наизменшаго, такъ духовный яко и свѣцкій Великаго Князства Литовскаго, на томъ сеймѣ великомъ вальномъ Бѣльскомъ въ одно ровное право въ одна- кій а не инакшій судъ, моцъ и поступки судовые и послушенства... сами и потомками своими поддали и поддають“⁴⁾. Если дѣйствию

Knut selbst einen seiner Krieger erschlug; der König war seinem eigenen Gesetz verfal- len, denn dass er über demselben stehe, war der germanischen Vorstellung fremd, und die hier übereinstimmenden, sonst in manchen Punkten abweichenden Erzählungen zeigen- dass ihm selbst, wie dem Thingmannalith, jeder Gedanke daran fern lag.“ См. *Willda*, указ. соч., стр. 402 -- 403.

¹⁾ Ср. Трет. Ст. III, 3: „противко таковому вси повстанемъ на его скаженъ“; *ib.*, стр. XI: „кто бы кольвекъ с тыхъ трохъ речей (честь, жизнь, имущество) в чомъ насъ уквивдяти и подлугъ уподобанья своего, а не водле правъ нашихъ надъ нами па- ствити се мель, тотъ бы вжо не паномъ нашимъ, але сказителемъ правъ и волюстей на- шихъ былъ“...

²⁾ Вг. Ст. I, 16. Весьма рѣшительно выражается манифестъ объ утвержденіи третьяго Статута: „тотъ статутъ... стверждаемъ..., водле которого вже яко смы сами го- сподаръ, такъ и вси иные станы... заховатисе маемъ“ (Трет. Ст., стр. IV).

³⁾ Напр. Вг. Ст. I, 16; IV, 2; Трет. Ст. I, 19, 20; III, 33 и др.

⁴⁾ Вг. Ст. стр. 7.

общей судебной власти подлежатъ всѣ, „почавшы отъ старшаго по насъ Господаря“, то, очевидно, самъ государь отсюда исключается. Фактическое подтвержденіе этого мы имѣемъ въ царствованіе Сигизмунда III, который, заботясь болѣе о шведскихъ, чѣмъ о польско-литовскихъ интересахъ, дозволилъ себѣ явное нарушеніе законовъ страны, можно даже сказать, совершилъ положительную измѣну, заключивъ съ Австріей тайные договоры объ уступкѣ Габсбургамъ (за ихъ помощь въ его собственныхъ шведскихъ дѣлахъ) части государства, призавшаго его на тронъ. Происки Сигизмунда были замѣчены Замоискимъ, готовившаяся измѣна была обнаружена; но все это имѣло только одно послѣдствіе для короля: онъ, къ великому своему униженію, вынужденъ былъ отречься отъ заключенныхъ съ Австріей договоров¹⁾.

Итакъ, за исключеніемъ короля, какъ верховнаго представителя государства, непосредственнымъ объектомъ карательнаго права является лицо, совершившее преступное дѣйствіе. Это общее и основное положеніе въ своемъ историческомъ развитіи подвергается многимъ видоизмѣненіямъ: расширеніемъ этого положенія является привлеченіе къ отвѣтственности животныхъ и лицъ, ни въ чемъ неповинныхъ; суженіе этого положенія обусловливается обращеніемъ вниманія на субъективный моментъ преступленія²⁾.

І. ОТВѢТСТВЕННОСТЬ ЖИВОТНЫХЪ.

Въ древнѣйшую эпоху права отвѣтственности за преступленія подлежали въ опредѣленныхъ случаяхъ рабы и животныя. Отвѣтственность первыхъ такъ же, какъ и отвѣтственность вторыхъ, слѣдуетъ разсматривать, какъ расширеніе общаго положенія, по которому объектомъ карательнаго права можетъ быть только лицо: рабы такъ же, какъ и животныя, не считались лицами; рабъ былъ вещь своего господина³⁾. Въ эпоху Литовскаго Статута институтъ рабства хотя

¹⁾ См. *Бобржинскій*, указ. соч. т. II, стр. 148.

²⁾ См. выше стр. 19 и сл. Вѣдъ о значеніи субъективнаго момента преступленія намъ придется кромѣ того коснуться ниже (гл. V).

³⁾ Такое положеніе занимали рабы въ римскомъ правѣ; также относилось къ нимъ и германское право. См. *Барона*, Система рим. граж. права, вып. I, стр. 81; *Loiseau*, Les crimes et les peines, стр. 83 и слѣд.; *Schröder*, Lehrbuch, стр. 37. По Рус. Правдѣ холопъ не несетъ лично отвѣтственности за преступленія—*Владимірскаго-Буданова*, Общоръ, стр. 261.

еще и сохранился, но уже потерялъ свой первоначальный характер: рабъ достигаетъ нѣкоторой степени правоспособности и дѣеспособности; права его весьма ограничены, но тѣмъ не менѣе признаются и охраняются закономъ, именно—его жизнь и тѣлесная неприкосновенность находятъ защиту въ уголовномъ законѣ; гражданскій законъ болѣе или менѣе призываетъ и охраняетъ его имущественныя права¹⁾. Такимъ образомъ мы не можемъ считать извѣстную Л. Статуту отвѣтственность раба („невольника“) за преступленія расширеніемъ высказаннаго выше положенія.

Другое дѣло отвѣтственность животныхъ.

Отвѣтственность животныхъ слѣдуетъ считать явленіемъ общимъ всѣмъ народамъ въ эпоху господства объективнаго взгляда на преступленіе²⁾. Въ западной Европѣ эта отвѣтственность удержалась гораздо дольше, чѣмъ у Славянъ, у которыхъ „довольно рано (сравнительно) преступленіе оцѣнивается по количеству злой воли дѣятеля“. Хотя и въ исторіи славянскихъ народовъ можно указать немногіе случаи подобной отвѣтственности³⁾, но какъ самое рѣдкое исключеніе. Въ этомъ отношеніи уголовное право Славянъ представляетъ несомнѣнную особенность сравнительно съ правомъ другихъ народовъ западной Европы, у которыхъ факты историческихъ переживаній этого рода дожили почти до нашего времени⁴⁾.

Значительный интересъ представляютъ своеобразныя постановленія литовско-русскаго права.

Въ Литовскомъ Статутѣ по общему правилу животное не признается самостоятельнымъ объектомъ карательнаго права. Въмѣсто животнаго отвѣчаетъ его хозяинъ, который побудилъ (науськалъ) своего „пса, быдля или коня“ „уѣсть, образить кого-нибудь или вчинить

¹⁾ См. *Леонтовича*, Крестьяне юго-зап. Россіи, Унив. Извѣст. 1863 г., № 10, стр. 12 и сл., 30 и сл.

²⁾ См. *Татищева*, Курсъ рус. угол. права, т. I, стр. 6—8.

³⁾ Напр., проф. *Сергеевскій* (стр. 89) приводитъ случай казни при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ обезьяны, забѣжавшей въ церковь и произведшей тамъ безпорядокъ. Ср. *Татищева*, Лекціи, вып. II, стр. 386. Но другихъ подобныхъ случаевъ мы не находимъ ни въ законахъ, ни въ практикѣ русскаго права съ самыхъ древнѣйшихъ временъ.

⁴⁾ „У англичанъ еще не такъ давно былъ такого рода случай: лѣтъ 20 или 30 тому назадъ боевой пѣтухъ ранилъ 1½ годового ребенка, который умеръ отъ раны; пѣтухъ за это былъ казненъ“ (*Сергеевича*, Лекціи, стр. 485).

ему шкodu" или который, зная неспокойный нравъ своего животнаго, „оного быдляти стеречи, а пса на привези держати и мети не хотель“ ¹⁾. Во всѣхъ этихъ случаяхъ владѣлецъ животнаго отвѣчаетъ не только въ гражданскомъ („маеть шкodu платити“), но и въ уголовномъ порядкѣ („повиненъ его будетъ навезати, якобы его самъ своею рукою ранилъ“) ²⁾. Тѣмъ не менѣе, въ противоположность общему характеру права славянскихъ народовъ, владѣлецъ животнаго можетъ отклонить отъ себя всякую отвѣтственность, выдавъ его потерпѣвшему (пахae datio римскаго права) ³⁾.

„За таковое быдло господарь будетъ повиненъ отказывати и шкodu заступати, або винного выдати“ ⁴⁾. „Еслижъ бы быдла такое чловека образило, тогда *тое быдла тому, кого образило, выдано быти маеть*. А такъ же тежъ хтобы мель коня васнивого, который бы билъ, тогда повиненъ звонокъ на немъ... мети для того, абы то видячы на него не наезджали. А хтобы безъ звонка на такомъ кони ездилъ, а онъ бы кого образилъ, тогда *тотъ конь за то образжоному выданъ быти маеть*“ ⁵⁾.

Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ животное признается „виннымъ“ и само подлежитъ отвѣтственности, если ее не принимаетъ на себя его хозяинъ („господарь винного пса, коня, быдляти“). Животное выдается потерпѣвшему не въ качествѣ гражданскаго вознагражденія послѣдняго за причиненныя ему шкоды, не какъ предметъ опредѣленной имущественной цѣнности, но именно какъ виновникъ преступнаго дѣянiя, относительно котораго потерпѣвшiй „воленъ будетъ што хочачи надъ нимъ, *яко виннымъ, вчинити*“ ⁶⁾.

¹⁾ Перв. Ст. XII, 15, 16; Вт. Ст. XIII, 13, 14; Трст. Ст. XIII, 13, 14; Ср. Перв. Ст. XII, 2; Вт. Ст. XIII, 2; Трет. Ст. XIII, 2.

²⁾ Хотя это постановлено лишь на случай, „колибы кого нес уел щиего пощванья“, однако, въ всякаго сомнѣнiя, подобная же отвѣтственность имѣла мѣсто и во всѣхъ прочихъ аналогичныхъ случаяхъ.

³⁾ См. Барона, ук. соч., вып. III, стр. 162. Весьма вѣроятно, что приводимыя постановленiя Статута образовались именно подъ влиянiемъ римскаго права.

⁴⁾ Перв. Ст. XII, 16 (послѣдней фразы мы не находимъ въ рукописи *Виленской*; напротивъ, въ рукописяхъ *Дзялынскаго*, *Фирлея* и *Слуцкой* она встрѣчается).

⁵⁾ Трет. Ст. XIII, 14.

⁶⁾ Какъ извѣстно, такую-же точно форму (выдача на произволъ потерпѣвшаго) могла имѣть отвѣтственность рабовъ въ древнѣйшую эпоху; такой-же отвѣтственности подлежать иногда владѣльческiе люди или вообще преступники и по литовско-русскому праву изу-

II. Отвѣтственность третьихъ лицъ.

Въ древнѣйшую эпоху преступленіе вызывало месть оскорбленнаго и его рода. Мести подвергался не только непосредственный виновникъ преступленія, но и всѣ остальные члены того общественнаго союза, къ которому онъ принадлежалъ: месть не знала предѣловъ, а лицо еще не было выдѣлено изъ охватывавшихъ его родовыхъ и территориальныхъ группъ, на которыя распадалось племя¹⁾. Съ теченіемъ времени, вмѣстѣ съ высвобожденіемъ лица изъ-подъ зависимости отъ семейныхъ, родовыхъ и общинныхъ союзовъ, оно пріобрѣтаетъ болѣе самостоятельное и независимое положеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ наказаніе пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе индивидуальный характеръ. Положеніе: „за преступленіе отвѣчаетъ только тотъ, кто виновенъ въ его совершеніи“—становится основнымъ правиломъ уголовного права²⁾.

Но кромѣ того огромное значеніе въ развитіи индивидуальности наказанія имѣло постепенное усиленіе слѣдственной власти и средствъ полицейскаго надзора. Въ прежнія времена, по справедливому замѣчанію проф. Сергѣевского, „слабость судебно-слѣдственной власти съ одной стороны, и слабость средствъ полицейскаго надзора съ другой, вызывали дѣйствительную, практическую необходимость возлагать кару на лицъ подозрительныхъ и опасныхъ, хотя-бы виновность ихъ и не была доказана“³⁾, а также, прибавимъ отъ себя, на тѣхъ лицъ, которыя, вопреки возложенной на нихъ обязанности, отказывали государству въ помощи при предупрежденіи преступленій или задержаніи и наказаніи преступниковъ.

Такимъ образомъ частью вслѣдствіе общихъ историческихъ условій развитія личности, частью же подъ вліяніемъ особенныхъ фактическихъ обстоятельствъ данной эпохи, основное положеніе объ индиви-

чаемой эпохи. См. *Барона*, указ. соч., вып. III, стр. 162; *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ, стр. 261; *Schröder*, Lehrbuch, стр. 175. Ср. Ак. Кіев. Центр. Арх. кн. 2038, листъ 140 на об.; Ак. Вил. Ком. т. XVII, № 727, стр. 280 и др.

¹⁾ См. *Владимірскаго-Буданова*, Обзоръ, стр. 315 и сл.; *Собьстіанскаго*, Круговая порука у Славянъ, стр. 60 и сл.

²⁾ Напр. Перв. Ст. I, 7; Вт. Ст. I, 14; Трет. Ст. I, 18; Устав. зем. грам. стр. 173.

³⁾ *Сергѣевскаго*, Наказаніе въ рус. правѣ XVII вѣка, стр. 34. Любопытныя соображенія и весьма поучительные факты можно найти *ibidem*, стр. 31—41; ср. *Филиппова*, О наказаніи по законодательству Петра В., 1891 г., стр. 200—216.

дуальности наказаній терпѣло значительныя ограниченія ¹⁾. Объектомъ карательнаго права являлось не только лицо, совершившее преступное дѣяніе, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ отвѣчали третьи, невинныя въ преступленіи, лица. Явленіе это, общее для уголовного права всѣхъ народовъ ²⁾, хорошо извѣстно и Литовскому Статуту, въ которомъ оно имѣетъ нѣкоторыя весьма оригинальныя черты. Отвѣтственность третьихъ лицъ является по Литовскому Статуту въ двухъ формахъ: а) отвѣтственность за (вмѣсто) виновныхъ; б) отвѣтственность рядомъ (вмѣстѣ) съ виновными.

А. Отвѣтственность вмѣсто виновныхъ.

1. Понятіе заступничества; добровольное заступничество.

При частноправномъ взглядѣ на преступленіе, какъ на кривду, какъ на обиду для потерпѣвшаго, и на наказаніе, какъ на средство для удовлетворенія этого послѣдняго, на личность преступника обращается мало вниманія: безразлично—кто бы ни удовлетворилъ потерпѣвшаго, кто бы ни успокоилъ его раздраженіе и кто бы ни загладилъ причиненную ему кривду; разъ обида заглажена—нѣтъ укривжонаго, нѣтъ мстителя и истца, нѣтъ, слѣдовательно, ни отвѣтника, ни отвѣтственности. На этомъ основаніи возможно заступничество одного лица вмѣсто другого: одно лицо обвиняется въ преступленіи; во время судебного разбирательства (или раньше) другое лицо соглашается заступить его и удовлетворить во всемъ потерпѣвшаго; если послѣдній принимаетъ предложеніе, суду и закону нѣтъ никакого основанія не допускать подобныхъ соглашеній. Совершенно понятно: если преступленіе создаетъ между преступникомъ и потерпѣвшимъ своеобразное *obligatio ex delicto*,—почему же не допустить интерцессіи?

Подобный взглядъ на заступничество и даже самая допустимость его повидимому не могутъ имѣть мѣста, когда сознано общественное значеніе всякаго преступленія. Но это только повидимому. При нѣкоторомъ формализмѣ взгляда на преступленіе, какъ на грѣхъ, требую-

¹⁾ Нѣкоторыя ограниченія существуютъ еще и въ наше время. См. *Собьстіанскаго*, указ. соч. стр. 131, 154—159; ср. *Сергѣевскаго*, указ. соч. стр. 38—41.

²⁾ См. *Таганцева*, Лекція, вып. III, стр. 1212—1213.

цій жертвы для своего искупленія, и какъ на зло общественное, требующее возмездія (хотя-бы формальнаго) и устрашенія, „чтобы инымъ не повадно было такъ дѣлать“, вполне возможно явленіе заступничества, особенно если этому благопріятствуютъ традиціи прежняго времени¹⁾. Преступленіе—грѣхъ; но грѣхъ можно искупить жертвой, преступникъ можетъ очиститься не только собственной смертью, но также смертью другого лица (иногда животнаго), добровольно согласившагося принять на себя чужой грѣхъ и искупить его собственной кровью. Божество будетъ удовлетворено, „святая справедливость“ соблюдена, преступленіе, какъ грѣхъ, заглажено²⁾. Но преступленіе не только грѣхъ; оно—общественное зло. Цѣль формальнаго возмездія вполне будетъ достигнута, если наказаніе будетъ исполнено, если преступленіе повлечетъ за собой именно то послѣдствіе, какое назначается закономъ (обычаемъ) и требуется правосудіемъ. Заступничество этому не противорѣчитъ: „заступца“ вполне замѣняетъ и замѣщаетъ преступника.

Сказаннымъ легко объясняется, почему институтъ заступничества находитъ мѣсто не только въ эпоху композицій, но отчасти даже и во времена болѣе позднія. Сказаннымъ же легко объясняется и институтъ заступничества въ Литовскомъ Статутѣ.

¹⁾ Съ институтомъ заступничества въ той его формѣ, какая извѣстна Литовскому Статуту, мы не встрѣчаемся въ древнемъ правѣ другихъ народовъ Востока, Греціи или Рима; не находимъ его также и въ древнемъ правѣ новыхъ народовъ. Тѣмъ не менѣе идея заступничества должна быть признана общей всѣмъ народамъ въ извѣстныя эпохи ихъ историческаго развитія. Въ Греціи, напримѣръ, существовалъ обычай подвергать пыткѣ невиннаго раба вмѣсто его виновнаго господина. Показанія раба имѣли для послѣдняго рѣшающее значеніе („Prends cet esclave; mets-le à la question et, si tu me trouves coupable, fais-moi périr“). По свидѣтельству Мацѣйовскаго, „w Niemczech poddanego, gdy pan przewinił, męczono, i tym sposobem go do zadosyć uczynienia wyrokowi sądu zmuszano“. Также точно „we Francyi wychowanek Królewica (le camarade du Dauphin) bywał bity, ilekroć syn królewski na plagi zasłużył“, а „na Szlążku więziono włościan, karząc ich za przewinienia pańskie“. Припомнимъ, наконецъ, изъ права восточной Россіи привилегію дворянъ выставлятъ за себя на правѣжъ своихъ слугъ и холоповъ. См. *Loiseleur*, Les crimes et les peines, стр. 38; *Масіејовскы*, *Historya*, т. III, стр. 291; *Владимірскій-Будановъ*, *Обзоръ*, стр. 123.

²⁾ „Tout homicide devait être expié par la mort du meurtrier ou d'une victime qui se dévouait en son lieu et place. L'idée sociale de l'expiation, unie à celle de la pénalité et de la solidarité, découlait naturellement des dogmes religieux“. См. *Du-Boys*, *Histoire du droit criminel des peuples modernes*, т. I, стр. 66.

Когда по тѣмъ или другимъ основаніямъ одно лицо отклоняло предъявленный противъ него искъ (гражданскій или уголовный—безразлично) и выставляло на свое мѣсто кого-нибудь другого, это послѣднее называлось „заступкой“ перваго; замѣна одного лица другимъ называлась „заступованьемъ“, дѣйствіе заступцы обозначалось специальнымъ терминомъ „заступовати“¹⁾. Заступованье очень часто встрѣчалось тогда, когда отвѣтчикъ представлялъ своего „заводцу“, т. е. лицо, отъ котораго было пріобрѣтено данное спорное имущество, и которое обязывалось „очищать“ его отъ всякихъ стороннихъ посягательствъ и, въ случаѣ неудачи, лично отвѣчать и нести на себѣ всѣ возможные послѣдствія потери процесса. Такое заступничество встрѣчалось и въ отношеніяхъ гражданского права (обыкновенно по договору)²⁾, и въ отношеніяхъ права уголовного, когда отвѣтчикъ отклонялъ отъ себя обвиненіе, выставляя своего заводцу (какъ въ случаяхъ кражи)³⁾ или вообще дѣйствительнаго виновника того преступленія, въ которомъ онъ обвинялся по ошибкѣ⁴⁾.

Такимъ образомъ въ обширномъ смыслѣ „заступованье“ обозначало вообще *всякую* замѣну одного отвѣтника другимъ (на какомъ бы основаніи ни происходила эта замѣна—безразлично); въ тѣсномъ смыслѣ терминъ этотъ употреблялся для обозначенія явленія заступничества именно *въ уголовномъ процессѣ*, когда этимъ заступничествомъ обуславливалась отвѣтственность третьихъ лицъ вмѣсто преступника. Такое заступничество могло быть необходимымъ (обязательнымъ); но могло быть и добровольное заступничество, обусловленное непосредственнымъ соглашеніемъ отвѣтника, истца и заступцы, въ силу

¹⁾ Для терминологіи см. Перв. Ст. VI, 12; Вг. Ст. IV, 31, 48; XIV, 2; стр. 196; Трет. Ст. IV, 55; VII, 23; Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 165—166. Какъ видимъ, заступничество слѣдуетъ строго отличать отъ судебного представительства, прокураторства: заступца вполнѣ *замѣняетъ* отвѣтника, въ то время какъ прокураторъ *представляетъ* его, говорить въ его пользу и отъ его имени (иногда, поэтому, прокураторъ называется „речникомъ або умоцованнымъ“). См. Трет. Ст. IV, 56, 57, 59.

²⁾ Вг. Ст. IV, 48; стр. 196 (формы записей); Трет. Ст. VII, 23.

³⁾ Перв. Ст. XIII, 17, 25; Вг. Ст. XIV, 2; Трет. Ст. XIV, 3.

⁴⁾ Ак. Вил. Ком. т. XV, стр. 165—166. Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, заступничество признано Глав. Лит. Трибуналомъ „неслушнымъ“, такъ какъ оказалось, что заступца былъ только физическимъ исполнителемъ преступленія, задуманнаго „обжалованнымъ“. Во всякомъ случаѣ актъ весьма интересенъ.

котораго послѣдній соглашался заступитъ перваго, а истецъ соглашался принять его вмѣсто „обжалованаго“.

„Тежъ уставуемъ..., ижъ колибы хто кого другого о которую колвекъ речъ поточную ¹⁾ албо який кольвекъ учинокъ и о выступокъ... у котораго суду заступилъ, тогда тотъ вжо будетъ повиненъ самъ безъ жадныхъ позвовъ на тотъ же часъ за тожъ жалобою з суда несходячы за него отъказывати и усprawедливитися... А кды вжо заступца во всемъ томъ позванаго заступитъ и писаръ то запишетъ, тогда позванный або обжалованный отъ того роленъ, а поводовая сторона будетъ о то с тымъ заступцою мовити и речи своее на немъ доводити, а листы, выписы, оповеданье, все тое право и выводы, которые поводовая сторона противъ обжалованое стороны въ томъ праве мела, маєть противко тому заступцы ити и у права мestyцѣ мети такъ, яко и противъ обжалованому, и имя заступцы за имя обжалованаго будетъ розумено... Ведъже гдѣ бы заступца на горьло былъ сказанъ, такой тамъ же на томъ вяде, до его повету неотъсылаючи, каранъ быти маєть, а по отправу головщины албо иншихъ шкодъ на немъ связанныхъ отослано быти маєть до инъшого повету, где оселость его будетъ...“ ²⁾).

Въ Л. Статутѣ не содержится другихъ болѣе подробныхъ и полныхъ постановленій о заступничествѣ. Какъ видимъ, многое остается неяснымъ: ни слова не сказано объ отношеніяхъ, создаваемыхъ заступничествомъ между отвѣтчикомъ и его заступцей ³⁾; не упоминается о согласіи истца, которое, безъ сомнѣнія, было необходимо во всѣхъ случаяхъ добровольнаго заступничества, выставлявшаго вмѣсто дѣйствительнаго виновника преступленія кого-нибудь сторонняго, непричастнаго къ дѣлу. Къ сожалѣнію, извѣстные намъ судебные акты изучае-

¹⁾ Potoczny—простой, обыкновенный. „Поточными речами“ Статутъ называетъ обычныя дѣла, часто встрѣчающіяся въ судебной практикѣ. См. напр. Трет. Ст. III, 32; VI, 6 и др. Въ правѣ восточной Россіи этому слову соответствуетъ, кажется, терминъ „приточный“. Ср. Филиппова, О наказаніи по законодательству Петра В., стр. 379.

²⁾ Перв. Ст. VI, 12; Вт. Ст. IV, 31; Трет. Ст. IV, 55.

³⁾ Безвозмездное заступничество могло встрѣчаться только въ тѣхъ случаяхъ, когда отвѣтника заступалъ кто-нибудь изъ сожалѣнія, сочувствія (глав. образомъ, вѣроятно, по родственнымъ связямъ). Въ другихъ случаяхъ, вѣроятно всякаго сомнѣнія, заступничество предоставляло заступцѣ какія-нибудь выгоды со стороны заступаемаго (напр. зачетъ существовавшаго раньше долга и под.).

мой эпохи также ни въ одномъ случаѣ не говорятъ о добровольномъ заступничествѣ, но только о заступничествѣ необходимомъ. Очевидно, добровольное заступничество, хотя и вытекало изъ самой природы обязательственныхъ отношеній, возникавшихъ между преступникомъ и потерпѣвшимъ, однако въ дѣйствительности встрѣчалось довольно рѣдко. Это объясняется, по всей вѣроятности, отчасти фактическими затрудненіями отыскать лицо, которое бы добровольно согласилось заступить преступника, отчасти же тѣми ограниченіями, къ которымъ прибѣгалъ законодатель, чтобы ослабить дѣйствіе заступованья, находившагося въ довольно большомъ противорѣчій съ его основными воззрѣніями на преступленіе.

„Уставуемъ и сказуемъ, ижъ коли бы хто.. явного злодея отъ шубевидцы своими пенезми отъкупилъ, тогда таковой кождый... всю шкodu, которая бы ся кому черезъ того злодея зыменья его стала, будетъ повиненъ платити и оправовати“¹⁾).

Очевидно, въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ законодатель относился къ заступничеству неодобрительно: лицо, заступившее уже осужденнаго преступника и избавившее его тѣмъ самымъ отъ наказанія, принимаетъ на себя, такъ сказать, ручательство за будущее хорошее поведеніе освобожденнаго, и ручательствомъ этимъ создается основаніе для возможнаго въ будущемъ заступничества, но уже не добровольнаго, а необходимаго и, слѣдовательно, не всегда пріятнаго и желательнаго.

2. Необходимое заступничество.

Необходимое заступничество имѣло гораздо большее практическое значеніе и гораздо чаще встрѣчается въ постановленіяхъ Статута и въ судебныхъ актахъ изучаемой эпохи.

Общимъ названіемъ необходимаго (обязательнаго) заступничества мы обозначаемъ всѣ тѣ разнообразныя случаи и виды заступованья однимъ лицомъ другого, которые основывались не на добровольномъ соглашеніи между истцомъ, отвѣтчикомъ и заступцей и, слѣдовательно,

¹⁾ Перв. Ст. XIII, 6; Вт. Ст. XIV, 10; Трет. Ст. XIV, 13; Ср. Перв. Ст. VII, 30; Вт. Ст. XI, 33; Трет. Ст. V, 17; XI, 56—какъ видимъ, въ самыхъ тяжкихъ случаяхъ заступничество не избавляетъ заступаемаго отъ потери чести.

не обуславливались согласіемъ cadaго изъ участниковъ, но всецѣло зависѣли отъ воли истца (потерпѣвшаго), пользовавшагося, по тѣмъ или другимъ основаніямъ, правомъ привлечь къ отвѣтственности третье лицо, предоставивъ уже ему самому вѣдаться съ дѣйствительнымъ виновникомъ преступленія.

Такимъ образомъ необходимое заступничество создавало весьма своеобразныя отношенія между потерпѣвшимъ и заступцей, съ одной стороны, и между заступцей и преступникомъ, съ другой ¹⁾.

Потерпѣвшій (истецъ) имѣетъ право (но не обязанъ) потребовать отъ третьяго лица, чтобы оно отвѣчало вмѣсто преступника. Взамѣнъ этого потерпѣвшій уступаетъ заступцѣ свое требованіе къ своему дѣйствительному обидчику. Заступца обязанъ отвѣчать вмѣсто преступника, при чемъ объемъ его отвѣтственности опредѣляется объемомъ правъ, предоставленныхъ потерпѣвшему относительно дѣйствительнаго виновника преступленія: отвѣтственность заступцы не можетъ быть шире отвѣтственности „обжалованаго“. Но, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій, отвѣтственность заступцы можетъ быть значительно сужена и, въ нѣкоторыхъ даже случаяхъ, сведена къ простому возмѣщенію вреда и убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ. Литовскій Статутъ знаетъ случаи коллективнаго заступничества. При множественности заступниковъ всѣ они отвѣчаютъ пропорціонально и въ равной степени, другими словами — литовско-русское право знаетъ только поголовную групповую отвѣтственность; отвѣтственность по процентамъ, т. е. отвѣтственность пятаго, десятаго и под., неизвѣстна ни кодексу, ни современной ему судебной практикѣ ²⁾.

Отвѣтственность заступцы создаетъ для него право разыскивать дѣйствительнаго совершителя преступнаго дѣянія и развѣдываться съ нимъ самостоятельно, отъ своего лица: наказанный заступца „собираетъ винного искати“, какъ объ этомъ въ большинствѣ случаевъ лаконически заявляетъ законодатель.

¹⁾ Давая общую характеристику отношеній истца, заступцы и заступаемаго мы не дѣлаемъ никакихъ ссылокъ на источники, такъ какъ съ фактами мы познакомимся ниже, при разсмотрѣніи отдѣльных видовъ необходимаго заступничества.

²⁾ Напротивъ, какъ извѣстно, въ правѣ восточной Россіи такая отвѣтственность была весьма распространенной и обыкновенной. См. *Сергиевскаго*, Наказаніе etc., стр. 35 и сл.

Какъ видимъ, необходимое заступничество собственно не освобождаетъ преступника отъ отвѣтственности; по крайней мѣрѣ всегда предполагается, что его невольный заступца найдетъ возможность въ будущемъ переложить на него отвѣтственность вполнѣ или отчасти, въ той мѣрѣ, въ какой такое переложение окажется возможнымъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе существенныя черты заступничества остаются неизмѣнными: за преступленіе отвѣчаетъ предъ потерпѣвшимъ не совершившій его, а третье лицо.

Въ чемъ заключается объясненіе необходимаго заступничества?— Основная мысль большинства ²⁾ разнообразныхъ случаевъ необходимаго заступничества можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: государство, вслѣдствіе слабости слѣдственной власти и средствъ полицейскаго надзора, прибѣгаетъ къ содѣйствію частныхъ лицъ для предупрежденія преступленій или при задержаніи и наказаніи преступниковъ; лица, не оказавшія государству содѣйствія или затрудняющія его въ его предупредительной и карательной дѣятельности, часто не подвергаются особымъ наказаніямъ, но зато подлежатъ отвѣтственности по желанію „укривжонаго“, который благодаря имъ „не маеть“, а иногда и „не вѣдаетъ своего шкодника“. Такимъ образомъ, если мы опредѣлимъ главнѣйшія основанія, которыми обуславливалась обязанность частныхъ лицъ содѣйствовать государству (или потерпѣвшему) при предупрежденіи правонарушеній, при задержаніи и наказаніи ихъ совершителей, — мы опредѣлимъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ условія, при которыхъ одно лицо должно было отвѣчать вмѣсто другого. Основанія эти могли заключаться: а) въ круговой порукѣ, б) въ поручительствѣ, в) въ землевладѣніи и г) въ нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствахъ.

а) *Круговая порука*. Институтъ круговой поруки началомъ своимъ

¹⁾ Такимъ образомъ необходимое заступничество въ нѣкоторыхъ случаяхъ создаетъ отвѣтственность не *вмѣсто*, но *вмѣстѣ* съ виновными. См. ниже лит. Б.

²⁾ Но не всѣхъ. Всегда необходимо имѣть въ виду, что преступленіе въ разсматриваемую эпоху было не только „шкодой для Рѣчи Посполитой“, но также и „кривдой“. Вслѣдствіе этого заступничество основывалось также (а иногда и исключительно) на соображеніяхъ частнаго характера: заступничество являлось принятіемъ на себя чужого долга (интерцессія), а для этого могли быть и иныя основанія, не имѣющія никакого отношенія къ интересамъ публичнаго порядка. См. ниже нѣкоторые примѣры отдѣльныхъ видовъ необходимаго заступничества.

теряется въ глубокой древности и стоитъ въ самой тѣсной связи съ групповой солидарностью различныхъ общественныхъ союзовъ ¹⁾. Этой солидарностью и вытекающей изъ нея обязанностью круговой поруки воспользовалось государство въ первыя эпохи своего развитія, оставивъ общинамъ извѣстную самостоятельность и независимость въ ихъ собственныхъ внутреннихъ дѣлахъ вообще, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ тѣхъ, которыя вытекали изъ задачъ общественной безопасности и изъ необходимости вести борьбу съ преступленіемъ и съ лихими людьми. Но и въ болѣе позднія эпохи государство не всегда находило удобнымъ сокращать самостоятельность общинъ; напротивъ, иногда оно расширяло ея предѣлы такъ же, какъ и предѣлы круговой поруки. Послѣдняя, такимъ образомъ, изъ естественно выросшаго учрежденія обращалась въ одно изъ средствъ, которымъ пользовалось государство для цѣлей общественной безопасности ²⁾.

Въ Литовскомъ Статутѣ круговая порука имѣетъ небольшое примѣненіе, хотя въ его время еще и не вполне исчезли слѣды древней самостоятельности общинъ, самостоятельность которыхъ была направлена главнымъ образомъ на то, „чтобы предупреждать нарушеніе законовъ, открывать и преслѣдовать преступниковъ, судить и наказывать ихъ, наконецъ присуждать и доставлять обиженному вознагражденіе“ ³⁾. Въ предѣлахъ указанной задачи общины сохраняли извѣстную независимость въ теченіе всего XVI столѣтія или, по крайней мѣрѣ, въ теченіе первой половины его, хотя, безспорно, онѣ уже отжили свой вѣкъ и со своей самостоятельностью находились въ полномъ противорѣчій съ новыми формами общественной жизни и особенно съ возрастающей властью вотчинниковъ. Этимъ объясняется ихъ постепенное, но безостановочное паденіе.

Въ литературѣ исторіи литовско-русскаго права существуетъ два

¹⁾ Собьстіанскаго, Круговая порука у Славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства, изд. 1888 г.

²⁾ У Англо-Саксовъ весьма рано круговая порука, соединявшая членовъ семьи, была перенесена на искусственно созданныя и болѣе обширныя группы (десятки, сотни): „Tous les habitants de tous les villages du royaume, sans exception, étaient classés dix par dix, de telle sorte que si l'un des dix commettait un délit, le neuf autres répondaient de lui devant la justice“. См. *Du-Boys*, Histoire du droit criminel des peuples modernes, т. I, стр. 167 и сл.; Собьстіанскаго, указ. соч., стр. 63, 131 и др.

³⁾ Иванничева, О древнихъ сельскихъ общинахъ въ к.гозап. Россіи, стр. 236--237.

возврѣнія на объемъ власти собранія представителей общины, извѣстнаго подъ общимъ названіемъ „копы“. По мнѣнію *Θ. И. Леонтовича*, въ эпоху Статутовъ „объ участіи копы въ судебной власти, юрисдикціи, не могло быть никакой рѣчи при томъ судеустройствѣ, какое утвердилось въ Литовской Руси подъ вліяніемъ сословныхъ началъ“¹⁾. Противоположнаго и болѣе согласнаго съ истиной возврѣнія держится *Иванишевъ*, который подкрѣпляетъ свои выводы весьма вѣскими фактическими указаніями и ссылками на практику копныхъ судовъ²⁾. Не останавливаясь на ближайшемъ разъясненіи внутренней организаціи копныхъ судовъ, укажемъ тѣ отмѣченныя Статутомъ черты, которыя сообщаютъ этому установленію характеръ извѣстной самостоятельности, и къ которымъ самымъ тѣснымъ образомъ примыкаетъ отчасти сохранившійся еще институтъ круговой поруки.

Въ области уголовного суда самостоятельность общины выражается двумя характерными чертами: 1) община можетъ не выдавать преступника—своего члена, 2) община можетъ отказать въ помощи при отысканіи преступника³⁾. Въ обоихъ случаяхъ община вознаграждаетъ потерѣвшаго за škody и вообще за тѣ потери, съ которыми соединяется для него неотысканіе „своего škodnika“ (частные штрафы), а „собе маєт винного искати“, т. е. взаимнъ того самой общинѣ предоставляется раздѣливаться со своимъ неспокойнымъ членомъ, приведшимъ ее къ матеріальнымъ убыткамъ. Литовскій Статутъ отмѣчаетъ два рода преступленій, къ раскрытію которыхъ привлекается община: убійство и воровство (злодѣйство)⁴⁾. Въ первомъ случаѣ община, не явившаяся на копу или не пожелавшая подтвердить присягой, „и жъ сами не суть причиною того забитого и тако-

¹⁾ *Леонтовича*, Крестьяне югозап. Россіи, Унив. Извѣстія, 1863 г., № 10, стр. 42; № 11, стр. 3 и др.

²⁾ *Иванишева*, указ. соч. Любопытно, что и въ самомъ Статутѣ признается извѣстная самостоятельность за копными судами, которые отличаются отъ судовъ, установленныхъ королевемъ. См. напр. Перв. Ст. VI, 22: „а вшаже то уставуемъ яко для тыхъ судей покою, которые сут на мѣстцехъ нашихъ отъ насъ и отъ пановъ радъ нашихъ установленне, (такъ и) для тыхъ, которые бывають на копахъ“.

³⁾ Ср. *Чебышева-Дмитріева*, О преступномъ дѣйствіи, стр. 47—52.

⁴⁾ Вт. Ст. XI, 31; Трет. Ст. XI, 26; Перв. Ст. XIII, 5; Вт. Ст. XIV, 1, 6; Трет. Ст. XIV, 2, 9. См. *Леонтовича*, указ. соч., (№ 11) стр. 4—6; *Maciejowskiego*, Historia, т. V, стр. 518—520.

вомъ забойцы не ведаютъ“, —платить головщину; во второмъ случаѣ, если община не присягнетъ, „яко в томъ селе шкодника его (истца) неведаютъ и сами шкодниками не суть“, или если не отведеть слѣда, затопчетъ или отобьетъ отъ слѣда, оставленнаго убѣгавшимъ воромъ и приведшаго къ границамъ общины,—платить потерпѣвшему шкоду.

Приведемъ нѣкоторыя изъ относящихся сюда постановленій третьяго Статута.

„Если бы ся то трафило где жъ кольвекъ забито человека перееждного або безцплеменного..., тогда... врядъ замъку або двора нашего маеть обослати всихъ мещанъ людей сельскихъ...и опытъ вчинити разъ и два, а где бы се на тыхъ двухъ копахъ о тымъ забитью доведати не могли, тогда третью копу присяжную маеть врядъ собрати, на которой повинни будутъ стати вси тые, которые на такой копе повинни ставити, а врядъ маеть з местечокъ и з сель околичныхъ по три человеки старъшихъ яко войтовъ, лавниковъ и иныхъ мужовъ добрыхъ веры годныхъ до присеги обрати, а тые обранные винни будутъ присягнути на томъ, ижъ сами не суть причиною того забитого и о таковомъ забойцы не ведаютъ; а естли бы которые с тыхъ копниковъ на присяжной копе не стали, або хотя и ставши присягою отъвести се не хотели, тогда таковые будутъ повинни головщину сами платити, а собе винного искати..., а тая копа маеть быти чынена в околъ по две мили“¹⁾.—„Коли бы тежъ у кого украдено, а увидится ему шкода отъ которого села, а шкодника своего неведаеть, тогда маеть просити права на тое село у пана его. А естли бы далъ всему селу вину, тогда три мужы з оного села, которыхъ онъ обереть, мають присегнути, яко в томъ селе шкодника его неведаютъ и сами шкодниками не суть. А павли бы о тое не присегнули, тогда оное село все тую шкоду всю тому шкоднику мають платити, а собе злодея искати“²⁾.—„Коли бы покрадены кони, волю, быдло и иные речы въ дому и гдежъ кольвекъ, а тотъ шкодный понялъ бы следъ тое шкоды своею и собравшы людей добрыхъ околичныхъ суседовъ водле давного обычаю гонилъ следомъ, а тотъ следъ где бы бу которому селу... привель...,а еслибы тое село... отъ себе следу не вывели або отъ следу

¹⁾ Трет. Ст. XI, 26; Вт. Ст. XI, 31.

²⁾ Трет. Ст. XIV, 2; Вт. Ст. XIV, 1; Перв. Ст. XIII, 5.

отбили або выгнавши быдломъ затоптали..., тогда оное село тую шкоду винни будуть заплатити, а собе винного искати“ ¹⁾).

Конечно, во всѣхъ такихъ случаяхъ взысканія съ общины имѣютъ въ извѣстной степени карательный характеръ, вслѣдствіе чего и самое право общины не выдавать своего преступнаго члена является въ формѣ только слабаго отголоска добраго стараго времени, когда община пользовалась еще полной самостоятельностью; но слѣдуетъ замѣтить, что къ концу XVI столѣтія институтъ круговой поруки въ литовско-русскомъ правѣ достигаетъ именно того момента въ своемъ развитіи, когда, съ постепенной утратой общинами своей независимости, круговая порука становится однимъ изъ средствъ, которымъ государство пользуется для цѣлей общественной безопасности. Лучшимъ подтвержденіемъ этого является нововведеніе третьяго Статута, который предписываетъ, чтобы копы собирались даже въ тѣхъ мѣстахъ, „где досель копы небывали“ ²⁾).

б) *Поручительство*. Значеніе поручительства въ древнемъ правѣ вообще и особенно въ древнемъ уголовномъ правѣ громадно. Поручительство не создано государствомъ; оно возникло гораздо раньше и должно быть признано естественнымъ продуктомъ эпохи, тѣсныхъ родовыхъ и общинныхъ связей и частноправнаго характера, которымъ были проникнуты основные институты уголовного права. Если преступленіемъ создается своеобразное *obligatio ex delicto*, то ничего не можетъ быть болѣе естественнаго, какъ обезпечивать его посредствомъ поручительства ³⁾).

Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ эпоху Литовскаго Статута, когда еще въ значительной степени сохранился взглядъ на преступленіе, какъ на кривду, поручительство имѣло громадное значеніе и обширную сферу примѣненія во всей области уголовного права. По уставнымъ земскимъ грамотамъ отдача на поруки допускалась во всѣхъ случаяхъ „кромѣ великаго дѣла“ ⁴⁾), въ которомъ же не приго-

¹⁾ Трет. Ст. XIV, 9; Вѣт. Ст. XIV, 6.

²⁾ Трет. Ст. XIV, 9.

³⁾ См. *Кистяковский*, О пресѣченіи обвиняемому способамъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, изд. 1868 г.; *Ламе*, Древнее русское уголов. судопроизводство, изд. 1884 г., стр. 123 и сл.; *Чебышева-Дмитріева*, О преступномъ дѣйстви и пр., стр. 141 и сл.; *Дмитріева*, Исторія судеб. инстанцій, стр. 199 и сл.

⁴⁾ „Великое дѣло“—общее названіе для государственныхъ преступленій.

дится на поруку давати“¹⁾. По Статуту нѣкоторыя ограниченія введены для „учынокъ кровавыхъ за што горломъ карають“, именно установлено, что „такового вязня врядь нашъ не маєть на рукоемство безъ позволенья стороны тоє, которая его осадить, давати изъ везенья выпущать“. Во всѣхъ прочихъ случаяхъ „врядь вязня и безъ дозволенья стороны поводовое можетъ... на поруку дати, а сторона в томъ не поручника але вряду смотрети маєть“²⁾.

Оставляя въ сторонѣ разнообразныя виды поручительства, которые могли встрѣчаться въ сдѣлкахъ чисто гражданскихъ, отмѣтимъ общую черту, свойственную поручительству, какъ одной изъ мѣръ предупредительной дѣятельности государства. Всѣ виды такого поручительства преслѣдуютъ одну общую цѣль—обезпечить на случай надобности явку въ судъ, а слѣдовательно, и отвѣтственность того или другого даннаго лица³⁾. Въ зависимости отъ болѣе частныхъ и близкихъ задачъ поручительство является въ слѣдующихъ видахъ: 1) поручительство въ явѣ отвѣтчика къ суду, 2) поручительство въ явѣ истца, 3) поручительство въ добромъ поведеніи даннаго лица.

Поручительство перваго рода встрѣчалось чаще всего. Наиболѣе широкое примѣненіе, какъ и слѣдовало ожидать, оно имѣло относительно „неоселыхъ людей“ и людей владѣльческихъ, которые „припоручались“ своимъ панамъ или врандникамъ⁴⁾. Что касается людей „оселыхъ“, порука за нихъ требовалась гораздо рѣже, главнымъ образомъ въ наиболѣе тяжкихъ случаяхъ („где о горло идетъ“)⁵⁾. „Рукоем-

¹⁾ Устав. Зем. Грам., стр. 188.

²⁾ Трет. Ст. XI, 55.

³⁾ Напр. Вг. Ст. XI, 11; XII, 14; XIV, 28; Поправ. Ст. стр. 206; Трет. Ст. IV, 29, 32, 45, 98; XI, 40, 50, 55, 67; XII, 14, 22; XIV, 4, 34.

⁴⁾ Напр. Трет. Ст. IV, 29, 45; XI, 50. Относительно „припаруки“ въ Литов. Статутѣ содержится слѣдующее общее постановленіе: „Кды бы чый слуга або врандикъ..., вчыннивши кому квалтъ домовый або головщизну, и утекъ, а въ его пана черезъ сторону былъ застать и приповеданъ, а онъ... черезъ тую заповедь его упустилъ, тогда тотъ панъ, чый слуга то учинилъ, самъ квалтъ и головщизну и шкоду маєть платити, а собе искати на слуге“ (Перв. Ст. VII, 27; Вг. Ст. XI, 30; Трет. Ст. XI, 37). Въ дѣйствительности слуги припоручались своимъ панамъ не только въ случаяхъ гвалта или головщины, но вообще тогда, когда истецъ считалъ это почему-нибудь необходимымъ. См. Перв. Ст. VIII, 20; Вг. Ст. IV, 19; Ак. Кіев. Центр. Ар., кн. 2035, листъ 20 на об., 65 на об., 114, 172; кн. 2038, листъ 229; кн. 2039, листъ 10, 240; кн. 2040, листъ 91 на об., 103, 201, 470 на об. Ср. Ак. Вил. Ком., т. XV, стр. 314; т. XVII, стр. 38, 194 и др.

⁵⁾ Напр. Трет. Ст. XI, 55.

ство до права“ требовалось за истца обыкновенно въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ „давалъ своего шкодника до везенья“, и когда притомъ, по обстоятельствамъ дѣла, можно было опасаться за основательность обвиненія, а слѣдовательно, и за основательность лишенія свободы. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ „врядъ, беручы обвиненного до везенья, маеть тежъ и того жалобника албо везеньемъ албо порукою доброю опатрить, яво бы и обвиненному въ такой мере... справедливость не гинула“ ¹⁾). Наконецъ, поручительство въ добромъ поведеніи какого-нибудь лица могло имѣть двоякую форму: а) ручательство въ томъ, что данное лицо не „вчинить“ никакой „шкоды“ (въ обширномъ смыслѣ этого слова), при чемъ имѣлась въ виду охрана отъ опасныхъ (угрожавшихъ) людей („жебы жалобникъ в покою отъ него былъ“) ²⁾; б) ручательство въ томъ, что данное лицо выполнитъ приговоръ суда и удовлетворитъ потерпѣвшаго за кривду ³⁾).

Въ большинствѣ случаевъ поручительство было добровольнымъ и наступало по взаимному соглашенію поручителя и поручаемаго. Но встрѣчались случаи и необходимаго поручительства, когда одно лицо выдавалось на поруки другому безо всякаго отношенія къ согласію послѣдняго („припарука“) ⁴⁾. Ограниченія добровольнаго поручительства обуславливались состояніемъ подданства: „люди простого стану не мають безъ ведомости и дозволенья листовного пановъ своихъ никому... ручити... далее чотырехъ копъ грошей“ ⁵⁾).

Во всѣхъ случаяхъ поручительства, соотвѣтственно его общей цѣли, обязанность поручителя состоитъ въ представленіи ручаемаго къ суду въ опредѣленный срокъ или при наступленіи опредѣленныхъ обстоятельствъ ⁶⁾. Невыполненіе этой обязанности служить основа-

¹⁾ Напр. Трет. Ст. IV, 29; XIV, 4.

²⁾ Перв. Ст. VI, 22; XI, 14; Вт. Ст. I, 22; V, 10; XI, 11; XII, 14; Трет. Ст. I, 26; XI, 40, 67; XII, 14, 22.

³⁾ Напр. Трет. Ст. IV, 98.

⁴⁾ Дѣти обязаны были „ручыть отца або матку у права ку постановенью, звлаща где бы того врядъ допустилъ“. Отказъ съ ихъ стороны служилъ для родителей достаточнымъ основаніемъ „выречи се таковыхъ сыновъ або дочокъ“ и лишить ихъ наслѣдства. См. Вт. Ст. VIII, 7; Трет. Ст. VIII, 7.

⁵⁾ Трет. Ст. IX, 28.

⁶⁾ Напр. Вт. Ст. XI, 11; XII, 14; Трет. Ст. XI, 40, 67; XII, 14, 22 и др. Слѣдуетъ замѣтить, что, по опредѣленію Статута, „на поручника и на приказцу, а поручнику и приказцы зъ истцомъ, по комъ ручилъ, маеть быти завитый рокъ“ (Вт. Ст. IV, 22; Трет. Ст. IV, 42).

ніемъ отвѣтственности поручителя въ видѣ необходимаго заступничества со всѣми вытекающими изъ него послѣдствіями ¹⁾. Въ древнѣйшую эпоху, можно думать, поручитель вполне замѣнялъ ручаемаго: „и мы поруцѣи въ его (ручаемаго) мѣсто“, „и наши поруччискіе головы вмѣсто его голову“, „наши поручниковы головы въ его головы мѣсто и животы въ его животовъ мѣсто“, „всѣмъ тымъ винамъ поручникъ одинъ, албо сколько ихъ будетъ, подлежатъ, которые тотъ, по комъ ручено, терѣпети и платити былъ повиненъ“ ²⁾. Въ эпоху Литовскаго Статута отвѣтственность поручителей обыкновенно уже значительно ограничена: поручитель отвѣчаетъ главнымъ образомъ и (иногда) исключительно своимъ имуществомъ и личностью, поскольку послѣдняя можетъ восполнять имущество (отдача въ кабалу). Онъ платитъ вмѣсто ручаемаго всѣ škody и всѣ штрафы, „а себе на имению и на маестности того, по комъ ручилъ, поискивати маеть“ ³⁾. Въ опредѣленныхъ случаяхъ („припарука“) поручитель кромѣ того платитъ самостоятельную вину (заруку, припаручную вину) ⁴⁾. Само собою разумѣется, послѣ смерти поручителя его наслѣдники отвѣчаютъ, при наличности опредѣленныхъ условій, только имуществомъ и притомъ въ предѣлахъ получаемаго наслѣдства ⁵⁾. Напротивъ, личная отвѣтственность поручителя вмѣсто ручаемаго наступаетъ только при самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, при чемъ въ однихъ случаяхъ она значительно смягчается сравнительно съ той отвѣтственностью, которой бы подвергся настоящій виновникъ преступленія ⁶⁾, въ другихъ—отвѣтственность поручителя не исключаетъ отвѣтственности ручаемаго ⁷⁾, такъ что поручительство становится однимъ изъ условій отвѣтственности третьихъ лицъ *рядомъ* съ виновными ⁸⁾.

¹⁾ См. выше стр. 132 и сл. Отвѣтственность поручителя складывается съ него послѣ истеченія опредѣленнаго давностнаго срока (Перв. Ст. VII, 28) или въ случаѣ смерти ручаемаго, если онъ „передъ рокомъ поставенью замереномъ умеръ“ (Трет. Ст. XI, 54).

²⁾ Кистяковскаго, указ. соч., стр. 18, 32, 38; Трет. Ст. XI, 40.

³⁾ Перв. Ст. XI, 14; Вт. Ст. XII, 14; Трет. Ст. XI, 67; XII, 14, 22.

⁴⁾ Зарука въ этихъ случаяхъ могла имѣть самые разнообразные размѣры (отъ нѣсколькихъ копѣ до нѣсколькихъ тысячъ копѣ грошей). См. выше прим. 4 къ стр. 138.

⁵⁾ Перв. Ст. V, 6; Вт. VI, 8; Трет. Ст. VI, 8; XI, 54.

⁶⁾ Напр. Вт. Ст. XI, 11. Ср. Трет. Ст. XI, 40.

⁷⁾ Напр. Трет. Ст. XI, 67.

⁸⁾ См. ниже лит. Б.

Такимъ образомъ поручительство, какъ основаніе необходимаго заступничества, предрѣшаетъ отвѣтственность третьихъ лицъ вмѣсто виновнаго—1) *вполнѣ*, если отвѣтственность эта или не выходитъ за предѣлы имущественнаго вознагражденія (шкоды, штрафы, кабала), или же обуславливается тяжкими преступленіями (напр. убійство по предварительной „похвалкѣ“) ¹⁾; 2) *отчасти*—во всѣхъ остальныхъ случаяхъ личной отвѣтственности за преступленія.

в) *Землевладѣніе*. Существенно важнымъ вопросомъ въ эпоху Статутовъ было: „съ котораго имения се кому кривда деетъ?“ Отвѣтомъ на этотъ вопросъ опредѣлялась не только подсудность („присудъ“) и другія обстоятельства, соединенныя съ подачей иска и съ исполненіемъ судебного приговора ²⁾, но также и тѣ особыя отношенія заступничества, какія въ опредѣленныхъ случаяхъ могли возникать между истцемъ, отвѣтчикомъ и его паномъ.

Землевладѣніе предоставляло вотчиннику весьма важныя права и преимущества (право суда и управленія, право взиманія податей и проч.). Облеченный этими полномочіями землевладѣлецъ въ своемъ имѣніи, поскольку оно не соприкасалось съ внѣшними, выходящими за его предѣлы отношеніями, являлся сувереннымъ правителемъ, составляя государство въ государствѣ. Напротивъ, въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ землевладѣльцамъ или къ ихъ подданнымъ землевладѣлецъ являлся врядникомъ съ весьма широкими полномочіями ³⁾. Пользованіе столь широкими правами притомъ правами публичнаго порядка, необходимо предполагаетъ рядъ соотвѣтствующихъ имъ обязанностей: землевладѣлецъ долженъ пользоваться своей властью такъ, чтобы отъ этого не было вреда сосѣдямъ и государству. На вотчинника возлагаются опредѣленныя судебно-полицейскія обязанности: онъ долженъ заботиться о предупрежденіи преступленій, о поимкѣ и наказаніи преступниковъ. Въ этихъ отношеніяхъ всякое третье лицо можетъ предъ-

¹⁾ Трет. Ст. XI, 40.

²⁾ Напр. Перв. Ст. VI, 6, 10; Вт. Ст. IV, 9, 29, 44, 46; Трет. Ст. IV, 39, 48, 49, 50, 51 и мн. др.

³⁾ „При исключительномъ господствѣ дружиннаго способа управленія военной повинности является необходимо феодальный порядокъ вещей“, при которомъ, „*понятіе землевладѣнія отдѣляется весьма неясными границами отъ понятія должности (урода)*“. См. *Владимірскаго-Буданова*, Пѣмецкое право, Жур. М. Н. Пр., 1868 г., Августъ, стр. 478—479.

явить къ землевладѣльцу опредѣленные требованія, невыполненіе которыхъ создаетъ для него обязанность заступничества.

Забота о предупрежденіи преступленій обязываетъ для вотчинника внимательно наблюдать за тѣмъ, чтобы на его имѣніи не было „якихъ людей безъ службы або слугъ безъ приказу, отъ которыхъ се мели бы шкоды або забойства дѣяти въ сусѣдствѣ або кому жъ кольвекъ“¹⁾. Тѣмъ болѣе, конечно, не имѣетъ онъ права „переховывать приличныхъ або явныхъ злодеевъ“²⁾. Карательной властью вотчинника обусловливаются его обязанности „чинить справедливость“ и „ставить до права“ тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые будутъ обвинены въ томъ или другомъ преступленіи³⁾.

„Хто бы переховывалъ себе якихъ людей безъ службы або слугъ безъ приказу..., и подъ часомъ стала бы се шкода отъ такихъ або раны або головщица; тогды тотъ, хто такихъ переховываетъ..., хотя бы ему не были припоручонны, виненъ ихъ отыскивати и сторонѣ жалобливой ку праву ставити, а гдѣ бы не поставилъ, маеть шкоду всю або раны заплатити“⁴⁾.— „Коли бы хто злодея приличного ведоме в дому своемъ албо на имению своемъ осадивши домомъ ховалъ або мешкати допустилъ..., тогды таковый кождый... всю шкоду, которая бы ся кому черезъ того злодея зыменья его стала, будетъ повиненъ платити и оправовати“⁵⁾.— „Где бы ся то трафило, ижъ бы хто за обнесеньемъ позву з урядника, слугъ, бояръ або подданныхъ своихъ справедливости учинити кому не хотелъ, а тотъ бы або тые обвиненные въ якої кривде або шкоде по заложенью позву перьвей, нишли жалобникъ справедливости собе у суду нашего с паномъ ихъ и з ними доведеть, померѣли..., тогды тотъ панъ самъ за доводомъ жалобное стороны... будетъ ей виненъ о то, о што жалоба идетъ, самъ у права отъказывати и с права, што будетъ сказано, самъ заплатити и нагородити, а собе на маестности оныхъ виноватыхъ

¹⁾ Напр. Вт. Ст. XIV, 23; Трет. Ст. XI, 57; Судеб. Казимира, ст. 8.

²⁾ Перв. Ст. XIII, 6; Вт. Ст. XIV, 10; Трет. Ст. XIV, 13.

³⁾ Напр. Перв. Ст. XIII, 5; Вт. Ст. IV, 19, 44, 45; XIV, 1; Поправ. Ст. стр. 207; Трет. Ст. IV, 14, 17, 48, 49, 50, 51, 64, 66, 68; XII, 14; XIV, 1, 2 и мн. др.

⁴⁾ Вт. Ст. XIV, 23.

⁵⁾ Трет. Ст. XIV, 13. Однако срав. Перв. Ст. VII, 31; Вт. Ст. XI, 5; Трет. Ст. XI, 36, гдѣ рѣчь идетъ объ укрывательствѣ, какъ о преступленіи sui generis.

того смотрети“¹⁾.—„Если бы кто... часу отъправованья роковъ кого зранилъ, квалтъ або шкodu якую учинилъ..., а гды бы панъ (его) за обосланемъ врьдовымъ заразомъ справедливости не учинилъ, тогды на самомъ пане такового слуги уквивжоному... всказанье въ той речи... чинено и отъправа на именью его делана быти маеть“²⁾.

Такимъ образомъ необходимое „заступованье“ паномъ своего подданнаго (или вообще лица, живущаго въ его имѣвіи, домѣ)³⁾ можетъ наступить въ трехъ случаяхъ: а) когда онъ принимаетъ къ себѣ лезныхъ⁴⁾ или неосѣлыхъ⁵⁾ людей или злодѣевъ, которые причинятъ кому-нибудь какую-нибудь шкodu или кривду; б) когда онъ отказывается „чинить справедливость“, при чемъ въ однихъ случаяхъ основаніемъ заступничества служить самый отказъ въ правосудіи, въ другихъ—необходимо кромѣ того присоединеніе нѣкоторыхъ другихъ обстоятельствъ (смерть, побѣгъ виновныхъ и пр.); в) когда панъ не принимаетъ мѣръ, чтобы воспрепятствовать побѣгу своего преступнаго подданнаго. Последнее обстоятельство обыкновенно обусловливается предшествовавшей ему припарукой⁶⁾; однако въ нѣкоторыхъ случаяхъ на пана возлагается обязанность задерживать „до права“ своего виновнаго подданнаго, хотя бы послѣдній и не былъ ему „приповѣданъ“⁷⁾.

Отвѣтственность пана всегда ограничена: по общему правилу онъ никогда не заступаетъ своего подданнаго вполнѣ, но только въ

¹⁾ Трет. Ст. IV, 48.

²⁾ Трет. Ст. IV, 64.

³⁾ Трет. Ст. III, 49: „о домы шляхетские вместе виленскомъ и выншихъ местехъ нашихъ господарскихъ“.

⁴⁾ Лезные люди, *ludzi luźne*—люди праздношатающіеся, не имѣющіе ни осѣлости, ни занятій. Слова „лезный и *luźny*“, вѣроятно, происходятъ отъ нѣмецкаго слова *losgehen*. См. Горбачевскаго, Словарь etc.

⁵⁾ Напр. Трет. Ст. XI, 57. Панъ отвѣчаетъ за своего арендатора, а самъ „на арендатору своимъ смотрети маеть“—*ib.* IV, 51

⁶⁾ См. выше стр. 138.

⁷⁾ Напр. Вт. Ст. XI, 29; Трет. Ст. I, 24; XI, 25.—„Естлибы чий слуга свовольне безъ розказанья и безъ звады пана своего передъ очыма кого забилъ або ранилъ, тогды панъ его того слугу своего маеть поймати и до везенья всадивши кровнымъ забитого дати ведомость, а естли бы фолькгуучи служебнику своему поймати его не хотель або не могъ, а онъ за тымъ утекъ, тогды тотъ панъ повинненъ будетъ самъ головщизну платити, а раньному за раны якого стану будетъ заплатити“.

той мѣрѣ, въ какой послѣдній отвѣчалъ бы своимъ имуществомъ; другими словами, въ большинствѣ случаевъ панъ не несетъ личной отвѣтственности, но только имущественную ¹⁾.

г) *Другія обстоятельства*, которыми обуславливалось необходимое заступничество, могли имѣть весьма разнообразное значеніе, но въ концѣ-концовъ приводили къ однороднымъ послѣдствіямъ: за свою кривду потерпѣвшій требуетъ удовлетворенія, но не получаетъ его по вѣнѣ третьяго лица; послѣднее обязано само доставить ему это удовлетвореніе, „а себе маеть винного искати“ ²⁾.

Отвѣтственность заступцы въ однихъ случаяхъ ограничивалась возмѣщеніемъ гражданскихъ убытковъ, въ другихъ шла гораздо дальше (возмѣщеніе штрафовъ), а въ нѣкоторыхъ случаяхъ обращалась въ полное заступованье однимъ лицомъ другого. Можно различать нѣсколько категорій этихъ разнообразныхъ обстоятельствъ, служившихъ основаніемъ для заступничества.

1) Врядъ отвѣчаетъ предъ потерпѣвшимъ въ случаѣ ненадлежащаго исполненія своихъ обязанностей. Если вслѣдствіе небрежности вряда для потерпѣвшаго сдѣлается невозможнымъ или затруднительнымъ отысканіе „шкодника“ и полученіе удовлетворенія, самъ врядъ долженъ отвѣчать вмѣсто виновнаго и удовлетворить потерпѣвшаго во всѣхъ его *имущественныхъ* требованіяхъ. Отъ этой отвѣтственности врядъ можетъ избавиться, если въ опредѣленный срокъ представить „укривжоному“ его „шкодника“ ³⁾.

„Мещане мествъ нашихъ и всихъ подданныхъ нашихъ духовныхъ и светскихъ за раны и головщизны людемъ селяномъ нашимъ и подданныхъ нашихъ правомъ земскимъ маютъ справедливостъ чинити. А естли бы вчиненію справедливости оmeshкали..., тогда тая винностъ и заплата вся на судьяхъ мѣстскихъ зостанеть“ ⁴⁾.— „А гдѣ бы тежъ хто кого невинъне объжаловалъ и за его объжалованьемъ на вряде задержжанъ былъ, а тымъ задержжаньемъ его обелжилъ, ку шкодамъ и накладомъ при-

¹⁾ Само собою разумѣется, отвѣтственность пала опредѣляется иначе, если онъ самъ въ известной степени виновенъ или причастенъ къ преступленію, совершенному его слугой. Впрочемъ ср. Вѣ. Ст. XI, 29 и Тр. Ст. XI, 25.

²⁾ Перв. Ст. I, 13; VI, 23; VII, 7, 24; XIII, 2, 3, 22, 25; Вѣ. Ст. XI, 1, 27; XIV, 5, 7; Трет. Ст. III, 36; IV, 29, 31, 96, 98; XI, 11, 40; XIV, 5, 10.

³⁾ См. Перв. Ст. I, 13; VI, 23; Трет. Ст. III, 36; IV, 29, 31.

⁴⁾ Перв. Ст. VI, 23.

вель або о везеньє приправиль, тогда оный врьдъ тамъ же за разомъ маеть того пылье дойзрети..., естли жъ бы врьдъ в томъ которой кольвекъ стороне фольговалъ, а skutочное справедливости и отправы уквивжоному тамъ же за разомъ не вчинилъ, тогда вжо не сторона, але врьдъ самъ повиненъ будетъ яко навезку водлугъ стану его, такъ теж и вси шкоды за слушнымъ доводомъ оному на врьде невинне обвиненому або уквивжоному платити“¹⁾.— „А где бы вязень на котормъ врьде осажонный утекъ, тогда тотъ..., кому который вязень отъ стороны жалобливое до везенья поданъ будетъ, маеть того вязня (въ опредѣленный срокъ) отыскати и до права стороне ставити, а не отыщеть ли..., тогда... за голову або раны шкоды стороне за доводомъ слушнымъ нагороду и заплату учинити (виненъ будетъ)“²⁾.

2) Лицо, хотя и невиновное въ совершеніи преступленія, но подозрительное по нѣкоторымъ вѣскимъ уликамъ, отвѣчаетъ передъ потерпѣвшимъ за всѣ шкоды, „а собе маеть винного искати“³⁾.

„Естли бы хто кольвекъ... третій разъ того жъ шляхтича с причинъ певныхъ, а не згола але за третимъ поволаньемъ о злодейство обвинилъ, тогда вжо самъ третій з шляхтою оселою з людьми веры годными и неподозренными отъ того отприсягнутися маеть, а естли бы сполна светковъ не мель..., тогда за доводомъ слушнымъ або за присягою жалобника маеть всю шкodu ему заплатити, а собе винного искати“⁴⁾.— „А колибы на которого человека подозренного знаки злодейские пописаны, а онъ бы ся к тому не зналъ ани ся о томъ даі мучити и хотел то заплатити, чого на немъ ищеть; таковому маетъ быти дано на заплату, а онъ собе нехай ищеть, на комъ хочетъ“⁵⁾. — „Пакли бы хто въ своемъ дому врьдежу искати недопустилъ... або отъ лица отбилъ або лице и злодея отнялъ, тогда тотъ, хто то учинить, будетъ повиненъ тую всю шкodu стороне жалобливой платити“⁶⁾.

3) Въмѣсто виновнаго отвѣчаетъ тотъ, кто активно воспрепятствовалъ его захвату и наказанію или вообще препятствовалъ исполненію

¹⁾ Трет. Ст. IV, 29.

²⁾ Перв. Ст. I, 13; Трет. Ст. IV, 31.

³⁾ Перв. Ст. XIII, 2, 3, 22; Вл. Ст. XIV, 5, 7; Трет. Ст. XIV, 5, 10.

⁴⁾ Вл. Ст. XIV, 7; Трет. Ст. XIV, 10.

⁵⁾ Перв. Ст. XIII, 22.

⁶⁾ Перв. Ст. XIII, 2, 3; Вл. Ст. XIV, 5; Трет. Ст. XIV, 5.

судебнаго приговора. Въ этихъ случаяхъ отвѣтственность третьяго лица обыкновенно соотвѣтствуетъ отвѣтственности самого виновника ¹⁾).

„А помочники таковыя, которые бы поймати его боронили, таковой же вине и каранью подлежатъ, яко тотъ самъ злочинъца правомъ переконанный“ ²⁾).

Впрочемъ, въ наиболѣе тяжкихъ случаяхъ виновный разсматривается какъ „бунтовникъ и взрушитель права посполитого“ и подлежитъ самостоятельной отвѣтственности.

„Естли бы хто якогожъ кольвекъ стану такъ свовольный былъ а вязня зъ замъку або двора нашего з везенья, або тежъ вжо выданого на смертьть, где на улицы або на дорозе кгвалтовне отнялъ..., тогды... горъломъ и отъсуженьемъ почтивости карани быти мають, а шкоды и наклады стороны жалобное... совито нагородити и заплатити таковыя винъни будуть“ ³⁾).

4) Наконецъ, вмѣсто виновнаго отвѣчаетъ тотъ, кто потушилъ свѣчу во время „вечерней звады“, кто совершилъ „похвалку“, кто не скаралъ выданнаго ему для казни злодѣя или не остановилъ своего слугу, который безо всякаго законнаго основанія набросился на кого-нб. для защиты своего пана, и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ ⁴⁾).

„Коли бы при якой вечерней зваде хто кольвекъ свечу загасилъ, а за тымъ бы албо межи тыхъ, которые се звадили, або з стороны иный хто при той зваде будучий по згашенью свечы у потемъку былъ раненъ, а неведаячы отъ кого раненъ, позвалъ бы до суду того хто свечу загасилъ, менуючы, жемъ я въ той зваде раненъ а не ведаю отъ кого за прычыною твоею, же съ свечу згасилъ..., повиненъ ему раны (головщизну) платить..., а заплативъшы раны албо головщизну, а заседевъшы за голову шляхетскую годъ и шесть недель на дне в туръме, маеть себе винъного искати“ ⁵⁾).— „Коли бы въ якой зваде слуга пана своего боронечы кого забилъ або ранилъ, таковый отъ кожного

¹⁾ Трет. Ст. IV, 32, 96, 98.

²⁾ Трет. Ст. IV, 32.

³⁾ Трет. Ст. IV, 31.

⁴⁾ Перв. Ст. VII, 7, 24, 26; XIII, 25; Вт. Ст. XI, 11, 27, 29; Трет. Ст. IX, 22; XI, 11, 25, 40.

⁵⁾ Перв. Ст. VII, 24; Вт. Ст. XI, 27; Трет. Ст. XI, 11.

права маєть быти воленъ, але сторона жалобливая будетъ тыхъ ранъ и головщины доходити на его пану“¹⁾.—„Если бы хто на кого пофалил ся або отповедалъ перед людми, хочечы ему шкоду вчинити, спалити двор албо гумно або забити. А втой пофалце або отповедеи ему которая шкода стала от огня або забитье..., тогда тая шкода маєт присужона быти на оном пофалце або отповеднику. А естли бы тот того ся прелъ, иж я того нечинилъ; тогда неха никто ся ни на кого не пофалает, а нехай тую шкоду предся отправуеъ, а собе винного ищеть“²⁾.—„Естлибы кому было злодея выдано, а оный бы его на платежъ пустилъ, а подле выступу его скарати не далъ, а оный злодей выпущоный потом кому колве шкоды чинил; тогда тот, который его выпустилъ, повиненъ кождому будетъ шкоду платити, иж злодея скарати не далъ“³⁾.

В. Отвѣтственность рядомъ съ виновными.

Мы познакомились съ разнообразными видами отвѣтственности третьихъ лицъ вмѣсто виновныхъ („заступованье“). Но заступничествомъ во всѣхъ его видахъ не исчерпываются всѣ разнообразные случаи и условія, при которыхъ наказаніе можетъ налагаться на лицъ, невиновныхъ въ преступленіи: въ опредѣленныхъ случаяхъ третьи лица привлекаются къ отвѣтственности не *вмѣсто*, но *рядомъ* съ виновными. Основаніемъ для этого являются родственныя связи.

Конечно, отвѣтственность рядомъ съ виновными иногда обусловливается тѣми же обстоятельствами, на которыхъ основывается и заступничество. Заступца можетъ переложить часть своей отвѣтственности на заступаемаго; законодатель можетъ потребовать, чтобы, въ виду тяжести совершеннаго преступленія, преступникъ подвергся именно опредѣленному личному наказанію. И то и другое, какъ мы знаемъ, случалось иногда въ дѣйствительности⁴⁾. Съ другой стороны

¹⁾ Перв. Ст. VII, 26; Вт. Ст. XI, 29; Трет. Ст. XI, 25.

²⁾ Перв. Ст. VII, 7; Вт. Ст. XI, 11; Трет. Ст. XI, 40.

³⁾ Перв. Ст. XIII, 25.

⁴⁾ Добровольный заступца могъ, напримѣръ, согласиться принять на себя только часть отвѣтственности (хотя объ этомъ и не упоминается въ Статутѣ, но это вытекаетъ, какъ логическое послѣдствіе, изъ самой природы отношеній, устанавливающихся между преступникомъ и потерпѣвшимъ). Община, не раскрывающая своего преступнаго члена,

преобладаніе имущественныхъ взысканій по самой ихъ природѣ лишаетъ карательную систему необходимой индивидуальности наказаній, такъ какъ наказаніе, падая на имущество преступника, очень часто всей своей тяжестью переносится собственно на его наслѣдниковъ, т. е. опять таки на третьихъ лицъ, ни въ чемъ неповинныхъ. Мы уже познакомились съ различными основаніями заступничества и не имѣемъ нужды говорить о нихъ болѣе; не станемъ разсматривать здѣсь и тѣхъ видовъ отвѣтственности третьихъ лицъ рядомъ съ преступникомъ, которые зависятъ отъ общихъ свойствъ карательныхъ мѣръ и вытекаютъ помимо воли законодателя (или даже вопреки ей) изъ общихъ качествъ наказанія. Остановимся на тѣхъ случаяхъ отвѣтственности невинныхъ рядомъ съ виновными, которые являются расширеніемъ общаго понятія объ объектѣ наказанія, какъ о лицѣ, совершившемъ преступное дѣяніе. Съ этой именно точки зрѣнія слѣдуетъ отмѣтить тѣ виды отвѣтственности, которые обусловливались родственными связями.

Литовскому Статуту извѣстна отвѣтственность семьи за преступленія отца ¹⁾. Напротивъ, нигдѣ не указывается и не упоминается объ отвѣтственности отца за преступленія семьи (дѣтей, жены) и объ отвѣтственности матери за преступленія дѣтей, такъ какъ по общему правилу старшіе члены семьи не отвѣчаютъ за младшихъ. Отступленія отъ этого правила если и встрѣчались, то обусловливались от-

могла выплачивать штрафы при его непосредственномъ содѣйствіи и участіи (дикая вира Русской Правды). Въ наиболѣе тяжкихъ преступленіяхъ отвѣтственность пана или поручителя не исключала отвѣтственности подданнаго или ручаемаго. По крайней мѣрѣ въ актахъ изучаемой эпохи мы иногда встрѣчаемъ отвѣтственность пана рядомъ съ отвѣтственностью подданнаго даже въ такихъ случаяхъ, о которыхъ нѣтъ никакого упоминанія въ самомъ кодексѣ. Напр., урядникъ пана Козинскаго былъ обвиненъ въ совершеніи гвалтовнаго наѣзда, причиненіи побоевъ, грабежей и въ изнасилованіи. Панъ Сербинъ (потерпѣвшій) два раза просилъ у пана Козинскаго „справедливости“. Наконецъ, вслѣдствіе отказа „вчинить справедливость“, потерпѣвшій обратился въ гродскій судъ, который и приговорилъ самого врядника пана Козинскаго, Федора Кочановскаго, къ смертной казни; всѣ же прочія штрафы были присуждены „на самому пану Михаилу Тихновичу Козинскому... яко на непослушномъ права“. См. Ак. Кіев. Центр. Ар. кн. 2040, листъ 408 на об. Ср. Перв. Ст. VI, 10; VIII, 20; XI, 9; Вт. Ст. IX, 19 и нѣкот. др.

¹⁾ Перв. Ст. I, 2, 4; XI, 7; XIII, 27; Вт. Ст. I, 3, 6, 11, 14; XII, 7; XIV, 21; Трет. Ст. I, 3, 6, 7, 18; XII, 11; XIV, 23; Устав. Зем. Грам. стр. 177—178; Судебникъ Казиміра, ст. 1.

нюдь не родственными связями, но какими-нибудь другими известными уже намъ обстоятельствами (поручительство, землевладѣніе и пр.)¹⁾. Совершеннолѣтнія дѣти, если они выдѣлены, отвѣчаютъ за свои преступленія сами, своей личностью и своимъ имуществомъ. Здѣсь не можетъ быть никакого сомнѣнія²⁾. Другое дѣло дѣти несовершеннолѣтнія или невыдѣленные. Однако и послѣднія подлежатъ вполнѣ индивидуальной отвѣтственности; даже имущественныя взысканія обращаются на ихъ (а не на отцовское) имущество, при недостаточности котораго наступаютъ обычные послѣдствія несостоятельности (выдача въ кабалу до отработки долга).

„Если бы который прироченный братъ альбо дядько, або который ли будь з роду утекъ до земли неприятеля нашего..., тогда дельница, то есть *часть ею*, будетъ ли выделена была албо и невыделена, спадываетъ на речъ посполитую и на насъ господара...“³⁾. — „Если бы ся трафило, ижъ бы шляхтичъ в лѣтахъ шестнадцати а не большъ обвинень о злодейство або приведенъ былъ з лицомъ, тогда... тую пшкodu отецъ его або матка або крвныя зыменья *части ею* повинны з навезкою заплатити..., а не будетъ ли мети чымъ платити, ино *дати ею на выслу*“⁴⁾.

За свои преступленія жена отвѣчаетъ сама и изъ своего имущества⁵⁾. Литовско-русское право не знаетъ отвѣтственности мужа рядомъ съ женой и за жену, какъ не знаетъ этой отвѣтственности и право восточной Россіи⁶⁾.

¹⁾ Напр. Трет. Ст. IV, 49—единственное мѣсто, гдѣ говорится объ отвѣтственности мужа за жену, отца или матери за дѣтей, одного родственника за другого. Во всѣхъ случаяхъ отвѣтственность обусловлена именно тѣмъ, что „крида ся стала с того дому або именья отцовскаго (матчыного)“, и что отецъ (мужъ, мать и пр.) отказалъ въ правосудіи, которое онъ обязанъ былъ оказать, какъ вотчинникъ, и этимъ далъ возможность обвиняемымъ скрыться отъ суда.

²⁾ Напр. Перв. Ст. I, 7; Вт. Ст. I, 14; Трет. Ст. I, 18.

³⁾ Трет. Ст. I, 7.

⁴⁾ Трет. Ст. XIV, 11; Вт. Ст. XIV, 8.

⁵⁾ См. выше примѣчаніе 1-ое. Въ томъ же артикулѣ читаемъ: „еслижъ бы... жона мела именье венованное або свое властное, тогда то, што за ее вину с права будетъ сказано, на ее жъ именью будь венованомъ або властномъ отъправено быти маеть“.

⁶⁾ Любопытный фактъ сообщаетъ проф. Сергѣевскій: „Женка Катерина довелася сослать въ ссылку; но она не послана въ ссылку для того, что которые люди доведутся ссылки мужеска полу и тѣхъ посылають съ женами ихъ, а за жинно воровство мужей въ ссылку не ссылають, а одну ее Катерину отъ мужа послать не довелось же“. См. *Сергѣевскаго*, Наказаніе etc., стр. 235.

Отвѣтственность семьи за преступленія своего главы извѣстна изъ временъ глубокой древности (потокъ и разграбленіе Русской Правды). Въ эпоху Литовскаго Статута эта отвѣтственность весьма ограничена и имѣетъ главнымъ образомъ имущественный характеръ. При несостоятельности преступника онъ выдается потерпѣвшему для отработки всѣхъ штрафовъ и шкодъ. Но общая сумма тѣхъ и другихъ могла достигать такихъ размѣровъ, что преступнику приходилось „выробливаться“ всю свою жизнь, и все-таки не удовлетворить потерпѣвшаго. Въ такомъ случаѣ „если жъ бы с тое суммы выслужитися до смерти не могъ, а будетъ ли мети дети подърослые до послуги и работы годные, тогды дети его мають с тое суммы выроблятися, ведже не далей одно черезъ семъ летъ“¹⁾. Послѣдней оговорки нѣтъ въ первомъ Статутѣ; слѣдовательно отвѣтственность дѣтей еще не ограничена никакимъ срокомъ („дети его мают ся выробити“)²⁾. Но второй Статутъ уже пытается въ этомъ случаѣ провести полную отмѣну подобной отвѣтственности: „а естлибы съ тое суммы до смерти выслужитися не могъ, а будетъ ли мѣти дѣти, тогды дѣти не мають се съ тое суммы выробляти“³⁾. Тѣмъ не менѣе, какъ видимъ, жизнь съ ея непреклонными требованіями и глубоко вкоренившійся обычай не подчинились нововведеніямъ законодателя, и послѣдній вынужденъ былъ уступить и возвратиться къ старинѣ, установивъ только въ видѣ компромисса извѣстныя ограниченія.

Особыя условія требуются для отвѣтственности жены и дѣтей въ случаяхъ кражи. „Жона и дети“ преступника-вора отвѣчаютъ только тогда, „если бы лице въ дому застато и дети и жона при томъ были и тыхъ речей краденыхъ ведаючы ихъ быти крадеными ужывали“⁴⁾. Отвѣтственность ихъ ограничена: „они повинъни будуть шкоду платити, а в недостатку заплаты и сами головами выдаваны быти, нижли не въ вечную неволю, одно покуль ся выробитъ“. Въ этомъ отношеніи Статутъ вполнѣ согласенъ съ Судебникомъ Казимира⁵⁾. Но слѣдуетъ замѣтить, что даже послѣ Судебника общее правило объ

¹⁾ Трет. Ст. XII, 11.

²⁾ Перв. Ст. XI, 7.

³⁾ Вт. Ст. XII, 7.

⁴⁾ Перв. Ст. XIII, 12, 27; Вт. Ст. XIV, 13, 21; Трет. Ст. XIV, 16, 23.

⁵⁾ Судебникъ Казимира, ст. 1.

отвѣтственности семьи за преступленія отца бывало распространяемо и на случаи воровства¹⁾, и случалось по старому, что „татъ бываль за татбу узятъ и зъ жоною и зъ дѣтми“²⁾, при чемъ не обращалось никакого вниманія на то, знали-ли они или не знали о преступленіи отца (мужа).

Значительно строже относилось литовско-русское право къ преступленіямъ государственнымъ, изъ которыхъ самыя тяжкія влекли за собой (кромѣ другихъ взысканій) конфискацію всего имущества виновнаго. Конфискація въ этихъ случаяхъ разсматривалась не столько какъ наказаніе для преступника, сколько какъ наказаніе именно для его дѣтей, которыя „для того выступу отца своего... отъ именей отца своего отпадывають“. Вслѣдствіе этого и въ общемъ постановленіи кодекса объ индивидуальности наказанія включена оговорка: „не маеть ни хто ни за кого теръпети..., ни отецъ за сына а ни сынъ за отца, *кромъ ображенъя маестату нашего и речи посполитое здрады*“³⁾.

Въ началѣ столѣтія за измѣну брата въ опредѣленныхъ случаяхъ отвѣчали братья: „а естли будетъ братовъ пять або шесть недѣленныхъ на имѣнны, а естли который зъ нихъ зраду вчинить, тогда дѣлницу имѣнны, што мѣло на него прійти, тратить, и надѣ то имѣнне все всихъ братовъ естъ въ ласцѣ господарской“⁴⁾. Поста-

¹⁾ Устав. Зем. Грам. стр. 177—178; Христоматія, *Владимірскаго-Буданова*, стр. 48.

²⁾ См. *Владимірскаго-Буданова*, Помѣстья литовскаго государства, стр. 32. Вотъ любопытный актъ, показывающій, какъ глубоко въ народномъ правосознаніи коренилось возрѣніе на солидарность семьи, и къ какимъ послѣдствіямъ оно могло приводить: „Станувши предо мною Яцко Махничъ—бояринъ господарскій, а Хведко Глѣбовичъ—Озеранинъ, и зъ Олексѣмъ Семеновичомъ и били ми чоломъ, абы имъ наклады ихъ тотъ Олексѣй Семеновичъ заплатилъ, которые они наложили справуючися клячи, которая кляча познана... у того Хведка Глѣбовича—Озеранина, ино тотъ Хведко тое клячи звелся на Яцка Махнича, отъ которого самъ ей мьль, а Яцко Махничъ учинилъ зводъ на того истого Олексѣя Семеновича, а Олексѣй повѣдилъ: ижъ я мамъ тую клячу отъ Мики Васкевича—Молявичанина. И заложонъ былъ ему рокъ того заводцу поставити..., а онъ того заводцу не поставилъ... Ино яко дисейшого дня за чоломбѣтьемъ и доукою того Яцка Махнича а Хведка Глѣбовича... подаль есми жону того Олексѣя Яцку въ накладѣхъ его, ошачовавши въ рубли и во дву грошей, а Хведку Озеранину сына его у другомъ рубли и во дву грошей и мають они тую жонку и дѣтину держати до того часу, поки имъ Олексѣй пенязи заплатитъ“. См. Ак. Вил. Ком. т. XVII, № 303, стр. 124 (актъ относится къ 1540 году).

³⁾ Перв. Ст. I, 2, 4; Вт. Ст. I, 3, 6, 11, 14; Трет. Ст. I, 3, 6, 7, 18.

⁴⁾ Ак. зап. Россіи т. II, стр. 62, № 50.—Уставъ 1509 года объ имѣніяхъ государскихъ измѣнниковъ.

новленіе это не вошло ни въ старѣй, ни въ послѣдующіе Статуты. Зато второй Статутъ попытался расширить отвѣтственность дѣтей измѣнника: „сынове зрадцы за таковъ выступокъ отца своего безечными будутъ“¹⁾. Но и это нововведеніе оказалось неудачнымъ и было отвергнуто практикой и третьимъ Статутомъ.

¹⁾ Ср. Вг. Ст. I, 3 и Трет. Ст. I, 3.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФІЯ.

О метопахъ древне-греческихъ храмовъ.

Метопы древне-греческихъ храмовъ. Изслѣдованіе въ области декоративной скульптуры *Владимира Мальмберга*. Съ четырьмя таблицами рисунковъ. Дерптъ. 1892.

Въ истекшемъ 1892 году русская ученая литература, столь богатая оригинальными сочиненіями, относящимися къ исторіи античнаго искусства, обогатилась новымъ произведеніемъ. Это—*Метопы древне-греческихъ храмовъ* *Владимира Мальмберга*. Авторъ этого труда—молодой ученый, посвятившій себя разработкѣ античнаго искусства. Изъ его работъ мы назовемъ: Фронтонъ Мегарской сокровищницы въ Олимпіи (Записки Импер. Русск. Археол. Общ. Т. III, стр. 215—237), О нѣкоторыхъ приѣмахъ гончаровъ—живописцевъ (Зап. Импер. Арх. Общ. Т. IV, стр. 93—99), Über zwei Figuren aus dem Weihgeschenke des Attalos (Jahrbuch d. deutsch. arch. Inst. Bd. I. 1886. Drittes Heft). Теперь г. Мальмбергъ выступилъ съ изслѣдованіемъ о метопахъ греческихъ храмовъ. Книга его посвящена описательному изученію сохранившихся памятниковъ. Не довольствуясь толкованіемъ композицій отдѣльныхъ метопахъ, авторъ устанавливаетъ ихъ общую связь, рассматриваетъ метопы съ точки зрѣнія ихъ общей декоративной роли. Такая задача поставлена авторомъ впервые, и въ этомъ отношеніи книга г. Мальмберга полна интереса и представляетъ новый важный шагъ впередъ въ дѣлѣ разработки вопросовъ по исторіи древняго искусства. Въ толкованіи сюжетовъ отдѣльныхъ метопахъ авторомъ принятъ путь сравнительнаго изслѣдованія, въ которомъ живопись на вазахъ, составляющая важную и древнюю отрасль греческаго искусства, играетъ весьма значительную роль. Эллинская декоративная скульптура (осо-

бенно архаической эпохи) нерѣдко относится къ памятникамъ вазовой живописи какъ къ своимъ источникамъ. Не менѣе важны рисунки на вазахъ для пониманія произведеній монументальнаго искусства позднѣйшаго времени, когда роспись глиняныхъ сосудовъ является повтореніемъ или живымъ отголоскомъ навсегда утерянныхъ великихъ художественныхъ созданій. Само собою разумѣется, что послѣ прежнихъ трудовъ по исторіи древняго искусства нѣкоторыя свѣдѣнія и подробности въ сочиненіи г. Мальмберга встрѣчаются не въ первый разъ, тѣмъ не менѣе, благодаря новизнѣ многихъ выводовъ и собранію и сопоставленію матеріала въ одно цѣлое, книга автора есть приобрѣтеніе для науки.

Сочиненіе г. Мальмберга состоитъ изъ пяти главъ и введенія: 1) памятники VI в. до Р. Х. (стр. 9—42), 2) памятники первой половины V в. (43—73), 3) памятники второй половины V в. (74—162), 4) памятники II в. (163—168), 5) памятники, извѣстные лишь изъ литературныхъ источниковъ (169—188). Сверхъ этого имѣется еще добавленіе, содержащее замѣтку о метопахъ, недавно найденныхъ на селинунтскомъ акрополѣ. Такимъ образомъ, въ работѣ г. Мальмберга описаны метопы тринадцати храмовъ, включая въ это число и героонъ Геракла въ Оивахъ, а именно: метопы храма въ Ассосѣ, храмовъ С и F въ Селинунтѣ, храма Зевса въ Олимпіи, храма Е въ Селинунтѣ, храма Аѣины—Парѣеносъ и такъ называемаго храма Тезея въ Аѣинахъ, храма Аполлона въ Дельфахъ, храма Геры въ Аргосѣ, храма Зевса въ Агригентѣ и героона Геракла въ Оивахъ. Изъ этихъ зданій два принадлежатъ Малой Азіи, четыре Сициліи, остальные семь собственной Греціи.

Вопросъ о происхожденіи метопа, которому авторъ посвящаетъ свое *введеніе*, до сихъ поръ мало разработанъ и освѣщенъ въ наукѣ. Въ отвѣтахъ, которые дали ученые изслѣдователи на этотъ интересный и заслуживающій особеннаго изученія вопросъ, существуетъ значительное разногласіе. По мнѣнію Беттихера ¹⁾, въ древнѣйшую эпоху метопы служили вмѣсто оконъ; впослѣдствіи же, когда греческіе храмы получили освѣщеніе черезъ отверстіе въ кровлѣ, ὀψαδρον, метопы стали закладывать плитами, украшенными рельефными изображеніями.

¹⁾ Die Tektonik der Hellenen. 2 neu bearbeitete Auflage I, 204.

Какъ доказательство этого положенія, Беттихеръ приводитъ мѣсто изъ 113-го стиха Еврипидовой Ифигеніи въ Тавридѣ, гдѣ говорится, что Пиладъ совѣтуетъ Оресту проникнуть между триглифами въ томъ мѣстѣ, гдѣ есть отверстіе. Съ такимъ рѣшеніемъ вопроса несогласенъ Дерпфельдъ ¹⁾. Исходя изъ единственно вѣрнаго предположенія, что триглифы суть не что иное, какъ облицованные концы потолочныхъ балокъ, Дерпфельдъ считаетъ необходимымъ признать метопы частями стѣны, простѣнками, лежащими между балками. По Дерпфельду, слѣдовательно, метопы произошли вслѣдствіе простой необходимости заполнить плитами простѣнки между балками надъ архитравомъ.

Послѣднее рѣшеніе вопроса авторъ считаетъ наиболѣе правдоподобнымъ и вполне согласнымъ съ свидѣтельствомъ Витрувія (IV, 2, 4). Мы готовы признать вмѣстѣ съ г. Мальмбергомъ, что противъ гипотезы Беттихера говорить весьма многое ²⁾ и что на указаніи поэта Еврипида, которому къ тому же ученые даютъ различныя толкованія, нельзя сдѣлать того вывода, который дѣлаетъ знаменитый авторъ „Тектоникки Эллиновъ“. Однако устраненіе гипотезы Беттихера еще не влечетъ за собой необходимости предположенія, что метопы—это простѣвки, находящіяся между потолочными балками. Теорія Дерпфельда для насъ не совсѣмъ убѣдительна. Не въ пользу этой теоріи говорить то, что во всѣхъ дошедшихъ до насъ памятникахъ дорическаго зодчества потолочныя балки или квадратныя кассетированныя плиты лежатъ не на архитравахъ, а на фризovýchъ частяхъ антаблемента ³⁾; это обстоятельство едва ли можетъ служить объясненіемъ триглифовъ въ смыслѣ, желательномъ Дерпфельду. Принимая теорію Дерпфельда,

¹⁾ Die Skeuothek des Philon (Mittheil. des arch. Inst. Athen, VIII, 1888, p. 157 сл.).

²⁾ Между прочимъ хотя бы то, что его теорія примѣнима только къ *templum in antis* и совершенно не примѣнима къ периптеру, а какая изъ этихъ двухъ формъ древнѣе, это—вопросъ еще нерѣшенный.

³⁾ Durm, Handbuch der Architektur. I Bd. S. 81: Wenn die Architrave die erste Verbindung von Säule zu Säule herstellten, wenn sie die tragenden Balken für die über ihnen gelegenen Theile waren, so mussten sie in diesem Sinne zunächst die Deckenbalken des Pteron aufnehmen, welche dann mit ihren Enden und Zwischenweiten das Motiv für die Gestaltung des Frieses abgegeben haben würden. Eine solche Auflagerung der Deckenbalken trifft wohl an jonischen Monumenten zu, nicht aber an dorischen. Die Decken der seitlichen Umgänge bestanden entweder aus an einander gereihten cassetirten Platten (Parthenon) oder aus einzelnen Steinbalken mit zwischengelegten Cassettenplatten (Theseion), die aber in beiden Fällen nicht unmittelbar auf den Architraven, sondern auf dem Friesen ruhten.

необходимо допустить, что въ древнѣйшую эпоху метопы оставались гладкими и что только впослѣдствіи явилась мысль заполнить пустыя пространства скульптурами. Намъ же кажется, что раздѣленіе дорического фриза на метопы, украшенныя изображеніями, съ самаго начала явилось безъ всякой конструктивной необходимости какъ результатъ декоративной моды, господствовавшей въ Греціи въ архаическую эпоху. Эту метопную декорацію можно доказать на множествѣ греческихъ архаическихъ памятниковъ, преимущественно глиняныхъ росписныхъ вазъ. Не приводя многихъ другихъ примѣровъ, мы назовемъ чаши или блюда (*πίνακες, δίσκοι*), найденныя въ некрополѣ Камира на островѣ Родосѣ; способъ композиціи, украшающей эти чаши, состоитъ въ томъ, что концентрическіе пояса, окружающіе центральный медальонъ сосудовъ, раздѣлены на метопы, въ которыхъ изображены головы животныхъ ¹⁾. Но особенно замѣчательные примѣры представляютъ очень древніе сосуды съ геометрической орнаментаціей, происходящіе изъ Аѣинъ, и вазы, найденныя на островѣ Мелосѣ. Сюда относится напр. киликсъ, открытый въ Аѣинахъ и украшенный геометрическими узорами ²⁾; его наружная декорація поразительно напоминаетъ триглифный фризъ дорическихъ храмовъ; триглифы состоятъ изъ трехъ продольныхъ геометрическихъ (разнаго рисунка) полосъ. Слѣдуетъ также назвать сосудъ, найденный въ Куріумѣ (Нью-Йорскаго музея) ³⁾ и амфоры съ Мелоса (въ Аѣинахъ, въ министерствѣ культовъ) ⁴⁾. Повсюду мы находимъ характерное раздѣленіе декораціи на метопы, иногда даже безъ всякой въ тому эстетической необходимости, а единственно въ силу моды, освященной давностью.

Эта метопная декорація, удержавшаяся на греческихъ вазахъ до V вѣка (керамическія издѣлія Аѣинъ второй половины VI ст. и чернофигурныя вазы), ведетъ свое происхожденіе съ азіатскаго востока и занесена въ Грецію при посредствѣ мелкихъ художественно-промышленныхъ произведеній, предметовъ утвари и въ особенности небольшихъ бронзовыхъ издѣлій, которыя имѣли столь широкое распростра-

¹⁾ Longpérier, Musée Napoléon III, Pl. XXXVIII.

²⁾ Rayet et Collignon, Histoire de la céramique grecque. Paris 1888. Fig. 17.

³⁾ Ibid. Fig. 18. См. также Pl. I и Fig. 21.

⁴⁾ Ibid. Pl. 2 и Fig. 24.

неніе въ Греціи въ начальную пору эллинской цивилизаціи¹⁾. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что этотъ декоративный способъ, столь любимый первоначальными греческими художниками, былъ примѣненъ къ украшенію дорическихъ фризозъ, подобно тому какъ другой одновременный ему декоративный приѣмъ, употреблявшійся на коринескихъ сосудахъ, послужилъ образцомъ для іоническаго фриза. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ сказать, что система барельефнаго іоническаго фриза явилась независимо отъ вазовой живописи.

Нашу мысль о происхожденіи и зависимости метопъ отъ ориентальной декораціи, господствовавшей на мелкихъ художественно-промышленныхъ греческихъ произведеніяхъ, главнымъ образомъ на вазахъ архаической эпохи, подтверждаетъ скульптурное убранство одного изъ древнѣйшихъ дорическихъ храмовъ,—храма въ Ассосѣ. Декорація этого храма имѣетъ близкое сродство съ росписными фризами, опоясывающими коринескіе сосуды. Мы видимъ здѣсь тѣже сюжеты, что и на коринескихъ вазахъ: сфинксовъ, обращенныхъ другъ къ другу лицомъ, скачущаго кентавра, пасущагося кабана, а также человѣческія фигуры. При этомъ невольно бросается въ глаза та замѣчательная особенность, что и архитравъ ассосскаго храма противъ обыкновенія украшенъ, на подобіе сосудовъ, полосой, въ которой представлены ряды дѣйствительныхъ и фантастическихъ животныхъ. Очевидно, что въ древнѣйшую эпоху были случаи, когда оба названные нами декоративные способа употреблялись рядомъ для украшенія храмовыхъ антаблементовъ. Подобное свидѣтельство памятника чрезвычайно важно; оно не можетъ быть случайнымъ и, повидимому, указываетъ на тѣсную связь и близкое родственное отношеніе обоихъ способовъ декораціи съ живописью на вазахъ.

Какимъ способомъ воспроизводилась первоначально на храмахъ метопная декорація, сказать довольно трудно. Принимая во вниманіе окраску греческихъ храмовъ и употребленіе штукатурки, мы склонны думать, что здѣсь во всякомъ случаѣ играла роль живопись. Не исклю-

¹⁾ Вліяніе металлическихъ образцовъ на вазовую живопись сказывается постоянно въ самой техникѣ. Слѣдуетъ напр. только бросить взглядъ на рисунокъ, изображающій смерть Аякса [ваза изъ Цере, Луврскаго музея; рисунокъ воспроизведенъ у Longprérier, Musée National III. Pl. XXXVI], чтобы сказать, что это—подражаніе фигурамъ, вырѣзаннымъ изъ металлической бляхи.

чена, конечно, возможность предположенія, что въ древнѣйшую пору фризы деревянныхъ греческихъ храмовъ обкладывались терракотовыми росписными плитами или металлическими рельефными листами.

Такимъ только образомъ, по нашему мнѣнію, можетъ быть рѣшенъ вопросъ о происхожденіи метопа греческихъ храмовъ.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи, авторъ, какъ указано, располагаетъ свой матеріалъ въ хронологическомъ порядкѣ. Предметъ *первой главы* его изслѣдованія составляютъ метопа трехъ древнѣйшихъ греческихъ храмовъ: храма въ Ассосѣ и храмовъ С и F въ Селинунтѣ. Изъ нихъ два первые относятся къ началу VI вѣка до Р. X. Характерная особенность этихъ храмовъ состоитъ въ томъ, что всѣ они не имѣли фронтонныхъ скульптуръ. Украшеніе скульптурами большихъ фронтоновъ было задачей, еще непосильной для ваятелей архаической эпохи. Поэтому скульптурная декорація храмовъ довольствовалась только внѣшними метопами, и притомъ на короткихъ сторонахъ зданій, все остальное предоставляя живописи.

Въ храмахъ ассоскомъ и С въ Селинунтѣ мы находимъ метопа, украшеніемъ которыхъ служатъ разнообразныя сцены, не связанныя между собою единствомъ (сборные сюжеты). Ассосскія метопа въ отношеніи стиля представляютъ образецъ примитивнаго греческаго рельефа; сохранились онѣ въ числѣ пяти и вѣроятно украшали восточную сторону храма. Вопросъ о порядкѣ распредѣленія ассосскихъ метопа былъ поставленъ Кларкомъ. Этотъ ученый рассматриваетъ метопа ассосскаго храма въ связи съ барельефами архитрава, также уцѣлѣвшими въ фрагментахъ; по аналогіи съ композиціями фризовъ росписныхъ вазъ, Кларкъ заполняетъ середину архитрава гербообразно расположенными сфинксами, а на фризѣ помѣщаетъ парныхъ сфинксовъ на углахъ. Такимъ образомъ у него въ первомъ случаѣ мифическія существа составляютъ *центръ*, во второмъ *рамку*. Г. Мальмбергъ принялъ другое рѣшеніе относительно мѣста, принадлежавшаго сфинксамъ на фризѣ, и полагаетъ, что плиты со сфинксами занимали двѣ среднія метопа.

Изъ десяти метопа, украшавшихъ восточный фасадъ храма С въ Селинунтѣ, уцѣлѣли только четыре метопа. Двѣ изъ нихъ, „Персей, отрѣзывающій въ присутствіи Аѳины голову Медузы“ и „Геракль, несущій побѣжденныхъ имъ Керкоповъ“, какъ наиболѣе сохранившіяся, привлекали особенное вниманіе изслѣдователей и много разъ были

изданы и описаны; остальные менѣе извѣстны. Современные ученые расходятся въ своихъ мнѣніяхъ относительно сюжетовъ этихъ метопахъ. Одна изъ нихъ изображаетъ квадригу (en face) съ возницей и двумя человѣческими фигурами позади пристяжныхъ. Такъ какъ были найдены фрагменты пятой метопы съ подобной же композиціей, то уже Бенндорфъ затрогиваетъ вопросъ, не нужно ли здѣсь видѣть божества солнца и луны на колесницахъ; но авторъ встрѣчаетъ такое объясненіе сомнѣніями и соглашается съ мнѣніемъ, выраженнымъ Энджелемъ и Евансомъ, что на метопахъ изображено торжественное приготовленіе къ состязанію между Ойномаемъ и Пелопсомъ. Четвертая метопа, къ сожалѣнію сильно повреждена; однако смыслъ ея понятенъ: мушца бросается съ обнаженнымъ мечемъ на женщину, которую онъ обхватилъ лѣвой рукой за шею. По мнѣнію Шубринга, метопа представляетъ поединокъ Геракла съ амазонкой. Иначе объясняетъ этотъ сюжетъ г. Мальмбергъ, утверждая, что ваятель воспроизвелъ на метопахъ Менелая и Елену. Причиной такого предположенія послужило для него сходство метопы съ извѣстной спартанской стелой, сюжетъ которой опредѣлилъ Лешке.

По нашему мнѣнію, все это вопросы, которые еще не поддаются окончательному рѣшенію; принадлежность памятниковъ къ начаткамъ греческаго искусства и ихъ грубость не позволяютъ рѣшительно высказаться относительно ихъ содержанія. Конечно, авторъ, быть можетъ, правъ въ толкованіи сюжетовъ, только напрасно онъ видитъ въ художникѣ, изваявшемъ рельефы, утонченнаго наблюдателя. Такъ, по поводу четвертой метопы г. Мальмбергъ пишетъ: „Женщина опустила голову, взоръ, навѣрное, былъ потупленъ, лѣвая рука была опущена, только правою она, можетъ быть, касалась своего противника. Все это носить отпечатокъ вины и раскаянія. Древній скульпторъ хотѣлъ разрѣшить непосильную ему задачу—выразить сразу и бурное преслѣдованіе оскорбленнаго мужа, и обезоруженіе его гнѣва красотами вѣроломной супруги“ (стр. 24). Греческій скульпторъ конца VII или начала VI вѣка, навѣрное, былъ гораздо простодушнѣе и попросту повторилъ сюжетъ, заимствовавъ его съ какого нибудь другаго памятника, что доказывается между прочимъ уже весьма значительнымъ сходствомъ метопы съ спартанской стелой.

Селинунтскія метопы не всѣ одинаковой величины: онѣ постепенно уменьшаются въ ширину, по мѣрѣ того, какъ отъ середины при-

ближаются къ угламъ фасада. Благодаря этому обстоятельству, легко опредѣлить ихъ первоначальное расположеніе. Порядокъ, въ которомъ нѣкогда стояли метопы между триглифами, былъ слѣдующій: на первомъ мѣстѣ отъ центра или на 6-омъ всего ряда находилась квадрига, на 2-омъ или 3-ьемъ (7 или 8)—Персей, на 4-омъ (9)—Геракль, на 5-омъ (10)—Менелай.

Въ селинунтскихъ метопахъ, при отсутствіи единства содержанія, мы находимъ полное единство композиціи съ формальной стороны. Это единство выражается въ уменьшеніи числа фигуръ отъ центра къ угламъ, въ уменьшеніи выпуклости рельефа и въ постепенномъ переходѣ фигуръ отъ положенія en face къ положенію въ профиль. Значительная выпуклость рельефа селинунтскихъ метопъ (особенно центральныхъ) и ихъ исключительно мифологическое содержаніе, придающее меньшую пестроту всему фризу, знаменуетъ, по мнѣнію автора, прогрессъ этихъ памятниковъ въ сравненіи съ метопами ассосскаго храма. Общій выводъ, къ которому приходитъ авторъ, тотъ, что въ архаическую эпоху декоративной скульптуры единство внѣшнее, т. е. единство формы, предшествуетъ единству внутреннему, т. е. единству содержанія.

Въ хронологическомъ порядкѣ за этими примитивными памятниками слѣдуютъ метопы храма F въ Селинунтѣ. Время сооруженія этого храма опредѣляютъ послѣднюю четверть VI вѣка (Кекуле). Нѣкогда число метопъ, украшавшихъ восточный фасадъ его, было десять. Всѣ онѣ представляли отдѣльные моменты одного сюжета: гигантомахіи. Въ настоящее время уцѣлѣли только нижнія половины двухъ метопъ; авторъ, вслѣдъ за Гитторффомъ, помѣщаетъ ихъ на 2 и 3 мѣстахъ, считая отъ лѣваго угла фасада. На одной изъ нихъ изображена Аѣина (по Овербеку) или Артемида (по Штарку и г. Мальмбергу), повергшая на земь гиганта; богиня поставила лѣвую ногу на бедро лежащаго противника, намѣреваясь нанести ему послѣдній ударъ. Другая метопа представляетъ подобную же сцену: мужская фигура, въ богатомъ длинномъ хитонѣ и гиматіѣ, — по мнѣнію Бендорфа, Діонисъ, — подлѣ упавшаго на правое колѣно гиганта. Совершенное отсутствіе пантеры, льва, плющевой вѣтви и т. п. спутниковъ и атрибутовъ Діониса, заставляетъ автора сомнѣваться въ вѣрности усваиваемаго этой фигурѣ Бендорфомъ названія. Кромѣ Діониса длинную одежду носятъ изъ боговъ только Посейдонъ, для котораго въ гигантомахіи живописи

на вазахъ до половины V в. установился вполне опредѣленный типъ: Посейдонъ, обращенный вправо, съ трезубцемъ въ одной рукѣ и большой глыбой земли въ другой, старается задавить своего противника. По мнѣнію г. Мальмберга, этотъ типъ совершенно соотвѣтствуетъ тому, что мы видимъ на метопахъ; поэтому единственно вѣрное толкованіе, это—видѣть въ побѣдителя Посейдона.

Говорить о томъ, какъ были расположены на фризахъ остальные, несуществующія метопы, трудно, даже и на основаніи аналогичныхъ композицій въ живописи вазъ и другихъ памятникахъ искусства. Вопросъ о порядкѣ метопъ долженъ остаться открытымъ, несмотря на неоднократно дѣлаемыя въ этомъ отношеніи усердныя изслѣдованія. Авторъ также не остался въ сторонѣ отъ желанія дать съ своей стороны объясненіе порядка метопъ; онъ предлагаетъ слѣдующую схему:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10.
Аполлонъ.	Артемиды.	Посейдонъ.	Аѳина.	Зевсъ.	Гера.	Геракль.	Гефестъ.	Афродита.	Арѣй.
								или	или
								Деметра.	Гермій.

На основаніи уцѣлѣвшихъ двухъ метопъ можно съ увѣренностью заключить, что композиція фриза въ храмѣ F была *центро-стремительная*, т. е. что всѣ пять метопъ лѣвой половины были обращены вправо, а пять метопъ правой—влѣво. Этотъ способъ размѣщенія фигуръ, какъ справедливо замѣчаетъ авторъ, въ эстетическомъ отношеніи выше того, который встрѣчается въ храмѣ C и представляетъ композицію *центро-бѣжную*.

Гигантомахія, это первая цѣльная тема, надъ разработкой и усовершенствованіемъ которой трудились греческіе скульпторы—декораторы архаической эпохи. Кромѣ храма F въ Селинунтѣ, она послужила сюжетомъ для фронтона мегарской сокровищницы въ Олимпіи и для фронтовой группы до-персидскаго Паренона.

Содержаніе *второй главы* изслѣдованія г. Мальмберга составляютъ метопы храма Зевса въ Олимпіи и храма E въ Селинунтѣ. Эти памятники знаменуютъ собой возникновеніе новыхъ процессовъ развитія и борьбу съ прежнимъ стилемъ, узаконеннымъ давностью. Они относятся къ первой половинѣ V ст., т. е. къ эпохѣ, когда въ своеобразностяхъ греческаго декоративнаго стиля замѣчается еще много наивности, неискусной простоты и даже рѣзкости, но вмѣстѣ съ тѣмъ

въ выясненіи художественныхъ цѣлей высказывается больше чистоты и благородства. Метопы олимпійскаго храма, сохранившіяся въ числѣ двѣнадцати, благодаря своему значительному интересу и, особенно, полной ясности заключающихся въ нихъ сюжетовъ, въ достаточной степени разработаны въ ученой литературѣ. Онѣ не были вставлены съ наружныхъ сторонъ храма, а находились внутри портиковъ, надъ входами въ пронаосъ и опистодомъ, по шести на каждой сторонѣ. Такое перемѣщеніе метопъ съ наружныхъ мѣстъ во внутренность храма объясняется появленіемъ въ первый разъ фронтонныхъ фигуръ, которыя отняли у метопъ ихъ первенствующее декоративное значеніе. Содержаніе метопъ составляли 12 подвиговъ Геракла. Воспроизведеніе ихъ скульпторъ началъ съ западной стѣны храма; онъ направлялся отъ сѣверо-западнаго угла къ юго-западному, затѣмъ перешелъ въ пронаосъ и здѣсь уже подвигался въ обратномъ порядкѣ, — съ юга на сѣверъ; такимъ образомъ, сюжеты въ обоихъ случаяхъ шли слѣва направо.

Каждый изъ этихъ двѣнадцати подвиговъ много разъ воспроизводился въ греческомъ искусствѣ; въ особенности живописцы, занимавшіеся росписью глиняныхъ сосудовъ, любили изображать эти популярныя сюжеты; а скульптура черпала въ нихъ мотивы для своихъ большихъ декоративныхъ композицій. Невозможно сосчитать рисунки на вазахъ, гдѣ представленъ Гераклъ, борющійся съ немейскимъ львомъ, то одинъ, то въ сопровожденіи Юлая и въ присутствіи Аѳины или Гермеса. „Гераклъ, умиряющій критскаго быка“ съ небольшою любовью разрабатывался греческими художниками. Другія сцены менѣе часты; изображенія борьбы съ стимфальскими птицами на вазахъ даже рѣдки. Большое значеніе поэтому имѣетъ амфора Британскаго музея, опубликованная Де Виттомъ, гдѣ представленъ Гераклъ, убивающій птицъ пращей. Въ олимпійскихъ метопахъ удивительна та свобода, съ какою скульпторъ относится иногда въ своихъ композиціяхъ къ художественнымъ преданіямъ, бывшимъ въ силѣ до него. При изображеніи „борьбы Геракла со львомъ“ и „истребленія стимфальскихъ птицъ“, онъ оставляетъ въ сторонѣ типы, господствовавшіе въ его время, и обращается къ новымъ мотивамъ: изображаетъ не моменты борьбы Геракла, а моменты отдыха и торжества послѣ совершенія подвиговъ. Въ „поединкѣ Геракла съ Геріономъ“ на вазахъ герой стрѣляетъ изъ лука или замахивается палицей; на метопѣ Геріонъ пред-

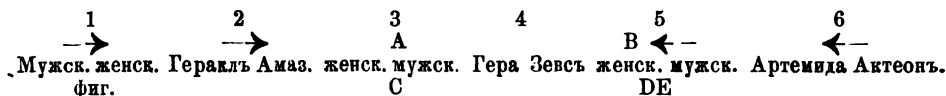
ставленъ упавшимъ на колѣна, а Гераклъ уперся въ его туловище лѣвой ногой и заноситъ надъ головой палицу. Въ сценѣ извлеченія Цербера изъ преисподней на архаическихъ вазахъ входъ въ Аидъ обозначается колонной; на метопахъ Гераклъ тащитъ подземнаго стража изъ пещеры, и т. п.

Композиція олимпійскихъ метопахъ въ цѣломъ отличается отъ композиціи метопахъ селинунтскаго храма Фтѣмъ, что здѣсь при единствѣ содержанія исключено единство времени. Съ эстетической точки зрѣнія такую постановку задачи авторъ находитъ совершенно вѣрной. „Метопы селинунтскаго храма, говоритъ онъ, были видны издали, ихъ можно было сразу окинуть взоромъ, они, слѣдовательно, могли быть восприняты зрителемъ какъ одно цѣлое, а потому выборъ ихъ сюжета заслуживаетъ полнаго одобренія. Метоповъ олимпійскаго храма, напротивъ, издали не было видно, они открывались взору лишь по входѣ въ колоннаду, образуемую периптеромъ, а такъ какъ колоннада недостаточно широка для того, чтобы одновременно увидѣть всѣ композиціи въ пронаосѣ или постикумѣ, то желающему познакомиться съ сюжетами метопахъ надо было идти отъ одного къ другому; въ виду этого послѣдовательный рядъ композицій, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, нельзя не признать сюжетомъ весьма подходящимъ“ (стр. 56).

Съ формальной стороны, въ композиціяхъ метопахъ замѣчается соотвѣтствіе. Такъ въ пронаосѣ всѣ композиціи направлены къ серединѣ, въ постикумѣ же центральныя и угловыя композиціи обращены къ угламъ, а среднія къ центру. По мнѣнію автора, здѣсь впервые можно констатировать фактъ центральнаго распредѣленія композицій въ дорическомъ фризѣ.

Къ метопахъ олимпійскаго храма по времени очень близко примыкаютъ метопы храма Е въ Селинунтѣ. Метопы эти, числомъ 12, были помѣщены, какъ и въ Олимпіи, въ пронаосѣ и постикумѣ храма. Сюжеты метопахъ не были связаны между собою единствомъ, а принадлежали къ числу сборныхъ. Изъ метопахъ пронаоса болѣе или менѣе цѣлыми сохранились только три: Гераклъ, поражающій амазонку, Зевсъ и стоящая передъ нимъ Гера, Актеонъ и Артемида, травящая на него собакъ. Сверхъ того, найдены еще незначительные фрагменты другихъ метопахъ: фрагменты А, В, С, D, Е. Для восстановленія композиціи метопахъ въ ея цѣломъ авторомъ взята за образецъ строга

симметрія декораціи архаических храмовъ. Авторъ предлагаетъ слѣдующую схему:

Изъ метопъ, находившихся въ *posticum*'ѣ, до насъ дошли только двѣ: Аполлонъ, преслѣдующій женщину, и Аѣина въ борьбѣ съ гигантомъ, и нѣсколько фрагментовъ. По исполненію и композиціи метопы *posticum*'а авторъ ставитъ ниже метопъ *pronaos*'а.

Разсматривая метопы храма Е, авторъ останавливается на вопросѣ объ отношеніи ихъ къ метопамъ храма Зевса въ Олимпіи. Уже Кекуле (*Arch. Zeit.* 1883. S. 241 сл.) указалъ на то, что селинунтскія метопы стоятъ въ тѣсной связи съ олимпійскими скульптурами въ отношеніи стиля, и находилъ возможнымъ считать тѣ и другія произведеніемъ одной и той же школы скульпторовъ.

Г. Мальмбергъ осторожно затрогиваетъ вопросъ, не произведеніе ли это Пиеагора изъ Регіона, который также работалъ и въ Олимпіи, или въ стилѣ этого художника. „Если бы можно было доказать, что селинунтскія метопы дѣло рукъ Пиеагора, говоритъ онъ, то сходство типовъ было бы вполне объяснимо іонійскимъ происхожденіемъ скульпторовъ того и другаго ряда изваяній (т. е. селинунтскихъ и олимпійскихъ); разница же въ трактовкѣ платья, напротивъ, служила бы свидѣтельствомъ, что та и другая школа въ подробностяхъ отличались“ (стр. 72). Сходство селинунтскихъ метопъ съ олимпійскими заключается еще въ томъ, что тѣ и другія находились въ *pronaos*'ѣ и *posticum*'ѣ. Въ этомъ фактѣ авторъ видитъ непосредственное вліяніе храма Зевса, которому въ этомъ отношеніи принадлежитъ починъ и который до сооруженія Парѣенона могъ служить образцомъ для греческихъ архитекторовъ и скульпторовъ. О такомъ вліяніи тѣмъ болѣе умѣстно говорить, что фронтоны храма Е не были украшены изваяніями и, слѣдовательно, не было необходимости помѣщать метопы въ портикахъ.

Третья глава сочиненія г. Мальмберга посвящена метопамъ Парѣенона, храма Тезея и храма Аполлона Эпикурія близъ Фигаліи. По нашему мнѣнію, первая часть этой главы, содержащая метопы Парѣенона, это наиболѣе интересный и цѣнный отдѣлъ во всей книгѣ.

Здѣсь г. Мальмбергъ съ замѣчательною обстоятельностью разсмотрѣлъ уцѣлѣвшій матеріалъ и подвергнулъ его систематическому распредѣленію. Описанныя имъ метопы Паренона имѣютъ уже свою обширную литературу; однако заключающіяся въ ней толкованія сюжетовъ при внимательномъ изученіи автора оказались далеко неудовлетворительными. Онъ предлагаетъ съ своей стороны рѣшеніе задачи, и высказанныя имъ соображенія должны быть названы вполне удачными. Благодаря остроумію г. Мальмберга, особеннымъ съ чувствіемъ можетъ пользоваться его попытка возстановить содержаніе метоппъ сѣверной стороны храма. Какъ извѣстно, въ Паренонѣ всѣ метопы были покрыты скульптурными украшеніями, сдѣланными очень высокимъ рельефомъ. Всѣхъ метоппъ было 92 (по 14 на узкихъ и по 32 на длинныхъ сторонахъ зданія); но изъ нихъ въ настоящее время сохранились неповрежденными только весьма немногія. Особенно повреждены рельефы сѣверной стороны; однако значеніе ихъ, кажется, довольно ясно: содержаніе метоппъ сѣвернаго ряда составляло разрушеніе Иліона. По крайней мѣрѣ двѣ таблицы напоминаютъ одинъ изъ эпизодовъ разрушенія Трои, хорошо извѣстный намъ по рисункамъ на вазахъ; онѣ представляютъ Елену, убѣгающую подъ защиту статуи Аѳины отъ преслѣдованія Менелая. Однако, не всѣ сюжеты сѣверной стороны считаются относящимися къ названному циклу; полагаютъ, что здѣсь были вставлены метопы, примыкающія по содержанію къ метапамъ южной стороны храма. Наиболѣе сохранившіяся метопы южной стороны изображаютъ битву между Кентаврами и Лапитами на свадьбѣ Перитоя, царя Лапитовъ. Чтобы избѣжать однообразія при воспроизведеніи этого сюжета, метопы Кентавромахіи будто бы были помѣщены въ перемежку съ метапами сѣвернаго ряда; такимъ образомъ, девять сценъ Кентавромахіи были перенесены на сѣверную сторону и находились между картинами разрушенія Трои, а семь таблицъ, содержащихъ эпизоды разрушенія Трои, занимали соотвѣтствующее мѣсто на южной сторонѣ между изображеніями Кентавромахіи. Это толкованіе до послѣдняго времени считалось наиболѣе вѣроятнымъ. Но тутъ возникаетъ вопросъ, какія могли быть основанія для такого рѣшенія задачи? Основаніе очень непрочное—рисунки свачущихъ кентавровъ, исполненные для Дотьера (d'Otièges) и относимые къ сѣверному ряду метоппъ. Авторъ смѣло пошелъ на встрѣчу этому сомнительному вопросу и разрѣшаетъ его, какъ намъ кажется, почти правдо-

подобно. Признавая въ рисункахъ Дотъера варіацію одной и той же фігуры, онъ считаетъ ихъ досужими упражненіями карандаша, для которыхъ мотивомъ, можетъ быть, послужили кентавры одной изъ метопъ южной стороны, и полагаетъ, что всѣ метопы сѣвернаго ряда относились къ одному и тому же сюжету, разрушенію Трои. Художникъ представилъ здѣсь начальный и конечный пункты событія: его открываетъ Геліосъ, поднимающійся изъ морской пучины (1-я метопа), а заканчиваетъ Селена, погружающаяся въ волны океана (29 м.); всѣ участвующія въ событіи лица увлечены однимъ и тѣмъ же движеніемъ; за Геліосомъ слѣдуютъ обыденныя сцены, эпизоды приготовления къ походу; далѣе—сцены, предшествовавшія взятію Трои, сцены изъ разгрома города, избіенія и плѣненія его жителей. На 31 и 32 метопахъ изваяны вѣстницы боговъ Ирида и Ника, приносящія вѣсть о событіи.

Что касается метопъ южной стороны, то присутствіе здѣсь эпизодовъ разрушенія Трои, по мнѣнію автора, также ничѣмъ не подтверждается. Содержаніе девяти центральныхъ метопъ южнаго ряда, дѣйствительно не относящихся къ кентавромахіи, мы можемъ возстановить только гадательно; но если дѣлать выборъ среди мнѣній, предложенныхъ въ наукѣ, то приходится остановиться на гипотезѣ Мильхегфера объ *избіеніи Ніобидъ*. Метопы южной стороны во многихъ отношеніяхъ стоятъ ниже не только метопъ восточныхъ и западныхъ, но даже сѣверныхъ. Къ недостаткамъ этихъ метопъ принадлежатъ: отсутствіе единства сюжета во всей композиціи, неудача въ выборѣ сюжета, страдающаго однообразіемъ, прямое повтореніе группъ съ храма Зевса въ Олимпіи и отсутствіе наиболѣе характерныхъ дѣйствующихъ лицъ міаа. Причинъ такого несовершенства южныхъ метопъ авторъ называетъ нѣсколько: небрежный способъ исполненія скульптуръ, торопливость постройки храма и наименьшая доступность южной стороны Парѣнона для зрителей.

На четырнадцать метопахъ восточнаго фасада, которыя принадлежатъ къ лучшимъ по исполненію, были представлены эпизоды борьбы боговъ съ гигантами. Въ центральныхъ метопахъ находились изображенія Зевса и Аѣины; справа слѣдовали: Гераклъ въ львиной шкурѣ, Аполлонъ, стрѣляющій изъ лука, Артемида и Посейдонъ; слѣва—Гера, Арей, Діонисъ и Гермесъ. Нѣкоторыхъ боговъ сопровождали ихъ колесницы. Фигуры гигантовъ исполнены въ манерѣ архаическаго

искусства: имъ данъ образъ человѣческій, а не чудовищный, какъ на пергамскомъ фризѣ. Сцены изъ гигантомахіи нѣсколько разъ служили предметомъ изображенія на росписныхъ вазахъ этого періода. Многіе изъ вазовыхъ рисунковъ настолько близки къ метопамъ, что при ихъ посредствѣ легко возстановить композиціи испорченныхъ метопъ. Большой интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ парижская амфора и чаша Аристофана и Эргина. Изображенный на луврской вазѣ сюжетъ нельзя признать точной копіей скульптуръ, украшавшихъ восточныя метопы Пареенона; но онъ несомнѣнно имѣетъ съ ними тѣсную связь и родство. Были-ли заимствованы всѣ изображенія отъ одного общаго образца, или на росписныхъ вазахъ нужно видѣть вліяніе метопъ Пареенона,—на этотъ вопросъ нельзя дать, конечно, никакого положительнаго отвѣта. Тѣмъ не менѣе авторъ выставляетъ и защищаетъ очень остроумную гипотезу, по которой какъ всѣ вазовые рисунки, такъ и композиціи метопъ навѣяны изображеніемъ гигантомахіи на внутренней сторонѣ щита Аѣины—Парееноса, о которомъ мы знаемъ со словъ Плінія. Исходной точкой для автора послужилъ рисунокъ неаполитанской вазы, въ которомъ, благодаря странности его формы, совершенно не имѣющей въ виду формы украшаемаго сосуда, уже признана сокращенная копія съ внутренней стороны щита Аѣины; а такъ какъ зависимость всѣхъ вазовыхъ рисунковъ отъ общаго источника очевидна, то авторъ полагаетъ, что и живописцы, занимавшіеся росписью сосудовъ, и скульпторъ, изваявшій метопы, имѣли въ виду фигуры упомянутаго художественнаго произведенія Фидія. Въ этомъ находить для себя объясненіе то обстоятельство, что метопы восточной стороны по исполненію и композиціи стоятъ выше остальныхъ.

Наконецъ метопы западной стороны храма представляютъ любимую на греческихъ вазахъ борьбу аѣинянъ съ амазонками. Обѣ композиціи—восточнаго и западнаго фасадовъ—сохраняютъ единство содержанія и времени. Въ композиціи восточныхъ метопъ выражено стремленіе отъ угловъ къ центру, и это стремленіе не навязчиво для зрителя, въ немъ нѣтъ архаической сухости и схематизма. Въ композиціи западныхъ метопъ мы впервые видимъ *движеніе въ сторону*, и притомъ движеніе обратное тому, какое имѣетъ композиція западной стороны фриза.

Метопы такъ называемаго храма Тезея въ Аѣинахъ важны какъ

дальнѣйшіе примѣры монументальной скульптуры эллиновъ. О времени построенія Тезеева храма до сихъ поръ еще не установилось твердое научное сужденіе. Авторъ принимаетъ мнѣніе Дерпфельда, по которому храмъ былъ сооруженъ вскорѣ послѣ окончанія Пареенона. Только 10 метопъ на восточной сторонѣ Тезейона и по четыре ближайшихъ къ нимъ на южной и сѣверной его сторонахъ были покрыты горельефами; всѣ остальные метопы оставались гладкими. Содержаніе метопъ двоякое: на десяти восточныхъ метопахъ изображены подвиги Геракла, а на восьми боковыхъ—подвиги Тезея. Въ композиціи восточныхъ метопъ отразилось вліяніе рельефовъ храма Зевса въ Олимпіи и отчасти метопъ Пареенона, а въ метопахъ съ дѣяніями Тезея видна тѣсная связь съ типами красно-фигурной живописи на вазахъ. Опираясь на извѣстныя хронологическія розысканія Лешке о дѣятельности Фидія, авторъ первое обстоятельство объясняетъ тѣмъ, что въ исполненіи метопъ Тезеева храма принимали участіе скульпторы, работавшіе прежде съ Фидіемъ въ Олимпіи и вмѣстѣ съ нимъ явившіеся въ Аѣины.

Трудно сказать что-либо положительное объ источникахъ, которыми пользовались живописцы при воспроизведеніи поединковъ Тезея на вазахъ. Красно-фигурныя вазы строгаго стиля хронологически предшествуютъ скульптурамъ Тезейона; слѣдовательно, о зависимости ихъ отъ послѣднихъ не можетъ быть рѣчи. Извѣстно, что вазовая живопись этого періода изобилуетъ необыкновеннымъ богатствомъ мифологическихъ сюжетовъ; такъ напр. архаическому искусству извѣстенъ только одинъ подвигъ Тезея; это—поединокъ съ Минотавромъ; въ V в. на вазахъ внезапно появляется цѣлый рядъ подвиговъ аѣинскаго героя. Какое-же произведеніе могло вдохновить живописцевъ? Вопросъ этотъ довольно теменъ, несмотря на различные предположенія ученыхъ. Новое объясненіе его предлагаетъ авторъ. По его мнѣнію, своимъ подъемомъ вазовая живопись конца VI и начала V вѣка обязана появленію стѣнныхъ картинъ съ подвигами Тезея въ Тезейонѣ VI вѣка, которыя вслѣдъ за тѣмъ погибли во время персидской войны и были замѣнены новыми, написанными Полигнотомъ. Мнѣніе г. Мальмберга не лишено извѣстной доли остроумія.

Ко времени, послѣдовавшему непосредственно за окончаніемъ Пареенона, относятся также метопы храма Аполлона въ Бассахъ близъ Фигаліи. Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ автора, что соору-

женіе этого храма принадлежит послѣдней четверти V вѣка. Вотъ какія соображенія говорятъ противъ такого мнѣнія. Существуютъ основанія, по которымъ можно предположить, что Иктинъ былъ аѳинянинъ; въ этомъ убѣждаетъ насъ прежде всего обширная дѣятельность его въ Аѳинахъ, затѣмъ самое построеніе фигалійскаго храма, гдѣ на барельефахъ фриза были представлены любимыя темы аттического ваянія,—битва аѳинянъ съ кентаврами и сраженіе Тезея съ амазонками. Изъ Фукидида же мы знаемъ, что жители Аркадіи во время Пелопоннесской войны были союзниками лакедемонянъ въ борьбѣ противъ аѳинянъ¹⁾. Иктинъ не могъ, слѣдовательно, принять на себя постройку фигалійскаго храма. Затѣмъ, фигалійцы во время войны, безъ сомнѣнія, были стѣснены въ денежномъ отношеніи и собирали средства для снаряженія войска; едвали, поэтому, тогда могла быть рѣчь о сооруженіи храма. Далѣе, если на мѣстѣ фигалійскаго храма существовало болѣе древнее святилище, что весьма вѣроятно, то, конечно, оно было связано съ какимъ нибудь воспоминаніемъ, которымъ фигалійцы должны были дорожить, и было бы болѣе чѣмъ странно давать храму новое наименованіе. Наконецъ, самъ Павзаній не говоритъ увѣренно и положительно о времени построенія храма, какъ видно изъ его словъ. Онъ былъ въ Фигаліи и на мѣстѣ собралъ кое-какія свѣдѣнія. Онъ узналъ, между прочимъ, что архитекторомъ былъ Иктинъ и что храмъ посвященъ Аполлону Исцѣлителю (*Ἑπιχοῦριος*), въ воспоминаніе избавленія отъ какой-то болѣзни. Сопоставляя эти два факта, онъ пришелъ къ заключенію, что болѣзнь эта была ничто иное, какъ чума во время Пелопоннесской войны. Но это его личное соображеніе, а не для всѣхъ извѣстный фактъ, иначе онъ бы не сталъ приводить въ пользу его аргументы. Между тѣмъ въ дѣйствительности храмъ былъ посвященъ Аполлону Эпикурію еще въ древнѣйшее время, и Иктинъ только перестроилъ его. Быть можетъ, въ пользу этого говоритъ даже извѣстіе Павзанія, что фигалійцы принесли въ даръ жителямъ города Мегалополя (вѣроятно во время основанія города въ 370 году) мѣдную статую Аполлона; за этой статуей осталось названіе *Ἑπιχοῦριος*, между тѣмъ она, вѣроятно, принадлежала древнѣйшему святилищу Аполлона въ Бассахъ.

¹⁾ Thucyd. II, 9, 2; V, 57, 2.

Такимъ образомъ изъ предположеній самое вѣроятное то, которое предложено Мюллеромъ, относящимъ сооруженіе храма ко времени до Пелопоннесской войны; на основаніи всѣхъ данныхъ можно утверждать, что храмъ былъ выстроенъ между 438 годомъ, когда были окончены работы на афинскомъ акрополѣ, и 435 годомъ, который принесъ уже вѣсть о началѣ военныхъ дѣйствій.

Обломки фигалійскихъ метопъ были найдены въ пронаосѣ и porticum'ѣ. Уцѣлѣвшіе 4 фрагмента принадлежатъ къ горельефамъ восточной стороны. Содержаніе метопъ нельзя опредѣлить съ точностью. Авторъ полагаетъ, что въ метопахъ пронаоса былъ изображенъ Орфей среди еракійцевъ и менадъ,—сюжетъ, навѣянный одной изъ трагедій Эсхила „*Vassarides*“. При изученіи фигалійскихъ метопъ замѣчается одна особенность; это—небрежное отношеніе къ размѣщенію фигуръ въ предѣлахъ рельефа. Уже въ метопахъ Тезейона скульпторъ обнаружилъ нѣсколько свободное отношеніе къ этому требованію архаической декоративной пластики. Здѣсь оно выражается еще нагляднѣе. Такъ какъ съ технической стороны фигалійскія метопы стоятъ весьма высоко, то авторъ видитъ въ этомъ неумѣлость компановки, а стремленіе пластическаго искусства освободиться отъ зависимости отъ архитектуры и сдѣлаться болѣе самостоятельнымъ.

— *Четвертая глава* посвящена пяти метопамъ, найденнымъ Шлиманомъ на мѣстѣ Новаго Иліона. Метопы эти, изваянные изъ мрамора, украшали нѣкогда восточную и западную стороны храма Афины. Три изъ нихъ представляютъ сраженіе съ варварами; одна даетъ сцену изъ гигантомахіи (поединокъ Афины съ Энкеладомъ) и одна изображаетъ Гелиоса на колесницѣ. По мнѣнію автора, гигантомахія, какъ болѣе важной темѣ, былъ отведенъ восточный рядъ, а борьбѣ съ варварами—западный. Гигантомахію обрамляли съ одной стороны Гелиосъ, съ другой Селена (голова лошади Селены сохранилась). Вопросъ о хронологическомъ опредѣленіи названныхъ метопъ рѣшенъ окончательно изслѣдованіемъ Росбаха. Это изслѣдованіе приводитъ къ тому заключенію, что метопы исполнены въ духѣ и манерѣ скульпторовъ пергамскаго фриза, слѣдовательно принадлежатъ тому же времени, какъ и изваянія большаго жертвенника въ Пергамѣ. Г. Мальмбергъ полагаетъ, что метопы западной стороны храма, какъ стоящія въ техническомъ отношеніи ниже грандіозной композиціи пергамскаго алтаря, исполнены второстепенными мастерами пергамской школы.

Наконецъ, въ пятой главѣ авторъ разсматриваетъ извѣстія древнихъ писателей о метопахъ, которыя не дошли до насъ, или не изданы и не описаны; онъ старается разобратъся среди нѣкоторой путаницы, внесенной въ эти извѣстія, и находитъ возможнымъ предложить толкованія ихъ, отличныя отъ тѣхъ, которыя были предложены его предшественниками.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги г. Мальмберга. Подвергать провѣркѣ толкованія отдѣльныхъ метопныхъ рельефовъ возможно только послѣ новаго пересмотра относящейся сюда литературы и тщательнаго изученія памятниковъ; поэтому въ нашей статьѣ мы желали лишь дать общее представленіе объ этомъ интересномъ трудѣ и отмѣтить то, въ чемъ мы неполнѣ согласны съ авторомъ. Русская ученая критика уже достойно вознаградила своимъ вниманіемъ работу г. Мальмберга и воздала должныя похвалы его трудолюбію и таланту, равно какъ отмѣтила и общіе недостатки его изслѣдованія. Разбору сочиненія автора посвящены рецензіи проф. Кондакова въ Журн. Мин. Нар. Просв. (іюнь, 1892) и г. Щукарева въ Филологическомъ Обозрѣніи (Томъ III, книга 2).

Сочиненіе г. Мальмберга написано, по словамъ самого автора, не для публики, а для ученаго круга специалистовъ. Этимъ объясняется крайняя сжатость изложенія книги. Какъ видитъ читатель, матеріалъ, которымъ пользовался г. Мальмбергъ, весьма обширенъ, но обработанъ онъ черезчуръ компендіозно, бѣгло, что, конечно, вредитъ общему впечатлѣнію. Г. Мальмбергу надлежало, не довольствуясь недодѣланными замѣтками, составить болѣе полную и живую картину развитія избраннаго имъ для своего изслѣдованія декоративнаго элемента греческой храмовой архитектуры, надлежало обратить больше вниманія на художественное исполненіе рельефовъ и привлечь въ гораздо большей степени для сравненія аналогичный матеріалъ. Такимъ образомъ можно было бы установить большія или меньшія способности и умѣнья мастеровъ, исполнявшихъ метопные рельефы. Наши свѣдѣнія о метопахъ еще очень недостаточны, и здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ либо необходимо было бы личное изученіе памятниковъ. Тема, избранная авторомъ, настолько обширна и интересна, что стоить того, чтобы надъ ней поработать съизнова; при этомъ желательно было бы видѣть выполненіе такого труда нѣсколько въ большемъ размѣрѣ, видѣть живую исторію, равно удовлетворительную какъ для публики, такъ и для спе-

ціалістовъ, и нужно думать, что при послѣдующихъ изданіяхъ г. Мальмбергъ сочтетъ полезнымъ восполнить этотъ недостатокъ своего сочиненія, которое займетъ почетное мѣсто въ ряду другихъ работъ, относящихся къ изученію древняго искусства.

Въ заключеніе остается упомянуть о рисункахъ, приложенныхъ въ концѣ книги г. Мальмберга. Эти рисунки, состоящіе изъ четырехъ таблицъ, наглядно освѣщаютъ для читателя тѣ подробности, въ которыя входитъ авторъ при своемъ изложеніи. Позволимъ себѣ только замѣтить, что этихъ рисунковъ далеко не достаточно и что болѣе полное собраніе рисунковъ, разсѣянныхъ во множествѣ изданій, значительно увеличило бы достоинство книги автора.

Г. Павлуцкій.

25 февраля 1893 г.

Гипнотизмъ по ученію школы Шарко и Психологической школы.

(1881—1893).

(Продолженіе).

В. Психологическія внушенія. ¹⁾

Посредствомъ слова можно внушать различныя состоянія: галлюцинаціи и иллюзіи, безпамятство, измѣненія въ сосудодвигательной и секреторной системахъ, параличи, анестесіи, неотразимыя идеи и влеченія, автоматическія дѣйствія.

Общая характеристика галлюцинацій и иллюзій. Подъ галлюцинаціей подразумѣвается воспріятіе явленія при отсутствіи его реальной причины; подъ иллюзіей—извращеніе сознаниемъ дѣйствительно воспріятыхъ ощущеній. Такимъ образомъ иллюзію можно разсматривать какъ неполную галлюцинацію. Впрочемъ, при постоянномъ притоѣ внѣшнихъ ощущеній, строгое разграниченіе обоихъ состояній невозможно. Мы сосредоточимъ анализъ на галлюцинаціяхъ, какъ состояніяхъ болѣе полныхъ.

Въ гипнотизмѣ возможны галлюцинаціи всѣхъ порядковъ: галлюцинаціи внѣшнихъ чувствъ, галлюцинаціи органическихъ чувствъ, галлюцинаціи личности.

Достаточно заявить авторитетнымъ тономъ субъекту, находящемуся въ состояніи каталепсіи или сомнамбулизма, что онъ воспринимаетъ то или другое состояніе, что бы тотчасъ же наступила соотвѣтствующая галлюцинація. Сознаніе при этомъ ограничивается кругомъ связанныхъ съ галлюцинаціей образовъ. Субъектъ отвѣчаетъ лишь на тѣ вопросы, которые имѣютъ прямое отношеніе къ пережи-

¹⁾ pp. 696—740.

ваемому состоянію. Но въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ экспериментаторъ безгранично распоряжается воображеніемъ субъекта.

Мы ограничимся примѣрами, засвидѣтельствованными школой Шарко, какъ наиболее типичными, предваряя, что всѣ вообще галлюцинаціи, признаваемые этой школой, признаются также и школой Нанси.

Галлюцинаціи внѣшнихъ чувствъ. „Когда Б... находится въ состояніи катаlepsii, ея взглядъ привлекаютъ и направляютъ къ землѣ, утверждая, что она въ саду, наполненномъ цвѣтами. Тотчасъ же катаlepsическое состояніе прекращается, она дѣлаетъ жестъ удивленія, ея фizioномія оживляется. „Какъ они хороши!“ восклицаетъ она и, наклоняясь, собираетъ цвѣты, дѣлаетъ изъ нихъ букетъ, привѣрѣпляетъ его къ корсажу и пр.

Въ то время, какъ она занимается воображаемымъ сборомъ цвѣтовъ, ея вниманіе обращаютъ на то, что на цвѣткѣ, который она держитъ въ рукѣ, сидитъ улитка. Она смотритъ. Восхищеніе тотчасъ уступаетъ мѣсто отвращенію, она бросаетъ цвѣтокъ и усиленно утираетъ руки фартукомъ.

Галлюцинація можетъ занимать всѣ вообще чувства какъ вмѣстѣ, такъ и отдѣльно. За исключеніемъ случаевъ спеціальнаго внушенія, галлюцинація всегда занимаетъ сразу нѣсколько чувствъ.

Если, вызвавъ галлюцинацію, предоставить субъекта самому себѣ, то онъ, смотря по богатству воображенія, либо только ограничивается одною внушенной галлюцинаціей, либо даетъ ей болѣе или менѣе широкое развитіе. По ассоціаціи идей, кругъ, въ которомъ движется мозговая дѣятельность, можетъ расширяться самъ собою, безъ новаго вмѣшательства наблюдателя.

Если показать Бар . . . раненаго, то она принимаетъ видъ состраданія, наклоняется, становится на колѣни и дѣлаетъ жестъ, будто обертываетъ бинтомъ болѣную часть.

Видъ толпы маленькихъ дѣтей внушаетъ ей самыя нѣжныя чувства, она вмѣшивается въ ихъ игры, беретъ поочередно въ руки и цѣлуетъ; она представляетъ ихъ себѣ бѣлокурными или черными съ голубыми глазами. Она ихъ находитъ очень милыми. Другая болѣная, напротивъ, когда ей внушаютъ эту галлюцинацію, принимаетъ видъ недовольства, удаляетъ дѣтей рукою, говоритъ, что они ее раздражаютъ и что ихъ шумъ раздражаетъ ей уши.

Бар... говорятъ, что возлѣ нея Шарко. Она его на самомъ дѣлѣ видитъ, двигается къ галлюцинаціи, и поздоровавшись какъ обыкновенно, начинаетъ съ нимъ говорить о томъ, что занимаетъ ее въ данное время. Она требуетъ, что бы ее выпустили изъ больницы. Съ нѣкотораго времени она не перестаетъ обращаться съ этою просьбою къ Шарко.

Достаточно Бар ... сказать: „Слушай музыку!“, что бы она стала на дѣлѣ слышать воображаемую музыку. Бар ... кажется очень довольной и внимательной, движетъ въ тактъ головой и ударяетъ рукою. Содержаніе галлюцинаціи подсказывается воспоминаніемъ: одинъ день это *Mignon*, другой *La Favorite*.

Видъ змѣй и дьявола всегда вызываетъ самый живой испугъ. Больная убѣгаетъ, издавая крики ужаса, и старается избавиться отъ мнимыхъ объятій. Иногда она произноситъ ругательства и проклятія.

Напротивъ, если больной показать разверзтый надъ ея головою рай, святую дѣву, ангеловъ и святыхъ ..., то ея восхищеніе не знаетъ границъ, ея лицо сіяетъ, она складываетъ руки, бросается на колѣни, и все ея положеніе напоминаетъ экстатиковъ. Она даетъ волю восклицаніямъ радости и восхищенія и шепчетъ молитвы. Разспрашивая ее о томъ, что она видитъ, ее можно заставить подробно описать видѣніе, одежду небесныхъ лицъ и т. д. При этомъ больная создаетъ рай соотвѣтственно степени знанія и богатству воображенія. Впрочемъ, можно заставить ее видѣть рай такимъ, какимъ желаетъ наблюдатель; она слѣдитъ съ большимъ вниманіемъ за описаніемъ, которое ей даютъ, и тотчасъ же превращаетъ въ рядъ образовъ слышимый ею рассказъ; ея слѣпая довѣрчивость не останавливается передъ невѣроятностями.

Вызванная галлюцинація обыкновенно исчезаетъ такъ же легко и посредствомъ того же приема, какъ была вызвана. Достаточно больной сказать, что все исчезло, что ничего больше нѣтъ, или что нибудь въ этомъ родѣ, что бы тотчасъ же на лицѣ больной исчезло всякое выраженіе¹⁾.

Закрытіе экраномъ того пункта, на которомъ находится галлюцинаторный образъ, не ведетъ необходимо къ его исчезновенію. Но

¹⁾ pp. 697—699.

въ нѣкоторыхъ случаяхъ галлюцинація исчезаетъ. Разница зависитъ отъ субъективныхъ особенностей испытуемыхъ лицъ.

Различіе между галлюцинаціями въ каталепсiи и сомнамбулизмъ. Хотя въ сомнамбулизмѣ возможны тѣже галлюцинаціи, что и въ каталепсiи, однако первыя отличаются отъ вторыхъ двумя признаками: онѣ носятъ менѣе роковой характеръ и не чередуются съ каталепсiей. Сомнамбулы придаютъ безусловную вѣру своимъ галлюцинаціямъ, но сохраняютъ способность разсуждать какъ о нихъ, такъ и о другихъ предметахъ; каталептические субъекты всецѣло и нераздѣльно погружены въ свои состоянія и не могутъ говорить ни о чемъ, что не относится до этихъ состояній. При каталепсiи прекращеніе галлюцинаціи дѣлаетъ члены неподвижными; при сомнамбулизмѣ исчезновеніе галлюцинаціи не производитъ такого дѣйствія.

Сверхъ того о галлюцинаціяхъ въ состояніи каталепсiи Рише замѣчаетъ, что при ихъ вызовѣ личность наблюдателя не имѣетъ значенія: галлюцинація, вызванная однимъ, можетъ быть видоизмѣнена и прекращена другимъ ¹⁾). Бываетъ-ли тоже самое при галлюцинаціяхъ въ состояніи сомнамбулизма, Рише не говоритъ. Но отъ другихъ авторовъ мы узнаемъ, что въ „избирательномъ сомнамбулизмѣ“ субъектъ и при галлюцинаціяхъ остается глухъ ко всѣмъ, за исключеніемъ своего гипнотизера.

„Избираніе (говорятъ Бине и Фере) существуетъ также и при внушеніяхъ. Въ безразличномъ сомнамбулизмѣ больная повинувается всякимъ внушеніямъ, откуда бы они ни шли; галлюцинація, созданная по слову одного лица, можетъ быть продолжена другимъ и прекращена третьимъ. Такъ бываетъ и при каталепсiи. Въ избирательномъ сомнамбулизмѣ больная часто слышитъ лишь голосъ того, кто ее усыпилъ; только одинъ гипнотизеръ можетъ давать ей внушенія. Болѣе того, мы наблюдали, что когда два наблюдателя раздѣляютъ между собою пополамъ симпатію больной, то галлюцинація, внушенная тѣмъ, кто находится въ общеніи съ правой стороной, занимаетъ лишь правый глазъ: она бываетъ односторонней. Субъектъ ее не видитъ лѣвымъ глазомъ“ ²⁾).

¹⁾ p. 700.

²⁾ Le Magnétisme animal, p. 111.

Подобное же мы слышимъ и отъ представителей школы Нанси — Льебо и Бони ¹⁾.

Иллюзии. Въ примѣръ иллюзій въ состояніяхъ катаlepsis и сомнамбулизма можно привести слѣдующія.

Стѣлянка въ рукахъ субъекта превращается по волѣ наблюдателя въ ножъ или веревку; звукъ тамъ-тама то въ звукъ колоколовъ, то въ военную музыку. Больной дають нюхать нашатырный спиртъ, утверждая, что это мускусъ, и она находитъ запахъ пріятнымъ; дають вмѣсто земляники что нибудь горькое, напр., хининъ и больная съ удовольствіемъ ѣстъ мнимую землянику и пр.

Иллюзии и галлюцинаціи, вызванныя въ состояніи сомнамбулизма, могутъ продолжаться и послѣ пробужденія. Это продолженіе, являющееся иногда само собою помимо участія экспериментатора, можетъ въ свою очередь быть предметомъ внушенія. Если наблюдатель внушить субъекту въ сомнамбулизмѣ, что онъ послѣ пробужденія будетъ видѣть тотъ или другой предметъ, то дѣйствіе можно считать обезпеченнымъ. Можно (какъ увидимъ) дѣлать и такія внушенія, которыя осуществляются лишь по пробужденіи ²⁾.

Одностороннія иллюзии и галлюцинаціи. Иллюзии и галлюцинаціи могутъ быть ограничены одной стороною тѣла. Такое ограниченіе достигается либо погруженіемъ половины тѣла въ летаргію чрезъ закрытіе соответствующаго глаза, либо просто внушеніемъ. Въ послѣднемъ случаѣ субъектъ будетъ испытывать галлюцинаціи только одной половиною тѣла, хотя чувственные органы другой останутся открытыми для внѣшнихъ воздѣйствій. Фактъ такихъ одностороннихъ явленій свидѣтельствуетъ о сравнительной самостоятельности обѣихъ половинъ большого мозга ³⁾.

Подлинность зрительныхъ галлюцинацій и иллюзій. Относительно состоянія зрительнаго аппарата во время галлюцинацій Рише приводитъ рядъ опытовъ, частью собственныхъ, частью заимствованныхъ у Фере,

¹⁾ Liebeault, Le Sommeil etc., p. 51. Beaunis, Le Somnambulisme provoqué, p. 218.

²⁾ p. 704.

³⁾ pp. 710—711.

Бине и Парино. Нѣкоторые изъ этихъ опытовъ могутъ служить доказательствомъ реальности гипнотическихъ галлюцинацій.

По наблюденіямъ Фере, состояніе зрачка во время галлюцинаціи соотвѣтствуетъ состоянію во время подобныхъ же реальныхъ воспріятій.

Если больной внушить, что она видитъ на вершинѣ колокольни птицу, то ея зрачекъ мало по малу расширяется почти вдвое сравнительно съ первоначальнымъ діаметромъ; по мѣрѣ того какъ воображаемая птица спускается, суживается постепенно и зрачекъ.

Значеніе этого наблюденія для провѣрки подлинности галлюцинацій нѣсколько ослабляется тѣмъ, что существуютъ лица, способныя сокращать и расширять зрачекъ по произволу. Доказано однако, что такіа измѣненія происходятъ не непосредственно въ силу одного лишь желанія, но посредствомъ извѣстнаго рода движеній и состояній—напримѣръ, посредствомъ усиленнаго дыханія или по вызову опредѣленныхъ идей. Поэтому у лицъ, незнакомыхъ съ фізіологіей и несклонныхъ къ самонаблюденію, притворства въ этомъ случаѣ ожидать нельзя. Къ тому же, измѣнять состояніе зрачка даже посредствомъ указанныхъ приемовъ способны лишь очень немногіа лица.

Важнѣе то, что роговая оболочка, вообще не чувствительная при глубокомъ гипнотизмѣ, во время галлюцинацій пріобрѣтаетъ полную чувствительность ¹⁾.

Реальность иллюзій и галлюцинацій доказывается и тѣмъ, что онѣ невозможны въ органахъ, утратившихъ соотвѣтствующую чувствительность. Напримѣръ, больные дальтонизмомъ не могутъ при галлюцинаціяхъ видѣть тѣхъ цвѣтовъ, на которые слѣпы. Но дальтонизмъ одного глаза не препятствуетъ полнотѣ иллюзій и галлюцинацій другого. Если внушить больной, страдающей ахроматопсіей на одинъ глазъ, что она видитъ птицъ съ разноцвѣтнымъ опереніемъ, то всѣ внутреннія цвѣта она будетъ различать только здоровымъ глазомъ, а другимъ будетъ видѣть лишь тѣ, которые способна воспринимать въ бодрственномъ состояніи ²⁾.

Точно также нельзя оставить безъ вниманія и того, что у нѣ-

¹⁾ pp. 705—707.

²⁾ pp. 707—710.

которыхъ субъектовъ внушенныя галлюцинаціи производятъ въ зрительномъ аппаратѣ раздраженіе, которое они характеризуютъ сравненіемъ, что у нихъ „словно песокъ въ глазу“. ¹⁾

Наконецъ, сейчасъ мы увидимъ, что реальность галлюцинацій и иллюзій косвенно засвидѣтельствована и графической методой.

Галлюцинаторная оптика. ²⁾ Капитальный интересъ для выясненія природы галлюцинацій представляетъ вопросъ: подчинены ли галлюцинаторные образы законамъ оптики, или нѣтъ?

Опыты даютъ противорѣчивые отвѣты, легко впрочемъ примимые на почвѣ ученія объ ассоціаціяхъ.

Если во время галлюцинаціи надавить глазное яблоко, такъ что бы ось зрѣнія отклонилась, то субъектъ, какъ и при реальномъ зрѣніи, будетъ видѣть два образа.

То же происходитъ, когда субъектъ разсматриваетъ галлюцинаторный образъ черезъ призму однимъ глазомъ, не закрывая другой. Въмѣсто одного образа онъ видитъ два, при чемъ ихъ положеніе соотвѣтствуетъ положенію призмы относительно глаза.

Эти два опыта согласны съ данными оптики. Но нижеслѣдующіе опыты имъ противорѣчатъ.

Субъекта просятъ смотрѣть на галлюцинаторный образъ черезъ призму однимъ глазомъ, закрывъ другой. Вопреки ожиданію, онъ заявляетъ, что видитъ два образа.

Галлюцинацію внушаютъ только одному глазу. Если за тѣмъ субъектъ будетъ разсматривать черезъ призму внушенный образъ этимъ глазомъ, не закрывая другой, или другимъ, не закрывая этотъ, въ обоихъ случаяхъ онъ будетъ видѣть два образа.

Опытъ можно измѣнить и слѣдующимъ образомъ. Каждому глазу внушаютъ различный образъ, напримѣръ, два портрета на бѣломъ картонѣ. Смотря обоими глазами, субъектъ видитъ тотъ и другой портретъ не слитыми, но перепутанными. Если помѣстить призму передъ однимъ глазомъ (все равно какимъ), не закрывая другой, то картонъ раздвигается, а оба портрета остаются по прежнему перепутанными, но вмѣсто двухъ, субъектъ видитъ ихъ четыре.

¹⁾ Binet et Féré, *Magnétisme animal*, p. 193.

²⁾ pp. 714—719.

Всѣ эти опыты показываютъ, по справедливому замѣчанію Риппе, что на галлюцинаторный образъ самъ по себѣ не можетъ оказывать прямого дѣйствія то или другое положеніе призмы. Подобно субъективнымъ образамъ, образъ галлюцинаторный чисто мозговой.

„Если же въ нѣкоторыхъ случаяхъ галлюцинаторный образъ раздвоится призмой, то не прямымъ путемъ, а посредствомъ механизма, происходящаго отъ смѣшенія галлюцинаціи съ реальностью.

Субъектъ вводится въ обманъ сліяніемъ галлюцинаторнаго образа (портретъ) съ реальнымъ предметомъ (картонъ), на которомъ фиксируется внушеніе. Реальное ощущеніе (картонъ) и умственный образъ (портретъ) тѣсно соединены въ одномъ и томъ же центрѣ перцепціи. Они составляютъ часть одной и той же умственной картины, въ которой субъектъ не обладаетъ никакимъ элементомъ для различенія истины отъ лжи. Что должно произойти, если посредствомъ призмы мы раздвоимъ реальный предметъ? Галлюцинаторный образъ неизбежно раздѣлитъ участь настоящаго чувственнаго образа, съ которымъ онъ какъ бы слить; подобно этому послѣднему, онъ точно также раздвоится“.

Ассоціаціями объясняются и тѣ измѣненія въ галлюцинаторныхъ образахъ, которыя происходятъ при наблюденіи ихъ въ бинокль, микроскопъ и зеркало.

Галлюцинаторный образъ приближается или удаляется сообразно съ тѣмъ, смотрѣтъ ли на него черезъ окуляръ или объективъ бинокля.

Если смотрѣтъ на него въ микроскопъ или лупу, то онъ увеличивается. Но подробности, недоступныя простому глазу, не воспринимаются и чрезъ увеличительное стекло.

Въ зеркалѣ галлюцинаторный образъ отражается какъ реальный предметъ, и слѣдовательно получаютъ два воображаемыхъ образа. Если внушить субъекту на картонѣ портретъ профилею налѣво, то въ зеркалѣ этотъ мнимый портретъ отразится профилею направо. Внушенное письмо точно также отражается въ зеркалѣ въ обратномъ порядкѣ.

Эти явленія бываютъ, впрочемъ, лишь тогда, когда положеніе зеркала относительно другихъ предметовъ достаточно опредѣленно, хотя самаго зеркальнаго стекла субъектъ можетъ и не замѣчать.

„Объясненіе этихъ фактовъ (говорить Бине, у котораго Рише заимствуетъ описаніе только что приведенныхъ опытовъ) всецѣло въ томъ предположеніи, что гипнотикъ ассоціируетъ галлюцинаторный образъ, порожденный внушеніемъ, съ впечатлѣніемъ идущимъ отъ нѣ, и что лишь дѣйствуя на точку чувственной примѣты можно послѣдовательно производить соотвѣтствующія измѣненія въ галлюцинаторномъ образѣ. Такъ, призма удваиваетъ и отклоняетъ эту точку примѣты, бинокль ее приближаетъ или удаляетъ, зеркало ее отражаетъ, а это влечетъ послѣдовательно удвоеніе галлюцинаціи, ея приближеніе или ея отраженіе“.

Такое объясненіе, по Бине, находитъ опору и въ опытахъ Мари и Азулея надъ продолжительностью воспріятія воображаемаго предмета ¹⁾, интересныхъ также и какъ доказательство реальности гипнотическихъ галлюцинацій.

Эти наблюдатели показали, что для воспріятія воображаемаго предмета нужно больше времени, чѣмъ для воспріятія предмета реальнаго.

„Употребляемый диспозитивъ состоитъ изъ бѣлой повязки, помѣщенной на цилиндрѣ Марее; при вращеніи этого цилиндра повязка проходитъ передъ окуляромъ, снабженнымъ довольно узкой діафрагмой, въ которую и смотритъ испытываемый субъектъ. Въ тотъ моментъ, когда субъектъ видитъ бѣлую повязку, онъ подаетъ электрическій сигналъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ съ точностью опредѣляется время, когда именно бѣлая повязка проходитъ передъ окуляромъ. Такимъ образомъ, остается только отмѣтить разницу во времени между даннымъ моментомъ и предыдущимъ, что бы опредѣлить время, нужное субъекту для реагированія на зрительное впечатлѣніе.

Въ первой серіи опытовъ Шарко съ истеричной мы опредѣляли время реакціи въ состояніи бодрствованія, употребляя для опыта бѣлую повязку. Это время въ среднемъ выразилось въ 0"18. У субъекта нормальнаго то же самое. Въ состояніи же сомнамбулизма оно равнялось 0"20, т. е. возрастало на 0"02.

Потомъ вмѣсто того, что бы употреблять для опыта бѣлую повязку, мы внушили нашей загипнотизованной больной, что на из-

¹⁾ Soc. de Biol. 31 juil. 1885.

вѣстной части чернаго цилиндра находится бѣлая повязка, хотя на этой части цилиндра не было ровно ничего такого, что позволяло бы отличить ее отъ другихъ частей. Мы попросили больную отмѣтить моментъ, когда она увидитъ мнимую бѣлую повязку. Время реакціи оказалось 0"22.

Затѣмъ, пробудивъ субъекта, мы опредѣлили вновь время реакціи. Въ этомъ случаѣ въ среднемъ оно оказалось равнымъ 0"23.

Оставалось узнать, не измѣняется ли этотъ показатель за время, въ теченіе котораго продолжается внушеніе. На слѣдующій день, къ концу 24-го часа, мы нашли, что время реакціи было 1"02, въ концѣ 48 часовъ оно равнялось 1"14. Мы не имѣли возможности продолжать это изслѣдованіе далѣе, такъ какъ всякій разъ, къ концу 72 часовъ, внушеніе исчезало и больная не видѣла болѣе на цилиндрѣ бѣлой повязки.

Обращаемъ особенное вниманіе на два обстоятельства:

1) На важное значеніе этихъ опытовъ съ точки зрѣнія контроля: здѣсь, какъ мы могли убѣдиться, симуляція абсолютно была невозможной. При всей енимательности, невозможно ни съ помощью зрѣнія, ни съ помощью какого то ни было ритма, провести такіе чертежи, какіе мы получили, такъ какъ въ этихъ чертежахъ время реакціи постоянно между собою совпадало почти абсолютно. Ясно, стало быть, что образы, вызываемые внушеніемъ, могутъ такъ же хорошо, какъ и образы реальные, подчиняться контролю при помощи графической методы.

2) Время реакціи возрастаетъ чрезмѣрно, хотя и не прямо пропорціонально продолжительности внушенія.

Сейчасъ послѣ него оно равняется	0"23
Спустя 24 часа	1"02
Слѣдовательно болѣе на	0"79
Спустя 48 часовъ	1"14
Т. е. болѣе на	0"094

относительно предыдущаго опыта.

Во второй серіи опытовъ опредѣленіе времени реакціи представляеть тѣ же самыя отношенія, хотя въ частности и замѣчается нѣкоторое повышеніе на двѣ или на три сотыхъ секунды".

„Остановимся (говорятъ Бине и Фере) на томъ, что для перцепціи реального предмета время реакціи равняется 0,18, тогда какъ для воображаемаго предмета 0,23. Почему же такая разница? Вотъ вѣроятная тому причина: зрѣніе реального цвѣта предполагаетъ только одно явленіе—ощущеніе, получаемое при помощи глаза; напротивъ, зрѣніе воображаемаго цвѣта, фиксированнаго внушеніемъ на внѣшнемъ пунктѣ—явленіе двойное: оно состоитъ изъ зрѣнія даннаго внѣшняго пункта и затѣмъ изъ пробужденія въ памяти этимъ зрѣніемъ воображаемаго цвѣта. Это двойное явленіе требуетъ больше времени, чѣмъ простое ощущеніе. Болѣе того, съ теченіемъ времени ассоціація между точкой примѣты и галлюцинаторнымъ образомъ ослабѣваетъ и въ концѣ концовъ совсѣмъ исчезаетъ, такъ какъ наступаетъ моментъ, когда зрѣніе точки примѣты не пробуждаетъ никакого образа въ умѣ субъекта. Отсюда понятно, что параллельно съ этимъ и время реакціи возрастаетъ до того момента, пока не исчезнетъ вся перцепція. Графическая метода обладаетъ преимуществомъ отмѣчать эти прогрессивныя измѣненія въ продолженіе воображаемой перцепціи—явленія очень тонкаго, которое часто ускользаетъ отъ прямыхъ и простыхъ наблюденій“.¹⁾

Необходимо однако оговориться, что для этого явленія могутъ быть совсѣмъ другія, намъ неизвѣстныя, причины.

*Положеніе галлюцинаціи въ пространствѣ*²⁾. Галлюцинація обыкновенно занимаетъ неизмѣнное мѣсто въ пространствѣ, опредѣленное внушеніемъ, но иногда, сообразно съ внушеніемъ, перемѣщается, при томъ либо въ извѣстномъ направленіи, либо переносится всюду вмѣстѣ со взглядомъ субъекта.

Насколько прочно сливается галлюцинаторный образъ съ чувственнымъ, доказываетъ слѣдующій опытъ, обыкновенный въ школѣ Шарко.

Берутъ двадцать одинаковыхъ листовъ бумаги и на одномъ изъ нихъ внушаютъ субъекту портретъ. Больная безошибочно находитъ этотъ мнимый портретъ среди девятнадцати остальныхъ сходныхъ листовъ. При этомъ, если листъ съ внушеннымъ портретомъ

¹⁾ Magnétisme animal, p. 178.

²⁾ pp. 721—724.

перевернуть низомъ вверхъ, то портретъ представляется больной вверхъ ногами.

Галлюцинаторные образы, перемѣщающіеся въ пространствѣ, измѣняютъ величину, смотря по разстоянію отъ субъекта.

Фере доказываетъ подлинность этихъ измѣненій слѣдующимъ образомъ.

На бѣломъ листѣ бумаги кладутъ ленту съ метрическими дѣленіями. Затѣмъ субъекту внушаютъ, что противъ каждого сантиметра поставлена черная точка. По пробужденіи его просятъ провести по этимъ мнимымъ точкамъ линію карандашемъ. Больная ихъ проводитъ на равномъ разстояніи одна отъ другой, но болѣе чемъ сантиметра. Эта разница объясняется тѣмъ, что для проведенія линій необходимо придвинуть къ себѣ бумагу ближе, чѣмъ какъ она была при внушеніи точекъ.

Въ остальныхъ случаяхъ галлюцинаторный образъ размѣромъ точно соотвѣтствуетъ внушенному.

Если передъ глазами больной положить на бѣлую бумагу карту и затѣмъ, не касаясь бумаги, обвести эту карту тупымъ концомъ ножа, предварительно внушивъ, что обведенная линія черная, то по пробужденіи больная точно перегнетъ бумагу по мнимой линіи.

Въ примѣрѣ галлюцинацій, перемѣщающихся вмѣстѣ съ взглядомъ, Раше приводитъ галлюцинацію чернаго круга и голубя. Если больной внушить, что, куда бы она ни стала смотрѣть, она повсюду будетъ видѣть чернѣйшій кругъ или голубя, то эти образы будутъ ее преслѣдовать всюду. При этомъ они измѣняютъ размѣръ и положеніе сообразно съ разстояніемъ и положеніемъ тѣхъ предметовъ, на которыхъ фиксируются. Эти образы настолько интенсивны, что заслоняютъ собою реальные предметы.

Галлюцинаціи органическаго чувства ¹⁾. Въ органическихъ чувствахъ внушеніемъ можно вызывать галлюцинаціи и иллюзіи точно такъ же, какъ и во внѣшнихъ. При этомъ оно можетъ порождать движенія въ мускулахъ, не подчиненныхъ нашей волѣ.

„Мы сажаемъ Б... за столъ, увѣряя ее, что онъ богато сервированъ. Мы приглашаемъ ее пить чудесныя вина. Она дѣлаетъ жестъ,

¹⁾ pp. 727--728.

будто лить вино въ стаканъ и подносить этотъ послѣдній къ губамъ. Она находитъ вино восхитительнымъ. Мы ее уговариваемъ выпить еще. „Я боюсь заболѣть“, говоритъ она. Мы ее разувѣряемъ, и она продолжаетъ подливать себѣ вино. Вскорѣ мы ей говоримъ, что она опьянѣла. Дѣйствительно, она встаетъ и качается, ходитъ какъ пьяная и держитъ руку у живота съ видомъ страданія. Мы можемъ тогда вызвать у нея настоящую рвоту, сказавъ ей, что у нея болитъ подъ ложечкой и что ее тянетъ рвать. Она имѣетъ такой страдальческій видъ, что мы не рѣшаемся продолжать эту сцену. Достаточно сказать, что она выздоровѣла, что у нея ничего нѣтъ, что бы все это прекратить въ одно мгновеніе. Но она тотчасъ же становится каталептической.

Мы говоримъ Бар. . . , что она стоитъ на верху башни. Она имѣетъ довольный видъ, смотритъ внизъ, описываетъ панораму города, раскинутую у ея ногъ и пр. Ее спрашиваютъ, не боится ли она. Она отвѣчаетъ: нѣтъ. Но мы даемъ ей замѣтить, что перилъ нѣтъ, что ея ноги на самомъ краю и что у нея должна закружиться голова. Она начинаетъ смущаться, смотрѣтъ кругомъ съ безпокойствомъ. Тогда достаточно увѣрить ее, что у нея кружится голова, чтобы она тотчасъ же закрыла глаза руками и упала навзничъ. Мы ее принимаемъ въ свои руки; она стала каталептической.

Посредствомъ внушенія можно вызвать истерическій припадокъ. Достаточно больной сказать, что припадокъ начинается. „Одно мгновеніе она выражаетъ изумленіе и колеблется, но черезъ нѣскольکو секундъ выясняется настоящій истеро-эпилептический припадокъ, который мы останавливаемъ нажиманіемъ ячениковъ. Этотъ опытъ мы повторяли много разъ и всегда съ одинаковымъ результатомъ“.

Галлюцинаціи личности ¹⁾. Внутренняя галлюцинація можетъ быть направлена на самое существо субъекта. Послѣдній, по желанію экспериментатора, воображаетъ себя стекляннымъ, восковымъ, гуттаперчевымъ и пр. Въ этихъ случаяхъ развивается, какъ у нѣкоторыхъ помѣшанныхъ, систематическій бредъ сообразно съ природой внушенія. Если, напримѣръ, больная воображаетъ себя стеклян-

¹⁾ pp. 728—730.

ной, она двигается съ большими предосторожностями, боясь расширяться и пр.

Больную можно также превратить въ птицу, собаку и пр., и тогда она старается воспроизводить дѣйствія этихъ животныхъ. Она увѣряетъ, что видитъ и чувствуетъ свой клювъ и перья или свою морду и шерсть и пр. Не смотря на это, она разговариваетъ, не замѣчая противорѣчій въ томъ, что животное пользуется человѣческимъ языкомъ.

Еще болѣе интересны опыты, когда дѣйствіемъ внушенія субъектъ измѣняетъ свою личность, воображая себя Х или У. Онъ утрачиваетъ тогда всякое понятіе о томъ, что составляетъ его собственную личность, и создаетъ при помощи воспоминаній новую, навязанную ему внушеніемъ.

Вмѣстѣ съ Ш. Рише П. Рише называетъ галлюцинаціи такого рода „объективациями типовъ“, такъ какъ субъектъ не только сознаетъ извѣстный типъ—что можетъ сдѣлать всякій—, но его реализуетъ и объективируетъ, подобно тому, какъ если бы актеръ внезапно сошелъ съ ума и вообразилъ, что разыгрываемая имъ драма есть реальность, а не вымыселъ, и что онъ на самомъ дѣлѣ превращенъ тѣломъ и душою въ то лицо, роль котораго разыгрываетъ. Субъектъ *переживаетъ* въ этихъ случаяхъ созданія своего воображенія.

Шарль Рише приводитъ рядъ такихъ опытовъ. Субъектъ воображаетъ себя крестьянкой, актрисой, генераломъ, священникомъ, монахиней, матросомъ, булочникомъ, маленькой дѣвочкой, старухой ¹⁾

Заслуживаютъ вниманія тѣ (произведенные между прочимъ Краффтъ Эбингомъ ²⁾) опыты, когда субъекта заставляютъ переживать различные возрасты и въ каждомъ изъ нихъ писать. Почеркъ измѣняется сообразно съ возрастомъ. Это обстоятельство могло бы послужить основаніемъ для провѣрки реальности галлюцинацій этого рода. Стоитъ лишь сличить почеркъ при галлюцинаціяхъ возраста съ дѣйствительнымъ почеркомъ въ различные возрасты. Но до сихъ поръ, повидимому, этимъ обстоятельствомъ никто не пользовался для указанной цѣли.

¹⁾ L'Homme et l'Intelligence, pp. 237—242.

²⁾ Eine experimentell Studie etc., pp. 67—69.

Феррари, Герикуръ и Ш. Риге доказали сверхъ того, что почеркъ измѣняется и съ внутреннимъ измѣненіемъ общественнаго положенія. Напримѣръ, когда субъекту внушено, что онъ генералъ, то онъ пишетъ иначе, чѣмъ когда вслѣдствіе внушенія онъ воображаетъ себя крестьяниномъ, у мнимаго доктора медицины почеркъ иной, чѣмъ у мнимаго учителя чистописанія и т. д. ¹⁾).

Внушенное безпамятство. Галлюцинаціи личности предполагають забвеніе субъектомъ своего реального Я. Въ приведенныхъ выше примѣрахъ такое забвеніе есть слѣдствіе навязыванія внушеніемъ чужой личности. Но безпамятство можетъ быть вызвано и спеціальнымъ внушеніемъ. Самый обыкновенный изъ опытовъ такого рода—забвеніе субъектомъ своего имени. Внушенное безпамятство можетъ относиться и къ различнымъ формамъ памяти въ отдѣльности—памяти словъ, цифръ, фактовъ, касающихся опредѣленнаго событія и проч., и ко всѣмъ этимъ формамъ вмѣстѣ.

„Можно (говорить Шарль Риге) заставить сомнамбулу утратить память, и не только память вообще, но извѣстную спеціальную память, напримѣръ память имени. Я говорю В..., что она не можетъ вспомнить своего имени, и въ теченіе получаса она безуспѣшно старается сказать, что она называется В... Я ей говорю: „Ваше имя В...“—„Разумѣется“.—Мгновеніе спустя я ее спрашиваю: „Какъ ваше имя?“ Она старается вспомнить и не можетъ. Можно также простымъ утвержденіемъ заставить утратить память собственныхъ именъ, память мѣстностей. Можно даже заставить утратить *всю* память. Но этотъ опытъ можно пробовать лишь съ большою осторожностью и во всякомъ случаѣ не слѣдуетъ продолжать болѣе нѣсколькихъ минутъ. Въ этомъ случаѣ я наблюдалъ такой ужасъ и такое умственное расстройство, продолжавшееся въ теченіе четверти часа, что я бы не желалъ часто повторять это опасное испытаніе“ ²⁾).

Къ измѣненіямъ личности и состояній памяти во время гипнотизма намъ предстоитъ еще вернуться.

Отрицательныя галлюцинаціи ³⁾. До сихъ поръ мы видѣли, что внушеніе способно извращать ощущенія (производить иллюзіи) и ихъ

¹⁾ Pitres, Leçons cliniques, II, p. 213.

²⁾ L'Homme et l'Intelligence, p. 195.

³⁾ pp. 724—727.

созидать въ отсутствіи всякаго внѣшняго предмета (вызывать галлюцинаціи). Но оно можетъ дѣйствовать и въ обратномъ смыслѣ, устраняя дѣятельность чувствъ отчасти или вполне. Достаточно, напримѣръ, сказать субъекту, что онъ лишенъ зрѣнія, что бы онъ тотчасъ же пересталъ различать окружающіе его предметы и оставался слѣпымъ до того момента, когда экспериментаторъ пожелаетъ возвратить ему зрѣніе посредствомъ противоположнаго внушенія. При этомъ можно его сдѣлать слѣпымъ какъ на оба глаза, такъ и на одинъ. Точно также можно лишить и другихъ чувствъ.

Прекращеніе чувственной дѣятельности можетъ быть специальнымъ, по отношенію къ воспріятію опредѣленнаго предмета. По волѣ экспериментатора субъектъ не будетъ видѣть только данный предметъ, хотя и будетъ различать въ совершенствѣ всѣ остальные, не будетъ слышать даннаго звука, хотя и будетъ вполне воспринимать всякій другой и т. д.

Объектами этого рода внушеній могутъ быть какъ лица, такъ и вещи.

Въ томъ и другомъ случаѣ можно устранить одни ощущенія, сохранивъ другія. Можно, напримѣръ, внушить субъекту, что онъ не видитъ извѣстнаго лица; въ такомъ случаѣ онъ продолжаетъ его слышать. Напротивъ, если внушить субъекту, что онъ даннаго лица не слышитъ, то онъ будетъ его видѣть и пр.

Въ клиникѣ Шарко объектомъ такихъ опытовъ сдѣлалъ себя Фере. Больной было внушено, что она его не знаетъ. Когда она пробудилась, онъ сталъ для нея совершенно чужимъ; больная не только его не узнавала, но и утратила всякое о немъ воспоминаніе. Галлюцинація длилась шесть дней и лишь съ трудомъ была уничтожена противоположнымъ внушеніемъ.

Вотъ что рассказано объ этомъ у Бине и Фере ¹⁾:

„Мы внушаемъ больной, находящейся въ сомнамбулизмѣ, что, проснувшись она не будетъ видѣть одного изъ насъ, Фере, хотя и будетъ по прежнему слышать его голосъ. По пробужденіи больной, Фере становится передъ нею; она не замѣчаетъ его. Фере протягиваетъ ей руку; она не дѣлаетъ никакого движенія и продолжаетъ

¹⁾ Magnétisme animal, pp. 228—230.

спокойно сидѣть въ креслѣ, въ которомъ проснулась; мы сидимъ рядомъ съ ней въ ожиданіи. Черезъ нѣсколько времени больная выражаетъ удивленіе, что не видитъ Фере, который только что былъ въ лабораторіи, и спрашиваетъ, куда онъ скрылся. Мы отвѣчаемъ: „Онъ ушелъ, вы можете возвратиться къ себѣ въ палату“. Фере становится противъ двери. Въ моментъ, когда больная хочетъ взяться за ручку двери, она наталкивается на невидимаго ею Фере и отъ такого неожиданнаго столкновенія вздрагиваетъ; она вторично пытается подойти, но при встрѣчѣ съ тою же невидимой и непонятной преградой на нее нападаетъ страхъ и она отказывается снова подойти къ двери.

Тогда мы беремъ со стола шляпу и показываемъ ее больной; она отлично видитъ ее и убѣждается руками и глазами, что это реальное тѣло. Мы надѣваемъ шляпу на голову Фере. Больная видитъ шляпу висящей въ воздухѣ; нельзя описать ея удивленія. Но изумленіе ея переступаетъ всякія границы, когда Фере снимаетъ шляпу съ головы и нѣсколько разъ кланяется ей; больная видитъ, какъ шляпа, ничѣмъ не поддерживаемая, описываетъ въ воздухѣ кривую линію. Мы беремъ пальто и передаемъ его Фере, который надѣваетъ его на себя; больная пристально смотритъ на пальто и видитъ съ удивленіемъ, какъ оно качается въ воздухѣ, принимая форму чело-вѣка. „Словно манекенъ“, говоритъ она, „съ пустотою внутри“. По нашему приказанію, мебель съ шумомъ передвигается и переставливается съ одного конца комнаты на другой (просто на просто она перемѣщается Фере невидимкой). Столъ и стулья опрокидываются; за тѣмъ хаосъ уступаетъ мѣсто порядку, предметы устанавливаются по мѣстамъ; разобранныя и разбросанныя по полу кости черепа соединяются и складываются, портмоне открывается само собой и изъ него выскакиваютъ золотыя и серебряныя монеты.

Мы приглашаемъ больную снова усѣсться въ кресло и становимся возлѣ нея, что бы подвергнуть ее нѣсколькимъ опытамъ болѣе спокойнаго характера. Мы сейчасъ увидимъ, какъ она объясняетъ нѣкоторые факты, необъяснимые по невидимости Фере. Фере становится позади больной и въ то время, какъ она спокойно разговариваетъ съ нами, трогаетъ ее то за носъ, то за щеку, то за лобъ, то за подбородокъ . . . Каждый разъ больная, прехладнокровнымъ движеніемъ, безъ малѣйшаго испуга, подноситъ руку къ лицу. Мы спрашиваемъ у нея, зачѣмъ она трогаетъ себя за лицо руками;

она отвѣчаетъ, что чувствуетъ зудъ и боль. Увѣренность и спокойный тонъ ея отвѣтовъ просто изумительны. Мы просимъ ее размахнуться кулакомъ въ воздухъ, и въ ту минуту, какъ она поднимаетъ руку, Фере удерживаетъ послѣднюю. „Что случилось?“ спрашиваемъ мы. „Точно руку свело“, отвѣчаетъ она. Словомъ, больную ничто не приводитъ въ смущеніе. Она объясняетъ все, объясняетъ постоянно, во что бы то ни стало. Потребность объясненія, существующая въ нормальномъ состояніи, доходитъ до крайности въ опытахъ съ внушеніями“.

Въ другой разъ „мы внушили загнипнотизованной больной, что она не будетъ видѣть Фере, хотя и будетъ слышать его голосъ. Проснувшись, больная слышитъ голосъ невидимаго Фере, оглядываетъ всю залу и спрашиваетъ насъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Шутя, мы ей говоримъ: „Фере умеръ, но душа его здѣсь и она съ вами разговариваетъ“. Весьма вѣроятно, что въ нормальномъ состояніи больная, женщина интеллигентная, приняла бы эту шутку такъ, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ. Но она, находясь подъ вліяніемъ внушенной анестесіи, легко повѣрила нашему объясненію. Скоро снова раздался голосъ Фере; онъ говоритъ, что умеръ въ прошлую ночь и что тѣло его перенесли въ анатомическій театръ; больная складываетъ руки, лицо ея становится грустнымъ. Она спрашиваетъ, когда похоронятъ его; она желаетъ быть на похоронахъ. „Бѣдный молодой человѣкъ!“ говоритъ она; „онъ не былъ дурнымъ“. Снова слышится голосъ Фере. Желая опредѣлить, какъ велико можетъ быть легковѣріе больной, онъ начинаетъ стонать, жалуется, что его тѣло подвергнуто вскрытію и пр. Сцена становится тяжелой. Вслѣдствіе волненія больная опрокидывается назадъ и у нея появляются начальные признаки припадка, который мы тотчасъ же останавливаемъ надавливаніемъ на область яичниковъ.“¹⁾

Предметъ, сдѣланный посредствомъ внушенія незримымъ, по большей части не препятствуетъ больнымъ думать, что они воспринимаютъ находящіяся позади его реальныя вещи. Если, напримѣръ, наблюдатель закроетъ свое лицо экраномъ, несуществованіе котораго предварительно внушено, то субъектъ увѣряетъ, что продолжаетъ

¹⁾ pp. 234—234.

видѣть лицо экспериментатора. На самомъ дѣлѣ однако субъектъ видитъ не предметъ, но его субъективный образъ ¹⁾).

„Невидимый предметъ (спрашиваютъ Бине и Фере по поводу только что приведеннаго опыта) ²⁾ скрывается-ли то, что находится позади его? Въ нѣкоторыхъ случаяхъ скрывается. Когда невидимый Фере надѣваетъ на себя очки и поворачивается къ больной спиной, очки исчезаютъ. Но гораздо чаще невидимый предметъ не заслоняетъ отъ глазъ субъекта предметовъ, расположенныхъ въ нѣкоторомъ разстояніи, но по одной и той же линіи зрѣнія; онъ не порождаетъ пробѣла въ полѣ зрѣнія больного; субъекту кажется, будто онъ видитъ заслоненный предметъ, какъ и всѣ остальные. Если, напримѣръ, Фере становится передъ выходною дверью, больная утверждаетъ, что видитъ дверную ручку и хочетъ взяться за нее. По всей вѣроятности, она подвергается самопроизвольной галлюцинаціи, заполняющей пробѣлъ, производимый въ ея зрительномъ полѣ невидимымъ предметомъ. Это дѣйствіе самовнушенія напоминаетъ общезвѣстный физиологическій фактъ: существуетъ нормально въ нашемъ зрительномъ полѣ пробѣлъ, слѣпое пятно, соответствующее сосочку оптического нерва; но мы не замѣчаемъ этого пробѣла безъ помощи искусственныхъ примовъ опыта, такъ какъ заполняемъ его цвѣтами окружающихъ насъ предметовъ.

Едва-ли слѣдуетъ прибавлять, что, не смотря на кажущуюся противоположность, незримый предметъ играетъ въ дѣйствительности роль экрана и больная не можетъ видѣть, что дѣлается позади экрана. Если мы становимся позади невидимки Фере, больная увѣряетъ, что продолжаетъ насъ видѣть, хотя и не можетъ точно сказать, какіе жесты мы дѣлаемъ“.

Мнимо-незримый предметъ воспринимается безсознательнымъ зрѣніемъ. Доказательствомъ, по Рише, служатъ три факта. Во первыхъ, субъектъ (какъ уже сказано) не можетъ указать измѣненій въ скрытомъ предметѣ (напр. лицѣ, если закрыть глаза, высунуть языкъ и пр.). Во вторыхъ, незримый предметъ вызываетъ ощущеніе дополнительнаго цвѣта. Если предметъ напр. краснаго цвѣта, то при переене-

¹⁾ Выше, стр. 89—91. Такъ же стр. 149—150.

²⁾ р. 231.

сенія взора на бѣлую бумагу, субъектъ видитъ зеленый цвѣтъ. Въ третьихъ, незримый предметъ можетъ быть безошибочно найденъ среди нѣсколькихъ другихъ ему подобныхъ (наприм. одинъ листъ бумаги среди девяти другихъ) лишь въ томъ случаѣ, если отъ нихъ отличается хотя ничтожнымъ признакомъ, а въ противномъ случаѣ возможны ошибки. Такая разница была бы необъяснимой, если бы дѣйствительное зрѣніе было не приче́мъ¹⁾.

Реальность отрицательныхъ иллюминацій. Но реальны-ли отрицательныя иллюминаціи?

„Вышеуказанныя явленія (говорятъ Бине и Фере)²⁾ могутъ быть результатомъ ловкаго притворства. Они не заключаютъ въ себѣ ни одного изъ тѣхъ соматическихъ, объективныхъ признаковъ, которыми совершенно исключалось бы подозрѣніе въ обманѣ. Но есть средство убѣдиться, что больная не обманывается. Извѣстно, что оглушительный гулъ китайскаго гонга погружаетъ нѣкоторыхъ загипнотизованныхъ больныхъ въ каталепсію; къ этому числу принадлежатъ и двѣ больныя, подлежащія нашимъ наблюденіямъ. Во время гипнотическаго состоянія мы имъ внушаемъ, что, проснувшись, онѣ не будутъ видѣть ни гонга, ни тампона, которымъ въ него ударяютъ, и не будутъ слышать производимыхъ имъ звуковъ. Другими словами, имъ внушаютъ систематическую анестесію, имѣющую объектомъ гонгъ. По пробужденіи больной, убѣдившись, что анестесія продолжается, къ ея уху подносятъ гонгъ—при чемъ она не выражаетъ обычнаго ужаса—и очень сильно ударяютъ въ него. Каталепсія не наступаетъ. Больная продолжаетъ оставаться какъ ни въ чемъ не бывало. Она только дѣлаетъ легкое движеніе удивленія и говоритъ, что слышитъ нѣчто, напоминающее шумъ вѣтра въ трубѣ. Можно сдѣлать и провѣрочный опытъ, снова усыпивъ больную и возвративъ ей зрительное воспріятіе инструмента: тогда даже значительно менѣе сильный ударъ погружаетъ ее въ глубокую каталепсію.

Во время новаго опыта, мы вторично вызвали анестесію по отношенію къ гонгу, и въ теченіи одиннадцати дней подрядъ этотъ

¹⁾ p. 725.

²⁾ *Magnétisme animal*, pp. 231—232.

инструментъ не оказывалъ никакого дѣйствія; но затѣмъ эффектъ внушенія исчезъ самъ собою.

Можно указать и на другой опытъ, въ свою очередь подтверждающій дѣйствительность этихъ анестесій. Одна изъ нашихъ больныхъ съ каждой стороны въ области грудныхъ железъ имѣетъ истерогенную зону; надавливаніе на эту зону немедленно вызываетъ припадокъ. Одинъ изъ насъ дѣлается невидимымъ посредствомъ внушенія; тѣмъ же путемъ устраняется по отношенію къ нему и осязательное чувство больной: въ такомъ случаѣ онъ можетъ сильно надавливать истерогенныя зоны, и припадковъ не появляется, больная даже не дѣлаетъ никакого движенія для защиты; она только жалуется на неопредѣленное чувство удушья. Наоборотъ, она съ ужасомъ пятится назадъ, если другое лицо приближаетъ руку къ тѣмъ же зонамъ“.

*Объясненіе зрительныхъ галлюцинацій*¹⁾. Объясненіе явленій „галлюцинаторной оптики“ изъ субъективныхъ образовъ даетъ Рихсе основаніе всѣ вообще зрительныя галлюцинаціи разсматривать какъ субъективные образы.

Изъ сопоставленія между субъективными образами и галлюцинаціями „мы можемъ (говоритъ онъ) заключить, что при галлюцинаціи, точно такъ же какъ при субъективномъ образѣ, существуетъ положительное измѣненіе въ мозгу, не отличающееся отъ того, какое происходитъ при нормальномъ чувственномъ воспріятіи. Этотъ мозговой образъ, сознаваемый какъ нѣчто внѣшнее, имѣетъ матеріальное существованіе и тождественъ съ тѣмъ, который получается при дѣйствіи предмета на ретину.

Сверхъ того, галлюцинаторный образъ, подобно субъективному, по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ случаяхъ (за исключеніемъ *иллюзій*), чисто субъективный и существуетъ помимо всякаго дѣйствительнаго чувственнаго впечатлѣнія, порожденнаго объективной реальностью.

Съ фізіологической точки зрѣнія, галлюцинація есть долгосрочный субъективный образъ.

Напримѣръ, видъ предмета вызываетъ посредствомъ чувствъ мозговой образъ, который сознается нашимъ чувствилищемъ и за-

¹⁾ pp. 738—740.

ставляетъ насъ утверждать, что мы видимъ извѣстный предметъ. Въ отсутствіи этого предмета его мозговой образъ можетъ при спеціальныхъ воздѣйствіяхъ продолжать свое существованіе или возникать съ признаками тождественными тѣмъ, которые вызываются непосредственнымъ присутствіемъ самого предмета, при томъ либо непосредственно послѣ его устраненія и въ теченіе короткихъ мгновеній (субъективный образъ) или много послѣ и въ теченіе неопредѣленно долгаго времени (галлюцинація).

Съ психологической точки зрѣнія, „галлюцинація есть хранимый памятью образъ, переходящій въ состояніе чувственного образа, или иначе—*слабое состояніе* сознанія, переходящее посредствомъ совершенно внутренняго механизма и безъ помощи чувственного впечатлѣнія, въ *состояніе живое*, какъ выражаются англійскіе психологи“.

Все дѣло, очевидно, въ этомъ „совершенно внутреннемъ механизмѣ“. Но возможное объясненіе этого механизма Рихе только намѣчаетъ въ нѣсколькихъ строкахъ отрывочными положеніями изъ англійской психологіи.

Для него главное поставить на видъ, что каково бы ни было отношеніе между субъективными образами и галлюцинаціями, мозговой характеръ тѣхъ и другихъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Для правильнаго пониманія термина „мозговой образъ“ необходимо однако помнить, что эти слова не предполагаютъ „будто (зрительные) мозговые образы могутъ быть восприняты безъ участія ретины. Но всякому впечатлѣнію ретины соответствуетъ постоянное измѣненіе нервныхъ центровъ зрительнаго аппарата, представляющее всѣ признаки матеріальнаго впечатлѣнія и подобное въ многихъ отношеніяхъ фотографической реакціи“¹⁾.

Мы воздерживаемся отъ критики, такъ какъ она завела бы въ спеціальные отдѣлы экспериментальной психологіи, далеко отъ цѣли настоящаго очерка.

Объясненіе отрицательныхъ галлюцинацій. Отрицательныя галлюцинаціи Рихе объясняетъ сопоставленіемъ въ области нормальной

¹⁾ p. 732.

жизни съ общеизвѣстнымъ фактомъ существованія въ нашей памяти образовъ, которые „какъ скоро не входятъ въ область сознанія, не существуютъ для насъ, хотя и существуютъ сами по себѣ“, въ области гипнотическихъ явленій—съ извѣстными уже намъ внушеннымъ безпамятствомъ и внушенной потерей чувствительности.¹⁾ Субъектъ воспринимаетъ впечатлѣнія, но ихъ не сознаетъ вслѣдствіе *ингибиции*, вызванной специальнымъ внушеніемъ²⁾).

Бине и Фере, отдавая должное остроумному сопоставленію съ явленіями памяти, основательно замѣчаютъ, что это сопоставленіе не болѣе какъ сравненіе, а не объясненіе. Объясненія на ихъ взглядъ слѣдуетъ искать въ (указанной Рише) потерѣ чувствительности или, какъ они выражаются, „систематической анестесіи“,—названной ими такъ въ отличіе отъ самопроизвольной истерической анестесіи, которая обыкновенно бываетъ расплывчатой. Впрочемъ, они оговариваются, что ингибиція въ данномъ случаѣ можетъ сводиться къ дѣйствию предвзятой идеи или же просто вниманія, сосредоточеннаго на опредѣленномъ пунктѣ.

„Не наблюдается-ли (говорятъ они³⁾) и въ нормальной жизни нѣчто весьма аналогичное этой ослабленной формѣ анестесіи? Предвзятая мысль, что данный предметъ находится на извѣстномъ мѣстѣ, мѣшаетъ видѣть его, когда онъ перемѣщенъ. Намъ не разъ приходилось наблюдать подобную особенность. Если случайно посторонняя рука убираетъ предметъ, обыкновенно находящійся въ опредѣленномъ мѣстѣ на нашемъ рабочемъ столѣ, то мы принимаемся искать этотъ предметъ на столѣ и десять разъ проходимъ мимо новаго мѣста, на которое онъ переставленъ, не замѣчая его. Это не единственная точка соприкосновенія между странными фактами внушенной слѣпоты и повседневными фактами изъ нормальной жизни. Важно замѣтить, что разсмотрѣнныя выше дѣйствія психической ингибиціи происходятъ у субъектовъ вслѣдствіе внушеній, дѣлаемыхъ въ отрицательной формѣ. Экспериментаторъ всегда дѣйствуетъ отрицаніемъ: „Вы не видите этой личности“, говоритъ онъ, „вы не чувствуете прикосновенія моей

¹⁾ Выше, стр. 142—143.

²⁾ р. 726.

³⁾ *Magnétisme animal*, pp. 238—239.

руки". Другими словами, онъ прививаетъ субъекту убѣжденіе, что даннаго предмета не существуетъ. Отсюда, стало быть, позволительно заключить, что и въ нормальномъ состояніи, каждый разъ, когда человекомъ овладѣваетъ убѣжденіе, что такого то предмета нѣтъ, убѣжденіе это дѣлаетъ его слѣпымъ и глухимъ по отношенію къ этому предмету. Если справедливо, что чудеса являются только тѣмъ, кто ихъ ожидаетъ, то слѣдуетъ прибавить, что и наоборотъ, предвзятая идея о несуществованіи предмета мѣшаетъ его видѣть. Можно было бы также признать, что всякое вообще отрицаніе не только не есть простое обратное утвержденіе, какъ предполагали, но производитъ въро-ятно у нормальнаго субъекта явленіе ингибиціи, представляющее собою легкую форму систематической анестесіи, точно такъ же, какъ категорическое утвержденіе какаго либо факта порождаетъ у того же нормальнаго субъекта явленіе возбужденія, представляющее собою легкую форму галлюцинаціи.

Впрочемъ, предубѣжденіе или предвзятая идея не составляетъ необходимаго условія для произведенія дѣйствій, аналогичныхъ съ анестесіей. Простой фактъ вниманія, состоящій въ сосредоточиваніи всей умственной энергіи на единичномъ пунктѣ, повышаетъ интенсивность въ данномъ пунктѣ и порождаетъ вокругъ зону анестесіи; вниманіе повышаетъ силу извѣстныхъ ощущеній не иначе, какъ подъ условіемъ ослабленія другихъ. Слѣдующій по истинѣ любопытный фактъ завершаетъ сближеніе систематической анестесіи съ отрицательными дѣйствіями вниманія. Мы уже знаемъ, что невидимый предметъ, напримеръ, красный четырехугольникъ, если на него пристально смотрѣть, порождаетъ зрительный слѣдъ съ тѣми же очертаніями предмета, но окрашеннаго въ дополнительный цвѣтъ; что недоступно прямому зрѣнію, становится видимымъ въ этомъ дополнительномъ зрѣніи. То же самое и съ предметами, на которые хотя мы и смотримъ, но не видимъ вслѣдствіе отвлеченія вниманія въ другомъ направленіи. Случается иногда, говорятъ фізіологи, что при взглядѣ на предметъ, отъ него остается зрительный слѣдъ, въ которомъ могутъ быть открыты подробности, ускользнувшія при прямомъ зрѣніи".

Согласно съ ученіемъ о внушенной анестесіи, Бине и Фере находятъ терминъ „отрицательныя галлюцинаціи“ неправильнымъ и

предлагають его замѣнить „систематической анестесіей“¹⁾). Но этотъ терминъ слишкомъ широкъ, такъ какъ систематическая анестесія можетъ корениться одинаково въ физическихъ и психическихъ причинахъ, между тѣмъ какъ отрицательныя галлюцинаціи—всегда слѣдствіе психическаго воздѣйствія.

Школа Нанси, какъ мы подробнѣе узнаемъ впоследствии, положительныя и отрицательныя галлюцинаціи объясняетъ дѣйствіемъ идеи и вниманія, порождающимъ при отрицательныхъ галлюцинаціяхъ анестесію²⁾. Въ вопросѣ объ отрицательныхъ галлюцинаціяхъ обѣ школы такимъ образомъ вполне сходятся. Онѣ сходятся также и въ признаніи за гипнотическими галлюцинаціями чисто психическаго (мозгового) характера³⁾.

Измѣненія въ сосудоодвигательной и секреторной системахъ. Уже Брэдъ доказалъ возможность посредствомъ внушенія вызывать, прекращать, увеличивать или уменьшать менструаціи, выдѣленіе молока и мочи, вызывать и прекращать желудочно-кишечныя отправленія и проч. Въ 1884 году Бони экспериментально удостовѣрилъ дѣйствіе внушенія на ритмъ сердца, въ 1885 Дюмонпалль—на температуру тѣла, а въ слѣдующемъ году Фере—на объемъ его частей. Бѣненіе сердца можно ускорять и замедлять, температуру повышать и понижать, объемъ членовъ увеличивать и уменьшать. Въ настоящее время все это факты, признанные всѣми школами и подтвержденные нѣсколькими опытами.

Съ опытами Брэда мы встрѣтимся въ отдѣлѣ о примѣненіи гипнотизма къ терапіи.

Изъ новѣйшихъ нельзя прежде всего не остановиться на опытѣ Бюро съ пониженіемъ температуры. Этотъ изслѣдователь внушилъ загипнотизованному субъекту, что его лѣвая рука охлаждается. Температура стала опускаться и черезъ нѣсколько часовъ понизилась на 11°—съ 30° до 19° R. вмѣстѣ съ тѣмъ пульсъ, записанный сфигмографомъ, давалъ едва замѣтную ломаную, между тѣмъ какъ сфигмографъ правой руки чертилъ крупные вполне нормальные зигзаги. Хотя измѣненія въ температурѣ и пульсѣ были засвидѣтельствованы

¹⁾ p. 228. Отвѣтъ Бернгейма въ De la Suggestion etc., p. 66.

²⁾ Bernheim, De la Suggestion, pp. 66. 188—200 и пр.

³⁾ Тамъ же, pp. 140—152.

механическими приборами и потому о притворствѣ не могло быть рѣчи, тѣмъ же не менѣе, что бы придать опыту характеръ *experimentum crucis*, были произведены два другіе эксперимента. Если отмѣченныя термометромъ и сфигмографомъ явленія суть исключительно слѣдствіе внушенія, то они должны исчезнуть, какъ скоро будетъ дано устраняющее ихъ внушеніе, и наоборотъ, они должны обнаружиться на другой рукѣ вслѣдствіе новаго спеціальнаго внушенія. Оба эти предположенія оправдались въ полной мѣрѣ. Когда съ лѣвой руки было снято внушеніе, температура на обѣихъ рукахъ оказалась одинаковой— 31°R , точно также и пульсъ той и другой руки чертилъ одинаковые вполне нормальные зигзаги. При переносѣ внушенія на правую руку, температура въ ней понизилась до $20,5^{\circ}\text{R}$, тогда какъ на лѣвой рукѣ термометръ показывалъ $28,7^{\circ}\text{R}$. Вмѣстѣ съ тѣмъ пульсъ правой чертилъ едва замѣтную ломаную, а пульсъ лѣвой—нормальные зигзаги.

Этотъ опытъ, по своей строго научной постановкѣ, не можетъ не считаться безусловно доказательнымъ и устраняетъ всякія сомнѣнія въ возможности дѣйствовать внушеніемъ на сосудо-двигательную систему ¹⁾.

Отсылая интересующихся другими новѣйшими опытами подобнаго содержанія къ литературѣ по этому вопросу у *Pitres, Leçons cliniques etc.* II, p. 179, мы здѣсь ограничимся изложеніемъ опытовъ наиболѣе поразительныхъ—съ внушенными нарывами и стигматами.

Внушенные нарывы. Возможность производить внушеніемъ нарывы засвидѣтельствовалъ въ 1884 году аптекарь Фокашонъ изъ Шармъ. Съ этою цѣлью онъ приклеивалъ загнипнотизованной больной нѣсколько почтовыхъ марокъ, внушая, что прикладываетъ шпанскую мушку. По истеченіи извѣстнаго срока, подъ марками образовывался нарывъ.

Въ 1875 году этотъ опытъ былъ повторенъ передъ комиссіей изъ профессоровъ факультета Нанси. Вотъ протоколъ этой комиссіи, напечатанный у *Beaunis, Le Somnambulisme provoqué*, pp. 77—79.

„12 мая 1885 года, въ 11 часовъ утра, Фокашонъ усыпилъ M-lle Элизу въ присутствіи Бернгейма, Льебо, Бони и нѣсколькихъ

¹⁾ Bérillon, Hypnotisme et Suggestion, pp. 10—11.

другихъ лицъ. Во время сна ей прикладываютъ на лѣвое плечо восемь почтовыхъ марокъ, внушая, что прикладываютъ мушку. Почтовые марки придерживаются нѣсколькими полосами липкаго пластыря и бинтомъ.

Затѣмъ больная была оставлена въ этомъ положеніи цѣлый день и разбужена лишь дважды для завтрака и обѣда, но надъ ней все время наблюдали и не выпускали ее изъ виду.

На ночь Фокашонъ ее усыпилъ, внушивъ ей, что она проснется только на другой день утромъ въ семь часовъ (что и случилось).

Въ этотъ день въ восемь часовъ съ четвертью Фокашонъ снялъ повязку въ присутствіи Бернгейма, Льежуа, Льебо, Бони и пр. Мы удостоверяемъ прежде всего, что почтовые марки не сдвинуты съ мѣста. По снятіи ихъ, мѣсто, гдѣ онѣ были приложены, представляетъ слѣдующій видъ: на протяженіи отъ 4 до 5 сантиметровъ кожа утолщена и размягчена, блѣдно-желтаго цвѣта; однако она не приподнята и не образуетъ пузырей, но утолщена, сморщена и представляетъ однимъ словомъ видъ и признаки періода, непосредственно предшествующаго собственному нарыву и накопленію гноя. Эта область кожи окружена вздутой ярко красной полосой. Полоса около половины сантиметра шириной. По удостовѣреніи этихъ фактовъ, былъ наложенъ сухой компрессъ, чтобы изслѣдовать кожу нѣсколько позднѣе. Въ тотъ же день въ 11½ часовъ, кожа представляетъ такой же видъ, какъ и утромъ“.

По возвращеніи въ Шармъ, Фокашонъ въ 4½ часа снялъ съ нарыва Элизы фотографію. На этой фотографіи замѣтно нѣсколько (4 или 5) водянистыхъ пузырей, развившихся вѣроятно при переѣздѣ изъ Нанси въ Шармъ.

Эти пузыри мало по малу увеличивались, япуская густую молочную сукровицу. 28 мая нарывъ продолжалъ еще гноиться въ полной мѣрѣ, и Фокашонъ имѣлъ возможность сфотографировать его нѣсколько разъ.

Этотъ опытъ (какъ справедливо ставить на видъ Моранъ ¹⁾) можетъ показаться не вполне убѣдительнымъ. Мѣры предосторожности противъ симуляціи не могутъ быть названы достаточными (больная

¹⁾ Le Magnétisme animal, p. 307.

могла, наприимѣръ, расчесать изслѣдуемое мѣсто); удостовѣренный комиссией результатъ не вполне выраженъ, а результатъ въ полномъ объемѣ засвидѣтельствованъ однимъ лишь Фокашоновъ.

Но въ послѣднее время произведенъ рядъ аналогичныхъ опытовъ, вполне удостовѣряющихъ подлинность явленій, наблюдавшихся Фокашоновъ.

Особенно поразительные результаты были достигнуты въ 1886-1887 г. д-ромъ Индрашикомъ у истеричной, анестесичной съ правой стороны больной въ медицинской клиникѣ въ Пештѣ.

„Когда листъ писчей бумаги (свидѣтельствуешь д-ръ Индрашикъ) былъ привязанъ къ лѣвой голени и больной внушено, что это горчичникъ, то на слѣдующее утро на его мѣстѣ появились краснота и небольшіе пузыри.

Когда больной утромъ придавливали къ правому предплечью край спичечницы, или же въ другой разъ между лопатками ободокъ мензурки, или къ плечу дно коробки, и внушали, что эти предметы раскалены, то каждый разъ спустя нѣсколько часовъ можно было видѣть пузырь какъ послѣ обжога въ формѣ указанныхъ предметовъ; рубцы отъ этихъ ранъ до сихъ поръ сохранились. Когда прижатіе мнимо раскаленнымъ предметомъ производилось на лѣвой сторонѣ, то обжогъ появлялся на симметричномъ мѣстѣ правой, при томъ въ видѣ зеркальнаго изображенія. Наприимѣръ, когда мѣтка отъ бѣлья *a* (Рис. 7) была прижата къ лѣвому плечу, то на правомъ плечѣ получилась съ совершенно ясными контурами картина *b* (Рис. 8). Точное изображеніе было бы *c*“ (Рис. 9).

Рис. 7.

Рис. 8.

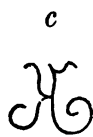

Рис. 9.

Кромѣ того на правой половинѣ груди больной была гноящаяся рана въ видѣ ножницъ.

„Кто ей прижалъ ножницы и внушилъ, что онѣ раскалены, нельзя было узнать; вѣроятно кто нибудь изъ практикантовъ. Это печальный примѣръ сильнаго дѣйствія внушенія“¹⁾.

¹⁾ Krafft Ebing, Eine experimentelle Studie auf dem Gebiete des Hypnotismus, p. 21 (русск. изд.)

Индрашикъ заканчиваетъ сообщеніе объ этихъ опытахъ слѣдующимъ замѣчаніемъ:

„Едва-ли мнѣ нужно говорить, что опыты производились съ величайшею осторожностью, что, напримѣръ, при внушеніяхъ обжоговъ обманъ совершенно исключенъ“ ¹⁾.

Но невозможность въ данномъ случаѣ притворства очевидна сама собою изъ переноса обжоговъ и ихъ зеркальнаго изображенія.

Впрочемъ, послѣдствія достигнутыхъ Индрашикомъ результатовъ удостовѣрены Краффтъ Эбингомъ, пользовавшимся ту же больную нѣсколько времени спустя.

Передъ бѣгствомъ больной изъ Пешта Индрашикъ внушилъ ей на лѣвомъ предплечьи раскаленное J.

„Буква эта была нарисована на бумагѣ (пишетъ онъ Краффтъ Эбингу) и я только на одинъ моментъ дотронулся до нея загибомъ листа. Не осталось ли слѣда этого внушенія? По моимъ наблюденіямъ, внушенные обжоги оставались недѣйствительными лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда вскорѣ послѣ внушенія (до осуществленія его) появлялся истеро-эпилептический припадокъ“ ²⁾.

По изслѣдованіи больной въ клиникѣ Граца, куда она убѣжала изъ Пешта, Краффтъ Эбингъ удостовѣрилъ между прочимъ слѣдующее:

„У больной: 1) на правой половинѣ груди по близости отъ плечевого сочлененія выдающійся надъ кожей синеваато-красный рубецъ (келоидъ) въ видѣ средней величины дамскихъ ножницъ.

2) Посреди праваго плеча такой же овальный рубецъ въ 1,5 сантим. шириною и 1 сантим. длиною.

3) На правомъ плечѣ выдающійся кожный рубецъ въ 2 сантим. длины и 1 ширины, похожій на половину буквы K.

4) На правой лопаткѣ пигментированная линія, напоминающая контуры мензурки, оканчивающаяся рыльцемъ.

5) По срединѣ праваго предплечья пигментированная линія, напоминающая букву J, верхняя и нижняя трети которой хотя плоски, но представляютъ рубцовую ткань.

Больная увѣряетъ, что эти рубцы были произведены у нея въ

¹⁾ Тамъ же, р. 22.

²⁾ Тамъ же.

гипнозѣ, по крайней мѣрѣ такъ ей передала сестра милосердія. Сама она объ этомъ ничего не помнитъ. Первый рубецъ сдѣланъ ножницами, второй—ключемъ, третій—печатью, четвертый—стекляннымъ цилиндромъ, пятый—буквою; ей будто бы про всѣ эти предметы внушали, что они раскалены.

Означенныя мѣста, по ея словамъ, послѣ опыта перевязывались, а перевязка запечатывалась.¹⁾

Изъ этого описанія видно, что внушеніе Индрашикомъ буквы J не осталось безъ послѣдствій.

Краффтъ Эбингъ произвелъ надъ той же больной нѣсколько подобныхъ же экспериментовъ, съ которыми познакомимся ниже.

Только что приведенные случаи внушенныхъ обжоговъ вызваны не безъ посредства механическаго раздраженія (марками, мензуркой, спичечницей, бумагой и пр.). Но обжоги могутъ быть произведены и однимъ лишь психическимъ дѣйствіемъ внушенія.

„Въ Салпетріерѣ (свидѣтельствуетъ Бине и Фере²⁾ Шарко съ учениками часто производятъ у гипнотиковъ *обжоги* внушеніемъ. Идея обжога не производитъ дѣйствія тотчасъ же, но послѣ нѣсколькихъ часовъ инкубаціи“²⁾.

Срокъ этотъ опредѣленъ названными авторами не совсѣмъ вѣрно, какъ видно изъ слѣдующихъ опытовъ Бонжана (Психологической школы).

„21 іюня 1889 года мы внушаемъ загипнотизованной M-lle S..., что на той части праваго запястья, которую мы указываемъ жестомъ, у нея будетъ красное пятно спустя десять минутъ по ея пробужденіи (elle aura une tache rouge etc.)

Мы будимъ субъекта. Въ назначенное время молодая дѣвушка вскрикнула: „Смотрите, какое у меня здѣсь красное пятно!“

Внушеніе осуществилось чисто субъективнымъ образомъ. Сомнамбула увидала красное пятно на своей рукѣ, тогда какъ это пятно не существовало для другихъ.

Не произнесли ли мы дурно слово: *aura*? Не поняли ли его въ смыслѣ: *verra*?

¹⁾ Тамъ же, pp. 15—16.

²⁾ *Magnétisme animal*, p. 147.

Субъектъ усыпленъ снова. На этотъ разъ мы произносимъ медленно и точно:

„Десять минутъ послѣ вашего пробужденія у васъ появится красное пятно на томъ мѣстѣ вашей руки, которое мы укажемъ. Всѣ увидятъ это пятно. Вы не почувствуете никакой боли, но краснота кожи будетъ вполне видна и вполне доступна наблюденію“.

Мы будимъ субъекта, потому, въ нетерпѣливомъ ожиданіи результата, остаемся настолько близко къ молодой дѣвушкѣ, что бы можно было слѣдить за каждымъ ея движеніемъ и отмѣчать въ ожидаемомъ наступленіи явленія всякое бессознательное участіе и всякое личное вмѣшательство, если таковыя послѣдуютъ.

Десять минутъ прошли. Молодая дѣвушка во все это время съ нами разговаривала и мы могли убѣдиться въ отсутствіи какого бы то ни было прикосновенія къ указанной части руки. Затѣмъ мы посмотрѣли руку и тотчасъ же передъ нашими глазами предстало красновато синее пятно, сопровождаемое легкою опухолью.

Это пятно оставалось въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, и когда вечеромъ въ наше отсутствіе его осмотрѣлъ Леопольдъ Малларъ (членъ Бельгійской палаты представителей), онъ намъ написалъ слѣдующее письмо, которое . . . намѣчаетъ выводы изъ этого явленія:

„Пятно на рукѣ П стало еще краснѣе и синѣе.

Это пятно съ легкой опухолью вызвано однимъ только внушеніемъ. Въ данномъ случаѣ не было, въ противоположность тому, что засвидѣтельствовано нѣкоторыми авторами, ни подобія приложенія мушки или бинта, ни ожиданія въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ.

По истеченіи срока внушенія, то есть десять минутъ послѣ пробужденія, пятно появилось и спустя три часа оно не только остается, но выступаетъ еще яснѣе.

Отсюда, кажется, выходитъ, что всѣ послѣдствія отъ употребленія разныхъ средствъ въ родѣ мушекъ и горчичниковъ могутъ быть достигнуты, и при томъ гораздо скорѣе, однимъ внушеніемъ. Какой необъятный горизонтъ для терапии!

Здѣсь дѣло идетъ не о воображеніи субъекта, который видитъ или полагаетъ, что видитъ, летающую по комнатѣ птицу, или волосы на облысѣлой головѣ или бороду у безбородого; здѣсь внушеніе производитъ слѣдствіе реальное, физическое, ощущаемое, неоспоримое для всѣхъ.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что магнетизмомъ могутъ быть уничтожены функціональныя разстройства животной жизни, что кровообращеніе, дыханіе, различныя выдѣленія могутъ быть восстановлены и приведены въ порядокъ. Это слѣдуетъ *a fortiori*, такъ какъ въ данномъ случаѣ вы произвели ненормальное явленіе; будетъ, повидимому, еще легче разрушить процессъ ненормальный и восстановить естественный“.

Мы не могли (продолжаетъ Бонжанъ) остановиться на такой хорошей дорогѣ. Занятые возраженіями Морана (противъ опыта Фокашона), завятыя также случаемъ Луизы Лато, столь научнымъ и естественнымъ, мы продолжали рядъ нашихъ опытовъ.

24 іюня 1889 года мы внушаемъ усыпленной Mlle P. S . . . , что десять минутъ спустя послѣ пробужденія у нея появятся красныя пятна на внѣшней сторонѣ обѣихъ рукъ.

Мы наблюдаемъ субъекта въ теченіе этихъ десяти минутъ съ самой большой заботливостью. Въ назначенное время появились оба пятна весьма отчетливо, красныя, съ синеватой опухолью по срединѣ, величиной съ французскій су (размѣръ мѣднаго пятака). На лѣвой рукѣ опухоль занимаетъ больше мѣста, на правой нѣсколько опухолей меньшаго объема. Пятна оставались въ продолженіи двухъ дней, потомъ постепенно исчезли“. ¹⁾

Стигматы. Изъ приведенныхъ опытовъ ясно, что посредствомъ внушенія можно производить *стигматы* или опредѣленной формы знаки на тѣлѣ. Но подъ стигматами подразумѣваются иногда кровоточивые знаки. Нижеслѣдующіе эксперименты показываютъ, что и такіе стигматы могутъ быть вызваны силою внушенія.

Впервые опытъ съ кровоточивыми стигматами былъ произведенъ въ 1885 году Буррю и Бюро, профессорами Медицинской школы въ Рошфорѣ, надъ однимъ истеричнымъ больнымъ. Докладъ объ этомъ былъ сдѣланъ Французскому обществу для поощренія наукъ въ Греноблѣ въ августѣ 1885. Вотъ что мы узнаемъ изъ доклада: ²⁾

„Этотъ больной, гемиплегичный и гемианестесичный съ правой стороны, былъ воспримчивъ къ гипнотизму и способенъ принимать всякаго рода внушенія.

¹⁾ L'Hypnotisme, pp. 100—104.

²⁾ По Berjon, La grande Hystérie chez l'Homme, Paris, 1886, p. 36. Привожу въ сокращеніи.

Его усыпилъ одинъ изъ названныхъ экспериментаторовъ и начертилъ тупымъ концомъ ножа свое имя на обоихъ его запястьяхъ, говоря: „Сегодня вечеромъ въ четыре часа ты заснешь и у тебя пойдетъ кровь на рукахъ изъ тѣхъ линій, которыя я начертилъ“. Въ назначенный часъ субъектъ заснулъ, начерченные на кожѣ буквы выступили ярко красными выпуклыми линіями и во многихъ мѣстахъ не анестесичной стороны показались капли крови. Буквы оставались видными въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, хотя въ концѣ нѣсколько поблѣднѣли“.

Подобный же опытъ былъ повторенъ надъ тѣмъ же субъектомъ докторомъ Мабиллемъ въ Ларошелѣ, куда былъ перевезенъ больной.

2 іюля 1885 года Мабилль начертилъ букву на каждомъ запястьѣ больного, взявъ его за руки и приказалъ: „Въ четыре часа у тебя пойдетъ кровь вотъ изъ этой руки и изъ этой“. „У меня не можетъ течь кровь съ правой стороны“, отвѣчалъ больной. (Эта сторона была парализована). Въ назначенное время выступила кровь на лѣвой сторонѣ, а не на правой.

Эти опыты были повторены передъ собраніемъ изъ сорока врачей. 4 іюля, когда субъектъ былъ въ сомнамбулизмѣ, Мабилль начертилъ букву на лѣвомъ запястьѣ его руки, давъ ему приказаніе, что бы у него тотчасъ же начала течь кровь въ этомъ мѣстѣ.— „Это заставить меня сильно страдать“, отвѣчалъ больной.— „Все таки я тебѣ приказываю, что бы кровь текла“.—Вслѣдъ за этимъ мускулы запястья сокращаются, членъ распухаетъ, буква обозначается выпуклыми красными чертами, наконецъ выступаютъ капли крови, которыя и констатированы всѣми свидѣтелями. Тѣмъ не менѣе необходимо замѣтить, что въ этомъ послѣднемъ опытѣ произошла ошибка: кровь точилась изъ буквы, начерченной рядомъ на канунѣ. Быть можетъ, внушеніе не было достаточно точно, быть можетъ, выполненіе было слишкомъ близко ко времени приказанія, такъ какъ этотъ разъ былъ первымъ, когда внушеніе не было сдѣлано на срокъ въ нѣсколько часовъ“.

Если возможность внушать кровоточивые стигматы и покажется въ этомъ опытѣ не вполне доказанной, то всякія сомнѣнія устраняются при сопоставленіи съ нижеслѣдующимъ опытомъ Бонжана,

произведенномъ въ присутствіи Жермэна, главнаго директора начального образованія въ Бельгіи:

„Дѣло происходило 16 іюля 1891 года.

M-lle S... усыплена. Мы ей внушаемъ, что спустя десять минутъ послѣ пробужденія у нея не только появятся красныя пятна на задней сторонѣ обѣихъ рукъ, но что выступитъ также на кожѣ кровь.

По истеченіи десяти минутъ мы удостоверяемъ существованіе двухъ красноватосинихъ пятенъ ббльшаго размѣра, чѣмъ въ предыдущихъ опытахъ, и съ болѣе замѣтной опухолью. Сверхъ того на кожѣ показались капли крови. Зрѣлище было поразительно. Результаты этого внушенія были еще поразительнѣе.

Обѣ руки на всемъ протяженіи, въ особенности правая, раздулись до размѣровъ, почти внушавшихъ опасеніе, и эта опухлость продолжалась нѣсколько дней.

Правда, внушеніе справилось и съ этимъ случаемъ, и молодая дѣвушка, загипнотизованная поочередно Малларомъ и мною, перестала чувствовать боль, и ея руки пришли въ нормальное состояніе“. ¹⁾

Не менѣе интересны опыты Краффтъ Эбинга надъ извѣстной уже намъ больной. Двѣ черты заслуживаютъ въ нихъ особаго вниманія: что 1) внушенные стигматы появляются иногда не на указанномъ экспериментаторомъ мѣстѣ, а на соотвѣтственномъ мѣстѣ другой стороны (что впрочемъ намъ уже извѣстно изъ опытовъ Индрашика) ²⁾, и что 2) стигматы могутъ быть вызваны галлюцинаціями.

„18 декабря экспериментаторъ рисуетъ перкуторнымъ молоткомъ на кожѣ надъ m. biceps лѣвой руки крестъ въ 7 сантим. длины и внушаетъ больной, что на слѣдующій день въ 12 часовъ тутъ будетъ красный крестъ

19 декабря. Сегодня въ 11 час. больная удивляется, что на правомъ (анестесичномъ) плечѣ у нея зудящее изъязвленное мѣсто. Она не помнитъ, что бы она ушиблась. Уже утромъ, когда она мылась, тамъ что то замѣчалось. Изслѣдованіе показываетъ, что на правой рукѣ какъ разъ соотвѣтственно тому мѣсту, которое вчера было обозначено на лѣвой рукѣ, виднѣтся красный крестъ 7 сантим. длины, мѣстами

¹⁾ Hypnotisme, pp. 104--105.

²⁾ Выше, стр. 156.

съ изъязвленіями вслѣдствіе расчесовъ. Поперечная перекладина менѣе выражена, и къ 5 часамъ вечера исчезаетъ, за исключеніемъ небольшого изъязвленнаго кусочка въ 1 сантим. шириной.¹⁾

21 февраля... отъ больной требуютъ, что бы у нея на слѣдующій день появился у лѣвой лопатки въ видѣ красной полосы на кожѣ кругъ, начерченный карандашомъ на платѣ.

22 февраля. Круга не видать. Больная при разговорѣ объ этомъ въ состояніи гипнотизма отвѣчаетъ:

„Вы это не хорошо сдѣлали; вы это сдѣлали на кофтѣ вмѣсто того, что бы сдѣлать на кожѣ“. Внушеніе повторяется, причемъ кругъ проводятъ непосредственно на кожѣ.

23 февраля. Сегодня кругъ есть, но въ гомологичномъ мѣстѣ правой лопатки, ровно 4 сантим. въ поперечникѣ, какъ начерченный наканунѣ съ лѣвой стороны. Онъ образуется краснымъ желобомъ въ 2—5 миллиметр. шириною, внутри котораго не хватаетъ верхнихъ слоевъ кожи и выступаетъ желтоватосѣрый струпу. Въ области круга больная ощущаетъ зудъ. Чувство боли, прикосновенія и температуры здѣсь существуетъ, но чувствительность не зависитъ отъ трансферта, такъ какъ гомологичное мѣсто на лѣвой сторонѣ не анестесировано²⁾. Профессоръ Липпъ даетъ заключеніе, что этотъ внушенный кругъ не могъ быть произведенъ ни иглами, ни другими механическими или химическими средствами. Слѣдовъ воспалительной реакціи безусловно нѣтъ.

24 февраля. Сегодня во время гипноза въ присутствіи профессора Липпа больной внутри отъ лѣвой лопатки придавливають къ кожѣ вырѣзанную изъ листового цинка металлическую букву *K* и приказываютъ, что бы завтра послѣ обѣда, какъ разъ соотвѣтственно прикосновенію, кожа оказалась кроваво-красной. Въ то же время, что бы избѣгнуть аффектовъ раздраженія, внушаютъ, что на этомъ мѣстѣ не должно быть зуда. Затѣмъ профессоръ Липпъ такъ прикрываетъ грудь и спину марлей и ватой, что мѣсто внушенія безу-

¹⁾ pp. 40—42.

²⁾ Чтобы понять эту оговорку, необходимо знать, что у нѣкоторыхъ истеричныхъ, пораженныхъ гемиаестесіей, искусственное возстановленіе чувствительности въ какой либо области пораженной стороны иногда влечетъ за собою уничтоженіе чувствительности въ соотвѣтствующей области другой стороны. Больная Краффтъ—Эбинга была анестесична съ *правой* стороны; поэтому возстановленіе чувствительности на этой сторонѣ могло отозваться въ противоположномъ смыслѣ на *лѣвой*.

словно недоступно; перевязка въ 4-хъ мѣстахъ запечатана, поверхъ ея наложена еще повязка, которая то же запечатана въ 2-хъ мѣстахъ, и печать профес. Липпъ беретъ съ собою. Больная, приведенная въ нормальное состояніе, очевидно, не знаетъ о томъ, что происходило въ гипнозѣ.

25 февраля. Полдень. Приведеніе въ гипнозъ. Профессоръ Липпъ вмѣстѣ со многими врачами осматриваетъ перевязку и находитъ ее и печати цѣлыми.

На мѣстѣ внушенія площадь длиною въ 5,5, шириною въ 4 сантиметра, неправильной формы, на которой роговой слой кожи отсталъ; лоскутки его еще висятъ у края обнаженного мѣста. У краевъ эта площадь влажна, между тѣмъ какъ средняя часть ея еще покрыта остаткомъ рогового слоя, который на ощупь очень сухъ и кажется желтоватымъ. По сосѣдству кожа покраснѣла. Отъ праваго края измѣненной площадки отходитъ отростокъ въ 4 сант. длины и 2 ширины косо вправо внизъ, а другой отростокъ въ 3 сант. длины вправо вверхъ. И на этихъ отросткахъ эпидермисъ отслоенъ, легко снимается и подлежащій слой мокнетъ. Окружность отростковъ покраснѣла, однако безъ всякаго слѣда воспаленія.

Что бы можно было прослѣдить дальнѣйшее теченіе этого вызваннаго внушеніемъ... процесса, больной внушаютъ безболѣзненность и запрещаютъ показывать спину кому бы то ни было за исключеніемъ врачей.

26 февраля. Недавно внушенный кругъ представляетъ, подобно внушенному въ декабрѣ кресту, желтоватый струпъ съ гиперемическими краями, но безъ всякой воспалительной реакціи. Вчерашняя площадь представляется высохшей въ видѣ пергамента. Оба отростка безъ эпидермиса и гиперемированы.

29 февраля. Съ круга спадаетъ струпъ. Подъ нимъ красноватая поверхность кожи съ подроставшимъ эпидермисомъ.

2 марта. Пергаментообразная площадь и правый нижній отростокъ отдѣляются. На мѣстѣ отдѣленія гиперемія и обильное образование эпидермиса.

5 марта. Зудъ на мѣстѣ внушенія. Больная не знаетъ, отчего зависить зудъ на спинѣ. Во время гипноза новое внушеніе не чувствовать зуда.

6 марта. Больше нѣтъ зуда. Начинается заростаніе кожей на кругѣ и площади¹⁾

¹⁾ pp. 55—57.

3 мая. Осмотръ спины показываетъ, что внушенный 22-го февраля кругъ замѣтенъ по прежнему въ видѣ гиперемированной полосы. Внушенная 24-го февраля площадка на всемъ своемъ протяженіи представляется багрово-красной вслѣдствіе гипереміи -- расширенія кожныхъ сосудовъ. Правый нижній отростокъ фигуры *K* еще ясно видѣнъ. На всей поверхности верхній слой кожи утолщенъ.

6 мая. Сегодня больная... жалуется сестрѣ на сильную боль подъ лѣвою грудью, предполагаетъ, что профессоръ ночью произвелъ ей обжогъ и проситъ, что-бы сестра доставила ей убѣжище въ монастырѣ, гдѣ она была бы защищена отъ подобныхъ посягательствъ. Приведенная сестрой въ состояніе гипноза, больная даетъ слѣдующія объясненія о происхожденіи боли: „Въ послѣднюю ночь ко мнѣ явился старикъ; онъ былъ похожъ на священника и пришелъ въ сопровожденіи сестры. Старикъ былъ милъ и любезенъ. Онъ обмокнулъ въ сумкѣ сестры перо и начертилъ имъ мнѣ на кожѣ подъ лѣвой грудью *W* и *B*. Одинъ разъ онъ плохо обмокнулъ перо и сдѣлалъ посреди фигуръ влякъсъ. Эта точка и *B* причиняютъ мнѣ нестерпимую боль, *W* же не болитъ. Уже четыре дня тому назадъ старикъ явился ко мнѣ съ красной подушкой въ рукахъ. На этой подушкѣ было видно *W*. Старикъ объяснилъ мнѣ это *W* тѣмъ, что бы я пошла въ М-скую церковь исповѣдываться въ исповѣдальнѣ *W*. Онъ мнѣ запретилъ говорить что-нибудь о его посѣщеніи и велѣлъ мнѣ молиться, что бы я не стала дурнымъ человѣкомъ.. Онъ меня разбудилъ, положивъ мнѣ руку на лобъ, и ушелъ.

Разсказавъ это, больная громко вскрикнула и сказала: „Вотъ старикъ опять пришелъ, теперь у него цѣпи на рукахъ“...

7 мая. Подробное разслѣдованіе съ несомнѣнною исключило подозрѣніе, что больная могла быть тайкомъ гипнотизована непризваннымъ лицомъ; исторія со священникомъ можетъ быть объяснена только бредомъ и галлюцинаціями.

Исслѣдованіе обнаруживаетъ, что на мѣстѣ боли подъ лѣвой грудью имѣется сердцевидная фигура. Внутри ея поверхностныя, но достигающія до *согіумъ*'а, потери вещества, которыя имѣютъ нѣкоторое сходство съ перевернутыми буквами *W* и *B*. Между этими буквами гиперемированное, выступающее на полсантиметра, мѣсто кожи съ нѣсколькими такими же точками.

Фигура *В* и выступъ очень болѣзненны. Фигуры имѣютъ сильно—бѣловатый цвѣтъ, мѣстами онѣ роговидны вслѣдствіе поверхностнаго засыханія. Края фигуръ представляютъ гиперемированную кайму. Нигдѣ въ области этого своеобразнаго измѣненія кожи, тождественнаго съ тѣмъ, которое раньше бывало вызвано экспериментально, не замѣчается слѣдовъ воспалительной реакціи.

Въ виду этого надо предположить, что это поврежденіе можетъ быть послѣдствіемъ внушенія путемъ галлюцинаторнаго бреда... Профессоръ переводитъ больную въ гипнозъ и спрашиваетъ ее о происхожденіи поврежденія. Она рассказываетъ буквально то же, что 6-го мая говорила сестрѣ.

Ей повторяютъ терапевтическія внушенія и устраняютъ боль, а также воспоминаніе о галлюцинаторномъ эпизодѣ. Переведенная затѣмъ въ нормальное состояніе, она чувствуетъ себя хорошо и весела.

11 мая. До сихъ поръ она при ежедневномъ гипнозѣ съ терапевтическими внушеніями совершенно здорова. Въ гипнозѣ больная ничего не помнитъ объ устраненныхъ внушеніемъ галлюцинаторныхъ приключеніяхъ. Тѣмъ не менѣе сегодня приводится въ исполненіе послѣгипнотическое галлюцинаторное внушеніе относительно исповѣди у исповѣдальни *W*.

Больная просила у профессора разрѣшенія идти въ церковь.

Въ 4 часа дня, когда наступало осуществленіе галлюцинаторнаго послѣгипнотическаго внушенія, она впадаетъ въ лунатическое состояніе, идетъ въ сопровожденіи сидѣлки въ *М*-скую церковь, отыскиваетъ исповѣдальный стулъ *W*, стоитъ предъ нимъ на колѣняхъ до 6 1/2 часовъ, вздрагиваетъ, когда приходитъ священникъ *W* и садится на свой стулъ. Она исповѣдуется, весело возвращается въ госпиталь и говоритъ, что она убѣждала бы, если бъ не получила разрѣшенія пойти въ церковь. Въ церкви было что то странное. Она сейчасъ же узнала священника *W* и онъ ее; теперь, однако, она не узнала бы его¹⁾.

Внушенные стигматы имѣютъ громадное значеніе не только какъ несомнѣнное доказательство безусловной реальности гипноти-

¹⁾ pp. 64—67.

ческихъ явленій, но и для выясненія общаго вопроса о воздѣйствіи духа на тѣло. Сверхъ того они проливаютъ яркій свѣтъ въ исторію болѣзни историческихъ стигматиковъ (напр. св. Франциска, Катерины Эммерихъ, Маріи Мэрль, Луизы Лато и мн. др.)¹⁾

Подобное же значеніе въ общемъ и прикладномъ ученіи о гипнотизмѣ имѣютъ внушенные параличи, контрактуры и анестесіи.

*Внушенные параличи и контрактуры.*²⁾ Чтобы вызвать искусственный параличъ, напримѣръ, руки, достаточно сказать истеричному субъекту (въ состояніи гипнотизма или иногда и въ бодрственномъ состояніи): „Вы не можете шевельнуть вашей рукой, она виситъ неподвижной, она парализована“. Явленія паралича наступаютъ иногда тотчасъ же, иногда постепенно, спустя незначительный промежутокъ времени.

Подобнымъ же образомъ вызываются искусственныя контрактуры. Если больной сказать авторитетнымъ тономъ, что у нея сводить пальцы, то въ то время, какъ внушеніе запечатлѣвается въ мозгу, пальцы обозначенной руки мало по малу сгибаются и черезъ нѣскольکو мгновеній кулакъ становится сжатымъ на столько плотно и крѣпко, что больная жалуется на боль отъ врѣзыванія ногтей въ ладонь. Эти параличи и контрактуры остаются неопредѣленно долгое время и устраняются противоположнымъ внушеніемъ.

Согласно съ основными методологическими требованіями школы, Рише подробно останавливается на объективныхъ клиническихъ признакахъ внушенныхъ параличей. Признаки эти (въ четырехъ случаяхъ, изученныхъ Рише, и двѣнадцати, изученныхъ Боттеемъ) слѣдующіе:

1. *Полное уничтоженіе подвижности.* Субъектъ неспособенъ сдѣлать никакого движенія. Полная вялость. Поднятый членъ тяжело падаетъ какъ громоздкая масса.

2. *Потеря кожной чувствительности.* Парализованный членъ не чувствуетъ уколовъ булавкой.

3. *Мышечное чувство* точно также уничтожено. Испытуемый субъектъ, при закрытыхъ глазахъ, не способенъ, напримѣръ, отыскать своей свободной рукой парализованную руку. Электрическое раздраженіе не ощущается.

¹⁾ Выше, стр. 4.

²⁾ pp. 741—754.

4. *Значительное увеличение сухожильныхъ рефлексовъ*, легко констатируемое элементарными приемами.

5. Какъ королларій, наблюдается *спинное дрожаніе*, всегда болѣе замѣтное въ нижнемъ членѣ, но которое можетъ быть одинаково достигнуто и въ верхнемъ членѣ при усиленномъ вытягиваніи руки.

6. Высота *мышечнаго толчка*, вызываемаго гальваническимъ токомъ, становится болѣе значительной, чѣмъ при нормальномъ состояніи, какъ это доказывается при помощи графической методы Марей.

7. Наблюдаются *сосудодвигательныя* измѣненія. Субъективное и объективное чувство холода въ парализованномъ членѣ. Расплывчатая краснота вокругъ самаго легкаго укола булавкой.

„Правильное констатированіе этихъ признаковъ (замѣчаетъ Рише) предохраняетъ насъ отъ всякаго подозрѣнія больныхъ въ притворствѣ. Оно свидѣтельствуетъ съ неоспоримою очевидностью о дѣйствіи духа на физическій организмъ, доказывая, что психическое вліяніе можетъ породить въ нервныхъ центрахъ мозга несомнѣнныя органическія измѣненія, обнаруживающіеся во внѣшней дѣйствительности клиническими признаками можно сказать грубыми. Эти факты, по нашему мнѣнію, имѣютъ большое значеніе. Они предназначены объяснить большую группу такъ называемыхъ воображаемыхъ болѣзней и сдѣлать осязаемою совокупность аналогичныхъ фактовъ, которые были до сихъ поръ неуловимы вслѣдствіе отсутствія матеріальныхъ доказательствъ“.

Рише поясняетъ внушенные параличи и контрактуры клиническими наблюденіями, представляющими впрочемъ чисто медицинскій интересъ. Нагляднѣе изложены опыты съ психическими параличами и контрактурами у Шарко въ третьемъ томѣ его *Leçons sur les maladies du système nerveux*, pp. 341—402. Опыты эти особенно интересны какъ свидѣтельство о возможности вызывать и устранять параличи постепенно, начиная съ какого угодно сегмента члена, но они слишкомъ пространны и спеціальны и потому не могутъ быть приведены здѣсь. Недавно Рише выпустилъ спеціальный трудъ по вопросу объ истерическихъ параличахъ и контрактурахъ: *Paralysies et Contractures hystériques*, Paris 1892.

Внушенные анестесіи и анамесіи. При полныхъ параличахъ внушеніемъ уничтожается дѣятельность какъ двигательныхъ, такъ и чувствующихъ нервовъ. Но можно внушеніемъ парализовать только эти послѣдніе. Въ такомъ случаѣ происходятъ сообразно съ характеромъ внушенія, внушенные потери общей чувствительности или *анестесіи* и потери болевой чувствительности или *анамесіи*.

Съ анестесіями впѣпняихъ чувствъ мы уже встрѣчались; мы знаемъ, что Ринше, Бине, Фере и Бернгеймъ ими объясняютъ такъ называемыя отрицательныя галлюцинаціи ¹⁾.

Особенно наглядны внушенные потери чувствительности при *анамесіяхъ*. Вслѣдствіе этого аналгесизирующаго свойства гипнотизмомъ можно иногда замѣнять хлороформъ. За послѣднее пятидесятилѣтіе у загипнотизованныхъ больныхъ было сдѣлано нѣсколько сотъ хирургическихъ операцій. Одинъ Исдэль въ Калькуттѣ произвелъ ихъ болѣе трехсотъ въ теченіе шести лѣтъ (въ сороковыхъ и пятидесятихъ годахъ). Наболѣе выдающіеся изъ сдѣланныхъ европейскими хирургами слѣдующія: въ 1829 году Клокэ вырѣзалъ у одной дамы грудь, въ 1845 году Луазель ампутировалъ у одной дѣвицы ногу; въ томъ же году Фонтанъ ампутировалъ у одного молодого человѣка ногу, а Жоли—у одной дамы руку. Около того же времени Тозуелемъ была отнята у одной дамы нога. Въ 1859 году Герино ампутировалъ у больного ногу. Во время этой операціи больной не только не ощущалъ никакой боли, но на вопросъ, какъ себя чувствуетъ отвѣчалъ: „Какъ въ раю“ и сталъ цѣловать у хирурга руку. Подобныя же операціи были произведены въ шестидесятихъ и семидесятихъ годахъ. Наболѣе обыкновенныя—безболѣзненное выдергиваніе зубовъ. Иногда также гипнотизмомъ пользуются въ акушерской практикѣ для безболѣзненныхъ родовъ. Послѣднія хирургическія операціи у загипнотизованныхъ были сдѣланы въ 1886, 1887, 1889—1890 годахъ Поцци, Люисомъ, Фортомъ, Вудомъ, Тильо, Ничемъ, Верландеромъ, Аударомъ, Мартинецъ Діазомъ, Кэртеромъ, Тэрнеромъ и проч. ²⁾.

Всѣ эти безболѣзненныя операціи могутъ служить лучшимъ объективнымъ доказательствомъ подлинности гипнотической анестесіи.

¹⁾ Выше, стр. 133—144.

²⁾ Cullere, La Thérapeutique suggestive, pp. 246—266. Foveau de Courmelles, L'Hypnotisme, pp. 279—288. Bernheim, De la Suggestion, pp. 168—169.

Неотразимыя идеи и побужденія ¹⁾). Мы уже знаемъ, что во время сомнамбулизма можно внушать различные образы, которые преслѣдуютъ субъекта всюду, куда онъ переноситъ взоръ. По требованію внушенія, такіе образы не оставляютъ субъекта въ покоѣ и послѣ пробужденія.

„Локализованное мозговое впечатлѣніе (поясняетъ Рише ²⁾) продолжаетъ существовать, не смотря на возвращеніе сознанія, и больная, хотя и обладаетъ вновь чувствами и сознаніемъ на столько, что, повидимому, располагаетъ своимъ разумомъ совершенно такъ же, какъ до опыта, тѣмъ не менѣе не перестаетъ бредить относительно пункта, стоящаго въ связи съ вызванной галлюцинаціей. Такимъ образомъ она продолжаетъ, напримѣръ, видѣть птицу, образъ которой былъ вызванъ во время гипнотическаго сна. Относительно всякаго другого предмета ея разумъ и чувства совершенно здравы, но не смотря на разувѣренія окружающихъ, она видитъ и осязаетъ птицу съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ, что слова тѣхъ, кто утверждаетъ противное, принимаетъ за насмѣшку надъ собою. Это мозговое впечатлѣніе можетъ оставаться нѣкоторое время, но въ концѣ сглаживается и исчезаетъ, увлекая съ собою убѣжденіе, которое имъ поддерживалось. Тогда любопытно видѣть, какъ изумленная больная ищетъ, куда исчезла птица, и спрашиваетъ себя, не была-ли она обманута воображеніемъ, хотя и не можетъ отдать себѣ во всемъ этомъ точнаго отчета“.

Можно внушать не только иллюзіи и галлюцинаціи, но и различные дѣйствія какъ во время гипнотизма, такъ и въ состояніи бодрствованія, и при томъ на различные сроки: день, мѣсяцъ, годъ. Эти дѣйствія, если внушеніе сдѣлано опредѣленно и авторитетнымъ тономъ, исполняются обыкновенно съ большою точностью и по большей части (на взглядъ многихъ авторовъ) съ „роковою необходимостью“.

„Мы показываемъ (говоритъ Фере, на котораго ссылается Рише), сомнамбулѣ на ровномъ одинаковомъ фонѣ воображаемую точку, которую мы сами можемъ найти лишь при помощи неоднократныхъ измѣреній, и приказываемъ ей послѣ пробужденія вонзить въ эту

¹⁾ pp. 754—756.

²⁾ p. 770.

точку, перочинный ножикъ: она исполняетъ приказаніе безъ колебанія, съ безусловной точностью относительно зрительной галлюцинаціи. Съ такою же точностью можетъ быть исполнено и преступное дѣйствіе“.

Если (говорить тотъ же авторъ) приказаніе сдѣлано слабо, мягко, то сомнамбула по пробужденіи бываетъ въ расположеніи духа очень интересномъ для изученія. Видно, что она беспокоится, одолевая неотвязной идеей совершить смѣшной или непріятный поступокъ, напримѣръ, пойти и поцѣловать черепъ; она долго колеблется, иногда даже выражаетъ свою нерѣшительность. „Должно быть, я сошла съ ума! Мнѣ очень хочется поцѣловать этотъ черепъ. Это нелѣпо, я бы хотѣла не идти, но чувствую, что не совладаю съ собою“. Въ концѣ она исполняетъ внушеніе.

Эти факты показываютъ (продолжаетъ Фере), что гипнотикъ можетъ сдѣлаться орудіемъ преступленія, дѣйствующимъ съ ужасающею точностью и тѣмъ болѣе страшнымъ, что непосредственно послѣ совершенія акта все забывается: побужденіе, сонъ и тотъ, кто его вызвалъ.

Такимъ образомъ гипнотикъ становится *субъектомъ* эксперимента и потому не подлежитъ никакой нравственной отвѣтственности“.

Необходимо однако замѣтить, что это пассивное послушаніе допускаетъ исключенія.

Сомнамбула можетъ совершенно отказаться отъ совершенія *нѣкоторыхъ* дѣйствій. Она разсуждаетъ, спрашиваетъ основаніе, говорить нѣтъ. Обыкновенно это сопротивленіе слабо и уступаетъ настояніямъ экспериментатора, но иногда оно не можетъ быть побѣждено.

Рише приводитъ въ доказательство слѣдующее наблюденіе Фере.

„Одна изъ нашихъ больныхъ почувствовала сильное влеченіе къ одному человѣку и отъ этого очень страдала, но ея страсть не угасала. Если ей внушали присутствіе этого человѣка, она тотчасъ же обнаруживала знаки сильной скорби и хотѣла бѣжать, но ее невозможно было заставить согласиться на какое нибудь дѣйствіе, вредное для того, чьей она была жертвой, не смотря на то, что всякому другому приказанію она повиновалась автоматически“.

Вообще многими примѣрами доказано, что въ состояніи сомнамбулизма воля не вполне уничтожена. Въ тѣхъ случаяхъ, когда внушеніе идетъ въ разрѣзъ съ постоянными привычками и склонностями или же съ господствующимъ въ данное время настроеніемъ, оно можетъ быть и не выполнено.

Къ этому вопросу намъ предстоитъ вернуться.

Внушенія на долгій срокъ. Внушенія на долгій срокъ изучены почти исключительно Психологической школой. Школа Шарко приводитъ собственные эксперименты лишь на короткій срокъ ¹⁾, а относительно внушеній на долгій срокъ обыкновенно ссылается на опыты Психологической школы. Для насъ достаточно привести ниже слѣдующіе опыты Бернгейма, стяжавшіе себѣ всеобщую извѣстность.

„Въ субботу 22 декабря 1883 года я говорю загипнотизованной Г... Во вторникъ, черезъ три недѣли, то есть черезъ двадцать пять дней, когда я буду проходить съ утреннимъ визитомъ возлѣ вашей постели вы увидите со мною моего коллегу В. П. Онъ освѣдомится о вашемъ здоровьѣ, вы расскажете ему подробности вашей болѣзни и будете съ нимъ говорить о томъ, что васъ интересуетъ“. Пробудившись, больная не помнитъ ничего; съ своей стороны я не дѣлалъ никакого намека на это внушеніе, не посвятилъ въ него ни одного изъ своихъ учениковъ. Въ промежутокъ ее гипнотизовали нѣсколько разъ и дѣлали другія внушенія... Во вторникъ 15 января во время визита я останавливаюсь какъ обыкновенно, безъ всякой аффектаціи, у ея постели, она смотритъ налѣво и почтительно привѣтствуетъ: „Ахъ, г. В. П.!“ Послѣ нѣсколькихъ мгновеній она отвѣчаетъ на мнимый вопросъ: „Мнѣ гораздо лучше; я не чувствую боли. Къ несчастью, колѣно все еще свихнуто, и я могу ходить только на костыляхъ“. Она снова вслушивается въ слова мнимаго собесѣдника и затѣмъ отвѣчаетъ: „Очень вамъ благодарна. Вы знаете, что я кормила дѣтей Б., помощника мэра, вашего коллеги. Не можете-ли напомнить ему обо мнѣ; быть можетъ, онъ будетъ способствовать мнѣ поступить въ богадѣльню!“ Она вновь слушаетъ, затѣмъ благодаритъ, кланяется и слѣдитъ глазами до дверей за призракомъ моего коллеги. „Знали-ли вы (спросилъ я ее), что В. П. придетъ сегодня?“—„Нѣтъ“ (отвѣчала она). Она утверждала, что у нея не было никакой мысли и никакого предчувствія объ этомъ визитѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ выполнение сложной галлюцинаціи спустя двадцать пять дней послѣ внушенія.

¹⁾ Binet et Féré, *Magnétisme animal*, pp. 212—220 и пр. (Опыты эти приведены нами въ предыдущемъ отдѣлѣ). Pitres, *Leçons cliniques*, II, pp. 167—176.

Въ августѣ 1883 года я говорю загипнотизованному сомнамбулу С..., бывшему сержанту: „Въ какой день вы будете свободны на первой недѣлѣ октября“? Онъ мнѣ отвѣчаетъ: — „Въ среду“. — „Ну такъ, слушайте: Въ первую среду октября вы пойдете къ Льебо (который ко мнѣ его направилъ), вы встрѣтите тамъ президента республики, и онъ вручитъ вамъ медаль и пенсію“. — „Я пойду“, отвѣчалъ онъ. — Больше я ему не говорю ничего. По пробужденіи, онъ не помнитъ ничего. Въ промежуткахъ... я дѣлаю ему другія внушенія и ни разу не напоминаю объ этомъ. 3 октября (63 дня спустя послѣ внушенія) я получаю отъ Льебо слѣдующее письмо: „Сомнамбулъ С... пришелъ ко мнѣ сегодня въ одиннадцать часовъ безъ десяти минутъ. Поздоровавшись при входѣ съ Ф..., онъ направляется къ лѣвому шкафу моей библіотеки, не обращая вниманія ни на кого, почтительно кланяется и произноситъ: „Ваше превосходительство!“ Такъ какъ онъ говорилъ довольно тихо, я подошелъ прямо къ нему; въ это время онъ протянулъ правую руку и сказалъ: „Благодарю, ваше превосходительство“. Тогда я его спросилъ, съ кѣмъ онъ разговариваетъ. — „Да съ президентомъ республики“. Надо замѣтить, что впереди его не было никого. Послѣ того онъ снова обернулся къ шкафу и поклонился, а затѣмъ возвратился къ Ф... Свидѣтели этой странной сцены, послѣ ухода С..., обратились ко мнѣ съ естественнымъ вопросомъ, что это за полоумный. Я отвѣчалъ, что это не полоумный, а такой же здравомыслящій какъ они и я, но что въ немъ дѣйствуетъ другой.

Прибавлю, что когда я нѣсколько дней спустя увидалъ С..., онъ утверждалъ, что мысль идти къ Льебо у него явилась внезапно 3 октября въ 10 часовъ утра, что въ предшествовавшіе дни онъ не зналъ того, что долженъ идти, и не имѣлъ никакого представленія о предстоящей ему встрѣчѣ ¹⁾).

Подобные же факты засвидѣтельствованы Бони и Льежуа. Первый удостовѣряетъ исполненіе внушенія черезъ 172 дня, второй — черезъ годъ ²⁾ Но эти опыты, за исключеніемъ своей долгосрочности,

¹⁾ De la Suggestion, pp. 78—80.

²⁾ Beaunis, Le Somnambulisme provoqué, pp. 233—246. Liégeois, De la Suggestion, pp. 339—342.

не вносить ничего новаго. Достаточно лишь замѣтить, что внушеніе Льежуа отличается значительною сложностью и было исполнено довольно точно, хотя и не вполне.

Говоря о внушеніяхъ на долгій срокъ, Бернгеймъ замѣчаетъ:

„Сколь ни странны, сколь ни необъяснимы внушенія на долгій срокъ, выполняемыя въ заранѣе назначенное время и подготовляемыя или замышляемыя мозгомъ субъекта безъ его вѣдома, я не колебался ихъ засвидѣтельствовать; я бы колебался, если бы фактъ былъ единичнымъ, но я производилъ этихъ опытовъ такъ много на различныхъ сомнамбулахъ, что не питаю ни малѣйшаго сомнѣнія въ ихъ реальности 1)“.

Послѣдователи Шарко всѣ безъ исключенія признаютъ результаты только что приведенныхъ опытовъ за вполне достовѣрные факты, не подвергаютъ ихъ никакому сомнѣнію, но и не подтверждаютъ никакими объективными доказательствами. Объ этомъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ въ подобныхъ фактахъ, на первый взглядъ мало вѣроятныхъ, доказательства особенно важны.

За недостаткомъ объективныхъ доказательствъ нельзя не обратить вниманія на то, что внушенія на долгій срокъ были засвидѣтельствованы уже въ 1820 г. послѣдователемъ Фаріи генераломъ Нуазе въ докладной запискѣ, посланной имъ въ Берлинскую Академію 2), и въ началѣ прошлаго десятилѣтія Шарлемъ Риче 3).

Слѣдуетъ также въ видѣ косвеннаго доказательства отмѣтить единогласное свидѣтельство всѣхъ авторовъ, что если субъектъ встрѣчаетъ препятствіе въ исполненію внушеннаго дѣйствія, на какой бы срокъ оно внушено ни было, онъ испытываетъ необычайное волненіе, завершающееся у истеричныхъ сильными припадками.

Съ примѣрами мы познакомимся ниже.

Подобное же однообразіе засвидѣтельствовано всѣми авторами и относительно объясненія субъектами мотивовъ внушенныхъ дѣйствій. „Я не знаю, почему я это дѣлаю; мнѣ вдругъ пришла такая мысль; я не могу этого не дѣлать“ и пр.

1) De la Suggestion, pp. 80—81.

2) Noiset, Mémoire sur le somnambulisme et le magnétisme animal, adressé en 1820 à l'Académie royale de Berlin et publié en 1854. Paris, 1854, p. 117.

3) L'Homme et l'Intelligence, pp. 263—254.

Реальность дѣйствія внушеній на короткій срокъ была многократно доказана соматическими признаками. „Если мы (свидѣтельствуемъ Питръ ¹⁾) скажемъ больной: „сегодня послѣ обѣда у васъ вдругъ сдѣлается параличъ ногъ“, то вечеромъ послѣ обѣда внезапно появляется внушенной параличъ“. Объективные признаки такихъ параличей намъ уже извѣстны ²⁾).

Такимъ способомъ можно было бы удостовѣрить и реальность внушеній на долгій срокъ.

Впрочемъ, какъ скоро доказана объективность внушеній на короткій срокъ, нѣтъ основанія сомнѣваться и въ реальности внушеній на долгій срокъ. Все дѣло въ объясненіи. Мы увидимъ ниже, какія предложены объясненія.

Ретроактивныя внушенія. Долгосрочнымъ внушеніямъ противоположны ретроактивныя, переносящія галлюцинацію въ болѣе или менѣе отдаленное прошлое и заставляющія субъекта воспоминать о мнимо пережитомъ событіи какъ о реальномъ.

Бернгеймъ приводитъ нѣсколько примѣровъ. Мы ограничимся однимъ, наиболѣе выдающимся.

„Во время сна я спрашиваю у Г..., въ какомъ домѣ она живетъ и какіе тамъ другіе жильцы. Она мнѣ говоритъ между прочимъ, что первый этажъ занятъ семействомъ, состоящимъ изъ отца, матери, нѣсколькихъ маленькихъ дѣвочекъ и одного старика. Тогда я ей говорю слѣдующее: 3 августа (послѣ этого числа прошло четыре съ половиной мѣсяца) въ три часа по полудни вы возвращались домой; войдя въ первый этажъ, вы слышали крики, доносившіеся изъ одной комнаты, и посмотрѣли въ замочную скважину; вы увидали, что старикъ насиловать самую младшую изъ дѣвочекъ; вы это видѣли; дѣвочка отбивалась, изъ нея лила кровь; онъ заткнулъ ей ротъ тряпкой. Вы все это видѣли, и вы были настолько поражены, что возвратились къ себѣ и не рѣшались ничего сказать. Когда вы проснетесь, вы объ этомъ не будете думать; не я вамъ это сказалъ; это не сонъ и не видѣніе, которое я вамъ внушилъ во время вашего магнитическаго сна; это—сухая правда; и если впослѣдствіи правосудіе станетъ производить слѣдствіе по этому преступленію, то вы будете свидѣтельствовать

¹⁾ Leçons cliniques, II, p. 176. 384.

²⁾ Выше, стр. 167—168.

истину! Сказавъ это, я измѣняю теченіе ея идей, дѣлаю болѣе веселыя внушенія. По ея пробужденіи, я ей ничего больше не говорю объ этомъ дѣлѣ. Спустя три дня, я прошу своего знакомаго Грильона, извѣстнаго адвоката, допросить эту женщину, какъ бы въ качествѣ судебного слѣдователя. Въ моемъ отсутствіи она ему рассказываетъ факты со всѣми подробностями, называетъ ими жертвы, преступника, обозначаетъ точно время преступленія; она энергически настаиваетъ на своихъ показаніяхъ; она знаетъ, на сколько важно ея показаніе; если ее вызовутъ въ судъ, то она, сколь ей ни тяжело, скажетъ истину, такъ какъ должна ее сказать; она готова дать клятву передъ Богомъ и людьми! Когда я послѣ допроса приблизился къ ея постели, адвокатъ, исполняя обязанность слѣдователя, заставилъ ее повторить передо мною свои показанія. Я ее спрашиваю, правда-ли это, не приснилось ли ей это во снѣ, не есть ли это простое видѣніе, подобное тѣмъ, которыя я обыкновенно внушаю во время сна; я ее прошу не полагаться на себя. Она поддерживаетъ свое показаніе съ непоколебимымъ убѣжденіемъ.

Послѣ этого я ее усыпляю, что бы уничтожить это внушеніе. „Все, что вы заявили слѣдователю (сказалъ я ей), небылица; вы ничего не видали 3 августа, вы больше ровно ничего не знаете по этому дѣлу; вы не вспомните даже, что вообще говорили съ судебнымъ слѣдователемъ; онъ у васъ ничего не спрашивалъ, и вы ему ничего не говорили“. По ея пробужденіи, я спрашиваю: „Что вы только что сказали этому господину?“—„Я ничего не говорила“.—„Какъ вы ничего не говорили (возразилъ мнимый слѣдователь), вы мнѣ говорили о преступленіи, совершенномъ въ вашемъ домѣ 3 августа; вы видѣли какъ Х... и т. д.“ Г... была поражена. Извѣстіе о преступленіи произвело на нее удручающее дѣйствіе; она никогда объ этомъ ничего не слышала. Когда адвокатъ настаивалъ, утверждая, что она сама заявила о преступленіи, она ничего не понимала; извѣстіе, что она будетъ вытребована въ судъ для показаній, вызвало у нея страшное волненіе. Что бы ее успокоить, я долженъ былъ ее усыпить снова и сгладить всю эту сцену, по истинѣ ужасающую своей реальностью. Послѣ второго пробужденія, воспоминавіе обо всемъ этомъ исчезло безъ слѣда“ ¹⁾.

¹⁾ De la Suggestion, pp. 242—243.

Подобные же факты засвидѣтельствованы Льежуа ¹⁾.

Ретроактивныя галлюцинаціи признаются и школой Шарко, которая однако не приводитъ собственныхъ опытовъ, ссылаясь и въ этомъ случаѣ на опыты Психологической школы.

Никакихъ объективныхъ доказательствъ названными авторами не представлено. Такія доказательства впрочемъ желательны лишь въ методологическихъ цѣляхъ. Сами по себѣ ретроактивныя галлюцинаціи ничуть не болѣе загадочны, чѣмъ обыкновенныя.

Внушенія на яву. Явленія, внушенныя въ состояніи гипнотизма, могутъ быть у нѣкоторыхъ лицъ внушены и въ бодрственномъ состояніи. Такія внушенія впервые замѣтилъ и описалъ Бернгеймъ ²⁾. Изъ послѣдователей Шарко имъ видное мѣсто удѣляетъ Жиль-де-ла Туреттъ ³⁾. По Шарко, къ нимъ особенно склонны нѣкоторые истеричные, которые и въ бодрственномъ состояніи почти спятъ ⁴⁾. Эти внушенія ничѣмъ не отличаются отъ гипнотическихъ. Поэтому мы ограничиваемся только упоминаніемъ о нихъ.

Самовнушеніе. Внушенія могутъ идти не только отъ лицъ постороннихъ субъекту, но и отъ самого субъекта. Такія внушенія извѣстны подъ именемъ самовнушеній (autosuggestion). Примѣромъ ихъ могутъ служить вызванныя „мнительностью“ болѣзни. Самая обыкновенная и общеизвѣстная изъ нихъ—психическое половое безсиліе. Всѣмъ также извѣстно, что студенты медицины, занимающіеся изученіемъ той или другой болѣзни, нерѣдко считаютъ себя страдающими ею ⁵⁾.

Самовнушенія могутъ происходить и посредствомъ галлюцинацій. Съ такимъ самовнушеніемъ мы уже встрѣчались въ наблюденіяхъ Краффтъ—Эбинга ⁶⁾. Въ этихъ наблюденіяхъ самовнушеніе повело къ болѣзненнымъ результатамъ; но иногда оно можетъ имѣть и исцѣляющее дѣйствіе. Въ примѣръ можно привести рассказъ сестры Жанны Дезанжъ (XVII в.) объ исцѣленіи ея св. Іосифомъ.

¹⁾ De la Suggestion etc., pp. 132—134, 138—140.

²⁾ De la Suggestion, pp. 116—127.

³⁾ L'Hypnotisme, pp. 160—164.

⁴⁾ Leçons sur les maladies du système nerveux, v. III, p. 356.

⁵⁾ Bernheim, Hypnotisme, p. 27.

⁶⁾ Выше, стр. 165—166.

Эта сестра нѣсколько дней страдала сильной болью въ боку, которую врачъ не могъ исцѣлить никакими средствами. Сестра уже собиралась умирать, какъ вдругъ узрѣла св. Іосифа „въ образѣ и подобіи человѣка. Онъ сіялъ (разсказываетъ сестра) ярче солнца, у него были длинные волосы, каштановая борода. Съ несвойственнымъ людямъ величіемъ онъ положилъ руку на мой правый бокъ, гдѣ у меня была самая сильная боль; мнѣ казалось, что онъ сдѣлалъ въ этой части помазаніе, послѣ чего я почувствовала, что жизнь моя возвратилась, и я совершенно выздоровѣла“ ¹⁾ и пр.

Изъ явленій, вызываемыхъ самовнушеніемъ, обращаютъ на себя особое вниманіе анестесія и аналгесія (отсутствіе общей чувствительности и болевой чувствительности). Самовнушенными анестесіей и аналгесіей объясняется нечувствительность различнаго рода экстаиковъ и фанатиковъ къ страданіямъ при самоистязаніяхъ, мукахъ и пыткахъ, напримѣръ, безболѣзненное самоистязаніе факировъ и другихъ аскетовъ, стойкость средневѣковыхъ вѣдьмъ и колдуновъ при пыткахъ и пр. ²⁾ Самовнушеніе можетъ даже замѣнить муки блаженствомъ. (Экстазы при мукахъ).

XX. Односторонній гипнотизмъ. Намъ уже извѣстно, что посредствомъ специальныхъ пріемовъ различныя нервныя состоянія, свойственныя гипнотизму, могутъ быть локализованы на одной сторонѣ тѣла, при чемъ другая можетъ либо оставаться свободной отъ гипнотизма, либо испытывать гипнотическія состоянія, отличныя отъ состояній симметричной стороны. ³⁾

Такимъ образомъ можно по произволу дѣлать гемилетаргиковъ, гемикаталептиковъ, гемисомнамбулъ, гемилетаргиковъ съ одной стороны и гемикаталептиковъ съ другой и пр.

Явленія односторонняго гипнотизма засвидѣтельствованы цѣлымъ рядомъ изслѣдователей, начиная съ Брэда: Шарко, Ш. Рише, Декурти, Гейденгайномъ, Грютцнеромъ, Бергеромъ, Ладамомъ, Шамбаромъ, Дюмонпалле, Маньеномъ, Берилліономъ, Бернгеймомъ и проч.

П. Рише упоминаетъ о такомъ гипнотизмѣ только вскользь. ⁴⁾ Изъ послѣдователей Шарко онъ подробно описанъ Питромъ.

¹⁾ Gilles de la Tourette, Soeur Jeanne des Anges, pp. 190—199.

²⁾ Bernheim, De la Suggestion, p. 125—127.

³⁾ Выше, стр. 6. 9. 112. 123—124. 133. 135.

⁴⁾ p. 790.

„Явленія односторонняго гипнотизма (говоритъ этотъ послѣдній) подобны тѣмъ, которыя наблюдаются при полномъ гипнотизмѣ. Они не представляютъ ничего спеціальнаго кромѣ ограниченія одною стороною тѣла“. ¹⁾

Питръ поясняетъ эти явленія слѣдующимъ наблюденіемъ: ²⁾.

„Павлина С..., гемианестетичная съ правой стороны, легко доступна гипнотизму, между прочимъ и одностороннему.

„Я заставляю больную приблизиться и, старательно помѣстивъ въ видѣ экрана свою руку вертикально посреди ея лба, пристально смотрю въ теченіе нѣсколькихъ секундъ въ ея лѣвый глазъ. Результатъ вѣренъ и скоръ. Наша больная наполовину загипнотизована. Ея правая сторона осталась въ нормальномъ состояніи, лѣвая испытываетъ каталептообразное состояніе.

Бѣглый анализъ представляемыхъ ею симптомовъ докажетъ основательность такого утвержденія.

Болевая чувствительность въ этомъ случаѣ не можетъ дать никакого полезнаго указанія, . . . такъ какъ больная остается одинаково гемианестетичной съ правой стороны какъ въ бодрственномъ нормальномъ состояніи, такъ и въ полномъ каталептообразномъ состояніи.

За то изученіе чувствительности къ прикосновенію металлами можетъ имѣть реальное значеніе. Больная, въ состояніи бодрствованія индифферентная ко всякому прикосновенію металлами, бываетъ, когда усыплена, весьма чувствительна къ прикосновенію золотомъ. Если, какъ мы предполагаемъ, она въ настоящую минуту на половину загипнотизована, то она должна выносить безъ всякаго непріятнаго чувства приложеніе золотой монеты къ одной сторонѣ тѣла и испытывать живое страданіе при приложеніи той же монеты къ противоположной сторонѣ. Это и происходитъ на самомъ дѣлѣ. Я прикладываю монету въ 20 франковъ къ правому запястью, и она не дѣлаетъ никакого движенія. Я переношу ту же монету на лѣвое запястье, и больная быстро отскакиваетъ, говоря, что ее жгутъ. Явленіе чувствительности къ металламъ явно существуетъ на загипноти-

¹⁾ Leçons cliniques, II, p. 321.

²⁾ Тамъ же, pp. 325 - 328.

зованной сторонѣ тѣла и не существуетъ на сторонѣ, оставшейся въ нормальномъ состояніи.

Точно также и явленія *завладѣнія чувствомъ* (очарованіе) ¹⁾ всегда ясно обнаруживаются на лѣвой сторонѣ и не происходятъ на правой. Я приближаю свои пальцы къ лѣвому глазу больной; она пристально смотритъ на мою руку и слѣдитъ за всѣми ея движеніями съ тою живостью, которая . . . обыкновенна въ этихъ случаяхъ у загипнотизованныхъ субъектовъ. Я ихъ приближаю къ правой сторонѣ и больная остается индифферентной.

Перейдемъ къ *явленіямъ мускульнымъ*. Я подымаю правую руку Павлины; эта рука снова занимаетъ свое прежнее положеніе, . . . какъ членъ съ мускулами въ нормальномъ состояніи. Я подымаю лѣвую руку и, вмѣсто того что бы тихо опуститься, она остается въ общенномъ мною положеніи, то есть находится въ состояніи каталептической пластичности.

Психическія явленія точно также ясно выражены. Я становлюсь направо отъ больной и спрашиваю ее, спитъ-ли она; она отвѣчаетъ своимъ обыкновеннымъ голосомъ, что нѣтъ. Я ей предлагаю тотъ же вопросъ, ставъ на лѣвой сторонѣ, и она отвѣчаетъ тономъ голоса, свойственнымъ ей въ гипнотическомъ состояніи: „Вы сами видите, что я заснула“.

Я говорю больной въ правое ухо: „Вы въ деревнѣ, въ саду; нарвите цвѣтовъ“, и она смотритъ на меня съ изумленіемъ, думая, что я надъ ней смѣюсь, такъ какъ съ этой стороны она не воспримчива ни къ гипнотизму, ни къ внушеніямъ. Я повторяю ту же фразу съ противоположной стороны; она тотчасъ же наклоняется и дѣлаетъ жестъ, будто собираетъ цвѣты лѣвой рукой, такъ какъ съ этой стороны воспримчива къ гипнотизму и принимаетъ всѣ внушенія, какія ей даютъ.

Эта односторонняя воспримчивость къ внушеніямъ можетъ быть сдѣлана очевидной экспериментами самаго страннаго рода. Если, на-примѣръ, я скажу нашей больной *съ твоей стороны*, что она не молодая дѣвушка, но драгунскій офицеръ, она отвѣчаетъ увѣреннымъ

¹⁾ Выше, стр. 117—119

тономъ, съ особыми пріемами и выраженіями, свойственными военнымъ. Если, наоборотъ, съ ней разговаривать съ правой стороны, она выражается сдержанно, разсуждаетъ какъ въ нормальномъ состояніи и не забываетъ о своей личности. Такимъ образомъ, она, повидимому, въ эту минуту обладаетъ двумя различными Я, правымъ и лѣвымъ, двумя отдѣльными личностями, которыя другъ друга не знаютъ... и завѣдуютъ, каждая за свой особый счетъ, психическими дѣйствіями и мускульными координаціями крайней сложности“.

XXI. Внушенные состоянія и магнитъ. Бине и Фере, вѣрные завѣтамъ своей школы¹⁾, произвели рядъ опытовъ надъ дѣйствіемъ магнита на внушенные галлюцинаціи и дѣйствія. Эти опыты свидѣлствуютъ, что психическія состоянія подчинены дѣйствію магнита не меньше, чѣмъ физиологическія.

При одностороннихъ галлюцинаціяхъ происходитъ *переносъ*, при двухстороннихъ различныя колебанія, названныя Бине и Фере *поляризаціей*.

„Мы наблюдали (говорятъ названные авторы),²⁾ что у нѣкоторыхъ больныхъ, погруженныхъ въ глубокой гипнозъ, односторонняя галлюцинація можетъ быть переносима посредствомъ магнита, подобно истерической контрактурѣ или истерическому параличу.

Въ противоположность тому, что происходитъ съ контрактурами, перенесенная зрительная галлюцинація не бываетъ симметрична первоначальной галлюцинаціи. Субъекту дѣлаютъ внушеніе, что онъ видитъ на картонѣ портретъ въ профиль, обращенный въ правую сторону, и прибавляютъ, что онъ видитъ листъ правымъ глазомъ и совсѣмъ не видитъ лѣвымъ. Приложеніемъ магнита галлюцинацію переносятъ въ лѣвый глазъ и уничтожаютъ въ правомъ глазу. Если затѣмъ спросить у больной, въ какую сторону обращенъ профиль, который она видитъ на картонѣ, то она отвѣтитъ, что онъ обращенъ, какъ и прежде, вправо; по симметріи ему бы слѣдовало быть обращеннымъ влѣво.

Въ теченіе того времени, какъ продолжается переносъ, субъектъ самопроизвольно жалуется на головную боль, переходящую съ одной

¹⁾ Выше, стр. 1—3.

²⁾ *Magnétisme animal*, pp. 196—197. (По русскому изданію, предварительно исправленному).

стороны черепа на другую. Эта боль от переноса не распространяется на всю голову, она ощущается въ опредѣленномъ мѣстѣ, и мѣсто это заслуживаетъ большого вниманія. Благодаря даннымъ черепномозговой топографіи... можно утвердительно сказать, что мѣсто боли, на которое больная указываетъ безъ малѣйшаго колебанія, соответствуетъ... чувственнымъ центрамъ мозгового коркового вещества, опредѣленными физиологическими и анатомо-клиническими изслѣдованіями за послѣдніе годы“.

Это явленіе, подтвержденное опытами Питра ¹⁾, можетъ служить доказательствомъ реальности переноса.

Въ поясненіе поляризаціи Бине и Фере приводятъ слѣдующіе опыты ²⁾.

„Больной, находящейся въ сомнамбулизмѣ, внушаютъ пресловутую галлюцинацію птички, сидящей у нея на пальцѣ. Въ то время, какъ она гладитъ мнимую птичку, больную заставляютъ проснуться и къ ея головѣ подносятъ магнитъ. Черезъ нѣсколько минутъ она вдругъ останавливается, поднимаетъ глаза и съ удивленіемъ смотритъ во всѣ стороны. Птичка, сидѣвшая у нея на пальцѣ, исчезла. Больная ищетъ ее по всей залѣ и, наконецъ, находитъ, потому что мы слышимъ ея слова: „Такъ то ты меня поводишь“. Черезъ нѣсколько секундъ птичка снова исчезаетъ; затѣмъ снова появляется. Больная жалуется отъ времени до времени на головную боль въ той точкѣ, которая, какъ выше описано, соответствуетъ зрительному центру.

Магнитъ оказываетъ то же задерживающее дѣйствіе на реальное воспріятіе. Напримѣръ, одной изъ нашихъ больныхъ, въ моментъ ея пробужденія, показываютъ китайскій гонгъ и тампонтъ, которымъ въ него ударяютъ. При видѣ гонга, больная пугается. Отъ удара въ гонгъ она мгновенно впадаетъ въ каталепсію. Послѣ этого подготовительнаго опыта ее будятъ и просятъ внимательно смотрѣть на гонгъ; въ то же время къ ея головѣ приближаютъ небольшой магнитъ. Черезъ минуту она говоритъ, что болѣе не видитъ гонга; онъ совершенно скрылся съ глазъ. Тогда ударяютъ въ гонгъ, но не смотря на силу звука, больная не впадаетъ въ каталепсію; она поглядываетъ только по сторонамъ съ выраженіемъ удивленія.

¹⁾ Leçons cliniques, II, p. 506.

²⁾ pp. 199—202.

И такъ, магнитъ нѣкоторымъ образомъ парализуетъ зрительное ощущеніе гонга, смѣняя воспріятіе этого предмета соответствующей анестесіей, вслѣдствіе чего звуки гонга не вызываютъ болѣе каталепсіи.

Кромѣ того магнитъ уничтожаетъ вызванное воспоминаніе, подобно тому, какъ уничтожаетъ воображаемое или реальное зрительное воспріятіе.

Съ одной изъ нашихъ больныхъ, находящейся въ состояніи бодрствованія, мы разговариваемъ о тамтамѣ и просимъ описать намъ его форму, цвѣтъ, величину, употребленіе и т. д. Она нѣсколько разъ говоритъ намъ, что очень ясно представляетъ его себѣ. Когда вниманіе ея сосредоточилось надлежащимъ образомъ на мысли объ этомъ предметѣ, мы прикладываемъ магнитъ. Черезъ минуту больная съ трудомъ можетъ вообразить себѣ тамтамъ и, наконецъ, даже перестаетъ понимать, когда мы говоримъ съ ней объ этомъ предметѣ. Тогда мы беремъ лежащій на сосѣднемъ столѣ тамтамъ и показываемъ его больной: она не видитъ его. Можно даже заставить его звучать, ударяя по немъ изо всей силы, и больная не обнаруживаетъ ничего, кромѣ легкаго вздрагиванія. Но, по истеченіи нѣсколькихъ секундъ, происходитъ слѣдующее измѣненіе: воспоминаніе о тамтамѣ возвращается, причемъ одновременно восстанавливается и зрительный образъ выше-названнаго инструмента; тогда достаточно легкаго удара въ гонгъ, что бы погрузить больную въ каталепсію.

Если одному изъ нашихъ субъектовъ, Б. или К., мы внушаемъ въ состояніи бодрствованія, что крестъ на бѣломъ листѣ бумаги окрашенъ въ красный цвѣтъ, и просимъ его внимательно смотрѣть на этотъ крестъ, въ то время какъ позади его головы помимо его вѣдома положенъ магнитъ, то происходитъ слѣдующее: субъектъ видитъ зеленые лучи въ углахъ креста; мало-по-малу лучи эти вытягиваются и, по мѣрѣ ихъ удлиненія, крестъ становится розовымъ; первоначальный цвѣтъ его блекнетъ. На мгновеніе крестъ кажется зеленымъ, затѣмъ окраска исчезаетъ, субъектъ видитъ пробѣлъ въ формѣ креста, окруженный зелеными лучами. Если въ этотъ моментъ положить на средину фигуры крестъ изъ красной бумаги, то субъектъ не видитъ его. Магнитъ производитъ аналогичныя дѣйствія на воспоминаніе объ окрашенныхъ предметахъ“.

Явленія переноса и поляризаціи наблюдаются и на внушенныхъ дѣйствіяхъ ¹⁾).

„Усыпивши одну изъ нашихъ больныхъ, мы поставили на столъ, недалеко отъ нея, бюстъ Галля и внушили больной сдѣлать бюсту носъ нѣсколько разъ *твою рукою*. По близости отъ ея правой руки былъ установленъ магнитъ. Больную пробуждаютъ. Едва она увидѣла бюстъ, какъ дѣлаетъ ему носъ *твоей рукою*; черезъ три или четыре секунды она повторяетъ этотъ жестъ. Такимъ образомъ, мы насчитываемъ подрядъ четырнадцать повторныхъ жестовъ, сдѣланныхъ *твоею рукою*. Но къ концу, движенія эти становятся слабыми, жестъ выраженъ плохо; больная подноситъ руку только ко рту, не раскрывая пальцевъ; при этомъ правая рука начинаетъ слегка дрожать. Лѣвая рука останавливается, больная вается безпокойной; она поворачиваетъ голову то въ ту, то въ другую сторону; она ругаетъ бюстъ Галля. „Этотъ человѣкъ отвратителенъ“. Она чешетъ себѣ ухо *правой рукою*, затѣмъ начинаетъ дѣлать *правой рукою* цѣлый рядъ „носовъ“. Жесты эти продолжаются въ теченіе десяти минутъ. Больная очень хорошо сознаетъ, что жесты эти смѣшны; когда она останавливается на мгновеніе, намъ достаточно сдѣлать бюсту слегка „носъ“, что бы она немедленно возобновила свои жесты. Мы удаляемъ магнитъ и дѣйствіе переносится съ правой стороны на лѣвую, съ тѣми же признаками.

Мы даемъ больной работу съ цѣлю занять ея руки; черезъ каждыя три или четыре секунды она аккуратно прерываетъ свою работу, что бы сдѣлать „носъ“. По временамъ она жалуется на головную боль, переходящую отъ одной темянной области къ другой.

Здѣсь мы видимъ переносъ дѣйствія, которое хотя внушено приказаніемъ во время сомнамбулизма, тѣмъ не менѣе, обнаруживаетъ всѣ видимые признаки произвольнаго и свободнаго поступка. Больная находитъ благовидныя объясненія своему поступку: она говоритъ, что бюстъ „отвратителенъ“ и думаетъ, что дѣлаетъ ему „носъ“ по этой причинѣ..

Слѣдующій опытъ точно опредѣляетъ результатъ переноса и показываетъ, что перенесенное дѣйствіе *симметрично* внушенному. Мы

¹⁾ pp. 221—226.

внушаемъ одной усыпленной больной писать цифры, разумѣется, *правой рукой*. Мы будимъ ее; по близости отъ ея лѣвой руки спрятанъ магнитъ. Она пишетъ цифры до двѣнадцати *правой рукой*; затѣмъ задумывается, беретъ перо въ другую руку и начинаетъ писать *лѣвой рукой*. Цифры пишутся правильно, *зеркальнымъ письмомъ*; слѣдовательно, больная совершаетъ лѣвою рукой движенія симметричныя тѣмъ, которыя она начертала правой рукой. Магнитъ перенесъ дѣйствіе письма цифръ. Слѣдуетъ замѣтить, что пока больная пишетъ лѣвой рукой, она не можетъ писать правой; она становится лѣвшой....

Обращаемъ вниманіе на обратное письмо, получаемое подъ дѣйствіемъ магнита. Отчего зависитъ это явленіе? Оттого, что магнитъ перенесъ справа на лѣво импульсъ письма цифръ и что *обратное письмо есть нормальное письмо для лѣвой руки*. Данный фактъ подтверждается массою опытовъ.

Можно также вызвать переносъ устнаго импульса, представляющаго собою впрочемъ только разновидность двигательнаго. Мы внушаемъ больной считать вслухъ до 100. Проснувшись, она начинаетъ считать. Магнитъ о десяти полосахъ установленъ возлѣ правой руки. Дошедши до 72, больная останавливается, заикается, не можетъ болѣе считать и черезъ минуту совсѣмъ лишается способности рѣчи. Однако, она легко выдвигаетъ языкъ и понимаетъ все, что ей говорятъ. Черезъ десять минутъ магнитъ прикладываютъ къ лѣвой сторонѣ; спустя двѣ минуты лѣвая рука больной начинаетъ дрожать, даръ слова возвращается“.

Точно также возможенъ и переносъ побужденій, т. е. поступковъ желаемыхъ, но не осуществленныхъ.

„Х... находится въ сомнамбулическомъ состояніи. Мы говоримъ ей: „Вотъ ключъ отъ того коммоды, что стоитъ въ глубинѣ комнаты; когда мы подадимъ вамъ этотъ ключъ, вы возьмете его *правой рукой*; отворите ящикъ *правой рукой*; вынете изъ ящика шкатулку *правой рукой*, запретете ящикъ *правой рукой* и, наконецъ, подадите шкатулку Б... *правой же рукой*“. Затѣмъ больную будятъ. Вблизи ея праваго запястья расположенъ магнитъ. Черезъ нѣсколько секундъ Х... жалуются на боль въ правой темянной области. Боль эта проходитъ черезъ всю голову и перемѣщается въ соименную область лѣвой стороны. Черезъ минуту мы подаемъ больной ключъ; она беретъ его *лѣвой рукой*, подходитъ къ коммоду, пробуетъ открыть его правой

рукою, не можетъ этого сдѣлать и отворяетъ ящикъ *твоею рукою*; тоже повторяется, что бы достать шкатулку: она приближаетъ то правую руку, то лѣвую; въ концѣ концовъ, беретъ шкатулку въ *твоею руку*; затѣмъ запираетъ ящикъ, послѣ такого же раздумья, *твоей рукою*, возвращается со шкатулкой, останавливается передъ Б... и говоритъ ему: „Вотъ возьмите эту шкатулку“ и подаетъ ему шкатулку *твоей рукой*.

Мы повторяли этотъ опытъ, переждавъ пять минутъ, прежде чѣмъ подать больной ключъ, съ цѣлью получить болѣе ясно выраженный переносъ. Тогда больная безъ малѣйшаго колебанія беретъ ключъ *твоей рукою*, отпираетъ ящикъ *твоей рукою*, вынимаетъ шкатулку *твоей рукою*, запираетъ ящикъ *твоей рукою*, подаетъ шкатулку Б... *твоей рукою*. При этомъ ни разу не приходитъ въ дѣйствіе правая рука“.

Наконецъ, магнитъ оказываетъ спеціальное дѣйствіе и на добровольныя явленія въ обыкновенномъ смыслѣ слова. Явленія переноса можно вызвать и внѣ гипноза и внушенія. Субъекта просятъ произвести извѣстное дѣйствіе и посредствомъ приложенія магнита его заставляютъ, безсознательно для него, совершить другое дѣйствіе, симметричное первому.

„Х... совсѣмъ проснулась; уже нѣсколько дней, какъ ее не усыпляли. Мы просимъ ее облокотиться правымъ локтемъ на столъ, неподалеку отъ спрятаннаго магнита. Она спрашиваетъ у насъ: „Зачѣмъ“? Мы говоримъ ей, будто хотимъ снять съ нея портретъ. Черезъ двѣ—три минуты Х... приближаетъ правый локоть къ торсу, говоритъ, что устала, что рука у нея заочанѣла. На мгновеніе она впадаетъ въ нерѣшимость, оглядывается направо и налево. Мы просимъ ее принять указанную позу, она отвѣчаетъ, что забыла какую; минутой спустя Х... облакачивается лѣвой рукою на стулъ, и принимаетъ позу вполне симметричную первоначальной. Съ удаленіемъ магнита обнаруживаются послѣдовательныя колебанія“.

Можно дѣйствовать магнитомъ и на двусторонній актъ, причемъ получаются различные результаты, смотря по тому, будетъ ли этотъ актъ чисто автоматическій или же соответствуетъ эмоціональному состоянію. Въ первомъ случаѣ происходитъ то, что мы назвали двигательной поляризацией, а во второмъ случаѣ происходитъ эмоціональная поляризация.

Вотъ примѣръ двигательной поляризаціи. Мы внушаемъ больной дѣлать обѣими руками такія движенія, словно она скатываетъ шарикъ. Въ то время, какъ она съ точностью производитъ эти движенія, къ ея затылку подносятъ магнитъ. Черезъ нѣсколько времени обѣ ея руки начинаютъ дрожать; она старается вертѣть пальцами, но не можетъ, не знаетъ, какъ это дѣлать. Внушенный импульсъ уступилъ мѣсто соотвѣтствующему параличному состоянію“.

Примѣромъ эмоціональной поляризаціи можетъ служить слѣдующій опытъ.

„Больной, находящейся въ сомнамбулизмѣ, мы внушаемъ, что, когда она проснется, у нея явится желаніе поколотить Фере. Неподалеку отъ ея правой ноги положенъ на полу магнитъ. По пробужденіи больная съ волненіемъ смотритъ на Фере, затѣмъ вдругъ встаетъ и закатываетъ ему пощечину, отъ которой послѣдній едва успѣваетъ увернуться. „Не знаю отчего“, рѣзко говоритъ она, „но мнѣ хочется его ударить“. И дѣйствительно, больная употребляетъ всѣ усилія, что бы ударить. Потомъ, черезъ минуту, выраженіе ея лица измѣняется, оно становится кроткимъ, молящимъ; больная бросается на экспериментатора, со словами: „мнѣ хочется поцѣловать его“, и вновь приходится употребить силу, чтобы помѣшать ей это сдѣлать. Затѣмъ наблюдаются послѣдовательныя колебанія.

Въ этомъ послѣднемъ опытѣ, магнитомъ непосредственно поляризуется внушенная эмоція, которая при переносѣ пораждаетъ новую серію актовъ. Если бы магнитъ дѣйствовалъ только на явленіе двигательнаго характера, какъ, напримѣръ, нанесеніе удара, то его не могло бы смѣнить явленіе совсѣмъ другого аффективнаго порядка, какъ актъ поцѣлуя, потому что противоположность этихъ двухъ актовъ зависитъ отъ различія эмоціи, которую они выражаютъ, а не отъ различія ихъ двигательнаго характера. Слѣдовательно, центромъ тяжести въ указанномъ опытѣ служитъ эмоціональное состояніе субъекта“.

Приводя эти опыты, Бине и Фере въ предупрежденіе возраженій со стороны школы Нанси ¹⁾ устраняютъ возможность объясненія изложенныхъ ими фактовъ дѣйствіемъ внушенія:

„1) Приступая къ новымъ изслѣдованіямъ, мы не могли пред-

¹⁾ Выше, стр. 83—84.

видѣть, что произойдетъ въ томъ или другомъ случаѣ, относительно поляризаціи душевныхъ движеній; слѣдовательно, мы не могли дѣлать безсознательныхъ внушеній; 2) мы повторяли опыты на совершенно новыхъ субъектахъ и получали одни и тѣ-же результаты; 3) мы прятали магнитъ въ полотенце, и тѣмъ не менѣе результаты получались тѣ же; 4) мы дѣлали магнитъ невидимымъ посредствомъ внушенія, и опять таки его дѣйствіе было тоже; 5) мы употребляли магнитъ изъ дерева и въ результатѣ ничего не происходило; впрочемъ, если бы даже и происходило что либо, то это отнюдь не свидѣтельствовало бы противъ насъ, потому что могло быть объяснено воспомина-ніемъ предшествовавшаго периферическаго раздраженія; 6) опыты наши, произведенные во время сомнамбулизма, логически связаны съ тѣми, которые были сдѣланы во время летаргіи и каталепсіи; а въ этихъ двухъ состояніяхъ мы никогда не могли сдѣлать нашимъ субъектамъ сложнаго внушенія.

Доводы эти, по нашему мнѣнію, свидѣлствуютъ, что въ нашихъ изслѣдованіяхъ мы имѣли дѣло дѣйствительно съ вліяніями эстезіогеновъ, а не безсознательнаго внушенія ¹⁾“.

Эти доводы могутъ показаться убѣдительными всѣмъ за исключеніемъ представителей школы Нанси. Мы уже знаемъ, что по Бернгейму магнитъ безъ помощи внушенія не производитъ ровно ничего и наоборотъ „ровно ничего“ при помощи внушенія производитъ тѣ же явленія, какія магнитъ въ школѣ Шарко ²⁾.

Что бы не придавать этимъ заявленіямъ Бернгейма больше значенія, чѣмъ слѣдуетъ, необходимо помнить, что этотъ авторъ ничѣмъ не доказалъ своей склонности къ точнымъ экспериментамъ и что относительно дѣйствія магнита его выводы не согласны между собою³⁾.

Впрочемъ изъ того, что внушеніе производитъ то же дѣйствіе, какое магнитъ, никакъ не слѣдуетъ, что магнитъ дѣйствуетъ только внушеніемъ. Разсуждать такъ значитъ оставлять безъ вниманія элементарную истину экспериментальной методы, что сходство слѣдствій не уполномочиваетъ заключать къ единству причины, такъ какъ одно и то же явленіе можетъ быть слѣдствіемъ различныхъ причинъ.

¹⁾ р. 195.

²⁾ Выше, стр. 84.

³⁾ Выше, стр. 85.

Какъ бы то ни было, опытамъ Бине и Фере нельзя отказать въ оригинальности. Но ихъ нельзя признать доказательными, такъ какъ многое въ нихъ можетъ быть объяснено изъ усталости, желанія угадать мысль экспериментатора и пр., а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ о такъ называемой „поляризаціи“, даже ясными и раздѣльными. На эту неясность указываетъ самый терминъ „поляризація“. Почему онъ выбранъ, остается и послѣ приведенныхъ выше примѣровъ не вполне понятнымъ.

Слѣдуетъ впрочемъ замѣтить, что эти опыты были подтверждены Біанки и Зоммеромъ¹⁾, а реальность вообще переноса удостовѣрена экспериментами Питра²⁾.

XXII. Переносъ состояній съ одного субъекта на другого ³⁾. Изученіе явленій переноса при помощи магнита дало поводъ къ весьма интереснымъ опытамъ, свидѣтельствующимъ, что различныя состоянія могутъ быть этимъ способомъ перенесены не только съ одной стороны субъекта на другую, но и съ одного субъекта на другого.

Одинъ изъ выдающихся учениковъ Шарко, Бабинскій,⁴⁾ ставитъ рядомъ двухъ истеричныхъ, пораженныхъ геміанестесіей, и къ рукѣ или ногѣ одной изъ нихъ прикладываетъ магнитъ. Черезъ нѣсколько мгновеній одна изъ больныхъ утрачиваетъ, а другая приобретаетъ чувствительность *во всемъ тѣлѣ*.

Если одинъ изъ субъектовъ пораженъ одностороннимъ истерическимъ параличемъ или контрактурой, то приложеніе магнита освобождаетъ его отъ этихъ состояній, передавая ихъ другому субъекту. Одна больная такимъ способомъ освободилась отъ истерической нѣмоты, сообщивъ этотъ недугъ другой.

По Бабинскому, нѣтъ необходимости субъектамъ касаться одному другого; но въ случаѣ соприкосновенія переносъ становится болѣе скорымъ, чѣмъ когда больные отдѣлены другъ отъ друга.

Бабинскій утверждаетъ, что его опыты были поставлены въ условія, совершенно исключающія всякое предположеніе о притворствѣ или о внушеніи. Впрочемъ, онъ не пытается дать имъ объясненіе и ограничивается лишь замѣчаніемъ, что въ нихъ два субъекта по от-

¹⁾ Sur la polarisation psychique etc., Revue philosophique, 1885, p. 369 sq.

²⁾ Leçons cliniques, II, pp. 497—506.

³⁾ Тамъ же, II, pp. 330—332.

⁴⁾ Soc. de Psychol. physiologique 25 oct. 1886; Soc. de Biologie 6 nov. 1886.

ношенію къ переносу имѣютъ тоже значеніе, какое противоположныя стороны тѣла у одного и того же субъекта.

Еще болѣе любопытные факты удостовѣряетъ Люисъ.¹⁾

Онъ надѣваетъ на голову субъекта, пораженнаго гемиплегіей, контрактурой и пр., вѣнецъ изъ намагниченнаго желѣза, разобщенный посрединѣ лба, такъ что каждый изъ его концовъ представляетъ собою полюсъ магнита. Одинъ изъ полюсовъ прикладывается непосредственно къ кожѣ, другой отдѣляется отъ нея тряпкой.

„Пусть (говоритъ Люисъ) субъектъ *A* пораженъ гемиплегіей съ правой стороны и находится въ бодрственномъ состояніи. Мы надѣваемъ ему на голову вѣнецъ сѣвернымъ полюсомъ направо, и держимъ его горизонтально около пяти минутъ. Затѣмъ, не произнося ни слова, мы надѣваемъ вѣнецъ на голову субъекта *B*, предварительно погруженнаго въ состояніе гипнотической летаргіи и находящагося въ сосѣдней комнатѣ. Почти тотчасъ же субъектъ *B* испытываетъ сотрясеніе, какъ отъ разряженія электричества, вся его правая сторона становится гемиплегичной, и когда его обычными способами ведутъ къ пробужденію, заставляя сначала перейти въ катаlepsію, а затѣмъ въ сомнамбулизмъ, то замѣчаютъ, что онъ принимаетъ личность гемиплегичнаго субъекта; у него слова выходить съ трудомъ, руки висятъ, онъ ходитъ шатаясь. Словомъ, болѣзненная личность субъекта, передаваемаго гемиплегію, воплощается съ совершенною точностію въ субъекта, принявшаго эту передачу. По пробужденіи, это состояніе исчезаетъ“.

Люисъ прибавляетъ, что болѣзненная нервная сила, скопившаяся на намагниченномъ вѣнкѣ, не уничтожается тотчасъ же послѣ дѣйствія на данномъ субъектѣ. Она остается тамъ въ теченіе довольно долгаго времени, отъ получаса и до двухъ часовъ, и можетъ проявлять себя и на другихъ субъектахъ, погруженныхъ въ летаргію.

Питръ, сообщая эти свѣдѣнія, основательно замѣчаетъ, что „такіе странные факты должны быть принимаемы не иначе, какъ послѣ основательной провѣрки. Прежде чѣмъ вѣрить въ ихъ реальность, необходимо подождать, что бы они были доказаны строгими экспериментами“.²⁾

¹⁾ Soc. de Biol. 8 nov. 1890 (Luys et Encausse, Du transfert à distance etc.).

²⁾ Leçons cliniques, II, p. 331.

Вопросъ однако въ томъ, какъ въ данномъ случаѣ понимать „строгость экспериментовъ“? При существованіи положительныхъ результатовъ опыты съ отрицательными результатами не имѣютъ доказательнаго значенія; а положительные результаты порою остаются незамѣченными тамъ, гдѣ, какъ естественно при изслѣдованіи явленій чрезвычайныхъ, вниманіе экспериментаторовъ поглощено опасеніемъ упустить ту или другую предосторожность. Изслѣдованіе Французскими Академиками знаменитой „электрической дѣвицы“ въ 1846 году служить нагляднымъ этому примѣромъ ¹⁾. Составленный въ 1888 году комиссіей медицинской Академіи отчетъ объ опытахъ Люиса надъ дѣйствіемъ лѣкарствъ на разстояніи тоже не безынтересенъ въ этомъ отношеніи ²⁾. Къ этимъ вопросамъ мы вернемся въ слѣдующемъ очеркѣ.

Для правильной оцѣнки предостереженія Питра не мѣшаетъ вспомнить, что не смотря на несомнѣнное существованіе трехъ фазъ истерическаго гипнотизма, признаваемыхъ всею школою Шарко, Психологическая школа ихъ безусловно отрицаетъ, ссылаясь въ подтвержденіе своихъ завѣреній между прочимъ на то, что въ опытахъ шеолы Шарко не принимается надлежащихъ мѣръ предосторожности противъ внушенія. Но если мѣры предосторожности способны скрывать отъ погруженнаго въ нихъ вниманія обыкновенные факты, удостоверяемые сотнями изслѣдователей, то чего ожидать при фактахъ рѣдкихъ и съ трудомъ уловимыхъ? Самые строгіе опыты въ этомъ случаѣ покажутся для большинства неубѣдительными.

Нельзя также не отмѣтить, что засвидѣтельствованные Бабинскимъ и Люисомъ факты развѣ немногимъ удивительнѣе „идеогенныхъ зонъ“, существованіе которыхъ такъ ревностно отстаиваетъ Питръ³⁾. На взглядъ Питра эти зоны вполне достовѣрный фактъ. Но другимъ изслѣдователямъ онѣ кажутся настолько маловѣроятными, что ихъ либо обходятъ молчаніемъ, либо едва удостоиваютъ упоминаніемъ.

Впрочемъ, скептицизмъ относительно явленій рѣдкихъ—методо-

¹⁾ Объ этомъ Figuiet, Histoire du Merveilleux, v. 4, 3 éd., Paris, 1881, pp. 188—210.

²⁾ Luys, Les Émotions dans l'état d'Hypnotisme, etc., Paris, 1890, Préf. и Ch. XI, pp. 229—261.

³⁾ Выше, стр. 125—128.

логическая необходимость. Предостерегать отъ излишняго довѣрія къ опытамъ тѣхъ или другихъ изслѣдователей порою весьма полезно; но столь же полезно иногда предостерегать и отъ излишней вѣры въ предостереженія.

XXIII. Дыханіе и кровообращеніе во время гипнотизма. Измѣненія въ дыханіи во время гипнотизма изучены по преимуществу Тамбурины и Сеппили при помощи графической методы. Опыты въ Салпетриерѣ въ общемъ подтверждаютъ данныя этихъ изслѣдователей. Реше сводитъ эти данныя къ слѣдующимъ положеніямъ: ¹⁾

1. Въ состояніи *летаргіи* дыхательная кривая бываетъ вообще довольно правильной. Движенія глубоки, но ихъ число непостоянно. Обыкновенно быстрыя и стремительныя въ началѣ гипноза, они становятся медленнѣе и глубже по мѣрѣ продолженія летаргіи.

По Тамбурины и Сеппили, число дыханій въ летаргіи колеблется между десятью и двадцатью въ минуту. По наблюденіямъ Реше, это число значительно болѣе—отъ двадцати пяти до тридцати пяти.

2. Если перевести субъекта открытіемъ глазъ въ состояніе *каталепсиса*, то часто при этомъ переходѣ наблюдается полная пріостановка дыханія. Продолжительность остановки доходитъ до одной минуты. Потомъ дыханіе принимаетъ спеціальнѣйшій ритмъ, характеризующійся въ началѣ тѣмъ, что оно возстановляется съ трудомъ, бываетъ иногда поверхностнымъ и неправильнымъ, но затѣмъ по большей части дыхательныя движенія становятся весьма рѣдкими и крайне медленными.

3. Въ состояніи *сомнамбулизма* дыханіе почти такое же какъ въ летаргіи. Впрочемъ, дыхательный типъ непостояненъ. Ритмъ различенъ у различныхъ субъектовъ и даже у одного и того же субъекта въ различные моменты. Самая выдающаяся черта—меньшая правильность, чѣмъ въ состояніи летаргіи.

Особенно наглядное графическое изображеніе дыхательныхъ движеній въ различныя фазы гипнотизма удалось получить д-ру Блоху въ 1884 у одной больной въ Парижской больницѣ Hôtel de Dieu. Черты пневмографа свидѣтельствуютъ между прочимъ о томъ, что три фазы появляются и исчезаютъ въ порядкѣ указанномъ Люисомъ: сом-

¹⁾ pp. 757—768.

намбулизмъ, каталепсія, летаргія. Чертежъ приведенъ въ Premier Congrès International de l'Hypnotisme, p. 285. Разумѣется, на основаніи этого единичнаго опыта нельзя дѣлать никакихъ общихъ заключеній.

Измѣненія въ кровообращеніи впервые отмѣтилъ Брэдъ. По его наблюденіямъ, пульсъ во время гипнотизма становится ускореннымъ ¹⁾. У позднѣйшихъ авторовъ нѣтъ обстоятельныхъ указаній на такое ускореніе, хотя его и признаютъ Гейденгайнъ, Тамбурины, Сеппили и Рише ²⁾. За то Тамбурины и Сеппили при помощи графической методы удостовѣрили дѣйствіе гипнотической летаргіи и каталепсіи на состояніе кровеносныхъ сосудовъ.

При помощи плеѳисмографа профессора Моссо эти изслѣдователи доказали, что въ состояніи летаргіи графическая черта постепенно повышается, и, наоборотъ, постепенно понижается въ состояніи каталепсіи. Это значитъ, что въ состояніи летаргіи *объемъ запястья увеличивается*, то есть, сосуды расширяются, тогда какъ въ состояніи каталепсіи *запястье уменьшается въ объемъ*, то есть, сосуды суживаются. Измѣненія въ высотѣ линіи плеѳисмографа не совпадаютъ съ моментомъ перехода изъ одного состоянія въ другое, но наступаютъ нѣсколько секундъ спустя.

Совершенно подобные же результаты были достигнуты при помощи аеросфигмографа съ тою лишь разницею, что измѣненія въ объемѣ *тотчасъ же* обозначались этимъ инструментомъ при переходѣ изъ одного состоянія въ другое. ³⁾

Бернгеймъ всѣ вообще измѣненія въ дыханіи и кровообращеніи во время гипнотизма объясняетъ изъ волненія, испытываемаго субъектами при фізіологическихъ пріемахъ усыпленія.

„У субъектовъ, которыхъ я усыпляю по методѣ спокойнаго внушенія (говоритъ онъ) ⁴⁾ и которые остаются въ спокойномъ расположеніи духа, у всѣхъ тѣхъ, которые были усыплены нѣсколько

¹⁾ Neuripnology, p. 143.

²⁾ p. 768. Heidenhain, Der sogenannte thierische Magnetismus 4-te Aufl., Leipz., 1880, p. 26.

³⁾ Эти опыты съ дыханіемъ и кровообращеніемъ приведены въ Anleitung zur experimentellen Untersuchung des Hypnotismus von Tamburini und Seppilli, übertr. und bearbeitet von Fränkel, Wiesb., 1885, pp. 16—21.

⁴⁾ De la Suggestion, p. 111.

разъ и засыпаютъ съ полнымъ довѣріемъ, безъ волненія, безъ возбужденія, не обнаруживается ни одного изъ отмѣченныхъ авторами симптомовъ. При такихъ условіяхъ я не констатировалъ ни ускоренія или замедленія въ пульсѣ, ни ускоренія или замедленія въ дыханіи; я наблюдалъ пульсъ при помощи сфигмографа до гипнотизаціи и во время нея, и онъ оказывался тождественнымъ“ и пр.

По этому поводу Рише замѣчаетъ:¹⁾

„Это утвержденіе, заключающее часть истины относительно доступнаго внушеніямъ періода сомнамбулизма, не примѣнимо ко всей совокупности нервныхъ состояній, слагающихъ гипнотизмъ. Съ кровообращеніемъ и дыханіемъ обстоитъ точно такъ же, какъ съ нервно-мускульнымъ состояніемъ... Внушенія суть часть гипнотизма; ихъ область не слѣдуетъ расширять сверхъ мѣры. Существуютъ извѣстныя фазы гипнотизма, особенно въ летаргическомъ состояніи и въ нѣкоторые моменты каталептического, когда дѣйствіе внушенія невозможно; поэтому измѣненія въ органахъ, происходящія въ такіе моменты, не могутъ быть приписаны внушенію.

Мы указали мимоходомъ, что внушеніе способно измѣнять дыханіе и кровообращеніе. Напримѣръ, внушеніе сильнаго ужаса, дѣлаетъ біеніе сердца болѣе скорымъ, а дыханіе—порывистымъ.²⁾ Эти несомнѣнные факты могли ввести Бернгейма въ заблужденіе“.

Отвѣтъ Бернгейма на всѣ подобныя возраженія намъ извѣстенъ: гипнотикъ никогда не утрачиваетъ сознанія и слѣдовательно всегда доступенъ внушенію.³⁾ Противъ такой теоріи безсильны и опыты Тамбурины и Сеппилли, такъ какъ внушеніемъ, какъ мы уже знаемъ⁴⁾, можно увеличивать и уменьшать объемъ частей тѣла. Не забудемъ однако, что Бернгеймъ слишкомъ широкой постановкой вопроса о внушеніяхъ самъ уничтожаетъ свою теорію.⁵⁾

XXIV. Состояніе памяти во время гипнотизма. Центральный психологическій фактъ гипнотизма, засвидѣтельствованный всѣми безъ исключенія изслѣдователями какъ прежними, такъ и современ-

¹⁾ р. 767.

²⁾ Выше, стр. 115.

³⁾ Выше, стр. 87. 69.

⁴⁾ Выше, стр. 153.

⁵⁾ Выше, стр. 80.

ными, и нами неоднократно отмѣченный ¹⁾ — *гипнотическая амнезія*, то есть забвеніе субъектомъ всего того, что онъ испытывалъ во время сна.

„Какъ скоро субъектъ приходитъ въ себя (говорить П. Риче) ²⁾, онъ не сохраняетъ никакого воспоминанія о томъ, что происходило во время его сна. Выходить какъ бы нѣкоторый перерывъ въ его существованіи. Цѣль его воспоминаній прерывается въ моментъ усыпленія и начинается снова лишь по пробужденіи. Все, что произошло въ промежутокъ, для него не существуетъ. Почти всегда такое забвеніе бываетъ полнымъ и безусловнымъ, никакая черта психическихъ или соматическихъ явленій, происшедшихъ во время сна, не можетъ быть воспроизведена сознаниемъ. Однако иногда, какъ замѣтилъ Гейденгайнъ ³⁾ и затѣмъ съ еще большею силою отмѣнили Ш. Риче ⁴⁾ и Бернгеймъ ⁵⁾, „остается какъ бы смутное воспоминаніе о вызванныхъ галлюцинаціяхъ, которое субъектъ не способенъ отыскать самъ, но которое ему съ трудомъ удастся уловить, какъ неопредѣленные слѣды сна, если придетъ къ нему на помощь экспериментаторъ и поставитъ его на надлежащій путь.

Амнезія начинается обыкновенно съ наступленіемъ сна, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она относится и къ обстоятельствамъ, вызвавшимъ сонъ“.

Законы памяти во время гипнотизма съ большою ясностью формулированы Питромъ. ⁶⁾

1. Загипнотизованныя лица помнятъ въ состояніи сна все то, что имъ было извѣстно раньше, когда они находились въ состояніи бодрствованія.

Если загипнотизованный субъектъ находится въ такой фазѣ гипнотизма, когда сохраняется общеніе съ внѣшнимъ міромъ, онъ отвѣчаетъ на предлагаемые ему вопросы, и тогда очень легко убѣдиться, что онъ помнитъ все, что предварительно зналъ. Можно

¹⁾ Выше, стр. 6. 75—76. 103. 158. 171. 172. 173.

²⁾ p. 793.

³⁾ Der sogenannte thierische Magnetismus, pp. 14—15.

⁴⁾ L'Homme et l'Intelligence, pp. 192—193.

⁵⁾ De la Suggestion, pp. 209—227. L'Hypnotisme, pp. 127—129, 133—134.

⁶⁾ Leçons cliniques, II, 193—208.

заставить его рассказать исторію его жизни, событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Его память столь же свѣтла, столь же полна, столь же широка, какъ въ состояніи нормальнаго бодрствованія.

Нѣкоторые авторы свидѣлствуютъ даже, что память во время гипнотизма становится болѣе острой и живой, чѣмъ въ бодрственномъ состояніи. Ш. Рише зналъ одну даму, которая во время сна пѣла всѣ мотивы второго акта „Африканки“, но не могла по пробужденіи воспроизвести ни одной ноты. ¹⁾ Боттей заставлялъ своихъ сомнамбулъ повторять цѣликомъ фразы, произнесенныя передъ ними за нѣсколько дней и о которыхъ они не сохраняли никакого воспоминанія въ состояніи бодрствованія. ²⁾ Бони рассказываетъ объ одной дѣвицѣ, перечислявшей во время сна всѣ подробности своего питанія наканунѣ или за день, къ чему она не была способна въ нормальномъ состояніи³⁾.

Но эти случаи усиленія памяти или *интермесии* не могутъ быть названы обыкновенными.

2. Загипнотизованныя лица не сохраняютъ послѣ пробужденія никакого воспоминанія о томъ, что дѣлали или слышали, когда находились въ состояніи гипнотическаго сна.

Этотъ общеизвѣстный фактъ Пятръ поясняетъ слѣдующимъ примѣромъ:

„Одну изъ нашихъ больныхъ я усыпляю фиксаціей взгляда, и когда она спитъ, прошу ее отдать мнѣ перстень, которымъ она очень дорожитъ. Получивъ его отъ нея, я ее пробуждаю внезапнымъ дуновеніемъ въ глаза. Затѣмъ нѣсколько мгновеній спустя, я ее спрашиваю, что она сдѣлала съ перстнемъ. Она, повидимому, чрезвычайно удивлена, что не видитъ его на пальцѣ, но тщетно роется въ своемъ воспоминаніи: она не можетъ вспомнить, что случилось съ перстнемъ“.

Изъ этого закона существуютъ два исключенія:

а) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ субъекты, на вопросъ, что съ ними произошло во время сна, оказываются неспособными отвѣтить только сначала, но если ихъ направить на путь, имъ удастся вспомнить о

¹⁾ L'Homme et l'Intelligence, p. 194.

²⁾ Le Magnétisme animal, Paris, 1884, p. 57.

³⁾ Le Somnambulisme provoqué, p. 120.

тѣхъ обстоятельствахъ, на которыхъ сосредоточиваютъ ихъ вниманіе, на подобіе того, какъ иногда вспоминаютъ о сновидѣніи, исчезнувшемъ изъ памяти, но внезапно предносящемся сознанію вслѣдствіе ассоціаціи идей или впечатлѣній.

б) Если у загипнотизованныхъ лицъ вызвать галлюцинацію и затѣмъ ихъ разбудить, пока они еще находятся подъ ея впечатлѣніемъ, то воспоминаніе о вызванномъ во время сна образѣ продолжаетъ существовать нѣсколько мгновеній послѣ пробужденія, такъ что субъектъ, возвратившись въ нормальное состояніе, продолжаетъ въ теченіе этихъ нѣсколькихъ мгновеній вѣрить въ реальность вызванной галлюцинаціи.

Съ подобными примѣрами мы уже встрѣчались. ¹⁾

3. Лица въ состояніи самороднаго или вызваннаго сомнамбулизма помнятъ все, что они знали какъ въ состояніи естественнаго бодрствованія, такъ и въ предшествующихъ гипнотическихъ состояніяхъ.

Мы только что видѣли, что воспоминаніе о томъ, что происходитъ во время гипнотическаго сна, утрачивается послѣ пробужденія, такъ что субъекты, возвратившіеся въ естественное бодрственное состояніе, не помнятъ ничего изъ того, что дѣлали или слышали во время сна. Но оживленіе этихъ воспоминаній, исчезающихъ въ состояніи бодрствованія, становится очень легкимъ, когда субъектъ снова находится въ состояніи гипнотизма. Отсюда слѣдуетъ, что память въ состояніи искусственнаго сна бываетъ болѣе широкой, чѣмъ въ повседневной жизни. Этотъ, на первый взглядъ парадоксальный, фактъ неопровержимо доказывается безчисленными наблюденіями. Достаточно привести одно изъ нихъ.

Докторъ Дюфэ, сенаторъ, опубликовалъ случай съ одной молодой служанкой, которая въ припадкѣ сомнамбулизма запрятала въ ящикъ драгоценности, принадлежавшія ея хозяйкѣ. Последняя, не находя ихъ на мѣстѣ, обвинила въ кражѣ служанку. Служанка клялась въ своей невинности, но не могла дать никакихъ объясненій относительно исчезновенія потерянныхъ вещей. Ее посадили въ тюрьму. Дюфэ былъ тогда врачомъ этой тюрьмы. Онъ зналъ обвиня-

¹⁾ Выше, стр. 170.

ему, такъ какъ раньше производилъ надъ нею гипнотическіе опыты. Онъ ее усыпилъ и разспросилъ относительно преступленія, въ которомъ ее обвиняють. Она ему рассказала со всѣми подробностями, что у нея не было памѣренія обворовать хозяйку, но что однажды ночью ей пришло въ голову, что драгоценности, принадлежащія этой дамѣ, не были въ надежномъ мѣстѣ, и она поэтому заперла ихъ въ другой ящикъ. Объ этомъ показаніи былъ увѣдомленъ судебный слѣдователь. Онъ отправился къ хозяйкѣ служанки и нашелъ драгоценности въ ящикѣ, указанномъ сомнамбулой. Невинность обвиняемой была такимъ образомъ ясно доказана и больная тотчасъ же выпущена на свободу.

Подобнаго же рода случаи засвидѣтельствованы и другими авторами.

Приведенные три закона находятъ ограниченіе въ дѣйствіи внушенія, господствующаго, какъ намъ уже извѣстно,¹⁾ надъ памятью не меньше, чѣмъ надъ всѣми остальными областями духовной дѣятельности.

„Внушеніе можетъ уничтожить всѣ формулированные выше законы. При обыкновенныхъ условіяхъ, загипнотизованный субъектъ не вспоминаетъ послѣ пробужденія о томъ, что произошло во время его сна, но вспоминаетъ объ этомъ очень хорошо когда его усыпляютъ снова. Нѣтъ ничего легче заставить факты противорѣчить этому правилу. Скажите лицу, находящемуся въ состояніи гипнотизма, что по пробужденіи оно будетъ помнить все, что дѣлалось во время сна, и оно будетъ помнить. Скажите ему наоборотъ, что оно никогда не вспомнитъ о томъ или другомъ обстоятельстве, случившемся во время сна, и тогда пусть его снова усыпляютъ и настойчиво разспрашиваютъ, оно никогда не вспомнитъ объ этомъ обстоятельстве“.

Питръ поясняетъ это послѣднее дѣйствіе внушенія нѣсколькими примѣрами, изъ которыхъ ограничимся нижеслѣдующимъ.

„Въ послѣднихъ числахъ декабря 1884 года, утромъ, въ часъ визита, лицо, постороннее больницѣ, усыпило одну изъ нашихъ истеричныхъ, Павлину Т..., и приказало ей въ 4 часа по полудни пойти поцѣловать госпитальнаго священника и не говорить никому, кто далъ это приказаніе.

Въ теченіе всего утра и въ первые два часа послѣ полудня больная не представляла ничего особеннаго. Въ четыре часа она поспѣшно встала съ постели и направилась черезъ палату къ выходу. Сидѣлка спросила ее, куда она идетъ. „Я иду къ отцу Х (отвѣчала она); я хочу его поцѣловать“. Ее сочли за сумашедшую и не пустили. Тогда произошла невыразимая сцена. Павлина дѣлала отчаянныя усилія, что бы освободиться, такъ что были вынуждены ее привязать. Нѣсколько часовъ подрядъ у нея были конвульсивные приступы необычайной силы; она издавала пронзительные крики и смущала покой другихъ больныхъ. Послали за дежурнымъ врачомъ. Врачъ послѣ бесплодныхъ попытокъ успокоить волненіе Павлины, попробовалъ усыпить больную и внушить ей, что-бы она была спокойной. Тогда обстоятельства дѣла выяснились. Усыпленная больная во время сна рассказала, что произошло утромъ, не назвавъ однако имя лица, которое сдѣлало ей внушеніе. Врачъ рѣшилъ уничтожить первоначальное внушеніе противоположнымъ. Онъ старался внушить Павлинѣ забвеніе утренней сцены; пытался ее увѣрить, что онъ самъ отецъ Х... и что она можетъ его поцѣловать, если этого непременно желаетъ. Но ни одно изъ этихъ внушеній не было принято, и такъ какъ крики и конвульсіи не прекращались, то врачъ вынужденъ былъ привести больную въ состояніе летаргіи и оставить ее въ такомъ положеніи всю ночь. На другой день утромъ, едва успѣли ее вывести изъ летаргіи, какъ снова появились возбужденіе, конвульсіи и неодолимое желаніе поцѣловать отца Х.... Что бы покончить съ этимъ, пришлось искать виновника (котораго, къ счастью, удалось найти послѣ разслѣдованія, такъ какъ Павлина на отрѣзъ отказалась назвать его имя, хотя его и знала въ совершенствѣ), привести его въ палату и просить усыпить больную и такимъ образомъ лично уничтожить внушеніе, сдѣланное имъ по легкомыслію навагунѣ. Какъ скоро все это было исполнено, Павлина перестала носиться съ мыслью поцѣловать отца Х... и совершенно успокоилась.

Нѣсколько дней спустя, 12 января 1885 года, произошла подобная же сцена: Больная еще разъ заявила желаніе поцѣловать госпитальнаго священника. Когда ее усыпили, она рассказала, что утромъ, возвращаясь изъ ванны, она встрѣтила на поворотѣ лѣстницы трехъ лицъ, которые ее усыпили и приказали совершить названное дѣйствіе, прибавивъ, что она будетъ жестоко страдать, пока его не при-

ведеть въ исполненіе, и что она никогда не должна называть тѣхъ, кто ей это приказалъ. Возбужденіе Павлины было настолько велико, что я, не найдя 13 января виновниковъ внушенія, рѣшилъ отправиться къ священнику, рассказать ему о случившемся и просить его, что бы онъ дозволилъ больной поцѣловать его. Онъ согласился. Послѣ этого все пришло въ порядокъ“.

Принимая во вниманіе только что отмѣченныя ограниченія, Питръ предлагаетъ слѣдующую общую формулу законовъ памяти во время гипнотизма:

Загипнотизованные субъекты помнятъ все, что знали въ состояніи бодрствованія и въ предшествовавшихъ гипнотическихъ состояніяхъ, если только внушеніемъ не вызвано общее или частное забвеніе, ограничивающее объемъ ихъ памяти. Послѣ пробужденія они не помнятъ о томъ, что знали во время предшествовавшихъ гипнотическихъ состояній, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда внушеніемъ фиксированы часть или совокупность ихъ воспоминаній, относящихся къ тому, что произошло во время ихъ сна¹⁾.

XXV. Измѣненія личности. Раскрытіе сомнамбулизмомъ въ нашей духовной жизни двухъ существованій, изъ которыхъ бодрственное обыкновенно ничего не знаетъ о спящемъ, тогда какъ спящее все знаетъ о бодрственномъ, и возможность въ этомъ состояніи вызывать разнообразныя галлюцинаціи личности²⁾ невольно повели къ сопоставленію съ другими подобными же патологическими состояніями и вмѣстѣ съ тѣмъ заставили въ свѣтѣ этихъ сопоставленій глубже вникнуть въ природу гипнотическихъ измѣненій личности.

По этому вопросу успѣла образоваться цѣлая спеціальная литература, изъ которой (кромѣ извѣстныхъ уже намъ трудовъ Бернгейма, Льежуа, Бине и Фере, Ш. Рише и пр.) достаточно отмѣтить ниже слѣдующіе труды: *Mac Nish*, *Philosophy of Sleep*, Lond., 1830. *Mesnet*, *Mémoire sur l'automatisme de la mémoire*, etc., Paris, 1874. *Dufay*, *La notion de la personnalité*, *Revue scientifique*, Ser. II, v. X, (1876), p. 312. *Camuset*, *Un cas de dédoublement de la personnalité*, *Annales médicopsychologiques*, Ser. VIII, v. VII (1882), p. 75. *Jules Voisin*,

¹⁾ p. 208.

²⁾ Выше, стр. 141—143.

Note sur un cas de grande hystérie chez l'homme avec dédoublement de la personnalité, Archives de Neurologie, v. X, (1885), p. 212. *Azam*, Hypnotisme, double conscience et altérations de la personnalité, Paris, 1887. *Ladame*, Observation de somnambulisme hystérique, Revue de l'Hypnotisme, II, 1888, p. 257. *Bourru et Burot*, Les variations de la personnalité, Paris, 1888. Un cas de neurasthénie hystérique avec double personnalité, Premier Congrès International de l'Hypnotisme, Paris, 1890, p. 228. *Bonamaison*, Un cas remarquable d'hypnose spontanée, Revue de l'Hypnotisme, IV, (1890), p. 234. *Ribot*, Les maladies de la Personnalité, 4 éd., Paris, 1891. Les maladies de la mémoire, 8 éd., Paris, 1893. *Binet*, Les alternations de la personnalité, Paris, 1892. *Laurent*, Des états seconds (Variations pathologiques du champ de la conscience), Paris, 1892, etc.

Всѣ эти труды вмѣстѣ взятые даютъ такое обиліе фактическаго матеріала и наводятъ на такія плодотворныя размышленія о строѣ нашего духовнаго организма, что мы здѣсь вынуждены отказаться отъ ихъ обзора, такъ какъ даже бѣглый ихъ очеркъ былъ бы возможенъ лишь въ отдѣльной монографіи. Для ознакомленія со взглядами школы Шарко на этотъ вопросъ мы можемъ ограничиться анализомъ ученія Питра, сумѣвшаго, какъ обыкновенно, въ немногихъ словахъ сказать многое ¹⁾).

„Въ гипнотическомъ снѣ (говоритъ Питръ) обыкновенно сохраняется личное сознаніе. Субъекты вообще знаютъ, кто они; они чувствуютъ себя самими собою; они не ошибаются въ своемъ физическомъ и нравственномъ тождествѣ; Я въ состояніи сна признаетъ своимъ Я въ состояніи бодрствованія; личность не измѣняется.

Иногда однако дѣло происходитъ иначе. Связь, объединяющая въ одинъ пукъ воспоминаніе о прошломъ съ впечатлѣніями настоящаго, порывается; Я въ состояніи сна болѣе не признаетъ своимъ Я въ состояніи бодрствованія; понятіе о духовномъ единствѣ измѣняется; личность становится другою“.

Эти измѣненія личности какъ въ гипнозѣ, такъ и другихъ аналогичныхъ состояніяхъ, Питръ, примыкая къ классификаціи Рибо ²⁾, подводитъ подъ три главные типа: 1) *присвоеніе чужой личности*

¹⁾ Leçons cliniques, II, pp. 209—224.

²⁾ Les Maladies de la personnalité, pp. 127—128.

(*alienation*); 2) чередованіе личностей (*alternance*); 3) возвращеніе прежней личности (*reversion*).

Въ первомъ случаѣ новая личность устанавливается на ряду съ прежней или на ея мѣсто; во второмъ двѣ различныя личности или двѣ различныя фазы существованія одной и той же личности смѣняются черезъ болѣе или менѣе продолжительные промежутки одна другую и такимъ образомъ раздѣляютъ между собою жизнь субъекта; въ третьемъ возникающая во время сна личность есть воспроизведеніе личности, которая была у субъекта въ одну изъ прежнихъ эпохъ его существованія.

1. *Присвоеніе чужой личности.* „Нерѣдко встрѣчаются субъекты, которые во время припадка невольнаго или же вызваннаго сомнамбулизма говорятъ о себѣ въ третьемъ лицѣ. На первый взглядъ это кажется неимѣющей значенія странностью; въ дѣйствительности же это результатъ глубокаго разстройства въ сознаніи личности. Лица, выражающіяся такимъ образомъ, утрачиваютъ точное понятіе объ отношеніи ихъ Я во время сна къ ихъ Я обыкновенной жизни. Во время сна они себя считаютъ другими, чѣмъ во время бодрствованія“.

Въ доказательство Пётръ приводитъ наблюденіе надъ одной истеричной, представлявшей отчетливо явленіе разсматриваемаго типа.

„Когда эту больную усыпляли, она выражалась о себѣ не иначе какъ въ третьемъ лицѣ. „Маргарита сегодня больна; она недовольна; ее разсердили; ее нужно оставить въ покоѣ“.—„Но кто же вы такая (спросилъ я ее однажды), что говорите отъ имени Маргариты“?—„Я ея подруга“.—„Какъ же ваше имя“?—„Я не знаю, но очень люблю Маргариту, и когда ей дѣлаютъ непріятности, мнѣ бываетъ горько“.

Въ этомъ состояніи она узнавала всѣхъ лицъ, съ которыми была въ ежедневныхъ сношеніяхъ, но обходилась съ ними какъ съ посторонними. Она не говорила своимъ родителямъ ты. Ея мужъ былъ мужемъ ея подруги Маргариты, а не ея мужемъ и пр.

Патологія духа, какъ извѣстно, изобилуетъ примѣрами подобнаго типа. Одинъ помѣшанный воображаетъ себя Наполеономъ, другой Ротшильдомъ, третій Христомъ и т. д. То-же самое наблюдается порой и въ горячечномъ бреду.

„Подобными же иллюзіями личности страдали въ былое время и бѣсноватые. Они говорили, что въ ихъ тѣло вселился дьяволъ, что онъ движетъ ихъ членами, мыслить ихъ душою, господствуетъ надъ

ихъ волей. Это онъ богохульствовалъ ихъ устами, оскорблялъ священниковъ, отвѣчалъ заклинателямъ; онъ же заставлялъ ихъ совершать и всякаго рода предосудительныя дѣянія, за которыя они не были отвѣтственны, такъ какъ ихъ личность была отчуждена личностью дьявола или по крайней мѣрѣ ей подчинена“.

Присвоеніе чужой личности Питръ сводитъ къ двумъ элементамъ: 1) къ частной амнесіи, заставляющей утрачивать сознаніе о реальной личности, и 2) къ галлюцинаціи, „которая, какъ обыкновенно при всѣхъ гипнотическихъ галлюцинаціяхъ, сильно объективируется и замѣняетъ утраченное сознаніе прежней личности сознаніемъ новой личности“.

2. *Чередованіе личностей.* Примѣромъ чередованія личностей можетъ служить изученная Азамомъ ¹⁾ исторія болѣзни знаменитой (до нынѣ здравствующей) Фелиды Х..., жизнь которой проходитъ въ смѣнѣ болѣе или менѣе продолжительныхъ періодовъ бодрствованія и сомнамбулизма.

Азамъ впервые увидалъ больную въ 1858 г. Ей тогда было 15 лѣтъ. Она была сильная, разсудительная, трудолюбивая дѣвица, съ черствомъ и мрачнымъ характеромъ. У нея бывали различные истерическіе припадки, но въ особенности ее беспокоили періодическія измѣненія памяти, обнаруживавшіяся почти ежедневно въ формѣ кризисовъ.

Кризисы проходили всегда одинаково. Она чувствовала давленіе въ вискахъ и затѣмъ вдругъ теряла сознаніе. Черезъ минуту или двѣ она открывала глаза и свободно общалась съ внѣшнимъ міромъ. Она могла ходить, работать; у нея не было никакой безумной идеи и никакой галлюцинаціи; но ея характеръ измѣнялся. вмѣсто мрачной и сосредоточенной (какой бывала обыкновенно), она становилась веселой и общительной, смѣялась, шутила, рѣзвилась.

Въ такомъ положеніи она оставалась въ теченіи трехъ или четырехъ часовъ; затѣмъ снова внезапно теряла сознаніе. Изъ обморока она пробуждалась такою же, какою была до кризиса. О томъ, что произошло въ продолженіе кризиса, она не сохраняла никакого вос-

¹⁾ Исторія эта подробно изложена Азамомъ въ выше названной (стр. 3 и 201) его книгѣ *L'Hypnotisme etc.*, гдѣ она доведена до 1887 г.

поминанія. Напротивъ, во время кризиса, или какъ выражается Азамъ, во *второмъ состояніи* (*condition seconde*), она сохраняла память о всемъ своемъ существованіи.

Послѣ ряда улучшеній и ухудшеній кризисы стали болѣе долгими и частыми, такъ что мало по малу возобладали надъ нормальнымъ состояніемъ и наконецъ почти совсѣмъ его смѣнили. Въ послѣдніе годы они иногда продолжались по три мѣсяца. При этомъ основные симптомы не измѣнились; въ особенности потеря воспоминанія о всѣхъ обстоятельствахъ, происшедшихъ во *время второго состоянія*, осталась такою же полною и безусловною, какъ и въ 1858.

Это періодическое безпамятство не разъ доставляло больной неожиданности и неприятности.

До своего замужества она забеременѣла въ періодъ *второго состоянія*; возвратившись въ *первое состояніе*, она никакъ не могла сообразить, кто былъ виновникомъ ея беременности, хотя, какъ скоро вновь впадала во *второе состояніе*, знала очень хорошо истинную причину и не стѣсняясь о ней говорила.

Случилось, что одинъ изъ ея родственниковъ умеръ во время ея кризиса. Она присутствовала на похоронахъ и надѣла трауръ. Когда она пришла въ нормальное состояніе, то не могла понять причины траура, и ей вынуждены были ее объяснять.

Во время *второго состоянія* ей подарили собаку; она ее кормила, ухаживала за ней и къ ней привыкла. Но лишь только возвратилась въ *первое состояніе*, тотчасъ же выгнала собаку, какъ забѣглую.

Въ 1878 г., находясь во *второмъ состояніи*, она заподозрила своего мужа въ невѣрности. Въ отчаяніи она повѣсилась, но ее успѣли освободить изъ петли. Нѣсколько времени спустя она возвратилась въ *первое состояніе*. Она не сохранила никакого воспоминанія о своихъ подозрѣніяхъ и расточала любезности передъ той, кто была причиной ея покушенія на самоубійство.

Словомъ, у нея какъ будто двѣ жизни; на самомъ дѣлѣ (по Азаму) у нея только двѣ памяти ¹⁾.

¹⁾ р. 112.

Преобладаніе въ послѣдніе годы *второго состоянія*, болѣе выгоднаго для нравственнаго облика больной, надъ *первымъ*, породило вопросъ, какое изъ нихъ слѣдуетъ считать нормальнымъ?

Азамъ надѣется, что „въ тотъ близкій уже для Фелиды моментъ, когда у женщинъ обыкновенно кончаются обнаруженія истеріи“, „второе состояніе станетъ всею ея жизнью“. Тогда „ея существованіе, рассматриваемое сверху, будетъ представлять странное явленіе трехъ послѣдовательныхъ личностей: первой, нормальной, съ которой она родилась на свѣтъ; второй, раздѣленной на двое амнезіей; третьей, новой и различной по своей цѣльности. Благо такимъ образомъ произойдетъ изъ избытка зла, такъ какъ тогда послѣдуетъ нѣкотораго рода выздоровленіе... Фелида станетъ лучшей, ... но она станетъ другою личностью“¹⁾.

По Питру, „измѣненія, происходящія періодически въ душѣ Фелиды, несомнѣнно зависятъ отъ того, что у нея бываютъ припадки невольнаго сомнамбулизма. Вѣроятно, что ея *первое состояніе* соответствуетъ нормальному состоянію и что ея *второе состояніе* есть своеобразная форма самопроизвольнаго гипноза. Во всякомъ случаѣ это не есть состояніе обыкновеннаго гипнотизма. Оно скорѣе аналогично тому, въ которомъ проснувшіеся субъекты исполняютъ данныя имъ внушенія, состояніе, которое Льежуа, впервые изучившій его симптомы, называетъ *вызваннымъ вторымъ состояніемъ*, и Бои—*сомнамбулическимъ бодрствованіемъ*. Это состояніе характеризуется внѣшними признаками бодрственнаго состоянія и потерей воспоминанія о томъ, что во время него произошло. Оно несомнѣнно близко къ явнымъ гипнотическимъ состояніямъ, но его нельзя по праву смѣшивать съ ними: лучшимъ доказательствомъ этого служить то, что субъекты въ состояніи сомнамбулическаго бодрствованія могутъ перейти въ состояніе обыкновеннаго гипнотическаго сна подъ дѣйствіемъ гипногенныхъ пріемовъ“.

Это послѣднее замѣчаніе Питра находитъ подтвержденіе и въ опытахъ Азама. Послѣдній усыплялъ Фелиду фиксаціей взгляда. Изъ добытыхъ имъ результатовъ слѣдуетъ, что она одинаково легко подчинялась гипнозу какъ во время кризисовъ, такъ и въ ихъ проме-

¹⁾ pp. 120--121. 217—218.

жутки, но „представляла ту особенность, что въ вызванномъ сомнамбулизмѣ, каково бы ни было ея состояніе въ моментъ усыпленія, она всегда находилась въ нормальномъ состояніи“ ¹⁾).

Въ только что разсмотрѣнномъ случаѣ двѣ личности не вполне обособлены, такъ какъ память въ состояніи сомнамбулизма обнимаетъ собою и бодрственное состояніе, хотя послѣднее ничего не знаетъ о первомъ. Но порою сонъ раздвояетъ личность такимъ образомъ, что одна становится безусловно чуждой для другой. Сюда принадлежитъ знаменитое наблюденіе Митчеля и Нотта или „исторія Американки Макъ Ниша“, получившее это названіе потому, что Макъ Нишъ обратилъ на него всеобщее вниманіе своей „Философіей сна“ (1830 г.).

„Одна молодая, образованная, хорошо воспитанная и здоровая дама совершенно внезапно, безъ всякихъ предубаженій, впала въ глубокій сонъ, продолжавшійся на много часовъ дольше обыкновеннаго.

Пробудившись, она забыла все, что знала. Ея память сдѣлалась какъ бы *tabula rasa* и не сохранила никакого воспоминанія ни о словахъ, ни о вещахъ, такъ что ее пришлось всему обучать снова, читать, писать, считать. По немногу она освоилась съ окружающими лицами и обстановкой, казавшимися ей такими, какъ будто она ихъ видѣла въ первый разъ. Ея успѣхи были быстры.

Спустя довольно долгое время—нѣсколько мѣсяцевъ—она безъ видимой причины опять впала въ сонъ, подобный тому, который предшествовалъ ея новой жизни. Пробудившись, она оказалась въ томъ самомъ состояніи, въ какомъ была до своего перваго сна, но не сохранила никакого воспоминанія о томъ, что произошло въ промежутокъ; однимъ словомъ, въ *прежнемъ состояніи* она ничего не знала о *новомъ*. Такъ она называла свои двѣ жизни, протекавшія вслѣдствіе перерывовъ въ памяти обособленно одна отъ другой и по очереди.

¹⁾ pp. 75—76. Питръ (p. 217), повидимому, неправильно толкуетъ эти слова Азама въ томъ смыслѣ qu'une fois endormie elle était dans un autre état que dans sa condition première et dans sa condition seconde. Впрочемъ, не совсѣмъ ясно, что Азамъ подразумеваетъ въ данномъ случаѣ подъ „нормальнымъ состояніемъ:“ *первое* ли состояніе, или то, въ которомъ больная каждый разъ находится въ моментъ усыпленія. Второе объясненіе менѣе вѣроятно, такъ какъ въ этомъ случаѣ трудно было бы понять, въ чемъ состояла „та особенность“, о которой говоритъ Азамъ.

Въ продолженіе около четырехъ лѣтъ эта дама испытывала эти состоянія почти періодически.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ состояніи она столь же мало вспоминала о своемъ двойномъ характерѣ, какъ двѣ различныя личности могутъ вспоминать одна о природѣ другой. Напримѣръ, въ періодъ *прежняго состоянія* она обладала всѣми свѣдѣніями, приобретенными ею въ дѣтствѣ и юности; въ своемъ *новомъ состояніи* она знала только то, чему выучилась со времени своего перваго сна. Если ей кого нибудь представляли въ одномъ изъ этихъ состояній, то она должна была изучить и знать это лицо въ обоихъ, что бы имѣть о немъ полное понятіе. Точно также и относительно всего другого. Въ *прежнемъ состояніи* у нея прекрасный, для нея обыкновенный, почеркъ; въ *новомъ состояніи* ея почеркъ дурной, неловкій, словно дѣтскій; это зависитъ отъ того, что у нея не было ни времени, ни средствъ его улучшить.

Какъ уже было сказано, это чередованіе продолжалось четыре года, и молодая дама сумѣла въ своихъ семейныхъ отношеніяхъ очень хорошо выдти изъ этого затрудненія¹⁾.

Причина этихъ чередованій до сихъ поръ никѣмъ не выяснена.

3. *Возвращеніе прежней личности.* „Элементы, составляющіе нашу психическую личность, точно такъ же непрестанно возобновляются и измѣняются, какъ и элементы, слагающіе наше тѣло. У человѣка въ сорокъ лѣтъ не тѣ идеи, склонности, стремленія, память, какъ въ двадцать лѣтъ. Это тотъ же индивидъ, такъ какъ его настоящая жизнь соединена съ прежней непрерывнымъ рядомъ посредствующихъ состояній, связанныхъ между собою въ одну нераздѣльную цѣпь; но если устранить эти посредствующія звенья и сравнить его личность въ двадцать лѣтъ съ личностью въ сорокъ лѣтъ, то онѣ окажутся сильно различными одна отъ другой.

Это наведеніе въ полной мѣрѣ подтверждается изученіемъ нѣкоторыхъ разстройствъ памяти и личности, наблюдаемыхъ довольно часто у гипнотиковъ. Нѣкоторые субъекты во время невольнаго или же вызваннаго сомнамбулизма утрачиваютъ всякое воспоминаніе о томъ, что

¹⁾ Исторія эта приведена въ переводѣ и съ указаніемъ источниковъ у Азама, pp. 270—273.

знали въ извѣстный продолжительный періодъ своего существованія, напримѣръ, въ теченіе послѣднихъ пяти или десяти лѣтъ своей жизни. Въмѣстѣ съ тѣмъ, и въ силу этой частной ретроградной амнесіи они утрачиваютъ сознаніе о своей дѣйствительной личности и принимаютъ ту, какаѧ у нихъ была въ тотъ моментъ, на которомъ она навливается ихъ память“.

Этимъ сложнымъ явленіямъ „частной ретроградной амнесіи съ возвращеніемъ личности“ Питръ далъ названіе *экмнесіи*.

Первыя наблюденія Питра надъ экмнесіей относятся къ 1882 г., когда въ его больницу поступила „одна изъ наиболѣе интересныхъ истеричныхъ“, Альбертина, любимый „субъектъ“ всѣхъ вообще его гипнотическихъ экспериментовъ.

Подобно всѣмъ больнымъ тяжелой истеріей, Альбертина страдала частыми конвульсивными припадками, завершавшимися у нея по большей части продолжительной фазой бреда. Какъ обыкновенно въ этихъ случаяхъ, бредъ почти всегда относился къ какому нибудь выдающемуся эпизоду изъ прежней жизни больной. Но Питру удалось открыть особенность, „которая до сихъ поръ ускользала отъ другихъ исторіографовъ истеріи:“ больная, въ продолженіе бреда, утрачивала воспоминаніе о всемъ томъ, что произошло послѣ занимавшаго ея событія, хотя и помнила очень хорошо все, что предшествовало этому событію.

„Однажды, когда Альбертина была въ обыкновенномъ послѣконвульсивномъ бреду и разговаривала съ своимъ бывшимъ любовникомъ (какъ ей казалось), я попытался съ ней вступить въ разговоръ примѣнительно къ ея бреду. Мнѣ было очень не трудно войти въ этотъ бредъ. Я долго съ ней бесѣдовалъ, какъ будто бы былъ на самомъ дѣлѣ Х, и она отвѣчала на мои вопросы, какъ будто бы была еще въ близкихъ отношеніяхъ съ нимъ. Но когда я попытался принять въ разговорѣ съ ней свою настоящую личность, я столкнулся съ неожиданнымъ препятствіемъ. Альбертина упорно продолжала меня принимать за Х. „Ваше упрямство нелѣпно, сказалъ я наконецъ въ нетерпѣніи; вы очень хорошо знаете, что вы не у своего прежняго хозяина, а въ госпиталѣ; это не Х съ вами разговариваетъ, а Питръ.“ Тогда Альбертина залилась смѣхомъ и спросила, чтѣ значить эта насмѣшка. Чтѣбы она была въ госпиталѣ! Да она никогда не заносила туда и ноги, что же до Питра, то она о немъ ничего

никогда и не слыхивала. Я сталъ ее припирать вопросами, но увидалъ, что было не возможно пробудить въ ней воспоминанія ни о чемъ, что произошло послѣ того, чѣмъ она бредила...

Позднѣ конвульсивныя припадки смѣнились одними припадками бреда, въ которыхъ явленія экмнесіи съ возвращеніемъ личности приобрѣли полную отчетливость. Во время этихъ припадковъ, Альбертина видѣла себя то въ томъ, то другомъ періодѣ жизни: то она бранилась съ своимъ прежнимъ любовникомъ, какъ въ то время, когда ей было 23 года; то она заблудилась съ своими подругами въ лѣсу, что случилось, когда ей было 19 лѣтъ; то она стерегла коровъ своей кормилицы, какъ бывало обыкновенно тогда, когда ей было шесть или семь лѣтъ и пр. Во всѣхъ этихъ случаяхъ она принимала ту личность, какая у нея была въ моментъ реальнаго наступленія сцены, которой она бредила. Она говорила, мыслила, дѣйствовала совершенно такъ, какъ говорила, мыслила, дѣйствовала въ эту эпоху. Она не помнила ничего, безусловно ничего изъ того, что пережила впослѣдствіи. Болѣе того, характеристическія душевныя превращенія экмнесическаго бреда сопровождались соотвѣтствующими органическими измѣненіями. Напримѣръ, когда больная переносилась бредомъ въ эпоху своего шестилѣтняго или семилѣтняго возраста, она не только выражалась и забавлялась какъ дитя, но у нея исчезала геми-нестесія, и истерогенныя зоны, обыкновенно весьма дѣятельныя, теряли всю свою возбудимость."

Экмнесическій бредъ можетъ быть вызванъ тремя различными приемами:

1. Настойчивымъ внушеніемъ больной въ состояніи гипнотическаго сна, что по пробужденіи она будетъ такого или другого возраста, или же что она исполнить то или другое дѣйствіе, относящееся къ вполнѣ опредѣленному періоду ея существованія;

2. Сильнымъ сосредоточиваніемъ ея вниманія на извѣстномъ событіи изъ ея прошлой жизни и внезапнымъ усыпленіемъ въ то время, какъ она думаетъ объ этомъ событіи;

3. Раздраженіемъ извѣстныхъ пунктовъ тѣла, дѣйствующихъ какъ идеогенныя зоны.

Въ то время какъ Питръ производилъ эти свои изслѣдованія

(до 1886 г.) ¹⁾, Камюзе, Вуазенъ, Буррю и Бюро, Мабилль и другіе имѣли случай одинъ за другимъ наблюдать больного, неоднократно представлявшаго въ теченіе своей патологической исторіи еще болѣе замѣчательныя явленія экмнесіи съ возвращеніемъ личности.

Исторія эта по своему выдающемуся психофизиологическому интересу заслуживаетъ того, что бы ее вкратцѣ привести здѣсь.

Людвигъ В..., въ настоящее время двадцати семи лѣтъ, родился въ Парижѣ отъ неизвѣстныхъ отца и матери. Повидимому, у него уже въ дѣтствѣ обнаруживались невропатическіе припадки. Покинутый родителями, лишенный всякаго нравственнаго руководства, онъ сдѣлался бродягой и вслѣдствіе осужденія за кражу былъ съ 1873 по 1880 годъ отданъ въ исправительную колонію св. Урбана (Haute Marne), гдѣ имъ пользовались для полевыхъ работъ.

Однажды, въ маѣ 1879 г., въ то время какъ онъ связывалъ виноградныя лозы, вокругъ его руки обвилась змѣя, которая впрочемъ его не укусила. Отъ испуга онъ потерялъ сознание, съ нимъ сдѣлался сильный нервный припадокъ, и онъ сталъ парализованнымъ (лишился обѣихъ ногъ).

Въ мартѣ 1880 онъ былъ перевезенъ въ Бонневальскую больницу, врачомъ которой тогда былъ Камюзе. Больной оставался парализованнымъ; его характеръ былъ мягкій, общительный. Онъ очень хорошо помнилъ какъ свое дѣтство, такъ и свое пребываніе въ колоніи св. Урбана, сожалѣлъ о своихъ проступкахъ и заявлялъ, что больше не будетъ воровать. Чтобы занять его досугъ, его выучили портняжному мастерству. Онъ работалъ усердно и въ мастерской имъ были очень довольны.

Два мѣсяца по прибытіи въ Бонневаль, съ нимъ было нѣсколько сильныхъ истеро-эпилептическихъ припадковъ, вслѣдствіе которыхъ онъ вдругъ исцѣлился отъ своей парализаціи. Но въ то же время онъ позабылъ все, что произошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ пораженъ парализаціей, то есть въ теченіе года. Онъ воображалъ себя еще въ колоніи св. Урбана, не узнавалъ окружавшихъ его и ходившихъ за нимъ лицъ, разучился шить, забылъ, что у него былъ параличъ.

¹⁾ Подробно они изложены въ диссертациі ученика Питра Blanc Fontenille, *Étude sur une forme particulière de délire hystérique etc.* Bordeaux, 1887.

Сверхъ того, его характеръ измѣнился: вмѣсто кроткаго, общежительнаго, вѣжливаго, трудолюбиваго, какимъ онъ былъ въ предшествующіе дни, онъ сталъ злымъ, задорнымъ, сварливымъ, заносчивымъ, грубымъ, неприличнымъ. Камюзе съ большимъ тщаніемъ отмѣтилъ подробности этого нравственнаго превращенія, въ реальности котораго сначала сомнѣвался, но затѣмъ вынужденъ былъ убѣдиться¹⁾.

Нѣсколько дней спустя больной бѣжалъ, укравъ 60 франковъ у фельдшера; его настигли въ тотъ моментъ, когда онъ дѣлалъ закупки для поѣздки въ Парижъ.

Въ 1881 году онъ покинулъ больницу въ Бонневаль, провелъ нѣкоторое время въ Шартрѣ, заболѣлъ въ Маконѣ, поступилъ въ больницу св. Георгія и наконецъ возвратился въ Парижъ, гдѣ его въ теченіе полутора года (съ августа 1883 по январь 1885 г.) лѣчили въ Бисетрѣ, въ отдѣленіи д-ра Вуазена²⁾.

Тамъ съ нимъ были различныя припадки, изъ которыхъ одинъ напоминаетъ тотъ, который отмѣченъ Камюзе. 26 января 1884 г. больной проснулся съ гемиплегичной контрактурой правой стороны и оставался въ такомъ положеніи до 16 апрѣля того же года. Въ этотъ день, послѣ легкаго припадка, контрактура исчезла. На другой день утромъ замѣтили, что больной забылъ все, что произошло въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, пока у него была контрактура. Онъ воображалъ, что еще 26 января, и былъ изумленъ, когда ему указали, что деревья покрылись листвою. Измѣнился и его характеръ. Пока продолжалась контрактура, больной былъ кротокъ и трудолюбивъ; какъ скоро она исчезла, онъ опять сталъ задорнымъ и непокорнымъ и вновь принялся за воровство.

2 января 1885 г. онъ бѣжалъ изъ Бисетра, уворовалъ у фельдшера платье и деньги, поступилъ неизвѣстно какъ въ морскую пѣхоту, совершилъ нѣсколько кражъ, былъ судимъ военнымъ судомъ и въ мартѣ 1885 г. посланъ подъ надзоръ въ Рошфорскій госпиталь, гдѣ его изучали Буррю и Бюро. Эти наблюдатели произвели надъ нимъ весьма интересныя изслѣдованія, въ которыхъ самое оригинальное—искусственный вызовъ экмнесіи съ возвращеніемъ личности по-

¹⁾ Въ ук. выше (стр. 200) монографіи.

²⁾ Свѣдѣнія объ этомъ въ замѣткѣ Вуазена (см. выше стр. 200—201).

средствомъ приложенія эстетіогеновъ (то есть металловъ возвращающихъ чувствительность) ¹⁾.

Когда больной прибылъ въ Рошфоръ, у него была гемиплегія и гемианестесія съ правой стороны. Характеръ у него былъ такой, какъ обыкновенно въ его дурные дни: онъ былъ грубъ, болтливъ, буненъ, непокоренъ, лживъ и занимался воровствомъ. Онъ довольно хорошо помнилъ всю жизнь, начиная со второй половины своего пребыванія въ Бонневалѣ, но не раньше.

Удостоверившись во всемъ этомъ, Буррю и Бюро прикладывають магнитъ къ его парализованной рукѣ. Спустя нѣсколько секундъ, съ больнымъ происходитъ превращеніе: гемиплегія и гемианестесія перенесены на лѣвую сторону; выраженіе лица, складъ рѣчи, характеръ глубоко измѣнились. Больной сталъ кротокъ, робокъ, вѣжливъ, приличенъ; это была уже не та личность. Онъ не узнавалъ окружающихъ, воображалъ себя въ Бисетрѣ, ничего не зналъ о своемъ поступленіи въ солдаты и не понималъ, какимъ образомъ очутился въ Рошфорскомъ госпиталѣ.

Приложеніе магнита къ шеѣ вызываетъ у него паралегію съ контрактурой. Онъ воображаетъ себя въ колоніи св. Урбана, не знаетъ ни Рошфора, ни Бонневала, но за то можетъ рассказать о событіяхъ дѣтства и обстоятельствахъ, предшествовавшихъ его помѣщенію въ исправительную колонію; онъ хочетъ идти на полевые работы вмѣстѣ съ своими товарищами по заключенію.

Статическое электричество уничтожаетъ параличъ. Тогда больной воображаетъ себя въ колоніи св. Урбана четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ въ полномъ обладаніи всѣми своими способностями и безъ всякихъ признаковъ тяжелой болѣзни, такъ какъ его воспоминанія останавливаются на томъ моментѣ, когда съ нимъ случился припадокъ, вызванный змѣею. У него были приемы пріятнаго молодого чловека, кроткаго, разсудительнаго, сговорчиваго, хорошо воспитаннаго.

„Эти опыты (говоритъ Питръ) весьма важны, такъ какъ въ извѣстной мѣрѣ доказываютъ тѣсную связь опредѣленнаго физическаго состоянія съ сопровождающимъ его духовнымъ состояніемъ... У Аль-

¹⁾ Опыты эти подробно изложены въ названной выше книгѣ этихъ авторовъ *Les variations de la personnalité*, pp. 15—138.

бертины возвращеніе личности къ эпохѣ, предшествовавшей развитію истерическихъ припадковъ, устранило геміанестесію и истеричныя зоны. У больного Буррю и Бюро искусственное воспроизведеніе извѣстныхъ паралитическихъ симптомовъ вызываетъ *ipso facto* умственное состояніе, нѣкогда сопровождавшее эти симптомы. Оба наблюденія взаимно себя пополняютъ. Въ первомъ психическое превращеніе ведетъ къ соотвѣтствующему физическому измѣненію; во второмъ возвратъ предшествовавшаго физическаго состоянія вызываетъ соотвѣтствующее психическое превращеніе. Въ обоихъ случаяхъ дѣло происходитъ такъ, какъ будто бы всѣ впечатлѣнія, достигающія одновременно до нервныхъ центровъ, остаются тѣсно связанными въ глубинахъ безсознательной памяти, такъ что возрожденіе одного изъ нихъ должно тотчасъ же повести за собою оживленіе всѣхъ его современниковъ“.

„Было бы интересно (говорить тотъ же авторъ въ заключеніе) изслѣдовать, въ какой мѣрѣ эти наблюденія согласуются съ различными гипотезами, выставленными философами относительно природы нашего Я. Но для того, что-бы перенести разсужденіе на эту почву, необходимо имѣть очень широкія свѣдѣнія въ психологіи“.

Но такими свѣдѣніями въ психологіи, которыя бы могли пролить свѣтъ на природу нашего Я, до сихъ поръ никто не обладалъ и навѣрное никогда обладать не будетъ. Психологія изучаетъ только *обнаруженія* этой природы; сама же природа скрыта отъ наблюденій психологовъ. Постигненіе ея—задача метафизики. Сколь ни заманчиво было бы перенести разсужденіе на указанную Питромъ почву, мы, по цѣлямъ настоящаго очерка, вынуждены отъ этого воздержаться.

XXVI. Гипнотическое воспитаніе. Чтобы закончить обзоръ явлений гипнотизма, остается обсудить уже неоднократно нами отмѣченное значеніе гипнотическаго воспитанія для развитія этихъ явленій¹⁾. Значеніе это обращаетъ на себя вниманіе въ трехъ отношеніяхъ: при опѣнкѣ статистическихъ данныхъ о предрасположеніи къ гипнотизму, при изученіи отдѣльныхъ гипнотическихъ состояній, въ вопросѣ объ ихъ подлинности.

1. Нами были приведены процентныя таблицы предрасположе-

¹⁾ Выше, стр. 20. 52—53. 68. 116.

нія къ различнымъ степенямъ гипнотизма¹⁾. Для правильнаго пониманія этихъ таблицъ необходимо помнить, что, по свидѣтельству всѣхъ вообще авторовъ, не всѣ гипнотики бываютъ воспріимчивы къ гипнотизму сразу, и что съ другой стороны тѣ, которые на первый взглядъ кажутся особенно упорными, иногда становятся настолько хорошими гипнотиками, что впадаютъ въ глубокій сонъ по одному жесту гипнотизера или же по одному его слову „Спите!“

2. Всѣ авторы удостовѣряютъ, что если гипнотическія явленія у нѣкоторыхъ лицъ и оказываются съ перваго разу не вполне выраженными, они по мѣрѣ повторенія опытовъ приобретаютъ все большую опредѣленность и отчетливость. Это правило одинаково справедливо для *всѣхъ* гипнотическихъ состояній—иллюзій, галлюцинацій, безпамятства, анестесій, аналгесій, автоматическихъ дѣйствій, неотразимыхъ побужденій и пр.

При этомъ Форель ставитъ на видъ, „что способъ гипнотической реакціи субъекта по преимуществу сообразуется съ первыми внушеніями, которыя ему даютъ. Если стараются прежде всего добиться сна, то субъектъ отличается тѣмъ, что легко засыпаетъ. Если желаютъ вызвать послѣгипнотическія явленія, то онъ становится особенно склоннымъ къ нимъ и проявляетъ въ бодрственномъ состояніи галлюцинаціи и тому подобныя состоянія. Точно также, смотря по желанію гипнотизера, могутъ на первый планъ выступить анестесія, амнесія и пр. Но у того, кто привыкъ реагировать опредѣленнымъ образомъ, впоследствии бываетъ много труднѣе вызывать внушеніемъ другіе симптомы.

Вообще же, если субъекта подвергать гипнотическимъ опытамъ въ теченіи долгаго времени и если при этомъ повторяются одинаковые эксперименты, то, какъ и при всякой нервной дѣятельности, появляется привычка. Самыя нелѣпыя внушенія становятся съ каждымъ разомъ самоочевиднѣе, все происходитъ болѣе механически и автоматически, подобно нашимъ сновкамъ, привычнымъ впечатлѣніямъ и пр. ²⁾.

Факты эти свидѣтельствуютъ объ отсутствіи всякихъ рѣзкихъ

¹⁾ Выше, стр. 40—43.

²⁾ Der Hypnotismus, p. 51.

граней между предрасположеніемъ какъ къ гипнотизму вообще, такъ и къ различнымъ его проявленіямъ въ частности. Если такое предрасположеніе, какъ утверждаетъ школа Шарко,¹⁾ явленіе болѣзненное, то это болѣзненное явленіе можетъ быть вызвано искусственно почти у всѣхъ.

3. Тѣсная зависимость гипнотическихъ обнаруженій отъ повторительныхъ опытовъ даетъ скептицизму поводъ усумниться въ гипнотизмъ какъ своеобразномъ физиологическомъ и психологическомъ фактѣ и искать объясненія этихъ обнаруженій въ притворствѣ и дѣйствиіи привычки.

Оставляя вопросъ о притворствѣ до слѣдующаго отдѣла, относительно привычки слѣдуетъ замѣтить, что всѣ тѣ явленія, которыхъ обнаруженію она вообще способствуетъ, у многихъ гипнотиковъ появляются съ полною отчетливостью и опредѣленностью сразу, безъ всякихъ повторительныхъ опытовъ, и что поэтому она очевидно есть лишь способствующее, но не необходимое условіе ихъ существованія.

„Несомнѣнно (говоритъ Форель), что частымъ гипнотизованіемъ можно повысить воспримчивость субъекта къ внушеніямъ, а главное достигнуть того, что онъ безъ словеснаго приказанія самъ собою будетъ дѣлать все то, что его заставляли дѣлать на первыхъ опытахъ, и при томъ какъ будто инстинктивно, такъ какъ, по вѣрному замѣчанію Бернгейма, сомнамбулы все свое вниманіе сосредоточиваютъ на томъ, чтобы уловить намѣренія гипнотизера. Но роль воспитанія неоднократно, въ особенности въ Германіи, слишкомъ преувеличивали и оставляли безъ должнаго вниманія степень индивидуальной воспримчивости большинства нормальныхъ людей. Можно ли говорить о воспитаніи, когда, напр., вчера я въ первый разъ загипнотизовалъ совершенно нормальную здоровую сидѣлку? Я гляжу на нее нѣсколько секундъ, внушая ей сонъ, затѣмъ (по способу Бернгейма) даю ей смотрѣть на два пальца моей руки; черезъ 30 секундъ ея вѣки сомкнулись. Я внушаю ей амнезію, каталепсію рукъ, заставляю ихъ вертѣться, и внушаю анестесію. Все тотчасъ же удается. Я глубоко колю ее булавкой. Она ничего не чувствуетъ. Я даю ей простой воды, какъ будто бы она была горькой микстурой, и она кажется ей горь-

¹⁾ Выше, стр. 19. 22—26. 28. 80—81 и пр.

кой, внушаю съ успѣхомъ аппетитъ и говорю, что она послѣ пробужденія по собственному желанію положить на колѣни одного присутствующаго лица стоящую подъ столомъ корзинку и что вечеромъ въ 6 часовъ сама собою придетъ ко мнѣ снова. Затѣмъ я ее пробуждаю, заставивъ просчитать до четырехъ. Обо всемъ этомъ она безусловно ничего не знаетъ, но смотритъ неустанно на корзинку, которую и владеть, стыдясь и краснѣя, на колѣни упомянутому лицу. Она досадуетъ на этотъ поступокъ, но ее что то къ нему неотразимо тянетъ, хотя она и не понимаетъ чтѣ. Въ 6 часовъ она была одна въ отдѣленіи, поэтому не могла уйти, но она внутренне ко мнѣ стремилась и была раздражена тѣмъ, что не могла уступить влеченію.

Эта крестьянская дѣвица поступила въ госпиталь сидѣлкой лишь недавно и была загнипнотизована въ первый разъ. Не смотря на это, дѣло шло почти совершенно такъ, какъ у многократно загнипнотизованной сомнамбулы.¹⁾

Это свидѣтельство было бы не убѣдительнымъ, если бы было единичнымъ. Но тоже самое мы слышимъ и отъ другихъ авторовъ²⁾.

Общій выводъ несомнѣнно тотъ, что гипнотическія явленія существуютъ и безъ предварительнаго воспитанія, но что въ гипнотизмѣ, вслѣдствіе повышенной воспримчивости нервной системы, воспитаніе и привычка приобрѣтаютъ большую силу и значеніе, чѣмъ въ нормальныхъ состояніяхъ.

XXVII. Подлинность гипнотическихъ явленій. Въ настоящее время явленія гипнотизма, за исключеніемъ трехъ фазъ, общепризнанный фактъ, въ которомъ могутъ сомнѣваться только лица несвѣдущія въ этой области. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ эти явленія, особенно въ сомнамбулизмѣ, часто кажутся маловѣроятными, доказательства ихъ подлинности никогда не могутъ быть излишними. Частныя доказательства для каждаго отдѣльнаго порядка нами уже были, насколько возможно, представлены; остается привести доказательства общія.

Эта задача исполнена Шарлемъ Рише и Шарко.

Доказательства этихъ двухъ изслѣдователей мы дополнимъ другими.

Доказательства III. Рише. Самый лучший способъ доказатель-

¹⁾ pp. 50—51.

²⁾ См. напр. слѣд. отдѣлъ, стр. 218.

ства (говорить Ш. Рише)—усыпить невѣрующаго. Но такимъ способомъ можно каждый разъ убѣдить только одно лицо. Къ тому же предубѣжденные противъ гипнотизма ему противятся и вслѣдствіе этого всегда оказываются плохими сомнамбулами. Поэтому необходимо доказывать аргументами общими ¹⁾).

Эти аргументы построены у Ш. Рише такъ, что съ каждымъ новымъ доводомъ возможность противоположнаго становится менѣе вѣроятной.

1 Главный аргументъ—нелѣпость предполагать притворство во всѣхъ гипнотикахъ.

„Что до меня (говорить Ш. Рише), такое предположеніе кажется мнѣ безусловно смѣшнымъ. Вотъ напримѣръ трое моихъ хорошихъ друзей, образованные и просвѣщенные молодые люди, которымъ я довѣряю безусловно. Можно-ли допустить, что они меня обманывали и смѣялись надо мной? Тоже самое я бы могъ сказать о другихъ пяти или шести вполнѣ почтенныхъ лицахъ, въ добросовѣстности которыхъ я никакъ не могу усумниться. Сверхъ того, мнѣ нужно было бы еще думать, что пятьдесятъ или около того лицъ всякаго возраста и всякаго состоянія, мною усыпленныхъ, были всѣ безъ исключенія, *безъ единственнаго исключенія*, обманщики и лжецы. Вотъ чтѣ по истинѣ не допустимо. Могутъ-ли я предполагать, что вокругъ меня по особому несчастію только одно вѣроломство и лживость среди моихъ близкихъ, моихъ родственниковъ, моихъ друзей, и что всѣ они заранѣе условились заставить меня допустить грубыя ошибки?

Впрочемъ, было бы необходимо предполагать тоже самое несчастіе и у многихъ другихъ. Извѣстный профессоръ фізіологіи въ Бреславлѣ, Р. Гейденгаймъ, рассказываетъ, что онъ усыплялъ своего младшаго брата, студента университета. Возможно ли думать, что этотъ молодой человѣкъ игралъ комедію, что бы вѣроломно злоупотреблять наивностью своего брата и дѣлать его публичнымъ посмѣшищемъ?

Извѣстно, что почти всѣ женщины болѣе или менѣе воспримчивы къ усыпленію. Значитъ ли это, что почти всѣ женщины сговорились притворяться? Допустимо-ли это предположеніе? Неужели нельзя

¹⁾ L'Homme et l'Intelligence, p. 155—161.

найти ни одной женщины, которая отказалась бы отъ этого обмана? Намъ такимъ образомъ представляются двѣ возможности: либо необходимо признать, что всѣ женщины обманщицы и притворщицы, или же, что сомнамбулизмъ—реальный фактъ. Со мной, я полагаю, согласятся, что первое изъ этихъ предположеній очевидно нелѣпо.

2. Слѣдуетъ привести другое соображеніе, именно согласіе явленій.

Факты, которые Пюисегюръ, Ростанъ, Жорже, Гюссонъ замѣтили во Франціи въ концѣ прошлаго и первой четверти настоящаго столѣтія, наблюдались около 1840 г. Бредомъ въ Англіи, въ 1860 г. Брока въ Парижѣ и далѣе Шарко и П. Риче въ 1878 г., въ 1880 г. Гейденгайномъ въ Бреславлѣ и столь многими другими учеными въ теченіи настоящаго вѣка во всей Европѣ, что было бы невозможно назвать всѣ ихъ имена. Вотъ очень странное притворство, которое столь долгое время повторяется съ одними и тѣми же явленіями: сомкнутыя рѣсницы, фибриллярное движеніе мускуловъ лица, галлюцинаціи зрѣнія и слуха, каталепсія, контрактуры. Какимъ образомъ женщины, приходящія изъ деревни, никогда не слыхавшія даже слова магнетизмъ, могли бы притворяться въ томъ, чего не знаютъ? Посредствомъ какого угадыванія больная, которую я усыпилъ въ Шарите, и которая никогда не присутствовала при сценахъ сомнамбулизма, могла бы вести себя абсолютно такъ же, какъ больная въ госпиталѣ Божонъ, пришедшая изъ провинціи и которую я усыпилъ въ самый день ея поступленія? Вотъ чудо болѣе чудесное, чѣмъ удивительныя явленія, достигаемыя профессиональными магнетизерами...

3. Но допустимъ обманъ и посмотримъ, можетъ-ли это предположеніе согласоваться съ фактами. Я думаю, что могу утверждать противоположное, такъ какъ притворство, если бы оно было, предполагало бы глубокое знаніе анатоміи и фізіологіи. Шарко сильно настаиваетъ на томъ фактѣ, что у извѣстнаго рода сомнамбулъ, при надавливаніи нервовъ или легкомъ къ нимъ прикосновеніи, вслѣдствіи крайней ихъ возбудимости, управляемые ими мускулы сокращаются. Такъ, надавливая личной нервъ, заставляютъ сокращаться скуловой мускулъ, глазной мускулъ, мускулъ поднимающій край носа и такъ далѣе. Раздражая мускулъ грудинно-ключичный, заставляютъ его сокращаться; въ такомъ случаѣ голова поворачивается въ противоположную сторону. Необходимо основательное изученіе фізіологіи

движенія, что бы знать, что грудинноключичный мускулъ заставляетъ своимъ сокращеніемъ поворачиваться голову въ противоположную сторону. У сомнамбулъ можно посредствомъ прямого раздраженія заставить сокращаться (у человѣка зачаточные) мускулы двигающіе раковину уха; эти движенія уха невозможны у бодрствующихъ индивидовъ. Открывая правый глазъ, производятъ каталепсію правой стороны вслѣдствіе двоякоскрещеннаго дѣйствія зрительныхъ нервовъ и мозжечка. У иной истеричной, открывая правый глазъ, производятъ нѣмоту, тогда какъ открывая лѣвый глазъ не получаютъ ничего подобнаго. Если это притворство, то необходимо предположить у больной знаніе, что говорятъ при помощи лѣваго мозга, что радужная оболочка пра-ваго глаза находится въ общеніи съ лѣвымъ мозгомъ и что правый мозгъ бесполезенъ для рѣчи.

Всѣ, кто наблюдалъ истерическія контрактуры во время сомнамбулизма, хорошо понимаютъ, что эти перетурбаціи мускульной системы не могутъ быть притворными. Не существуетъ такого сильнаго человѣка, который могъ бы добровольно поддерживать сокращеніе мускула въ продолженіи четверти часа безъ того, что бы нельзя было замѣтить хотя самую легкую склонность къ ослабленію и разгибанію. Сомнамбулы сохраняютъ свои контрактуры въ продолженіи многихъ часовъ и по пробужденіи утрачиваютъ всякое воспоминаніе объ этомъ продолжительномъ и невѣроятномъ напряженіи мускуловъ, не ощущая никакой усталости.

Что до такъ называемыхъ страстныхъ позъ, при которыхъ различныя движенія души выражаются съ неслыханною силой, то я очень сомнѣваюсь, что бы нашлись гдѣ нибудь столь хорошіе актеры, которые могли бы разыграть эти сцены мимики съ такимъ успѣхомъ, какъ бѣдныя истеричныя женщины въ Салпетріерѣ. Всѣ сомнамбулы въ этомъ случаѣ одинаковы; ихъ мимика такъ выразительна, чувства экстаза, любви, удивленія, гнѣва, отвращенія, презрѣнія, угрозы, передаются ими съ такою захватывающею силою, что всѣ присутствующіе при подобныхъ сценахъ выносятъ убѣжденіе въ невозможности притворства.

Весьма часто у сомнамбулъ бываетъ анестесія и аналгесія. Эти два явленія постоянны или почти постоянны. Обыкновенно говорятъ, что анестесія есть слѣдствіе притворства. Конечно, если разсматривать вещи абсолютно, то можно притвориться нечувствительнымъ. Но

у сколькихъ лицъ хватило бы отваги выносить безъ достаточнаго мотива уколы въ лицо, въ ноздри, въ руки; позволять вырывать у себя волосы, щекотать бѣлки глазъ, носъ, уши; пронизывать руки булавками; пить тошнотворныя жидкости, нюхать съ удовольствіемъ нашатырный спиртъ или сѣрнистую кислоту? Вотъ наказаніе, которому подвергаются люди изъ за единственнаго удовольствія обмануть наивнаго врача, который все это съ любопытствомъ наблюдаетъ и записываетъ. Какой бы опытъ ни производили съ сомнамбулами, онѣ не оказываютъ никакого сопротивленія; не отвертываются, не вздрагиваютъ, не отбиваются, остаются безстрастными и разсѣянными; выносить одинаково, не моргнувъ бровью, какъ безболѣзненныя, такъ и болѣзненныя испытанія. Слѣдуетъ-ли предполагать въ нихъ героизмъ (и героизмъ вовсе неумѣстный), или анестесію?

Я могъ бы умножить примѣры для доказательства того, насколько нелѣпо предположеніе всеобщаго притворства. Уже одно то, что можно по произволу вызвать рвоту, указываетъ ясно на психическое состояніе, отличное отъ обыкновеннаго состоянія. Кого стало бы рвать только потому, что говорятъ: „Вотъ скверный запахъ“? И однако это явленіе постоянное у сомнамбулъ; и что бы вызвать рвоту, не нужно болѣе сложнаго аппарата. Сомнамбула плачетъ, какъ только ей скажутъ, что бы она плакала, *проливаетъ потокъ* слезъ и громко рыдаетъ. Думаютъ ли, что легко рыдать, когда желаешь рыдать? Пусть попробуютъ надъ собою, и тогда увидятъ, что это почти невозможно.

Недавно я былъ свидѣтелемъ случая, который могъ быть очень тяжелымъ, но по счастью не имѣлъ никакого серьезнаго послѣдствія. Дѣло идетъ о молодой женщинѣ, великолѣпномъ магнитическомъ *субъектѣ*. Желая вызвать въ ней ужасъ, я ей сказалъ: „Вотъ я беру вашу руку и се отрубая; смотрите, какъ течетъ кровь“. Тотчасъ же, не испустивъ никакого крика, не сдѣлавъ никакого жеста, она грянулась о земь какъ мертвая. Жизнь прекратилась на время, сердце болѣе не билось и не было никакого дыхательнаго движенія. Это длилось около полминуты, цѣлый вѣкъ опасеній для меня; затѣмъ глубокій вздохъ возвѣстилъ появленіе признаковъ жизни. Быть можетъ, кто нибудь скажетъ, что этотъ обморокъ ловкая комедія. Во всякомъ случаѣ, даже рискуя прослыть очень наивнымъ, я ни за что не согласился бы повторить этотъ опытъ“.

III. Рише не довольствуется прямыми доказательствами, но опровергаетъ и возраженія. ¹⁾

1-е возраженіе. Явленія сомнамбулизма не совмѣстны съ данными науки.

Но во первыхъ, слѣдуетъ различать между явленіями реальными удостовѣренными посредствомъ точныхъ наблюденій и опытовъ, и тѣми, которыми занимаются шарлатаны. „Дѣло не въ томъ, что бы опровергать ихъ болѣе или менѣе корыстныя разглагольствованія, но въ томъ, что бы изучать и PROVĖRYATЬ то, что видѣли серьезные ученые, достойные уваженія“.

Во вторыхъ, наши свѣдѣнія о природѣ и функціяхъ нервной системы не настолько совершенны и точны, что бы у насъ было основаніе отрицать возможность того или другого явленія. Нашимъ постояннымъ руководителемъ долженъ быть экспериментальный методъ, а отрицанія *a priori* должны быть изгнаны изъ научныхъ разсужденій точно такъ же, какъ утвержденія *a priori*. Между тѣмъ въ вопросахъ о сомнамбулизмѣ вмѣсто опытовъ иные довольствуются улыбкой и утвержденіемъ: „Это невозможно“. Такое опроверженіе очевидно только мнимое.

2-е возраженіе. Все, что наблюдается, непостоянно, неправильно, измѣнчиво. Никакого твердаго правила; наблюдаемыя явленія измѣняются съ каждымъ наблюдателемъ и каждымъ субъектомъ. Что предсказываютъ, не происходитъ, и происходитъ то, чего не предсказываютъ.

Что у различныхъ сомнамбулъ существуютъ значительныя различія, нельзя отрицать. Но эти различія относятся лишь къ явленіямъ побочнымъ. Въ основаніи же состояніе сомнамбулизма у всѣхъ одно и то же. Его можно охарактеризовать однимъ словомъ: *автоматизмъ*. Что удивительнаго, если этотъ автоматизмъ принимаетъ различныя формы сообразно съ личностью сомнамбулы съ одной стороны, и процессами, употребленными для произведенія сна, съ другой?

Различные виды одной и той же болѣзни иногда бываютъ болѣе замѣтны, чѣмъ различные виды сомнамбулизма. Почему сомнамбулизмъ не приравнять болѣзни?

¹⁾ pp. 161—170.

Наконецъ, не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія и воздѣйствія, которое имѣетъ на явленія сомнамбулизма личность экспериментатора. „Упражненіе и воспитаніе дѣлаютъ то, что различныя сомнамбулы, усыпленныя нѣсколько разъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, сильно между собою сходны, такъ какъ экспериментаторъ развиваетъ однѣ и тѣ же способности, усовершенствуетъ одни и тѣ же явленія, дѣлаетъ болѣе определенными, вслѣдствіе привычки и воспитанія, одни и тѣ же симптомы. Всѣ эти сомнамбулы, направляемыя въ одномъ и томъ же смыслѣ, должны отличаться отъ тѣхъ, которыя находятся подъ руководствомъ и воспитаніемъ другого экспериментатора“.

3-е возраженіе. Если бы животный магнетизмъ былъ реальный фактъ, то сомнамбулы, руководимыя шарлатанами, не могли бы дѣлать всѣхъ тѣхъ глупостей, которыя имъ обычны. Никто не можетъ отрицать, что среди сомнамбулъ есть много обманщицъ. Часто даже нѣкоторыя сомнамбулы, кторыхъ считали сначала за искреннихъ, впоследствии сами признавались, что играли комедію.

Это возраженіе смѣшиваетъ двѣ различныя вещи—сомнамбулизмъ съ шарлатанствомъ. Фактъ тотъ, что показываемыя шарлатанами сомнамбулы спятъ на самомъ дѣлѣ и во время сна занимаютъ шарлатанствомъ. Усыпленная женщина не на столько отличается отъ той, какой бываетъ въ бодрственномъ состояніи, что бы не быть способной понять положеніе, размышлять и притворяться. Реальность сна доказывается фізіологическими явленіями—катаlepsіей, контрактурами, анестесіей, фибриллярными движеніями вѣтъ, конвульсіей глазъ, пріостановкой движеній глотанія. Но не смотря на сонъ, сомнамбула разыгрываетъ свою роль: пытается отгадывать будущее, читать въ организмѣ больныхъ, обращающихся къ ней за совѣтомъ, отгадывать по клочку волосъ возрастъ, характеръ и здоровье извѣстнаго лица. Оба порядка фактовъ идутъ параллельно и не препятствуютъ другъ другу.

Относительно притворства слѣдуетъ замѣтить, что многочисленными опытами доказана невозможность въ иныхъ случаяхъ для самихъ усыпленныхъ лицъ различить, притворяются они, или нѣтъ¹⁾. Проснувшись, они думаютъ, что могли поступать иначе; но повторительные

¹⁾ Поэтому вопросу заслуживаетъ вниманія статья Bergson, De la simulation inconsciente dans l'état d'hypnotisme. Rev. philos., v. XXII (1886), p. 525.

опыты вынуждаютъ ихъ сознаться въ противномъ. „Одинъ врачъ въ Бреславлѣ увѣрялъ Гейденгайна, что магнетизмъ не произведетъ на него никакого дѣйствія, но послѣ того какъ былъ усыпленъ Ганзенъ, онъ не могъ произнести ни слова. Проснувшись, онъ объявилъ, что вполнѣ бы могъ говорить и что, если не сказалъ ничего, то потому, что ничего не хотѣлъ говорить. Новое усыпленіе нѣсколькими *пассажи*; новое безсиліе говорить. Его пробуждаютъ въ другой разъ, и онъ вынужденъ сознаться, что, если онъ не говорилъ, то потому, что не могъ говорить. Понятно, что такого рода притворное произведеніе явленія безусловно совпадаетъ съ реальностью этого явленія. Автоматизмъ доказывается уже однимъ тѣмъ, что добросовѣстныя лица не могутъ дѣйствовать иначе, чѣмъ автоматы. Пусть они воображаютъ, что могли противиться; на дѣлѣ они не противятся. Вотъ какой фактъ долженъ быть принятъ во вниманіе, а не иллюзія мнимой способности сопротивленія“.

„Словомъ, если не существуетъ безусловнаго доказательства, то по крайней мѣрѣ есть совокупность очевидныхъ доводовъ, что предположеніе всеобщаго притворства нелѣпо. Научный скептицизмъ—превосходный методъ; но его нельзя доводить до того, что бы все стало иллюзіей и обманомъ. Допускать, что сотни наблюдателей, вообще проницательныхъ и осторожныхъ, дозволили себя сдѣлать жертвой продолжительныхъ мистификацій, что эти мистификаціи практикуются постоянно, не принося тѣмъ, кто ими занимается, ничего, кромѣ невыносимыхъ мученій, и предполагать, что это шутство повторялось въ теченіе цѣлаго вѣка одинаково въ самыхъ различныхъ странахъ, значитъ впадать въ крайности благоразумія. Для всѣхъ, кто изучилъ вопросъ, такъ же смѣшно сомнѣваться въ реальности сомнамбулизма, какъ въ реальности эпилепсіи“.

Доказательства Шарко. Шарко ставитъ на видъ несомнѣнность объективныхъ признаковъ, получаемыхъ при помощи міографа и пневмографа. Эти признаки „показываютъ, что симуляція, о которой говорятъ такъ много, когда дѣло идетъ объ истеріи и связанныхъ съ нею болѣзненныхъ явленіяхъ, есть, при настоящемъ состояніи нашихъ знаній, если взять все вмѣстѣ, не болѣе, какъ пугало, передъ которымъ останавливаются только боязливые или новички. Отнынѣ медики, истинно свѣдущій въ этихъ матеріяхъ, способны выслѣдить обманъ повсюду, гдѣ онъ происходитъ, и отдѣлать, въ случаѣ надобности, реаль-

ные симптомы, составляющіе основанную часть болѣзни, отъ симптомовъ притворныхъ, которые пожелала бы прибавить хитрость больныхъ ¹⁾“.

Къ этимъ объективнымъ признакамъ слѣдуетъ прибавить удостоверенное точно также механическими приборами дѣйствіе внушенія на ритмъ сердца, повышение и пониженіе температуры тѣла, объемъ его частотъ ²⁾.

Равнымъ образомъ и внушенные парывы, стигматы и параличи служатъ несомнѣнными объективными доказательствами реальности гипнотическихъ явленій ³⁾.

Доказательства изъ гипнотической практики. Не менѣе наглядныя доказательства даются и случайностями гипнотической практики, тѣмъ болѣе убѣдительныя, что эти случайности засвидѣтельствованы въ разныя времена и различными авторами.

„Въ 1860 г. одна свѣтская дама, „которой правдивость (по удостоверенію Жиро Тейлона, сообщающаго этотъ случай) выше всякихъ подозрѣній, которой уважаемое ими не вѣжется ни съ какою мыслью о притворствѣ и которой впрочемъ некого было обманывать“, отправилась въ городскую больницу посѣтить больную подругу. Тамъ она была свидѣтельницей нѣсколькихъ гипнотическихъ опытовъ, сильно поразившихъ ея пылкое воображеніе. Сгорая нетерпѣніемъ провѣрить на самой себѣ видѣнные ею факты, она приступаетъ къ опыту. Однимъ родственникомъ поставленъ передъ ея глазами блестящій предметъ. Дѣло происходитъ въ семейномъ кругу, безъ врача. По истеченіи нѣсколькихъ минутъ присутствующихъ поражаетъ ея неподвижный взглядъ. Опытъ прерываютъ; обращаются къ ней съ вопросами, никакого отвѣта; берутъ и поднимаютъ руку, рука падаетъ. Начинаютъ переглядываться; кругомъ испугъ. Что дѣлать? Нѣтъ ни врача, ни знанія какъ поступить. Въ ужасѣ мужъ, сынъ; послѣдній, заливаясь слезами, бросается къ матери и покрываетъ ея лобъ и глаза поцѣлуями. М-ше... пробуждается; съ ней дѣлается сильный нервный припадокъ. Послѣ цѣлаго потока слезъ она нѣсколько успокоилась. По ея словамъ, она вынесла жестокое испытаніе: она сохранила полное сознаніе, видѣла семью въ слезахъ и ужасѣ, но не

¹⁾ Leçons sur les maladies du système nerveux, III, p. 20.

²⁾ Выше, стр. 133—154.

³⁾ Выше, стр. 154—168.

могла сдѣлать никакого знака, что-бы положить конецъ этой тяжелой сценѣ. Въ груди у нея спирало дыханіе, словно на ней лежала громадная тяжесть; что же до мускульной системы, то всѣ ея члены, по ея выраженію, „были словно закутаны въ свинцовую рубашку“ ¹⁾.

„М-ме... вслѣдствіе этого легкомысленнаго опыта была больна два дня“.

„Намъ пришлось (говорить тотъ же авторъ) наблюдать явленія подобнаго же порядка, но представляющія гораздо болѣе страшный характеръ и способныя повлечь за собою вмѣстѣ съ убѣжденіемъ ужасъ. Одна дама, загипнотизованная нами при обыкновенныхъ условіяхъ, стала во время своего болтливаго сна удовлетворять нашу научную любознательность признаніями, предназначенными удовлетворять любознательность совсѣмъ другого рода, *столь тяжкими, столь для нея опасными*, что мы, столько же изъ страха за больную, сколько пораженные собственною отвѣтственностью, которая сюда впуталась такимъ роковымъ образомъ, поспѣшили разбудить злополучную виновницу этихъ слишкомъ свободныхъ откровеній. Къ счастью, присутствующіе не могли ничего слышать, хотя и замѣтили, что произошло что то необычайное“ ²⁾.

Второй изъ этихъ случаевъ единственный въ своемъ родѣ, но за достовѣрность его ручается научная добросовѣстность Жиро Тейлона, вообще крайне осторожнаго и осмотрительнаго.

Подобные первому засвидѣтельствованы и другими авторами.

„Въ 1880 году (говоритъ Ладамъ) въ Бреславлѣ, послѣ представленій Ганзена..., среди молодежи, особенно школьниковъ, свирѣпствовала „лихорадка магнитизовать“. Въ одномъ бюргерскомъ семействѣ два мальчика забавлялись модной „игрой въ магнитизмъ“ или „трой Ганзена“, какъ тогда выражались. Вдругъ одинъ изъ мальчиковъ падаетъ навзничъ, пораженный гипнотической летаргіей съ контрактурой. Онъ оставался нѣсколько часовъ въ этомъ опасномъ положеніи, не проявляя никакихъ признаковъ жизни и не поддаваясь никакимъ попыткамъ его разбудить. Легко вообразить испугъ родителей до прибытія врача, который заставилъ себя ждать. Понявъ въ чемъ

¹⁾ Gazette Médicale de Paris, 1860, № 3, p. 33.

²⁾ Тамъ же, 1860, № 2, p. 15.

дѣло, врачъ, которому толковали о столбнякѣ, тотчасъ же разбудилъ неосторожнаго мальчика, давъ ему двѣ пощечины“ ¹⁾).

Любопытные факты сообщаетъ также П. Риге.

Мы знаемъ, что истеричныхъ можно погружать въ каталепсію неожиданнымъ сильнымъ звукомъ, напримѣръ, китайскаго гонга ²⁾).

„Однажды (разсказываетъ П. Риге) эта впечатлительность къ звуку гонга дала намъ случай присутствовать при довольно забавной сценѣ. На одну изъ нашихъ больныхъ пало подозрѣніе, что она воруешь фотографіи, но она съ задоромъ отрицалась. Разъ утромъ, послѣ того какъ я сдѣлалъ нѣсколько опытовъ надъ другими субъектами, я застигъ нашу больную съ рукой въ ящикѣ, гдѣ лежали фотографіи. Нѣкоторыя изъ нихъ она успѣла спрятать въ карманъ. Я къ ней приблизился, но она не шевельнулась, она была неподвижна, превращена, можно сказать, въ статую. Удары гонга, раздавшіеся въ сосѣдней комнатѣ, сдѣлали ее каталептической въ тотъ моментъ, когда, вдалекѣ отъ нескромныхъ глазъ, она совершала свою кражу. Можно судить объ ея смущеніи, когда я ее разбудилъ, дунувъ ей въ лицо. Но она не могла уже отрицаться“ ³⁾).

„Въ другой разъ, въ праздникъ тѣла Господня, нѣсколько истеричныхъ, участвовавшихъ въ процессіи, сдѣлались каталептическими вслѣдствіе военной музыки, которая ежегодно помогаетъ своимъ участіемъ этому торжеству въ больницѣ. Случилось также, что одна изъ нихъ впала въ каталепсію отъ собачьяго лая. Другая воспользовалась отпускомъ, что бы посѣтить одинъ концертъ. Въ продолженіе его она три раза становилась каталептической. Сопровождавшее ее лицо знало простое средство прекращать каталепсію этого рода: стоило только дунуть въ лицо, что бы тотчасъ же дать больной возможность снова слушать музыку ⁴⁾).

Подобно летаргіи и каталепсіи можетъ врасплохъ застигнуть и сомнамбулизмъ.

„У Г..., кассира одной изъ газовыхъ компаній, очень воспріимчиваго субъекта, д-ръ Бремо (сообщаетъ Бериллионъ Жиль де ла

¹⁾ La Nevrose hypnotique, Genève, 1881, pp. 156—157.

²⁾ Выше, стр. 16. 31. 148. 182.

³⁾ р. 778.

⁴⁾ р. 529.

Туретту) ¹⁾ для вящаго убѣжденія своихъ слушателей сталъ усердно вызывать всѣ періоды гипнотизма и свойственныя каждому изъ нихъ контрактуры.

Въ состояніи сомнамбулизма онъ дѣлалъ ему множество всякихъ внушеній. Такъ, онъ ему внушилъ, что тотъ сдѣлался женщиной и кормить своего ребенка. Затѣмъ ему внушилъ захватить деньги изъ кассы общества. Субъектъ, человѣкъ безупречной честности, не колебался, къ большому изумленію своихъ многочисленныхъ друзей, подчиниться приказанію экспериментатора.

Когда его пробудили послѣ ряда произведенныхъ надъ нимъ опытовъ, онъ объявилъ, что не помнитъ ничего, и возвращаясь домой не жаловался ни на что кромѣ нѣкоторой мускульной усталости и легкой головной боли.

Нѣсколько дней спустя мать Г..., не зная ничего изъ происшедшаго, сообщила д-ру Бериллиону, что въ ночь послѣ опытовъ она была очень удивлена, услышавъ непривычный шумъ въ комнатѣ сына. Когда она встала и вошла въ комнату, она съ изумленіемъ присутствовала при одной изъ самыхъ необычайныхъ сценъ.

Она видѣла, какъ ея сынъ въ припадкѣ настоящаго сомнамбулизма, дѣлаетъ видъ, будто кормитъ ребенка, затѣмъ шаритъ въ ящикѣ и оттуда беретъ воображаемыя суммы. Однимъ словомъ, она присутствовала при точномъ воспроизведеніи всѣхъ тѣхъ сценъ, которыя наканунѣ вечеромъ вызывалъ у ея сына д-ръ Бремо. Эти сцены повторялись ночью нѣсколько разъ; наконецъ Г... легъ и заснулъ. Пробудившись утромъ, онъ чувствовалъ усталость, но не помнилъ ничего, что было ночью.

Впослѣдствіи нѣсколько разъ у него появлялись подобные припадки невольнаго сомнамбулизма²⁾.

Заявляетъ о своей реальности болѣзненными обнаруженіями и гипнотическое „очарованіе“.

„Въ Туринѣ (пишетъ Жиль де ла Туретту Ламборозо) ²⁾, одинъ артиллерійскій офицеръ чуть не сошелъ съ ума послѣ одного представленія, на которомъ онъ былъ загипнотизованъ Донато. Ежеми-

¹⁾ Hypnotisme, pp. 314—315.

²⁾ Тамъ же, p. 445.

нотно при видѣ всякаго блестящаго предмета съ нимъ случаются припадки невольнаго гипнотизма. Напримѣръ, онъ, словно очарованный, слѣдуетъ за каретнымъ фонаремъ. Однажды вечеромъ, если бы его не удержалъ командиръ его батареи, онъ былъ бы раздавленъ каретой, ѣхавшей ему навстрѣчу съ зажженными фонарями. Эта послѣдняя сцена завершилась жестокимъ припадкомъ истеріи, и злополучный офицеръ долженъ былъ лечь въ постель“.

Изъ этого свидѣтельства видно, что самое предрасположеніе къ гипнотизму иногда удостовѣряетъ себя болѣзненными симптомами. Подобныхъ случаевъ засвидѣтельствованы десятки ¹⁾. Мы приведемъ еще одинъ, сообщенный Жилль де ла Туретту подъ условіемъ не „опубликовывать во всѣхъ подробностяхъ“.

„Молодая жена одного извѣстнаго офицера нѣсколько разъ позволяла себя гипнотизовать одному врачу, дававшему домашнія представленія въ одномъ модномъ кругу. Подобно артиллерійскому офицеру, она не могла сѣсть ни передъ какимъ источникомъ свѣта, что-бы тотчасъ же не заснуть при одномъ видѣ пламени. За сеансами гипнотизма, которыми забавлялись она и ея семья, слѣдовали жестокіе истерическіе припадки, повторявшіеся въ началѣ два или три раза въ день“ ²⁾.

Дальнѣйшія доказательства своей реальности гипнотическія явленія получаютъ изъ примѣненія гипнотизма къ терапіи, изъ судебной практики, изъ анализа нѣкоторыхъ такъ называемыхъ чудесныхъ явленій, подлинность которыхъ безусловно удостовѣрена, но которыя не могутъ быть истолкованы иначе, какъ на почвѣ гипнотизма. Со всѣмъ этимъ мы познакомимся въ слѣдующихъ отдѣлахъ. Здѣсь ограничимся напоминаніемъ о хирургическихъ операціяхъ, совершенныхъ при помощи гипнотизма, о которыхъ мы уже говорили ³⁾. Эти операціи служатъ однимъ изъ лучшихъ доказательствъ, что гипнотизмъ не призракъ.

Гипнотизмъ у животныхъ ⁴⁾. Наконецъ, нельзя оставить безъ вниманія и того, что гипнотическія явленія наблюдаются и у животныхъ.

¹⁾ Тамъ же, pp. 106—111. 443—450. 572—575. Cullere, *Thérapeutique suggestive*, pp. 52—61.

²⁾ Тамъ же, p. 448.

³⁾ Выше, стр. 169.

⁴⁾ Подробности по ранней исторіи вопроса въ статьѣ Мэбиуса, *Schmidt's Jahrbücher etc.*, В. СХС, 1, pp. 73—93.

Всѣмъ извѣстна способность змѣй и другихъ хищниковъ очаровывать взглядомъ свою добычу. Не менѣе извѣстно и искусство индійскихъ фокусниковъ очаровывать змѣй, по своимъ приѣмамъ (фиксация взгляда, монотонная музыка и пѣніе и пр.) точно соответствующее приѣмамъ гипнотизеровъ ¹⁾, Вызванная катаlepsія у животныхъ была замѣчена еще въ XVII в. Кирхеромъ ²⁾, затѣмъ снова поставлена на видъ въ началѣ семидесятыхъ годовъ Чермаркомъ ³⁾ и далѣе Ш. Рише ⁴⁾ и Бэрдомъ (изъ Бостона) ⁵⁾ въ настоящее время, не смотря на возраженія Прейера, признающаго впрочемъ гипнотизмъ у животныхъ ⁶⁾, противъ Чермарка, послѣ опытовъ Данилевскаго ⁷⁾ можетъ считаться вмѣстѣ съ гипнотической анестесіей вполне доказанной. При замѣнутости внутренняго міра животныхъ невозможно у нихъ проводить сколько нибудь рѣзкую грань между различными гипнотическими состояніями. Мы не знаемъ, существуетъ-ли у нихъ сомнамбулизмъ. Но возможность летаргіи, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ изъ нихъ, доказывается ихъ зимней спячкой, которая, какъ мы увидимъ ⁸⁾, можетъ быть съ полнымъ правомъ приравнена человѣческой летаргіи. На это указалъ уже Брэдъ ⁹⁾, затѣмъ Льебо ¹⁰⁾ и наконецъ Форель ¹¹⁾.

XXVІІІ. Гипнотизмъ и терапія. Гипнотизмъ приковываетъ къ себѣ

¹⁾ Описаніе у Brehm, Thierleben, Die Kriechthiere etc., pp. 420 - 421, 2 Aufl., Leipz., 1883. Въ оцѣнку взглядовъ Брема на этотъ вопросъ и на вопросъ о способности змѣй очаровывать (тамъ же, pp. 282—283) входитъ не стоитъ.

²⁾ Ars magna lucis et umbrae, Romae, 1646, Lib. II, p. 154. (Приведенный здѣсь опытъ съ пѣтухомъ подтверждается наблюденіями у Азама, L'Hypnotisme etc., p. 53).

³⁾ Nachweis echter „hypnotischer“ Erscheinungen bei Thieren, Sitzungsberichte der Kais. Akad. d. Wissensch., mathem. naturwiss. Klasse, Wien, 1872, pp. 364—381. Beobachtungen und Versuche über „hypnotische“ Zustände bei Thieren, Pflüger's Archiv f. die ges. Physiologie, B. VII, 1873, pp. 107—121.

⁴⁾ L'Homme et l'Intelligence, pp. 205—211.

⁵⁾ Trance and trance-like states in the lower animals, Journal of comparative medicine and surgery, April 1881.

⁶⁾ Ueber eine Wirkung der Angst bei Thieren, Centralblatt für die medicinisch. Wissenschaften, 15 März 1873. Die Kataplexie und der thierische Hypnotismus, Jena, 1878. Der Hypnotismus, Wien, 1890.

⁷⁾ Compte rendu du Congrès International de psychologie physiologique de Paris, séance du 9 août 1889, p. 79, Paris, 1890.

⁸⁾ Observations on Trance or Human Hybernation, Lond. 1850, pp. 43—93 Preyer.

⁹⁾ См. отдѣлъ XXXII.

¹⁰⁾ Thérapeutique suggestive, pp. 132—138.

¹¹⁾ Der Hypnotismus, pp. 159—161.

всеобщее вниманіе не одной только теоретической стороною, но прежде всего—практической и при томъ главнымъ образомъ—примѣненіемъ къ врачеванію. Основатели всѣхъ вообще гипнотическихъ школъ начали свои занятія гипнотизмомъ преимущественно изъ желанія воспользоваться имъ для врачебныхъ цѣлей. Въ настоящее время, за исключеніемъ лишь гипнотизеровъ-фокусниковъ, дающихъ публичныя гипнотическія представленія, впрочемъ запрещенныя почти во всѣхъ странахъ, всѣ вообще гипнотизеры—врачи. Лѣчение при помощи гипнотизма и внушенія—такъ называемыя *гипнотерапія* и *психотерапія* дѣлають съ каждымъ годомъ все большіе успѣхи. Въ Западной Европѣ во многихъ значительныхъ центрахъ существуютъ гипнотерапевтическія и психотерапевтическія клиники.

Особенно много занимаются такой терапіей послѣдователи школы Нанси. На взглядъ этой школы, лѣчение гипнотизмомъ полезно при всѣхъ болѣзняхъ; если внушеніемъ и нельзя устранить органическихъ поврежденій, то во всякомъ случаѣ можно уменьшить страданія, сдѣлавъ больного выносливѣе и бодрѣе. При функціональных же расстройствахъ внушеніе приноситъ дѣйствительное исцѣленіе, восстанавливая нарушенныя функціи. Такого же взгляда держатся и нѣкоторые изъ послѣдователей Шарко.

„Можно признать за принципъ (говорять Фонтанъ и Сегарь), что всякій разъ, когда субъектъ усыпленъ, (терапевтическое) внушеніе произведетъ у него полезныя дѣйствія. Оно не всегда излѣчиваетъ и даже не постоянно устраняетъ полнымъ и окончательнымъ образомъ страданія, болѣзненные рефлексъ и т. п., на которые жалуется больной, но оно даже въ самыхъ непокорныхъ случаяхъ успокоиваетъ страданія по крайней мѣрѣ временно, при томъ болѣе вѣрно, чѣмъ морфіи или бромистый калий“ ¹⁾).

Основываясь на этомъ взглядѣ, Льебо, Бернгеймъ, Ллойдъ-Тьюккей, Молль, Ванъ Эйденъ, Ванъ Реттергемъ, Веттерстрандъ (школы Нанси), Люисъ, Бериллионъ, Фонтанъ и Сегарь и пр. (школы Шарко) гипнотизируютъ всѣхъ вообще больныхъ, которые на это согласны, приказывая одному—не страдать, другому ѣсть съ аппетитомъ, третьему—прекратить поносъ или запоръ и пр., и достигаютъ, по ихъ отчетамъ, блестящихъ результатовъ ²⁾).

¹⁾ Fontan et Segard, *Éléments de médecine suggestive*, Paris, 1887, p. 11.

²⁾ Pitres, *Leçons cliniques*, II, p. 397.

По даннымъ, опубликованнымъ Бернгеймомъ въ третьемъ изданіи *De la Suggestion et de ses applications à la thérapeutique* (1891), изъ 105 случаевъ пользованія внушеніемъ остались безъ результата только 2; въ 10 случаяхъ наблюдалось улучшение, иногда „почти выздоровленіе“; въ остальныхъ 93 случаяхъ — полное выздоровленіе. Въ *Hypnotisme, Suggestion, Psychothérapie* того же автора приведено 170 наблюденій, изъ нихъ 131 исцѣленій и 39 улучшеній.

По статистикѣ Ванъ Реттергема и Ванъ Ейдена, изъ 414 пользовавшихся гипнотерапіей выздоровѣли 100, получили облегченіе 190 и остались въ томъ же положеніи 71, въ 52 случаяхъ результатъ неизвѣстенъ.

Такіе же благопріятные результаты достигнуты Веттерстрандомъ: изъ 699 больныхъ большая часть выздоровѣли или получили облегченіе.

У Люиса за 1890 г. изъ 128 больныхъ выздоровѣли 67, получили облегченіе 51, остались безъ измѣненія 10.

Берилліонъ вылѣчилъ въ своей клиникѣ нервныхъ болѣзней въ теченіе полутора года 360 больныхъ.

Ллойдъ Тьюккей довелъ до свѣдѣнія Британскаго общества врачей, что до 1890 г. онъ при помощи внушенія достигъ 500 благопріятныхъ результатовъ ¹⁾.

Болѣе сдержанно, чѣмъ школа Нанси и примыкающіе въ этомъ случаѣ къ ней Люисъ, Берилліонъ, Фонтанъ и Сегаръ, относятся къ гипнотерапіи ближайшіе ученики Шарко.

По Питру, „случаи, въ которыхъ можно успѣшно дѣйствовать внушеніемъ, сравнительно немногочисленны.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить истерическіе симптомы, какъ перемежающіеся, напр. припадки конвульсій или бреда, такъ и постоянные, напр. параличи, контрактуры, болѣзненные спазмы, тикъ, афонію и нѣмоту, помѣшательство. Затѣмъ слѣдуетъ указать на нѣкоторыя привычки и функціональныя разстройства, наблюдаемыя особенно часто у невропатовъ, которыя, вслѣдствіе частыхъ повтореній, становятся настоящими потребностями, напримѣръ, морфино-

¹⁾ Pitres, ук. м. Cullere, *La Thérapeutique suggestive*, pp. 42—43.

манія, алкоголизмъ, онанизмъ, извращеніе полового влеченія, недержаніе мочи, бессонницы.

Сверхъ того удостовѣрено нѣсколько примѣровъ возстановленія менструаціи и прекращенія маточныхъ кровотеченій, достигнутыхъ внушеніемъ.

Наконецъ, такимъ способомъ можно уменьшить или вовсе прекратить нѣкоторыя сосудодвигательныя или выдѣлительныя разстройства невропатическаго происхожденія.

Внѣ этихъ случаевъ, лѣченіе внушеніемъ не можетъ разсчитывать на успѣхъ. Больные, страдающіе настоящимъ (неистерическимъ) помѣшательствомъ, неврастеническими наводненіями, идіопатической эпилепсіей, не получаютъ обыкновенно никакой пользы, точно такъ же какъ и страдающіе органическимъ поврежденіемъ нервныхъ центровъ¹⁾.

„Сверхъ того, при оцѣнкѣ успѣховъ, приписываемыхъ лѣченію внушеніемъ, необходимо принять во вниманіе истерическіе симптомы, принимающіе видъ органическихъ болѣзней и способные при діагностикѣ ввести въ заблужденіе, котораго подѣ часъ трудно избѣжать“²⁾.

„Говоря вообще, законно прибѣгать къ пользованію внушеніемъ 1) въ случаяхъ явно выраженной истеріи, какъ сопровождаемой, такъ и несопровождаемой постоянными симптомами, неподдающимися пріемамъ обыкновенной терапии, 2) въ случаяхъ не вполне опредѣленныхъ невропатическихъ припадковъ, происходящихъ вѣроятно отъ неполной истеріи, хотя бы и было трудно установить безусловно достовѣрнымъ способомъ діагнозъ ихъ истинной природы“³⁾.

Но и эти правила Питръ суживаетъ слѣдующими ограниченіями, которыя поясняетъ примѣрами изъ личной практики:

1. Не всѣ больные, даже истеричные, воспримчивы къ гипнотизму: изъ истеричныхъ мужчинъ могутъ быть загипнотизованы только одинъ изъ пяти, изъ истерическихъ женщинъ—только двѣ трети.

2. Въ извѣстномъ числѣ случаевъ больные воспримчивы къ гипнотизму, но не воспримчивы къ внушеніямъ. Ихъ легко усыпля-

¹⁾ Leçons cliniques, II, pp. 400—411.

²⁾ p. 401.

³⁾ p. 402.

ютъ, но не смотря на то, что имъ со всей авторитетностью приказываютъ выздоровѣть, они по пробужденіи оказываются въ томъ же состояніи, какъ и до усыпленія.

3. У нѣкоторыхъ больныхъ, воспріимчивыхъ къ гипнотизму и внушеніямъ, внушенія вызываютъ немедленное исчезновеніе припадковъ; но по прошествіи нѣсколькихъ часовъ или дней припадки возвращаются съ прежними признаками, а иногда и болѣе упорными, чѣмъ прежде.

4. Иногда случается, что припадокъ, устраненный внушеніемъ, смѣняется другимъ, еще болѣе непріятнымъ, такъ что больные обращаются къ врачу съ просьбой возвратитъ имъ прежній недугъ ¹⁾.

„Внушеніе (говоритъ въ заключеніе Питръ) считаетъ въ своемъ активѣ несомнѣнные успѣхи; поэтому имъ слѣдуетъ пользоваться при случаѣ. Но отъ него нельзя требовать больше, чѣмъ сколько оно можетъ дать, и нельзя примѣнять систематически къ лѣченію всѣхъ болѣзней“.

Свое мнѣніе онъ резюмируетъ въ афоризмъ: „Пользуйтесь внушеніемъ, но имъ не злоупотребляйте; оставайтесь врачами и не дѣлайтесь гипнотизерами“ ²⁾.

Въ общемъ такого же мнѣнія держится Кюллеръ, хотя онъ выражается не столь авторитетно, такъ какъ (по его справедливому замѣчанію) „еще не наступилъ часъ сдѣлать выборъ между безчисленными примѣненіями внушенія; задачу эту исполнять время и опытъ“ ³⁾.

Кругъ болѣзней, доступныхъ исцѣленію внушеніемъ, Кюллеръ замыкаетъ менѣе строго, чѣмъ Питръ.

За правило онъ предлагаетъ принять слѣдующіе афоризмы Токарскаго, которые, по его мнѣнію, „сама мудрость“.

„Употребленіе гипнотизма не исключаетъ употребленія другихъ средствъ. Не желательно имѣть особый классъ врачей гипнотизеровъ. Примѣненіе гипнотизма доступно всѣмъ врачамъ. Не слѣдуетъ настаивать на примѣненіи гипнотизма въ случаяхъ, гдѣ могутъ быть употреблены другія средства. Но врачъ, отказывающійся пользоваться

¹⁾ pp. 403—414.

²⁾ p. 415.

³⁾ La Thérapeutique suggestive, p. 51.

гипнотизмомъ долженъ оправдать свой отказъ серьезными соображеніями“ ¹⁾).

Хотя Кюллеръ въ полной мѣрѣ признаетъ поразительные успѣхи, достигаемые внушеніемъ, тѣмъ не менѣе рѣзко ставитъ на видъ, что врачу, исцѣляющему внушеніемъ, далеко до чудотворца.

„Подобно Иисусу, внушеніе говоритъ слѣпому: Прозри! и парализованному: Встань и ходи!, но оно не имѣетъ притязанія дѣлать чудеса и среди слѣпыхъ и парализованныхъ старательно выбираетъ тѣхъ, къ кому обращаться, хорошо зная, что не можетъ ихъ исцѣлить всѣхъ.

Быть можетъ, это не всегда понимаютъ тѣ, которые набрасываются на изученіе гипнотическихъ наукъ и, за недостаткомъ необходимыхъ фізіологическихъ свѣдѣній, приносятъ съ собою рвеніе и вѣру новообращенныхъ. Вѣра, необходимая для того, кто получаетъ внушеніе, можетъ быть роковой для того, кто его даетъ. Если гипнотизеръ не обладаетъ полной свободой духа, которую можетъ дать только одно научное сомнѣніе, то онъ не будетъ въ состояніи оцѣнить какъ слѣдуетъ дѣйствительныхъ результатовъ, уже достигнутыхъ внушеніемъ при пользованіи нервныхъ болѣзней, и попадетъ въ западню къ некомпетентнымъ энтузіастамъ, которые объявляютъ, что въ ихъ рукахъ внушеніе неотразимо, и, не колеблясь, сравниваютъ себя съ самыми знаменитыми чудотворцами только потому, что имъ удалось устранить головную боль или же истерическія спазмы“ ²⁾).

Эти разсудительныя слова Кюллера служатъ отголоскомъ ниже слѣдующаго назиданія, сдѣланнаго Шарко по поводу исцѣленій истерическихъ параличей.

„На мой взглядъ нельзя слишкомъ предостеречь врача отъ стремленія, которое онъ можетъ имѣть, основываясь на значеніи этихъ фактовъ, взять на себя добровольно, хотя-бы съ наилучшимъ намѣреніемъ, роль чудотворца, даже когда дѣло идетъ о вполне достоверномъ случаѣ психическаго паралича; внушеніе такое орудіе, котораго механизмъ еще не достаточно хорошо извѣстенъ и котораго значеніе внѣ фактовъ гипнотизаціи еще нельзя измѣрить. Неуспѣхъ исцѣленія въ такомъ случаѣ былъ бы очевидно способенъ сильно

¹⁾ p. 73.

²⁾ Préface, pp. VIII—IX.

скомпрометтировать авторитетъ того, кто бы предсказалъ исцѣленіе, и, быть можетъ, сдѣлать его смѣшнымъ. „Never prophesy unless you be sure“ говорятъ англичане. Идти (при психотерапіи) путемъ умственного воспитанія, медленнаго и прогрессивнаго—всегда менѣе рискованно и часто болѣе дѣйствительно“ ¹⁾).

Примѣры гипнотическихъ исцѣленій. Выбирать примѣры исцѣленій изъ современной практики нѣтъ возможности. Случаевъ засвидѣтельствовано такъ много и столь многими авторами, что выборъ становится затруднительнымъ. Къ тому же доказательства изъ современности въ данномъ случаѣ не удобны и по другимъ причинамъ. Однако оставлять безъ фактическихъ объясненій столь важный вопросъ было бы нецѣлесообразнымъ. Поэтому я счелъ за лучшее обратиться къ историческимъ документамъ—выбрать наиболѣе типичные случаи изъ практики „отца гипнотизма“ Брэда и сопоставить ихъ краткими указаніями съ подобными же случаями современной практики. Знакомство съ этими документами тѣмъ менѣе излишне, что не смотря на всемірную извѣстность Брэда, его сочиненія находятъ весьма немногихъ читателей даже среди спеціалистовъ.

Я ограничусь случаями исцѣленія контрактуръ, параличей, слѣпоты, нѣмоты, глухоты, разстройства обонянія, примѣрами дѣйствія на сосудодвигательную и секреторную системы,—предоставляя во всѣхъ этихъ свидѣтельствахъ слово самому Бреду ²⁾).

1. *Исцѣленіе контрактуры руки.* „Весною 1842 года ко мнѣ была привезена одна дѣвица при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Ее внезапно схватили сильныя и чрезвычайно болѣзненные тоническія судороги руки, кулакъ былъ вѣрнѣе сжать, рука согнута. Мужская и женская прислуга гостинницы напрягали всѣ усилія, что бы раскрыть пальцы и разогнуть руку, но не были въ состояніи этого сдѣлать. Одинъ очень почтенный врачъ прописалъ лѣкарство и большую мушку къ затылку; но такъ какъ симптомы ухудшались, позвали меня. Я тотчасъ же понялъ, что имѣю дѣло съ случаемъ истеріи,

¹⁾ Leçons sur les maladies du système nerveux, III, p. 360.

²⁾ Цитаты по Preyer, Der Hypnotismus, Ausgewählte Schriften von Braid, Berl. 1882. Оригинальныя сочиненія Брэда, какъ уже сказано (стр. 3), давно стали библиографической рѣдкостью.

загипнотизовалъ больную и вызвалъ щекотаніемъ кожи надъ разгибающими мышцами дѣйствіе послѣднихъ и этимъ уменьшилъ сокращенія сгибающихъ мускуловъ, такъ что мнѣ въ нѣсколько минутъ удалось раскрыть пальцы и разогнуть руку и слѣдовательно исполнить то, что понапрасну старались сдѣлать сильные люди, не смотря на величайшее напряженіе. Больная послѣ этого выздоровѣла и больше никогда не испытывала такого припадка¹⁾.

2. *Исцѣленіе контрактуры шеи.* „Около мѣсяца спустя, ко мнѣ была привезена шестнадцатилѣтняя очень образованная дѣвушка изъ Ньюэрка въ Нотингемширѣ. Она прибыла въ сопровожденіи доктора Чоунера и своего отца, которые мнѣ сообщили, что голова больной уже полгода пригнута къ лѣвому плечу, къ которому прилегла такъ плотно, что не было возможности просунуть карты между ней и плечомъ. Врачамъ были употреблены понапрасну всѣ средства; судорога продолжалась непрерывно день и ночь даже и тогда, когда сонъ бывалъ вызванъ опиумомъ. Точно также осталась безуспѣшной консультація съ сѣромъ Бенжаменомъ Броди, и когда я увидалъ больную, она находилась въ худшемъ положеніи, чѣмъ прежде. Голова была такъ крѣпко притянута къ плечу, что мнѣ при всѣхъ усиліяхъ было невозможно отогнуть ее хотя немного. Поэтому я загипнотизовалъ больную, попросивъ ее пристально смотрѣть на новый ланцетный футляръ, который я держалъ въ разстояніи отъ десяти до двѣнадцати дюймовъ надъ ея лбомъ. Вѣки очень быстро закрылись при наступленіи дрожанія, которое такъ характеристично для перехода въ гипнотическую стадію. Тогда я поднималъ ея руки и ноги, что бы привести ихъ въ каталепсію и ускорить циркуляцію, и породилъ такимъ образомъ состояніе возбужденія въ чувствилищѣ и спинномъ мозгу. Когда она, спустя нѣсколько минутъ, пришла въ состояніе удобное для воздѣйствія на мускульную систему, я началъ слегка щекотать кожу на правой сторонѣ шеи и такимъ образомъ возбудилъ къ дѣятельности подлежащія мускулы, такъ какъ зналъ, что такимъ способомъ всего скорѣе и легче могутъ быть устранены контрактуры лѣвыхъ шейныхъ и затылочныхъ мускуловъ. Такимъ образомъ мнѣ удалось искусствомъ, а не силою, отогнуть голову отъ лѣваго плеча

¹⁾ Observations on the nature and treatment of certain forms of paralysis, Lond., 1855, pp. 248-249 Preyer.

и склонить ее въ правому плечу. Мнѣ удалось столь же легко дать головѣ измѣненное положеніе, какъ удастся матери склонить съ одной стороны на другую голову сиящаго ребенка. Предоставивъ больную самой себѣ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ съ измѣненнымъ положеніемъ головы, я ее разбудилъ легкимъ ударомъ позади уха, и къ изумленію больной и ея друзей голова приняла совершенно прямое положеніе. Когда я ее посѣтилъ на слѣдующее утро, она читала книгу, держа голову прямо. Но такъ какъ оставался легкій изгибъ позвоночнаго столба, я ее загипнотизовалъ въ стоячемъ положеніи и старался во время сна выпрямить спинной хребетъ манипуляціями. Послѣ того, какъ это мнѣ удалось, я ее разбудилъ, и голова и спинной хребетъ сохранили и впослѣдствіи нормальное положеніе“ ¹⁾.

3. *Исцѣленіе параличей и контрактуръ ногъ.* „11 августа 1853 года д-ръ Джонстонъ прислалъ ко мнѣ 23 лѣтнюю даму изъ Вервича на Твидѣ, страдавшую въ теченіе четырехъ лѣтъ неполнымъ параличемъ лѣвой нижней конечности, которую она влочила позади правой. Не смотря на стараніе д-ра Джонстона и на письменный совѣтъ сэра Бенжамена Броди, болѣзнь все ухудшалась, и профессоръ Саймъ въ Эдинбургѣ, который внимательно изслѣдовалъ позвоночный хребетъ и нашелъ его здоровымъ, могъ лишь посовѣтовать улучшеніе общаго положенія и частое пользованіе свѣжимъ воздухомъ... Больная посѣтила меня въ сопровожденіи своей матери. Она была высокая, красивая и образованная молодая дама, хорошо сложенная, и производила, когда сидѣла, впечатлѣніе юности и свѣжести. Но, когда она пыталась ходить, бросался въ глаза параличъ лѣвой ноги, которую она дотаскивала лишь до пятки другой ноги, при чемъ ступня была выворочена. Мнѣ было не трудно узнать природу болѣзни, такъ что я тотчасъ же могъ дать матери и дочери увѣреніе, что съ этимъ случаемъ скоро справлюсь. Мать, повидимому, была очень довольна, но тонъ, которымъ она это сказала, показалъ, что она не столь сангвинична, какъ я. Посадивъ больную въ удобное кресло, я ее загипнотизовалъ, выпрямилъ члены и пытался своими манипуляціями вызвать измѣненіе въ состояніи мускуловъ. Послѣ того, какъ я ее разбудилъ черезъ десять минутъ, она была въ со-

¹⁾ pp. 249—250.

стояніи пройти по комнатѣ, приподняла при этомъ лѣвую ногу и поставила ее какъ слѣдуетъ впереди другой, чего она не была въ состояніи дѣлать цѣлые четыре мѣсяца. Хотя она нѣсколько еще хромала, однако и она и мать были сильно поражены улучшеніемъ и легкостью, съ которой оно было произведено. Повтореніе гипнотизованія на другое утро сдѣлало улучшение еще очевиднѣе, и послѣ слѣдующаго повторенія вечеромъ того же дня, она была въ состояніи безъ всякаго затрудненія ходить по комнатѣ. Послѣ четвертаго гипнотизованія на слѣдующее утро больная стала ходить съ граціей королевы и подвижностью сильфиды, поѣхала непосредственно послѣ этого въ городъ и посѣтила нѣсколько магазиновъ на различныхъ улицахъ, какъ будто у нея никогда не было паралича. Такъ какъ мускулы на другой нижней конечности точно также были нѣсколько поражены, то я пользовалъ даму еще мѣсяцъ, что-бы упрочить результаты лѣченія, послѣ чего она возвратилась домой сильной и крѣпкой и въ теченіе года была совершенно здорова.

Лѣтомъ 1854 года она настолько окрѣпла, что была въ состояніи взбираться на Шотландскія горы также храбро, какъ ея подруги, но въ теченіи осени ея силы истощились вслѣдствіе частыхъ выѣздовъ и заботъ, такъ что въ концѣ сентября снова обнаружился параличъ. Такъ какъ онъ не прекращался въ теченіе трехъ недѣль, то больную снова привезли ко мнѣ, при чемъ ея мать выразила опасеніе, что гипнотизованіе поможетъ не такъ скоро, какъ прежде, такъ какъ общее состояніе было менѣе благопріятно. Онѣ прибыли въ Манчестеръ въ 8 часовъ вечера и послѣ того какъ нѣсколько отдохнули, я сказалъ имъ, что больная получить способность ходить прежде чѣмъ ляжетъ спать. Мать больной не повѣрила, но я загипнотизовалъ послѣднюю и поступилъ при этомъ такъ же, какъ въ первый разъ, такъ что по истеченіи четверти часа параличъ совершенно исчезъ и больная была въ состояніи ходить по комнатѣ безъ всякаго затрудненія. По вторичномъ загипнотизованіи на слѣдующее утро больная чувствовала себя такой же крѣпкой какъ прежде; точно также было устранено ухудшеніе общаго состоянія, внушавшаго матери такое большое опасеніе, и параличъ съ тѣхъ поръ не возвращался.

Подобный же случай былъ въ моей практикѣ 5 мая 1854 года. Девятнадцатилѣтняя паціентка въ теченіи двухъ лѣтъ была лишена возможности ходить иначе какъ на пяткахъ съ вывороченными ступ-

нями и пальцами. Такъ какъ она жила въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, то могла совѣтоваться съ самыми выдающимися врачами въ Лондонѣ, и не смотря на это оставались тщетными всѣ старанія улучшить ея положеніе. Когда она была привезена ко мнѣ, въ сопровожденіи своихъ родителей и ихъ домашняго врача, сэра Никольсона, я нашелъ гастрокнеміи на обѣихъ ногахъ не только парализованными, но совершенно атрофированными, такъ что икры были совсѣмъ безъ мяса, между тѣмъ какъ, вслѣдствіе сокращенія *tibialis anticus* и остальныхъ мускуловъ передней стороны голени, ступни и пальцы были выворочены, такъ что при попыткахъ ходить касались земли только концы пятокъ. Я сказалъ сэру Никольсону, весьма интеллигентному человѣку и преподавателю въ Медицинской школѣ въ Ньюкэстлѣ, что все дѣло въ томъ, что бы на обѣихъ сторонахъ привести въ дѣйствіе гастрокнеміи и понизить усиленную дѣятельность ихъ антагонистовъ. Онъ возразилъ: „Это безъ сомнѣнія улучшило бы положеніе, но какъ этого достигнуть?“. Я отвѣтилъ: „Вотъ вы сейчасъ увидите“. Послѣ того какъ я загипнотизовалъ больную и выпрямилъ ея члены, я предоставилъ ее на короткое время самой себѣ, пока мускульная система получила надлежащую способность къ раздраженію, и затѣмъ сталъ щекотать кожу надъ гастрокнеміями, поворачивая въ тоже время ступню, чтобы такимъ образомъ оставаться вѣрнымъ обоимъ даннымъ мною указаніямъ. Когда я десять минутъ спустя разбудилъ больную, она облокотилась на мою руку и была въ первый разъ послѣ двухъ лѣтъ въ состояніи, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, опираться ступнями о полъ. На слѣдующій день улучшеніе сдѣлало успѣхи и на третій день гастрокнеміи получили уже такую силу, что сэръ Никольсонъ, хотя и былъ сильный человѣкъ, не былъ въ состояніи во время гипноза вывернуть ногу. Спустя шесть дней больная могла пройти по улицѣ четверть мили, еще черезъ нѣсколько дней треть мили, а по истеченіи около восемнадцати дней она была въ состояніи вовсе покинуть Манчестеръ и съ тѣхъ поръ оставалась здоровой“ ¹⁾).

Возможность быстрого устраненія истерическихъ контрактуръ и параличей, какъ при помощи гипнотизма, такъ и безъ него, въ на-

¹⁾ pp. 250—253.

стоящее время такой общеизвѣстный фактъ, что частныя сопоставленія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ были бы излишни. вмѣсто ссылокъ на томы и страницы достаточно отослать ко всѣмъ вообще уже извѣстнымъ намъ работамъ Шарко и его школы по истеріи ¹⁾. Какъ на общедоступное освѣщеніе изъ медицины и исторіи случаевъ въ родѣ только что приведенныхъ нельзя не указать на главу *Miracles de St. Médard* въ (упомянутой уже) книгѣ Реньяра, *La Sorcellerie etc.*, pp. 101—200 ²⁾.

Заслуживаетъ вниманія, что Брэдъ въ объясненіи и способѣ исцѣленія психическихъ контрактуръ и параличей стоитъ на одной почвѣ съ школой Шарко.

„Лицамъ, не знакомымъ съ гипнотическимъ лѣченіемъ, эти исцѣленія (говоритъ онъ) могутъ показаться чудесными, и однако же они, съ моей точки зрѣнія на подобныя страданія, могутъ быть объяснены естественнымъ образомъ. Если больной находится во власти опредѣленныхъ идей, подъ вліяніемъ которыхъ невольно сокращаются извѣстные мускулы, то послѣдніе понемногу становятся оцѣпенѣлыми. Сила воли паціентовъ въ этихъ случаяхъ бываетъ неспособна преодолѣть болѣзненное состояніе, и при употребленіи механической силы болѣзнь вслѣдствіе раздраженія мускуловъ усиливается еще болѣе; напротивъ, въ состояніи гипноза можно безъ труда уничтожить контрактуры... Если возбудить антагонисты сокращенныхъ мускуловъ щекотаніемъ кожи, то контрактура послѣднихъ исчезаетъ. Такимъ образомъ нервный сонъ самъ собою не производитъ исцѣленія, но лишь позволяетъ, пока продолжается, подавить неотвязныя идеи, невольно дѣйствующія на данный мускулъ, а затѣмъ и вовсе устранить эти идеи“ ³⁾.

Устраненіе контрактуръ легкимъ раздраженіемъ кожи и дѣйствіемъ на мускулы антагонисты намъ хорошо извѣстно изъ замѣтки Шарко и анализа книги П. Рише ⁴⁾. Мы знаемъ также, что Психологическая школа не признаетъ возможности въ гипнотизмѣ дѣйствовать на мускульную систему иначе, какъ внушеніемъ ⁵⁾. Истерическія контра-

¹⁾ Выше, стр. 7. 10—11. 22—25 и пр.

²⁾ Выше, стр. 10. 23.

³⁾ *Hypnotic therapeutics*, *Monthly Journal of Medical Science*, July 1853, p. 203 Preyer.

⁴⁾ Выше, стр. 17. 47 и пр.

⁵⁾ Выше, стр. 69—72.

ктуры и параличи она устраняетъ исключительно внушеніемъ. Примеры такого дѣйствія внушенія приведены у *Бернгейма* въ *De la Suggestion*, Obs. I, II, III, VII, VIII, IX, X, XIII, XVII, XXI, XXIV, LVI, *L'Hypnotisme*, Obs. (X), XI, XII, XXIV, XXIX, XXXVI, *Веттерстранда*, *Der Hypnotismus*, Obs 32—34, *Питра*, *Leçons cliniques* I, pp. 401—402. 415—416. 440, *Люиса*, *Leçons cliniques*, pp. 246—247, *Фонтана*, *Premier Congrès International de l'Hypnotisme*, pp. 114—116, *Кюллера*, *La Thérapeutique suggestive*, pp. 93—101. Примеры лѣченія такимъ же способомъ тѣхъ же симптомовъ въ собственной клиникѣ Шарко у *Шарко*, *Leçons sur les maladies du système nerveux*, III, pp. 353—369 ¹⁾.

4. *Испыленіе слѣпоты*. „19 іюня 1854 г. обратилась ко мнѣ за совѣтомъ миссъ R. За годъ передъ этимъ она страдала воспаленіемъ глазъ, заставившимъ ее въ теченіи мѣсяца оставаться въ комнатѣ. Впослѣдствіи она получила поврежденіе лѣвой стороны головы вслѣдствіе паденія на нее бревна; спустя дня два послѣ этого обнаружились сильныя боли въ соответствующемъ мѣстѣ, и она вдругъ ослѣпла на лѣвый глазъ при расширеніи зрачка. Благодаря врачебной помощи въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, зрѣніе отчасти возстановилось. Въ началѣ января 1854 года она вдругъ во время чтенія ослѣпла на другой глазъ точно также при расширеніи зрачка. Спустя немного дней, она нагнулась у камина и, вставая, ударилась о карнизъ камина тѣмъ же мѣстомъ головы, которое было раньше повреждено, послѣ чего лѣвый глазъ вновь ослѣпъ, такъ что она потеряла зрѣніе на оба глаза. Тогда она была отправлена своимъ домашнимъ врачомъ къ знаменитому главному врачу сэру Уильду въ Дублинѣ, вслѣдствіе помощи котораго ея состояніе на столько улучшилось, что зрачекъ снова началъ реагировать, и она могла различать большіе предметы, но не была способна ни читать, ни писать. Она возвратилась домой; но такъ какъ улучшение не дѣлало успѣховъ, то просили меня испытать на ней дѣйствіе гипнотизма. При изслѣдованіи глаза я не могъ открыть физичес-

¹⁾ При сопоставленіяхъ я, по самой ихъ цѣли, ограничиваюсь ссылками лишь на общедоступныя книги, оставляя въ сторонѣ замѣтки, разбросанныя въ спеціальныхъ журналахъ. Впрочемъ, въ этихъ книгахъ приведены всѣ выдающіеся случаи, опубликованные журналами. Литература у *Pitres*, *Leçons cliniques*, II, pp. 397—402.

кой причины расстройства зрѣнія, и кромѣ того не было болѣе ни въ глазу, ни въ головѣ. Глаза высматривали на подобіе того, какъ бываетъ при начинающейся темной водѣ, только зрачки не были расширены такъ сильно. Такъ какъ я думалъ, что слѣдуетъ искать причины уменьшенія зрительной способности въ пониженной чувствительности ретины, то я надѣялся на быстрый успѣхъ отъ гипнотическаго лѣченія. Но что бы имѣть возможность судить объ его дѣйстви, я положилъ передъ ея глазами страницу самой крупной печати, какая у меня была, и оказалось что она не была въ состояніи читать печать, которой буквы длиной доходили до четверти дюйма. Загипнотизовавъ больную, я старался направить дѣятельность нервной системы на глаза приведеніемъ въ движеніе воздуха надъ ними и легкимъ къ нимъ прикосновеніемъ и въ то же время этимъ обратить вниманіе больной на глаза. Когда я ее разбудилъ по истеченіи десяти минутъ и показалъ ей ту же самую печать, то она тотчасъ же съ изумленіемъ и величайшей радостью воскликнула: „Я вижу слово торговля“, и въ то же время указала на него. Я увѣрилъ ее, что она скоро будетъ видѣть еще лучше, и послѣ короткой паузы она вскрикнула: „Я вижу „касающійся торговли“; потомъ „Я вижу „лексиконъ“, и вскорѣ за тѣмъ „Я вижу „Макъ Эйлохъ“ (имя автора). Хотя она и не была въ состояніи тотчасъ же видѣть болѣе, но по прошествіи нѣсколькихъ минутъ могла прочесть „Лондонъ, Лонгменъ Гринъ и Лонгменсъ“. Таковъ былъ результатъ перваго сеанса. На слѣдующій день послѣ второго сеанса она могла по пробужденіи прочесть весь заглавный листъ брошюры, а еще пять минутъ спустя, двѣ строки текста. Послѣ второго сеанса въ тотъ же день она по пробужденіи читала мелкую печать „Приложенія“, и могла въ тотъ же вечеръ въ первый разъ по прошествіи года написать домой письмо, въ которомъ говорила о своихъ успѣхахъ. Послѣ того какъ она была загипнотизована еще два раза, она была въ состояніи читать мельчайшую газетную печать. Она оставила меня совершенно оправившейся и съ тѣхъ поръ оставалась здоровой.

Когда всѣ эти паціентки пользовались моимъ лѣченіемъ, онѣ не употребляли никакихъ внутреннихъ и внѣшнихъ медицинскихъ средствъ, и при той скорости, съ какой совершилось ихъ выздоровленіе, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что оно вызвано исключительно гипнотизмомъ.

Одинъ выдающійся врачъ, пользовавшій отъ двухсотъ до трехсотъ подобныхъ (только что приведенному) случаевъ, меня удостовѣрилъ, что онъ не знаетъ никакого вѣрнаго средства отъ такой болѣзни, хотя стремленіе природы къ исцѣленію обыкновенно производитъ его въ теченіи двухъ или трехъ лѣтъ“ ¹⁾.

Аналогичные случаи у *Бернейма*, De la Suggestion, Obs. XI, XIV, XXI, XXIII, XXV, Hypnotisme, Obs. XIX, *Веттерстранда*, Der Hypnotismus, Obs. 63, *Кюллера*, La Thérapie suggestive, pp. 177—178. Еще болѣе интересно сопоставленіе съ „чудеснымъ“ исцѣленіемъ у *Реньяра*, Sorcellerie, pp. 118—120.

5. *Исцѣленіе глухоты и нѣмоты*. „Точно также (продолжаетъ Брэдъ) гипнотизмъ бываетъ весьма успѣшенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ нервной глухоты.

Меня просили лѣчить глухую отъ рожденія девятилѣтнюю дѣвочку. До этого времени, на сколько было извѣстно, она не слышала ни одного звука даже въ томъ случаѣ, если стояли возлѣ нея и кричали изъ всѣхъ силъ. Я загипнотизовалъ эту дѣвочку и направилъ ея вниманіе на ея уши. Послѣ этого ея слухъ въ короткое время сталъ настолько острымъ, что она легко могла слышать слова, произносимыя умѣреннымъ голосомъ, и даже могла послѣ повторительныхъ попытокъ имъ подражать, хотя и не видала движенія губъ говорящаго. Въ короткое время успѣхи были такіе, что ее отправили въ школу, учиться по обыкновенному способу чтенію и письму, въ чемъ она тоже сдѣлала хорошіе успѣхи. По выходѣ изъ школы она долго служила посыльной, получала приказанія и давала отвѣты обыкновеннымъ способомъ, исключительно посредствомъ языка. Удивительно то, что она не могла слышать нѣкоторыхъ звуковъ, напримѣръ, высокихъ нотъ рояля, хотя слышала все, что лежало въ предѣлахъ ея голоса, такъ что была въ состояніи правильно подражать пѣнію. Точно также она не могла слышать самыхъ низкихъ нотъ инструмента; напротивъ, между тѣмъ какъ она не могла слышать звука рѣзкаго колокольчика, она хорошо слышала глухой звукъ колокола, точно такъ же какъ стукъ въ дверь или легкій ударъ по столу.

¹⁾ Observations on the nature and treatment of certain forms of paralysis, pp. 254—255.

Слѣдующій фактъ, касающійся глухонѣмого мальчика, интересенъ во многихъ отношеніяхъ.

Я демонстрировалъ мальчика на публичномъ чтеніи въ Лондонѣ послѣ того какъ въ своемъ лѣченіи дошелъ до момента, который считалъ для дѣла важнымъ. Аудиторія пожелала, что бы больной былъ освидѣтельствованъ присутствующимъ врачомъ, который считалъ себя въ этомъ компетентнымъ. Онъ изслѣдовалъ и объявилъ, что мальчикъ вообще не можетъ слышать. Между тѣмъ я доказалъ, что онъ обладалъ въ ограниченномъ объемѣ слухомъ, такъ какъ былъ въ состояніи меня слышать, если я особенно громкимъ голосомъ говорилъ ему на разстояніи отъ его ушей отъ 6 до 8 дюймовъ, при чемъ онъ дѣлалъ усилія подражать нѣсколькимъ словамъ, хотя при этомъ не могъ видѣть движенія моихъ губъ.

Я продолжалъ гипнотизовать этого больного ежедневно и упражнять его въ томъ, что бы онъ, не видя моихъ губъ, подражалъ произносимымъ словамъ. Въ результатъ было то, что мальчикъ, когда я его представилъ нѣсколько недѣль спустя на публичномъ чтеніи въ Ливерпулѣ, оказался способнымъ въ совершенствѣ подражать словамъ, произносимымъ какъ мною, такъ и главнымъ учителемъ Ливерпульской школы глухонѣмыхъ, такъ что многіе изъ присутствовавшихъ были склонны отрицать возможность, что бы этотъ мальчикъ былъ когда нибудь глухонѣмымъ“¹⁾.

Примѣры изъ современной практики у *Льебо*, *Thérapeutique suggestive*, pp. 63—71, *Бернгейма*, *De la Suggestion*, Obs. I, XIII, XXI, XXV, XXVII, XXVIII, XXX, *Гипнотизмъ*, Obs. XIX, *Веттер-странда*, *Der Hypnotismus*, Obs. 64, *Кюллера*, *La Thérapeutique suggestive*, pp. 105—111. Примѣры изъ исторіи чудесныхъ исцѣленій у *Реньяра*, *Sorcellerie*, pp. 145—153, 165.

6. *Исцѣленіе извращенія обонянія*. „Мистрисъ X, мать многочисленнаго семейства, чувствовала себя вполне хорошо, когда въ іюлѣ 1849 года отправилась поклониться тѣлу своей подруги, находившемуся уже въ состояніи усиленнаго разложенія. Послѣ этого ее сталъ мучить трупный запахъ, который ее преслѣдо-

¹⁾ *Hypnotic therapeutics*, pp. 200—201.

валъ въ теченіи многихъ дней, даже по ночамъ, когда она просыпалась, и ничѣмъ не могъ быть изгнанъ. Она прибѣгала къ рѣзкимъ запахамъ всякихъ сортовъ, нюхала нашатырный спиртъ и табакъ, держала подъ носомъ курительныя свѣчи и дымящійся табакъ—все понапрасну, запахъ продолжалъ быть одинаково сильнымъ и отвратительнымъ. Я загипнотизовалъ ее и вселилъ въ ней во время сна увѣренность, что она наслаждается благовоніемъ, затѣмъ по истеченіи пяти минутъ разбудилъ, когда она еще находилась подъ дѣйствіемъ этихъ идей, и она по пробужденіи выразила мнѣ чувство восхищенія благовоніями, которыми, казалось ей, она была окружена и наслаждалась. Напротивъ, отвратительный запахъ не возвращался и при томъ даже тогда, когда она пыталась его вообразить. Спустя годъ и два мѣсяца, я ту же самую даму загипнотизовалъ въ присутствіи многихъ ученыхъ друзей, которымъ сказалъ, что попытаюсь во время сна снова вызвать ощущеніе испытаннаго раньше отвратительнаго запаха и сохранить его въ сознаніи дамы и въ бодрственномъ состояніи послѣ пробужденія. Вскорѣ послѣ того какъ дама, ничего не зная о моемъ намѣреніи, впала въ сонъ, я сталъ держать свой палецъ возлѣ ея носа и дѣлать ей нюхательныя вдыханія, между тѣмъ какъ другой рукой морщилъ ея брови и сдвигалъ ихъ къ переносицѣ. Вслѣдъ за тѣмъ дама начала нюхать и тотчасъ же выразила неудовольствіе на непріятный трупный запахъ— „старый запахъ снова возвращается“. Такъ какъ экспериментъ вполне удался, я ее тотчасъ же загипнотизовалъ снова и вызвалъ въ ней обонятельныя ощущенія противоположнаго рода, такъ что послѣ пробужденія она стала наслаждаться благовоніями Аравіи“ ¹⁾.

Случай этотъ очевидно принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ „легкихъ психозовъ“. Различные примѣры исцѣленій подобнаго рода психозовъ у *Йона*, Premier Congrès International de l'Hypnotisme, pp. 196—201, *Буазена*, тамъ же, pp. 147—157, *Фореля*, Der Hypnotismus, pp. 106—107, *Бернгейма*, Hypnotisme, Obs. XXXIX, XLI, *Веттерстранда*, Der Hypnotismus, Obs. 51—60, *Ванъ Ейдена*, Premier Congrès International de l'Hypnotisme, p. 71, *Кюллера*, La Thérapeutique suggestive, pp. 230—233.

¹⁾ pp. 212—213.

7. *Вызовъ и прекращеніе желудочно-кишечныхъ отправленій.* Дѣйствіе внушенія на сосудодвигательную и секреторную системы ярче всего выступаетъ изъ возможности прекращать и вызывать желудочно-кишечныя отправленія, регулировать менструаціи, увеличивать отдѣленіе молока, производить выкидыши.

„У многихъ гипнотиковъ мнѣ удавалось въ теченіи нѣсколькихъ минутъ вызывать обильныя испраженія, направляя вниманіе больныхъ на это дѣйствіе и дѣлая въ то же время вдоль кишки концами пальцевъ легкое движеніе, что-бы вызвать перистальтическія движенія. Слѣдующій примѣръ служитъ этому удивительнымъ доказательствомъ и показываетъ сверхъ того, что пробужденныя во время сна ощущенія могутъ продолжаться долгое время и послѣ пробужденія. Въ моемъ пользованіи былъ одинъ господинъ, страдавшій эпилептическими припадками, неподдававшимся никакому лѣченію, и котораго я гипнотизовалъ съ благопріятнымъ успѣхомъ. Однажды, въ то время, какъ онъ былъ загипнотизованъ, я сталъ двигать своими губами, подражая дѣйствію глотанія, чему онъ тотчасъ же сталъ подражать, какъ скоро замѣтилъ связанный съ этимъ звукъ ¹⁾. Когда я высказалъ предположеніе, что онъ принялъ нѣсколько алоэ, онъ тотчасъ жестами и словами выразилъ отвращеніе къ извѣстному горькому вкусу этого лѣкарства. Я затѣмъ сказалъ ему, что пріемъ этого средства долженъ вскорѣ произвести у него еще большее дѣйствіе, и дѣйствительно, по истеченіи короткаго времени онъ началъ ежиться, какъ будто сильное слабительное вызвало у него боли. Я больше ничего не говорилъ, но по истеченіи четырехъ или пяти минутъ онъ всталъ, отправился по лѣстницѣ въ ватеръ-клозетъ и спустился оттуда все еще въ состояніи гипноза, послѣ того какъ оставилъ несомнѣнныя доказательства успѣха моего опыта. Когда я его разбудилъ, онъ болѣе не зналъ о томъ, что произошло, но жаловался на горькій вкусъ во рту. Посѣтивъ меня снова на слѣдующій день, онъ мнѣ сообщилъ, что горькій вкусъ для него сталъ такимъ роковымъ, что онъ напрасно пытался удалить его полосканіемъ рта водою. Кушаніе и питье всякаго рода и на слѣдующее утро имѣли пестерпимо горькій вкусъ, который прошелъ лишь по истеченіи дня вслѣдствіе волненія, которое случайно было вызвано у паціента“ ²⁾.

¹⁾ Состояніе „очарованія“. Выше, стр. 117—119.

²⁾ pp. 211—212.

Часто у загипнотизованныхъ лицъ я вызывалъ обильную рвоту, давая имъ проглотить ложку воды и увѣряя ихъ при этомъ, что они приняли рвотное; иногда бывало даже достаточно просто заставить ихъ повѣрить, что они приняли рвотное, чтобы вызвать рвоту ¹⁾).

Равнымъ образомъ мнѣ во многихъ случаяхъ удавалось въ теченіе нѣсколькихъ минутъ на долгое время пріостановлять сильные болѣзненные поносы, послѣ того какъ я въ гипнозѣ внушалъ больнымъ увѣренное ожиданіе, что они будутъ освобождены отъ своихъ страданій“ ²⁾).

Аналогичные случаи у *Лебо*, *Le Sommeil etc.*, p. 133, *Thérapeutique suggestive*, pp. 181. 184—185. 258—259. 261. 263—264, *Бернейма*, *Hypnotisme*, Obs. XXXIII, XCII—XCVII, *Веттерстранда*, *Der Hypnotismus*, Obs. 98, 99, *Люиса*, *Leçons cliniques*, pp. 145, 146, *Краффтъ Эбина*, *Eine experimentelle Studie etc.*, pp. 20. 34. 44. 54. 85.

8. *Регулированіе менструацій*. „Во многихъ случаяхъ мнѣ удалось посредствомъ гипнотизаціи вызывать остановившуюся менструацію, и если я ограничиваюсь передачей слѣдующаго случая, то лишь какъ яснаго свидѣтельства о томъ, что не только въ гипнозѣ, но и во время бодрственнаго состоянія, господства опредѣленныхъ идей достаточно для того, что бы произвести ожидаемый результатъ, и смотря по обстоятельствамъ усилить менструацію, вызвать ея наступленіе, ее сократить или даже вовсе прекратить.

Въ іюлѣ 1849 года я былъ позванъ къ тридцатилѣтней женщинѣ, матери многочисленнаго семейства, которая въ теченіе четырехъ лѣтъ вслѣдствіе эпилептическихъ припадковъ обращалась къ помощи многихъ врачей. Благодаря послѣднимъ, припадки первоначально стали рѣже, но затѣмъ сдѣлались болѣе частыми и сильными, и когда я былъ приглашенъ, у больной ихъ было не менѣе двадцати восьми въ день. Когда я увидалъ ее въ первый разъ, у нея вслѣдствіе припадка была сведены челюсти, и за день до перваго гипнотизованія было въ теченіе восьми часовъ тринадцать тяжелыхъ припадковъ. По свидѣтельству окружающихъ, судороги челюстей въ продолженіи многихъ часовъ были настолько сильны, что было совершенно невозможно раскрыть

¹⁾ p. 211.

²⁾ pp. 215—216.

ротъ даже силой, и она поэтому была не мало удивлена, когда мнѣ во время гипноза удалось весьма легко устранить судорожное сведеніе мускуловъ и безъ малѣйшаго затрудненія въ нѣсколько секундъ открыть ротъ. При гипнотизованіи я поступалъ какъ обыкновенно и уже послѣ перваго сеанса, продолжавшагося лишь четверть часа, былъ такой благопріятный успѣхъ, что у больной въ теченіи восьми часовъ было лишь четыре припадка, между тѣмъ какъ за день передъ тѣмъ ихъ было въ тотъ же промежутокъ тринадцать.

Послѣ того я гипнотизовалъ больную два раза ежедневно и уже на четвертый день наступилъ періодъ, котораго не было нѣсколько мѣсяцевъ. Менструація возстановилась въ слѣдующіе шесть мѣсяцевъ вполне правильно и когда прекратилась снова, была опять вызвана гипнотическимъ пользованіемъ и такимъ образомъ дала новое доказательство терапевтическаго значенія послѣдняго.

Не менѣе шести разъ я былъ вынужденъ примѣнять гипнотизмъ для этой цѣли, и каждый разъ послѣ единичнаго сеанса въ десять или одиннадцать минутъ успѣхъ бывалъ полный. Онъ бывалъ даже и тогда, когда я просто понуждалъ больную лечь въ постель и сосредоточить вниманіе на наступленіи ожидаемаго явленія. Когда я въ различныхъ другихъ случаяхъ гипнотизовалъ ту же самую больную для устраненія ревматическихъ болей, то и онѣ тотчасъ прекращались, какъ скоро я сосредоточивалъ вниманіе больной въ этомъ направленіи, хотя мнѣ и не было нужды направлять его на опредѣленный органъ или отдѣльную функцію. Если такимъ образомъ во время гипноза можно несомнѣнно дѣйствовать на теченіе жизненныхъ процессовъ сосредоточивая на нихъ вниманіе, то мнѣ казалось не безынтереснымъ испробовать, не могутъ-ли быть достигнуты подобные же результаты и въ бодрственномъ состояніи больной. 4 апрѣля я произвелъ надъ этой больной, физическое состояніе которой я раньше точно изслѣдовалъ, относящійся сюда опытъ въ присутствіи четырехъ дамъ и одного господина. Когда больная сѣла въ покойное кресло, я обратился къ ней съ слѣдующими словами, которыя слышали и другіе присутствующіе: „Сосредоточьте теперь все ваше вниманіе на процессѣ, котораго наступленія мы ожидаемъ“, и началъ затѣмъ читать книгу, чтобы исключить возможность косвеннаго воздѣйствія на больную. По истеченіи одиннадцати минутъ я спросилъ больную, наступилъ-ли желанный результатъ, на что она отвѣчала, что не знаетъ.

Но когда было предпринято точное изслѣдованіе, то оказалось самымъ несомнѣннымъ образомъ, что экспериментъ былъ вполне удаченъ. На слѣдующій мѣсяцъ повтореніе его не было нужно, но второго іюня онъ былъ воспроизведенъ въ присутствіи двухъ врачей съ одинаково благопріятнымъ результатомъ. 28 іюля онъ былъ снова поставленъ на сцену. Я былъ тѣмъ болѣе заинтересованъ въ его успѣхѣ, что присутствовала одна дама, которая желала воспользоваться моею помощью для той же цѣли. Однако предпринятое по истеченіи одиннадцати минутъ изслѣдованіе показало, что на этотъ разъ менструація не наступила, и больная замѣтила, что она сама въ этомъ случаѣ не ожидала ея наступленія, такъ какъ вслѣдствіе непредвидѣннаго обстоятельства была лишена возможности сосредоточить вниманіе. Что-бы дать ей эту возможность, я ее загипнотизовалъ и возбудилъ вслѣдствіе поднятія членовъ циркуляцію, послѣ чего уже очень скоро измѣнившееся выраженіе въ ея чертахъ и движенія тѣла указали на то, что въ ея организмѣ происходятъ измѣненія. Когда я ее по истеченіи одиннадцати минутъ разбудилъ, оказалось, что ожидаемое слѣдствіе наступило.

Еще два раза былъ повторенъ тотъ же экспериментъ сначала въ присутствіи матери больной и во второй разъ въ присутствіи моего друга, д-ра Вилльяма Стивенса, и оба раза наступилъ замѣчательный успѣхъ, въ послѣднемъ случаѣ послѣ восьми минутъ. 19 іюля 1852 года я вынужденъ былъ снова обратиться къ этому опыту, такъ какъ періодъ запоздалъ на двѣ недѣли противъ обычнаго времени. Больная на этотъ разъ въ теченіи тринадцати минутъ съ полнымъ вниманіемъ ожидала наступленія періода, который и обнаружился, но сильнѣе, чѣмъ обыкновенно, и трехнедѣльною продолжительностью истощилъ силы больной. Что бы прекратить его, я усадилъ больную, попросилъ сосредоточиться на мысли, что твердаго убѣжденія въ пріостановкѣ менструаціи достаточно для того, что бы вызвать это прекращеніе. Я предоставилъ се этому размышленію въ теченіи десяти минутъ, и часъ спустя крови вполне прекратились. Недѣлю спустя онѣ снова появились въ теченіи трехъ дней съ умѣренной силой и затѣмъ повторялись правильно каждый мѣсяцъ до конца марта 1853 года. Только 15 апрѣля 1853 года онѣ опять запоздали на три недѣли, и это мнѣ дало новый случай повторить прежній опытъ, на этотъ разъ въ присутствіи д-ра Карпентера и другихъ господъ. Я

достигъ при бодрственномъ состояніи больной въ одиннадцать минутъ полнаго успѣха“ ¹⁾).

Этотъ опытъ интересенъ главнымъ образомъ какъ наглядное доказательство дѣйствія идей на органическія функціи.

Подобные же случаи засвидѣтельствованы у *Лебо*, *Thérapeutique suggestive*, pp. 176—181, *Бернейма*, *De la Suggestion*, Obs. CIV—CV, *Нипнотизма*, Obs. XXXII, XC, IX, *Веттерстранда*, *Der Hypnotismus*, Obs. 83, 120—121, *Гаскара*, *Premier Congrès International de l'Hypnotisme*, pp. 129—137, *Буазена*, тамъ же, p. 153, *Фореля*, *Der Hypnotismus*, pp. 123—124, *Кюллера*, *La Thérapeutique suggestive*, pp. 156—161, *Люиса*, *Leçons cliniques*, p. 146.

9. Усиленіе дѣятельности млечныхъ железъ. „Я сказалъ одному господину, что совершенно достаточно у паціентовъ возбудить опредѣленные идеи объ ихъ состояніяхъ, что бы вызвать соотвѣтствующія измѣненія въ функціяхъ извѣстныхъ органовъ или частей тѣла. Такъ какъ онъ не былъ склоненъ придавать вѣры моимъ заявленіямъ, то я ему сказалъ, что буду въ состояніи увеличить у его жены, которая тогда кормила, количество молока въ одной груди, если во время гипнотическаго сна направлю ея вниманіе на эту грудь. Жене этого господина я восемь мѣсяцевъ передъ тѣмъ освободилъ отъ жестокихъ головныхъ болей. Я зналъ, что она принадлежитъ къ лицамъ, у которыхъ полный гипнозъ развивается вмѣстѣ съ состояніемъ втораго сознанія, во время котораго они становятся особенно доступны внѣшнимъ воздѣйствіямъ. Даму спросили, не пожелаетъ-ли она дать себя загипнотизовать и доставить супругу случай видѣть ее въ этомъ состояніи. Такъ какъ она выразила на это согласіе, то я, пока она стояла, сталъ держать свой ланцетный футляръ надъ ея головой и попросилъ пристально на него смотрѣть, послѣ чего она быстро сомкнула вѣки. Спусти немного, я слегка провелъ концами своихъ пальцевъ два или три раза по ея лѣвой груди, къ которой она послѣ этого стала медленно подносить лѣвую руку. Когда я спросилъ, „Что это такое?“, она отвѣчала: „Дитя“. На дальнѣйшій вопросъ: „что это значитъ „дитя“?, она отвѣчала: „Вотъ здѣсь очень давить“ и указала при этомъ на лѣвую грудь. Я предоставилъ ее въ теченіи

¹⁾ pp. 216—219.

двухъ минутъ мыслямъ объ ея ребенкѣ и чувству полноты въ груди и когда затѣмъ ее разбудилъ ударомъ руки, она утратила всякое воспоминаніе о томъ, что сказала и сдѣлала въ продолженіи сна. На вопросъ, не чувствуетъ-ли она измѣненія въ своемъ положеніи, она указала на лѣвую грудь и сказала, что испытываетъ въ ней стѣсненіе и давленіе. На мой вопросъ, какъ это случилось, она отвѣчала, что этого не знаетъ, но что только чувствуетъ. Ея мужъ тогда ей сказалъ, что у меня было намѣреніе увеличить отдѣленіе молока, на что она возразила: „Это не легкая задача, такъ какъ моему ребенку годъ и два мѣсяца и у меня почти нѣтъ молока“. Я просилъ ее позволить принести ребенка, такъ какъ былъ увѣренъ, что у нея въ груди будетъ много молока. Ребенокъ былъ приложенъ къ груди, и хотя былъ четырнадцати мѣсяцевъ, нашелъ столько молока, что чуть не захлебнулся.

Два дня спустя эта дама жаловалась, что вслѣдствіе раздутія лѣвой груди ея талія обезображена. Я успокоилъ ее и обѣщалъ устранить это зло такъ же скоро, какъ оно было вызвано. Объемъ груди на самомъ дѣлѣ уменьшился бы, если бы я во время сна впушилъ вѣтру, что это случится; но вмѣсто этого я теперь поступилъ съ правой грудью такъ же, какъ раньше съ лѣвой, и успѣхъ былъ такой же. Обѣ груди отдѣляли теперь такъ много молока, что дама могла кормить своего ребенка еще шесть мѣсяцевъ, между тѣмъ какъ раньше она постоянно жаловалась на недостатокъ молока¹⁾.

Аналогичный случай у *Люиса*, *Leçons cliniques*, pp. 146—147.

1. *Внутренний выкидышъ*. „Дальнѣйшій интересный примѣръ зависимости физическихъ процессовъ отъ духовныхъ состояній представляетъ слѣдующій случай. Дѣло идетъ о больной, которую я съ благопріятнымъ успѣхомъ пользовалъ гипнотизмомъ отъ односторонняго паралича мускуловъ и чувствующихъ нервовъ лица, и которая при гипнотизмѣ впадала въ состояніе двойственнаго сознанія. Она была мать трехъ живыхъ дѣтей, послѣднимъ изъ которыхъ разрѣшилась съ большимъ трудомъ вслѣдствіе его поперечнаго положенія. Послѣ она родила еще двухъ мертвыми, у которыхъ плечо и рука были уже далеко просунуты въ малый тазъ прежде чѣмъ была подана

¹⁾ pp. 213—214.

медицинская помощь. При точномъ изслѣдованіи ея таза оказалось, что мысъ (promontorium) настолько выступалъ, а поясничный позвонокъ вдавался, что вообще не было никакой надежды, что бы она когда нибудь могла родить ребенка живымъ. Я объяснилъ ей и ея мужу положеніе дѣла, когда она снова была беременна, и предложилъ искусственный преждевременный выкидышъ какъ самый безопасный и благоприятный исходъ для матери и ребенка. Съ согласія ея и ея мужа я готовился произвести роды приблизительно на второй недѣлѣ восьмого мѣсяца. Нѣсколько дней передъ тѣмъ я видѣлъ больную и, такъ какъ она чувствовала себя вполне хорошо, сообщилъ ей, что по истеченіи трехъ или четырехъ дней я приму надлежащія мѣры, что бы вызвать роды, съ чѣмъ она вполне согласилась. Она не дала замѣтить никакого опасенія. Не смотря на это, уже одного впечатлѣнія, произведеннаго на нее моимъ сообщеніемъ о предстоящихъ мѣрахъ было достаточно, что бы вызвать начало родовъ. На второй день послѣ этого я получилъ извѣстіе, что не только расширилось устье матки, но что, какъ и въ прежнихъ родахъ, высовывалось одно плечо. Такъ какъ ребенокъ былъ малъ, то мнѣ удалось безъ труда сдѣлать поворотъ и принять дитя живымъ“ ¹⁾.

Общая замѣчанія. Приведенныхъ примѣровъ вполне достаточно, что бы судить о терапевтическомъ значеніи гипнотизма и внушенія. Но правильная оцѣнка гипнотерапіи и психотерапіи возможна лишь изъ внимательнаго изученія всего собраннаго по этому вопросу матеріала.

Отсылая интересующихся къ трудамъ Льебо, Бернгейма, Веттерстранда и другихъ, необходимо сдѣлать оговорки.

Во первыхъ, нельзя не замѣтить, что сообщаемые этими (и другими) авторами наблюденія не суть протоколы всей вообще ихъ дѣятельности въ этомъ направленіи, но ограничиваются лишь болѣе или менѣе типичными случаями; неполные и неудачные случаи остаются, за рѣдкими исключеніями, въ сторонѣ.

Во вторыхъ, мы по большей части слышимъ лишь объ исцѣленіи больныхъ во время лѣченія и не имѣемъ точныхъ свѣдѣній объ ихъ состояніи спустя значительное время послѣ лѣченія, такъ что въ боль-

¹⁾ pp. 219—220.

шинствѣ случаевъ неизвѣстно, устраняетъ ли гипнотизмъ болѣзнь или только ея симптомы въ данное время.

Въ третьихъ, слѣдуетъ помнить, что и при добросовѣстной передачѣ фактовъ заинтересованнымъ лицомъ многое выходитъ лучше, чѣмъ на дѣлѣ, вслѣдствіе того, что отъ заинтересованнаго могутъ ускользнуть такія подробности, которыя не могутъ быть незамѣчены равнодушнымъ глазомъ.

Наконецъ, въ четвертыхъ, исцѣленіе только въ рѣдкихъ случаяхъ достигается сразу, по большей же части въ теченіе довольно продолжительнаго времени, и капитальный вопросъ о томъ, не способствовали-ли исцѣленію другія причины, помимо гипнотизма и внушенія, (хотя бы, напримѣръ, исцѣляющее дѣйствіе самой природы) остается обыкновенно не выясненнымъ.

Вообще же невозможно не признать, что гипнотерапіей и психотерапіей достигнуты въ пользованіи многихъ болѣзней, преимущественно нервныхъ, весьма значительные успѣхи, въ которыхъ невозможно сомнѣваться.

(Продолженіе будетъ):

КЪ ИСТОРИИ ВЕКСЕЛЯ.

(Прошлое векселя. Историко-юридическое изслѣдованіе И. Табашникова, з. о. профессора Новороссійскаго Университета. Одесса, 1891 г.)

Изслѣдованіе г. Табашникова заслуживаетъ вниманія не только само по себѣ; оно представляетъ поводъ—вспомнить и проверить кое-что изъ исторіи векселя. Эта исторія не вполне выяснена, а у насъ и мало кому извѣстна ¹⁾).

Съ первыхъ же строкъ авторъ оговаривается, что преслѣдуя главнымъ образомъ „научную цѣль“, онъ не забывалъ потребностей законодательства, особенно русскаго, а равно помнилъ и нужды практики ²⁾). Но на „открытіе новыхъ горизонтовъ“ онъ не притязаетъ и напередъ отклоняетъ отъ себя даже подозрѣніе въ „безразсудномъ хвастовствѣ“ ³⁾).

Болѣе точно свою задачу г. Табашниковъ опредѣляетъ не разъ и въ разныхъ мѣстахъ изслѣдованія ⁴⁾: она въ томъ, чтобы „по воз-

¹⁾ Изслѣдованіе г. Табашникова состоитъ изъ предисловія, введенія и „пяти главъ“, а въ концѣ приложенъ „алфавитный указатель“— всего около 28 печатныхъ листовъ. Изслѣдованіе впрочемъ обнимаетъ не все прошлое векселя: исключено прошлое простого векселя, исключено и прошлое векселя въ Россіи (Предисл. стр. VI). Остается слѣдовательно одно прошлое тратты, но и оно доведено лишь до Ордонакса Людовика XIV (1673), а не „до нашихъ дней“, какъ повидимому первоначально предполагалъ авторъ (ср. стр. 20). Тѣмъ не менѣе, по своему объему, изслѣдованіе г. Табашникова превосходитъ все, что до сихъ поръ имѣлось въ иностранной (нѣмецкой) литературѣ по исторіи векселя и его права.

²⁾ Предисл., стр. V; ср. и стр. 6, 12, 20.

³⁾ Предисл., стр. V—VI.

⁴⁾ Напр., предисл., стр. V; стр. 20, 145—146, 244 и друг.

возможности сходно съ действительностью воспроизвести тотъ жизненный путь, который вексель проходилъ съ момента своего возникновенія до новаго времени“,—для изслѣдователя, какъ бы вздыхаетъ авторъ,— „путь не легкій, даже весьма тернистый“ ¹⁾).

Историческое направленіе своей работы авторъ оправдываетъ доводами въ пользу необходимости историческаго изученія вексельнаго права. Впрочемъ, едва-ли кто въ настоящее время отвергаетъ такую пользу: историческое разъясненіе—необходимая составная часть въ изложеніи даже элементарныхъ учебниковъ ²⁾). Но въ томъ же введеніи встрѣчается и другое положеніе,—будто „вексель не есть созданіе обыкновеннаго организованнаго общежитія“, что онъ „продуктъ внѣгосударственной жизни“, такъ какъ повидимому возникъ среди такихъ „коммерсантовъ, интересы которыхъ весьма рѣдко совпадаютъ съ нуждами государственнаго общежитія и съ строгими требованіями положительнаго права“ ³⁾).

Цѣлая (первая) глава посвящена обзору мнѣній, какія раньше высказаны другими по вопросу о происхожденіи тратты. Старыя преданія, будто тратта впервые была примѣнена гибеллинами (или гвельфами) и евреями, не нашли поддержки и у нашего автора. Но онъ не согласенъ и съ научнымъ мнѣніемъ, какое прочно установлено и обосновано еще Мартенсомъ ⁴⁾), т. е. что родина тратты—Италія, а ея первые практики—итальянскіе мѣнялы и банкиры.

Есть много данныхъ въ пользу общепринятаго мнѣнія; за него говорятъ и то, что дошедшіе до насъ древнѣйшіе тексты тратты всѣ итальянскаго происхожденія, чего не можетъ отрицать и нашъ авторъ ⁵⁾). Но такое рѣшеніе вопроса, т. е. въ смыслѣ общепринятаго мнѣнія, нашего автора не удовлетворяетъ да и не могло удовлетворить, въ чемъ впрочемъ онъ отчасти повиненъ самъ. Дѣло въ томъ, что своимъ противникамъ г. Табашниковъ приписываетъ такую поста-

¹⁾ Стр. 421 и 5. Относительно „чистосердечнаго стремленія автора къ возможной объективности и къ точной передачѣ прошлыхъ событій“ читатель успокоенъ уже въ предисловіи, стр. VI.

²⁾ Подобныя сомнѣнія высказывали въ 30 и 40 гг. Эйнертъ и Либс, но тогда не было и той сравнительно богатой литературы, какая имѣется теперь.

³⁾ Стр. 3—5, 21—22, 32.

⁴⁾ Стр. 19, 55—56.

⁵⁾ Стр. 55—56.

новку, или вѣрнѣе, редакцію вопроса, при которой и самый вопросъ оказывается празднымъ. Онъ полагаетъ и не разъ повторяетъ, будто до него вопросъ о происхожденіи тратты обыкновенно былъ понимаемъ какъ вопросъ о томъ, „кому именно первому пришла мысль воспользоваться переводомъ денегъ съ одного мѣста на другое посредствомъ краткаго письма“, т. е., векселя, или какъ вопросъ о томъ, „кто первый придумалъ вексель“, „кого можно назвать здѣсь изобрѣтателемъ, авторомъ“? Но подобный вопросъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Табашниковъ, — „наивный и дѣтскій“; все равно, что, напр., „вопросъ, кому первому взбрело на умъ умываться, одѣваться, строить жилища и т. д.“¹⁾.

Понятно, что поставивши (за своихъ противниковъ) вопросъ о происхожденіи тратты въ замѣтно упрощенномъ видѣ, авторъ могъ лишь отрицательно отнестись ко всѣмъ попыткамъ, какія могли быть (еслибы были) до него, — разрѣшить подобный, дѣйствительно нѣсколько простоватый вопросъ. А затѣмъ, увлеченный своимъ недоразумѣніемъ на дальнѣйшіе выводы, г. Табашниковъ довольно оригинально оцѣнилъ заслуги своихъ предшественниковъ: ихъ работы по исторіи векселя — „ничего болѣе, какъ длинный рядъ безплодныхъ попытокъ — открыть и изловить его автора“ а изловивши, „изобличить его съ документами въ рукахъ.“ „Мы же“, замѣчаемъ авторъ, „старались густо отгѣнить мысль, что говорить по отношенію къ векселю и вексельному праву объ изобрѣтеніи и изобрѣтателѣ было бы настолько же произвольно и несправедливо, какъ говорить о томъ же по отношенію къ любому изъ институтовъ гражданскаго права“²⁾.

Съ послѣднимъ выводомъ трудно не согласиться, но только нужно добавить одно: никто не ловилъ автора тратты, никто не пытался обнаружить „первыхъ виновниковъ“ векселя, чтобъ обличить ихъ, да еще и съ документами въ рукахъ. Нашъ авторъ очевидно впалъ въ какую-то разсѣянность.

Попытки другихъ разъяснить происхождение (а не изобрѣтеніе) векселя г. Табашниковъ обозвалъ неудачными, безплодными. Но чтобъ оцѣнить его собственную попытку, необходимо еще разъ напомнить, что никто и никогда не ставилъ, а тѣмъ болѣе не рѣшалъ дѣтскаго и наивнаго вопроса, — кто *изобрѣлъ*, кто придумалъ вексель?

¹⁾ Стр. 19, 20, 240—242; ср. и стр. 145.

²⁾ Стр. 145, 242, 240.

Вопросъ ставился иной, а именно: гдѣ и когда, т. е., въ какой странѣ и въ какую историческую эпоху, возникла тратта? Все,—общее историческіе факты, факты изъ исторіи Италіи, данныя изъ исторіи торговли, изъ исторіи торговаго права вообще и вексельнаго въ частности,—все это указываетъ на Италію какъ на страну, гдѣ наипрѣше и наиполнѣе случились и сложились тѣ разнообразныя условія, совокупность которыхъ вызвала появленіе тратты. Въ Италіи ее первые примѣнили тамошніе мѣнялы и банкиры, прямые преемники старыхъ римскихъ *argentarii*; они же распространили ее—сначала въ странахъ средиземноморскаго побережья, а потомъ и по сю сторону Альповъ. На этотъ счетъ нѣтъ и не можетъ быть никакихъ сомнѣній, все равно какъ безспорно и то, что никто векселя не изобрѣталъ, никто не ломалъ надъ нимъ головы, а потому тщетна, чтобъ не сказать болѣе, всякая затѣя—„изловить его автора“.

Что Италія—родина или, выражаясь словами автора, „праматеръ“ тратты, а итальянскіе мѣнялы и банвирьы первые примѣнили тратту сначала у себя дома, а потомъ познакомили съ нею и остальную Европу, что на ней лежитъ печать итальянскаго генія, какъ въ вексельной терминологіи по сей день остались слѣды итальянскаго языка,—это признаетъ и нашъ авторъ, по крайней мѣрѣ признаетъ каждый разъ, когда забудетъ свою „густо отгѣненную мысль“, и не тревожится напраснымъ страхомъ,—не есть ли геній націи и расы и геніальность индивида одно и то же? ¹⁾

Но если такъ, тогда можно согласиться и съ другою мыслью автора, а именно: „вексель обязанъ своимъ существованіемъ итальян-

¹⁾ Стр. 437, 176 143—144; ср. стр. 132—133; стр. 174, 152, 388, 55—56.—Чтобы „возвзяться однако до истинной дѣйствительности“ и не остаться въ области „гадательныхъ фактовъ“ нашъ авторъ въ свою пользу поискалъ другихъ, негательныхъ фактовъ. Въ 60 гг. Штоббе и Нейманъ нашли и опубликовали два документа, интересныя для дипломатической исторіи Любека. По формѣ, да и по содержанію, оба документа не похожи на тратту, не считаются таковыми и въ нѣмецкой литературѣ. Но это не мѣшаетъ нашему автору, на основаніи этихъ документовъ, рѣшительно заявить, что „вексель возникъ и въ ганзейскихъ городахъ и возникъ совершенно „самостоятельно“, т. е., независимо отъ всякаго вліянія Италіи, чѣмъ само собою доказано, что возникновеніе векселей въ Италіи чуть-ли не такая же басня, какъ и преданіе объ изобрѣтеніи ихъ евреями, и вмѣстѣ съ тѣмъ опровергнуто „большинство писателей по вексельному праву“ (стр. 19); а для усиленія впечатлѣнія отъ двухъ документовъ, они чрезъ страницу уже оказались „рядомъ сохранившихся документовъ“ (см. стр. 57—62, 145.

цамъ, кои явились лишь случайными выразителями международного торгового оборота, и взаимодѣйствию цѣлаго ряда причинъ“, что итальянцы только — „проводники векселя“, „что если тутъ и возможно говорить объ изобрѣтательности, то ея слѣдуетъ приписать не лицамъ или націи, а силѣ опредѣленнымъ образомъ сложившихся обстоятельствъ“, „что на вексельную форму итальянскимъ мѣняламъ указали именно эти обстоятельства и прибѣгая къ ней, эти мѣнялы удовлетворяли потребностямъ тогдашняго оборота, а сами ничего не изобрѣтали“¹⁾. Все это совершенно вѣрно и давно бесспорно: именно таково общепринятое воззрѣніе, его высказалъ и доказалъ еще Мартенсъ столѣтъ тому назадъ. Все это также бесспорно, какъ бесспорна и другая мысль нашего автора, — что „и въ исторіи векселя единственнымъ источникомъ совершающихся тутъ измѣненій является человѣкъ; онъ — альфа и омега всего, что здѣсь происходитъ“²⁾.

Такимъ образомъ, даже въ постановкѣ вопроса о происхожденіи тратты поправка нашего автора ничего не измѣняетъ: она скорѣе подходит на придирку къ случайному образному выраженію у того или другого изъ писателей по исторіи вексельнаго права. Но вѣдь отъ подобныхъ выраженій не уберется и самъ г. Табашниковъ. У него, и чаще чѣмъ у кого другого, въ исторіи векселя то и дѣло кто нибудь „додумывается“, „догадывается“, „придумывается“, „измышляетъ“, „изобрѣтаетъ“; придумываютъ, измышляютъ, изобрѣтаютъ, могутъ додуматься и не додуматься не только „единичныя лица и единичныя общественныя группы“, но цѣлыя страны и націи и даже неопредѣленное — всѣ и никто³⁾.

¹⁾ Стр. 244, 144—145.

²⁾ Стр. 242—243. — Два слова о „рядѣ сохранившихся документовъ“ изъ исторіи Любека: на рядъ авторъ ссылается не разъ (стр. 111, 145). Самъ же онъ соглашается, что эти документы не имѣютъ ни „имени“, ни „физіономіи“ векселя, а только его „существо“ (стр. 64). Но вѣдь не въ этомъ существѣ и дѣло: существо тратты такое же, какъ, напр., и существо чека или казенной ассигновки; „вексельное же существо“ (выраженіе самого автора, стр. 396) тратты главнымъ-то образомъ и заключается въ ея имени и физіономіи. Но кромѣ того: вообще безразличный къ хронологіи историческихъ событій, авторъ, кажется, упустилъ изъ виду, что въ Италіи тратта появилась и примѣнялась уже въ то время, когда Любекъ вѣроятно еще не былъ и основанъ.

³⁾ Ср. стр. 395—396, 393, 419—420, 383, 421, 388—389.

Послѣ этого понятно, — интересъ первой главы заключается не въ обзорѣ и критикѣ уже извѣстныхъ мнѣній; интересъ и не въ помѣщенныхъ здѣсь древнѣйшихъ текстахъ тратты, — тексты давно уже собраны и объяснены у другихъ, — но именно въ „густо отфѣвленной мысли“ автора, — что „причину появленія векселя искали не тамъ, гдѣ слѣдовало, — не въ бытовыхъ условіяхъ средневѣковаго оборота“¹⁾. Въ развитіе этой мысли составлены остальные четыре главы изслѣдованія.

Каковы же были эти своеобразно сложившіяся „бытовые условія“, результатомъ которыхъ явилась тратта? Они распределены на стр. 65 и нѣсколько подробнѣе перечислены на стр. 242—243.

Они-то, по словамъ нашего автора, и есть тотъ „истинный изобрѣтатель, творчеству котораго средневѣковый міръ обязанъ не векселемъ только, но и многими иными социальными явленіями. Отдаленныя и глухія отзвучія этихъ послѣднихъ слышатся еще въ наше время, постепенно замолкая въ новыхъ формахъ жизни и уступая свое мѣсто ясному, освобожденному отъ средневѣковыхъ оковъ и облагороженному сознанію человѣчества“²⁾.

Изъ „бытовыхъ условій средневѣковаго оборота“, какія имѣютъ отношеніе къ происхожденію тратты, на первомъ планѣ являются: „загипнотизированный сухимъ, черствымъ и мертвящимъ схоластицизмомъ человѣческій разумъ и воцареніе ослѣпленнаго религіознаго фанатизма въ лицѣ(?) каноническаго права“³⁾.

Гипнозъ человѣческаго разума и ослѣпленность религіознымъ фанатизмомъ выразились главнымъ образомъ въ борьбѣ христіанства вообще и католической церкви въ особенности съ ростовщиками и ростовщичествомъ, а также и со скупщиками припасовъ первой необходимости. Эта борьба привела между прочимъ къ каноническому ученію о лихвѣ; на ней-то прежде всего и останавливается нашъ авторъ, но къ сожалѣнію едва-ли отпосится къ ней съ тою „чисто-сердечною объективностью“, какою онъ пообщалъ въ предисловіи, да и едва-ли совсѣмъ сходно съ дѣйствительностью „вопроизводитъ пройденный здѣсь жизненный путь.“

¹⁾ Стр. 145.

²⁾ Стр. 242—243.

³⁾ Стр. 242.

Для правильной оцѣнки воззрѣній и увѣреній автора и для нагляднаго уразумѣнія того положенія, какое онъ занялъ въ вопросѣ о лихвѣ, необходимо предпослать нѣсколько историческихъ напоминаній. Борьба съ лихвою и ростомъ, или, какъ называетъ ее авторъ, „травля процентовъ“ ¹⁾, „крестовый походъ“ противъ нихъ ²⁾, не разъ начиналась и разрѣшалась въ древнемъ до-христіанскомъ мірѣ; христіанство и церковь только продолжаютъ борьбу, а затѣмъ въ дѣло вмѣшивается государственная власть и свѣтское законодательство, и вся эта драма не прерывается не только въ средніе вѣка, но въ новой и въ новѣйшей исторіи. Въ наше время борьба была оставлена, законы о процентахъ отмѣнены; но на нашихъ же глазахъ она вызывается снова, послѣ неудачнаго опыта съ принципомъ такъ называемой свободы договорныхъ соглашеній въ его примѣненіи къ опредѣленію высоты роста.

Возвратимся однако къ дѣятельности церкви. Ни ростовщиковъ, ни ихъ промысла церковь не упразднила; но благодаря ея проповѣди и мѣрамъ, въ нравахъ и въ понятіяхъ народовъ христіанской Европы ростовщичество заклемено позоромъ, дѣйствительно „зашельмовано“ ³⁾. Въ христіанской Европѣ Катонъ едва-ли стужалъ бы соединить славу неподкупнаго республиканца и гражданина съ репутаціей безпощаднаго ростовщика: теперь такой репутаціи боится даже просто порядочный человѣкъ, а слово ростовщикъ стало поноснымъ на всѣхъ языкахъ. Тутъ дѣйствительно слышится одно изъ отдаленныхъ, но отчетливыхъ „отзвучій“ нагорной проповѣди Христа, голоса первыхъ вѣроучителей и моралистовъ христіанства, и въ этомъ случаѣ сторонникамъ лихвы тоже „пока приходится говорить въ желательномъ наклоненіи“ ⁴⁾.

Но если въ наше время ростовщичество—язва для народныхъ массъ, то легко себѣ представить,—еслибъ это и не было извѣстно,—каково было положеніе мелкихъ ремесленниковъ и въ особенности сельскаго населенія въ средніе вѣка. Лишенная всякой поддержки со стороны организованнаго кредита, эта меньшая братія была брошена

¹⁾ Стр. 23—24.

²⁾ Стр. 73.

³⁾ Стр. 73, 109.

⁴⁾ Стр. 80.

на произволъ ростовщиковъ, обыкновенно иностранцевъ или ино-
вѣрцевъ: одна церковь принимала къ сердцу интересы мелкаго люда.
Это тѣмъ болѣе понятно и было въ порядкѣ вещей, что долгое вре-
мя церковь была единственнымъ органомъ той дѣятельности, кото-
рую въ наше время называютъ социальнымъ законодательствомъ.—
Таковы фактическія послышки и подлинныя историческіе мотивы „мер-
твячаго“ каноническаго ученія о процентахъ, „этого слѣпаго преслѣ-
дованія процентовъ со стороны канонистовъ“¹⁾. Авторъ сознается и
самъ, что церковь направляла свои орудія противъ ростовщиковъ,
но онъ видитъ въ этомъ лишь „разцвѣтъ религіознаго увлеченія и
слѣпой вѣры въ формѣ дикаго изуверства“ и, съ свойственной ему
нѣкоторой торопливостью обобщенія, въ стѣсненіяхъ ростовщиковъ
усматриваетъ „горестное положеніе тогдашняго экономическаго обо-
рота“²⁾.

Итакъ, ростовщики (и скупщики припасовъ),—вотъ собственно
съ кѣмъ враждуетъ церковь и средневѣковое духовенство, причемъ,
понятно, при случаѣ высказываются порицанія и вообще торговлѣ
безчестной и вредной. Но не замѣчая и какъ бы не подозрѣвая та-
кихъ свидѣтельствъ, приведенныхъ у него же самаго, г. Табашниковъ
утверждаетъ и при всякомъ случаѣ повторяетъ, будто церковь объ-
явила (и вела) войну не ростовщикамъ (и скупщикамъ), а „вообще
торговлѣ во всѣхъ ея видахъ, даже больше,“—„стремленію человѣка
пріобрѣтать лишки“, безъ которыхъ недостижимы „прелести жизни“³⁾.

Чтобъ устранить всякое сомнѣніе въ томъ, какова собственно
подлинная тема (нѣсколько страстнаго) спора между г. Табашниковымъ
съ одной, средневѣковыми папами и ихъ „литературными приспѣш-
никами“⁴⁾ съ другой стороны, нужно обратить вниманіе хоть на нѣ-
которые изъ упомянутыхъ свидѣтельствъ; вѣроятно по недосмотру
авторъ позаимствовалъ ихъ въ числѣ другихъ.

Но предварительно нужно имѣть въ виду, каковы (по своей вы-
сотѣ) были тѣ проценты, противъ которыхъ возстала церковь, между

¹⁾ Стр. 89, 299.

²⁾ Стр. 80—81.

³⁾ Стр. 109, 73; ср. и стр. 66.

⁴⁾ Стр. 97, 343.

прочимъ,—въ лицѣ одного изъ „первыхъ прозелитовъ и христіанскаго вѣроученія“¹⁾, Блаженнаго Августина. Эти проценты таковы, что „бѣднаго ими можно раззорить также скоро и вѣрно, какъ богатаго грабежомъ и воровствомъ“²⁾. И вотъ „гоненіе противъ процентовъ и торговли, разсчитывающей на прибыль, воздвигнутое монахами въ средніе вѣка“, у нашего автора подтверждается ссылкой на слова папы Юлія (не обозначено, котораго,—но конечно, 1-го). Что же говоритъ папа? „Кто во время уборки хлѣба или сбора винограда, не для (своихъ) надобностей, а для наживы, скупаетъ хлѣбъ или вино, по цѣнѣ напр., модій за два денара, а потомъ удерживаетъ на складѣ (*servat*) до тѣхъ поръ, пока скупленное можно будетъ продать дороже въ два, три раза и болѣе, тотъ наживается безчестно“. Слова папы, какъ видно, направлены по опредѣленному адресу,—противъ шахера съ хлѣбомъ и виномъ въ то время, когда цѣны еще не опредѣлились и потому вся операція расчитана на нужду земледѣльца, а быть можетъ и на его веселое настроеніе, какъ это бываетъ и теперь, и именно въ итальянскихъ деревняхъ во время *ottobrate*, т. е. во время уборки винограда. Но въ нѣсколько свободномъ переложеніи нашего автора слова папы получаютъ иной, довольно расширенный смыслъ: папа-де „объявляетъ постыдною прибылью всякую покупку по низкой цѣнѣ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи продать дороже“³⁾.

На выдержку еще одно свидѣтельство и тоже не въ пользу возрѣвнй нашего автора. „Въ видѣ образчика тѣхъ громовъ, какіе извергались на торговцевъ средневѣковымъ духовенствомъ“, и какъ примѣръ „неотвязчивыхъ, назойливыхъ и злобныхъ приставаній и пре-

¹⁾ Стр. 66.

²⁾ Стр. 68, прим.

³⁾ Стр. 70—71 прим. — Папа былъ монахъ, и вотъ, приведу выписанное въ текстѣ порицаніе папы противъ скупщиковъ, авторъ не упустилъ случая—послать нѣкоторую замѣтку по адресу папы, а потомъ и монаховъ вообще. Не обошлось здѣсь конечно безъ нѣкоторыхъ преувеличеній, понятныхъ при увлеченіи автора—уличить монаховъ въ „растительной жизни“. Но онъ не принялъ во вниманіе, что монашество и аскетизмъ—не одно и то же, да сверхъ того: именно католическіе монахи всего дальше отъ созерцательной жизни. Эти монахи въ средніе вѣка руководили успѣхами земледѣлія, винодѣлія, садоводства и цвѣтоводства, они добыли и развели въ Европѣ шелковичныхъ червей, монастыри содержали обширныя фермы, конскіе заводы, имѣли лучшія пивоварни и винныя погреба, а папы и кардиналы предавались не одной лишь растительной жизни.

слѣдованій канонистовъ, когда монахи не упустили случая усердно бичевать торговцевъ“ не только „словомъ“ но и дѣломъ“ (?) „какъ на памятникъ ихъ „неуклоннаго и безпощаднаго преслѣдованія всякой прибыли и всякихъ договорныхъ выгодъ“, авторъ позаимствовалъ себѣ поддержку изъ проповѣди одного средневѣковаго епископа. Но проповѣдникъ съ самаго же начала оговаривается, что въ своихъ порицаніяхъ онъ имѣетъ въ виду не тѣхъ купцовъ, коихъ торговля сопряжена съ большою выгодною для государства, часто способствуетъ завязыванію дружественныхъ сношеній съ иноземными государями и народами и многими признается также полезною для обыденной жизни людей; а тѣхъ, кои продаютъ и покупаютъ . . . „съ помощью замысловатыхъ мошенничествъ“, тѣхъ, кои ввозятъ вредные товары . . . прививаютъ гибельнѣйшіе обычаи“, тѣхъ, „кои заключаютъ между собою монопольныя товарищества“ (т. е. стачки или какъ теперь сказали бы: синдикаты), „вопреки праву, религіи и законамъ“. Таково и еще одно, взятое на поддержку, свидѣтельство автора въ пользу своихъ воззрѣній. Но и оно не показываетъ и не доказываетъ, будто „средневѣковые пастыри западной церкви превратились въ непримиримыхъ враговъ и неумолимыхъ гонителей всякаго экономическаго прогресса“ ¹⁾.

Свою котору съ „воинствующими церковниками“ ²⁾ среднихъ вѣковъ“ (если не побѣду надъ ними) авторъ облегчилъ себѣ тѣмъ, что „атаку монаховъ“, „вылазки ученыхъ богослововъ“ и пальбу тогдашнихъ ревнителей церкви“ ³⁾ онъ направляетъ и на нѣчто такое, на что собственно онѣ не были наведены. Онъ довольно чувствительно видоизмѣняетъ тему церковнаго запрещенія и гоненія со стороны „клепиковъ“. Это вѣроятно потому, что безъ такого приспособленія пришлось бы открыто стать на сторону ростовщиковъ, что конечно имѣетъ свои неудобства.

¹⁾ Стр. 89, 161—163, 81, 98, 83. Въ приведенной проповѣди авторъ слышитъ „голосъ суроваго, предубѣжденнаго монашества среднихъ вѣковъ“ (стр. 163); но нужно думать, и теперь трудно встрѣтить епископа, который заговорилъ бы инымъ голосомъ,—напр., сталъ бы восхвалять негласныя ссудныя кассы, контрабанду, хазуку или ввозъ и продажу различныхъ „Lux—Artikel“. Да едва ли это такія „дѣла“, которыя лишь не исполнѣя приворожены къ высокимъ, почти недостижимымъ евангельскимъ требованіямъ; подобныя дѣла (Geschäfte) можно порицать, и не задавшись неосуществимою цѣлью—насадить царство небесное на землѣ, не проявивъ въ этомъ отношеніи „самаго безпощаднаго, слѣпнаго и фанатическаго рвенія“. Стр. 163, 65—66.

²⁾ Стр. 384.

³⁾ Стр. 194, 351, 364.

Нѣтъ спора, запрещеніе лихвы было запрещеніемъ „взиманія процентовъ или, что то же, процентныхъ сдѣлокъ“ ¹⁾, а каковы были эти проценты и процентныя сдѣлки, это мы видѣли выше, изъ словъ Бл. Августина. Различіе процентовъ коммерческихъ (банковыхъ) отъ ростовщическихъ отчетливо образовалось не скоро,—съ появленіемъ банковъ и государственныхъ займовъ, чему, мимоходомъ сказать, ни церковь, ни канонисты никогда не мѣшали, а папы даже сами устраивали *monti* ²⁾. Но въ то время, когда возникло и утвердилось церковное запрещеніе лихвы, такого различія еще не образовалось, и понятно,—почему, какъ это говоритъ и самъ авторъ ³⁾, „съ точки зрѣнія первыхъ христіанскихъ вѣроучителей и средневѣковыхъ канонистовъ взиманіе процентовъ есть ничто иное, какъ замаскированное ограбленіе ближняго, несправедливое отнятіе его достоянія“. Въ этомъ смыслѣ уже самый терминъ: проценты, на языкѣ каноническихъ источниковъ не вполне опредѣляетъ предметъ запрещенія, если подъ нимъ не разумѣть роста и лихвы, т. е., процентовъ ростовщическихъ. Но и въ такомъ, нѣсколько неопредѣленномъ, смыслѣ терминъ проценты у нашего автора то и дѣло замѣняется, заслоняется и расширяется чрезъ подстановку другихъ выраженій и обозначеній, не совсѣмъ равносильныхъ ⁴⁾. Въ результатѣ же подобныхъ подстановокъ получилось то, что

¹⁾ Стр. 73, 78—80, 89, 66.

²⁾ Стоитъ вниманія и то обстоятельство, что ни папы, ни вообще духовенство никогда не мѣшались въ установленіе вексельныхъ курсовъ.

³⁾ Стр. 71.

⁴⁾ На языкѣ г. Табашникова проценты и процентныя сдѣлки, точнѣе—ростъ и лихва, незамѣтно переходятъ: вообще въ „проценты и прибыли“, въ „сдѣлки прибыльныя“, въ „мѣновныя сдѣлки, рассчитанныя на прибыль“, во „всякую прибыль на затраченный капиталъ“, въ „обогащеніе при помощи барышей“, въ „накопленіе матеріальныхъ богатствъ“, во „взиманіе лишка противъ уступленнаго“. въ „сдѣлки выгодныя“, въ „матеріальныя выгоды“, въ „ростъ и торговлю“, въ „крайнюю потребность въ частномъ обмѣнѣ и въ добычѣ денегъ“, въ „приобрѣтательные обороты“, въ „возмездныя кредитныя сдѣлки, столь претивившія канонистамъ“, въ „банковыя операціи и банкирскія спекуляціи“, во „всякія договорныя выгоды, и лишки“, въ „выгоды, произтекающія изъ взаимныхъ имущественныхъ отношеній между людьми“, въ „плодоносимыя контракты“, въ „сребролюбивыя влеченія“, въ „общій и торговый оборотъ“, въ „гражданскій и торговый оборотъ“, въ „гражданскій оборотъ“, въ „свѣтскій оборотъ цѣнностей“, въ „болѣе усовершенствованный оборотъ цѣнностей“, въ „экономическій оборотъ и прогрессъ“, въ „главный источникъ челоувческаго благосостоянія, главный двигатель его прогрессивнаго развитія“, вообще во „всякія проявленія духа стяжанія“; но одинъ разъ и въ „подвиги на почвѣ обмана и обирательства“. Ср. стр. 96, 129, 80—81, 83, 73, 72, 88, 87, 67, 146, 109, 89, 108, 94—95, 66—67, 111, 193, 98, 101, 305, 104, 83, 86, 66, 99—158, и друг.

напр., ростовщичество и торговля, ростовщикъ и торговецъ, купецъ, ростовщикъ и банкиръ, на языкѣ нашего автора попеременно употребляются, безъ замѣтнаго оттѣнка въ различіи ихъ смысла.¹⁾ Ничего нѣтъ удивительнаго, что понятое и выставленное въ такомъ видѣ и смыслѣ, запрещеніе лихвы раздражило нашего автора, разбудило въ немъ нѣкоторую страстность, по временамъ приводитъ его въ такой „задоръ“ и „пагость“, чуть не „съ пѣной у рта“²⁾, который былъ бы не совсѣмъ обычнымъ въ проповѣди капуцина, съ кафедры деревенской церкви гдѣ нибудь въ Калабріи³⁾.

„Армія клериковъ во всѣхъ ея видахъ“⁴⁾ дѣйствовала однако не совсѣмъ по капризу или изъ одного желанія „подвергнуть населеніе экономическому самоубійству“⁵⁾. Въ своемъ стремленіи омусульманить европейскій міръ (т. е., обуздать ростовщиковъ) армія ссылалась не только на древнихъ философовъ и моралистовъ, на примѣры греческой и римской исторіи, на ветхозавѣтныхъ пророковъ, но и на ст. 35 гл. 6-й Еванг. отъ Луки, гдѣ (въ нагорной проповѣди) выражена заповѣдь Христа: „въ займы давайте, не ожидая ничего.“ Но по толкованію нашего автора, клерики и здѣсь неправы. По мнѣнію г. Табашникова, они увидѣли заповѣдь тамъ, гдѣ „высказанъ простой совѣтъ“, „рекомендація“, даже меньше того, — „благочестивое поже-

¹⁾ Напр., стр. 65, 71—73 80, 83, 86, 149, 158, 162, и друг.

²⁾ Стр. 354 со стр. 305.

³⁾ Дѣйствительно, нашъ авторъ не скупится на крѣпкія выраженія по адресу монаховъ и всякихъ „клериковъ“, начиная отъ папъ съ ихъ „литературными приспѣшниками“ (стр. 97, 277, 349). Вотъ на выдержку нѣсколько такихъ энергическихъ удареній: „самовѣренные и невѣжественные монахи“ (стр. 89), „не по разуму усердые богословы“ (стр. 379), „воинствующие церковники“, „восторженные и несговорчивые“, „прямолинейные люди“, „жертвая петля въ видѣ сонма разнообразныхъ церковныхъ приспѣшниковъ“, (стр. 384, 349, 361) и т. п. — Каковы люди, таковы и дѣла. Эти „прямолинейные люди“ не только систематически прививаютъ населенію предрасудки“ (стр. 65), „насилованно навязываютъ здоровой и молодой жизни противуестественныя стремленія“ (стр. 90): больше того, — они вообще „предприняли дѣло фундаментальнаго разрушенія общественнаго благосостоянія и водворенія въ христіанскомъ мірѣ на долгое время застою, примитивнаго экономическаго состоянія и полной апатіи“ (стр. 89). Но и это еще не все: „бессознательно“, а можетъ быть и сознательно, „близорукіе и фанатичные монахи“ стремились завести въ Европѣ „мусульманскій міръ“, „наложить на всю общественную и частную жизнь печать замкнутости, затворничества, неподвижности, застою и фатализма“, но кажется, безъ многоженства (стр. 99). „Да и чего можно было ожидать отъ людей... давшихъ обѣтъ нестяжанія“? (стр. 70).

⁴⁾ Стр. 105.

⁵⁾ Стр. 107.

ланіе“¹⁾. Да и совѣтъ преподавъ не всѣмъ: онъ рассчитанъ лишь на людей, желающихъ отрѣшиться отъ міра сего „и не есть идеаль“, къ которому должны стремиться міряне²⁾. Однимъ словомъ, воздержаніе отъ лихвы Христосъ лишь „совѣтовалъ“, „рекомендовалъ“, но ничего на этотъ счетъ обязательнаго не повелѣлъ; даже больше,—на счетъ всяческаго воздержанія Христосъ будто бы выразился, что „могій вмѣстити да вмѣститъ“; значить, даетъ понять авторъ, и воздержаніе отъ лихвы лишь могій вмѣстити да вмѣститъ, а оно вмѣстимо „очень немногимъ“.³⁾.

Правда, отцы церкви и вселенскіе соборы иначе понимали ст. 35 гл. 6-й Еванг. отъ Луки и ст. 12 гл. 19 Еванг. отъ Матфея. Но по этому поводу нашъ авторъ замѣчаетъ, что „уже первые прозелиты христіанскаго вѣроученія“, а потомъ средневѣковые фанатичные монахи исказили смыслъ ученія Христа“, „чисто евангельское ученіе подмѣнили христіанствомъ, пропущеннымъ сквозь призму, „черезъ пространительное толкованіе рекомендованной Іисусомъ Христомъ любви къ ближнему установили мнимо христіанскій принципъ“, и ввели „произвольно созданный религіозный догматъ“,—все это упреки, отъ которыхъ больше другихъ несвободенъ и одинъ изъ „первыхъ прозелитовъ христіанскаго вѣроученія“, Хризостомъ, или по—нашему—Іоаннъ Златоустъ⁴⁾.

Такова, въ изложеніи нашего автора, церковь и ея вліяніе въ средніе вѣка⁵⁾.

Не лучше были другіе органы и факторы средневѣковой жизни, какъ ихъ описываетъ нашъ авторъ.

¹⁾ Стр. 65, 66, 71, 73, 98.

²⁾ Стр. 78, 71.

³⁾ Стр. 65, 98.

⁴⁾ Стр. 66, 103, 82, 101, 67—68, 74.—Любопытенъ текстъ изъ какого-то евангелія: „не називайся на счетъ ближняго“ (стр. 85); текстъ вѣроятно находится въ какомъ нибудь спискѣ, до сихъ поръ не изданномъ.

⁵⁾ Одно напоминаніе. Что касается положенія, какое церковь занимала въ средніе вѣка по отношенію къ (подлиннымъ) торговлѣ и торговцамъ, достаточно вспомнить, что средневѣковые торги и ярмарки (messae—обѣдни) всего чаще происходили по поводу и во время церковныхъ праздниковъ и торжествъ, въ „замиренныхъ мѣстахъ“,—подъ сѣнью монастырей и церквей; многіе изъ нихъ и по сей день называются по имени святыхъ, своихъ патроновъ. И тутъ, нужно думать, автору повредила разсѣянность: онъ не замѣтилъ даже того, что на счетъ ярмарокъ есть у него же самого,—напр. стр. 235.

Начнемъ съ общественныхъ властей. „Общественныя власти того времени какъ самихъ торговцевъ, такъ и ихъ дѣла не только игнорировали, но и относились къ нимъ съ презрѣніемъ и даже подвергали преслѣдованіямъ“ ¹⁾. И въ частности, „вѣнценосныя особы во главѣ своего военнаго флота — тѣ же пираты, хотя и не профессиональныя“, а вообще „правители склонны были смотрѣть на гражданъ какъ на объектъ своего права собственности, какъ на вѣчный скотъ, обзаванный“ не только возить, но „питать и улаживать своего хозяина“ ²⁾. За правителями идетъ „благородное и великодушное рыцарство и иные герои большихъ дорогъ“ ³⁾. Всѣ они таковы повидимому потому, что „тогдашнія правительства, едва вступившія въ возрастъ дѣтства, не высвободившіяся еще изъ пеленокъ, съ готовностью подчинялись вліянію церкви“ ⁴⁾. Но и въ этой картинѣ тогдашнихъ властей не обошлось безъ нѣкоторыхъ преувеличеній, случившихся нужно думать, по забывчивости автора. Картина не вполне отвѣчаетъ даже тому, что, напр., у него же сказано на стр. 210—213, 215—216, а преслѣдованіе торговцевъ было, очевидно, не такое ужъ всеобщее, если оказывается, что, напр., „французское правительство въ дѣлѣ торговли постоянно обнаруживало стремленіе сообразовать свою регламентацію съ интересами и желаніемъ самихъ торговцевъ“ ⁵⁾.

Тѣмъ не менѣе авторъ твердитъ одно: „дикій произволъ и изумительно грубый цинизмъ“ — таковы „прекрасныя качества тогдашнихъ правительствъ не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ“ ⁶⁾.

Какъ „единичные факты произвола и цинизма“ правительствъ, авторъ приводитъ нѣкоторыя мѣры тогдашнихъ правителей противъ ростовщиковъ и ростовщичества. Уже первый христіанскій король франковъ, Хлодвигъ, а позднѣе Карлъ Великій (для нашего автора оба они повидимому государи Германіи) придавали весьма важное значеніе вопросу о лихвѣ и приняли противъ нея самыя энергичныя мѣры ⁷⁾. Мѣры нашъ авторъ объяснилъ тутъ же — вліяніемъ влериговъ.

¹⁾ Стр. 63.

²⁾ Стр. 113, 153,

³⁾ Стр. 115, 341.

⁴⁾ Стр. 102.

⁵⁾ Стр. 435.

⁶⁾ Стр. 150.

⁷⁾ Стр. 102—107.

Но непонятно для него другое: враждебное отношеніе обоихъ государей къ „лихвеннымъ сдѣлкамъ“ ни въ комъ не встрѣтило противо-дѣйствія: напротивъ,—оно „пустило глубокіе корни и надолго упрочилось въ сознаніи массы“. Такую „безразличность“ массы авторъ объясняетъ еще двумя общими соображеніями (кромѣ приведеннаго выше на-счетъ пеленокъ). а) Грубые варвары не особенно заботились о человѣчествѣ и потому „не уразумѣли, что запрещеніе лихвы и лихвенныхъ сдѣлокъ обрекаетъ человѣчество на вѣчный застой“, а ихъ самихъ можетъ „подвергнуть экономическому самоубійству“; б) никто не смѣлъ оспаривать „воззрѣній монаховъ“ и „противустоятъ многочисленной, компактной, дисциплинированной и воодушевленной одними и тѣми же стремленіями арміи клериковъ во всѣхъ ея видахъ.“

Прошло болѣе трехъ столѣтій времени Карла Великаго, образовалось французское королевство и французскій народъ, съ національнымъ королемъ; на престолѣ Франціи появляется одна изъ привлекательнѣйшихъ и поэтическихъ фигуръ среднихъ вѣковъ, Людовикъ IX-й. Францію въ это время наводнили разные кагорцы, ломбардцы, флорентинцы и другіе „итальянцы, а равно и евреи, или, какъ иногда ихъ называетъ г. Табашниковъ ¹⁾, юдеи. И нашъ авторъ долженъ сознаться, что всѣ эти итальянцы, а съ ними и евреи ²⁾ занимались главнымъ образомъ ростовщичествомъ, приобрѣли славу „первостатейныхъ ростовщиковъ“; такъ что итальянецъ (и кагорецъ) и ростовщикъ стали словами однозначущими“ и добавимъ,—даже бранными. Король велѣлъ выслать изъ Франціи всѣхъ этихъ „банкировъ“, давши однако имъ время (3 мѣсяца) для приведенія въ порядокъ ихъ „банковыхъ операцій“ и „банкирскихъ спекуляцій“, и съ оговоркою, что другіе иностранцы, непричастные къ „операціямъ“, могутъ оставаться во Франціи. Таковы тѣ „банкиры“, ихъ „операціи и „спекуляціи“, которыхъ, къ негодованію автора, не могъ“ вынести такой фанатично-благочестивый монархъ, какъ Людовикъ IX-й“ ³⁾.

Оставляя въ сторонѣ другіе подобные факты, мы только замѣтимъ, что а) очевидно церковь не такъ ужъ „зорко слѣдила за каждымъ шагомъ торговли и накрывала ее всюду“, если допустила цѣлое на-

¹⁾ Стр. 188.

²⁾ О послѣднихъ ср. и стр. 112, 186—188.

³⁾ Стр. 147—149.

шестіе на Францію иноземныхъ или иновѣрныхъ банкировъ“; б) очевидно, „усовершенствованный оборотъ цѣнностей“, какой завели эти банкиры, надолго остался въ памяти французскаго народа, если даже и теперь слово *cahotzain* — синонимъ ростовщика и пройдохи; в) что чрезъ этотъ „усовершенствованный оборотъ“ масса населенія Франціи повидимому хорошо познакомилась съ векселями, чѣмъ вѣроятно и объясняется исконное во Франціи преданіе, будто векселя придумали евреи или же набѣжавшіе во Францію итальянцы, — все равно гибеллины или гвельфы; г) что въ данномъ случаѣ Людовикъ IX-й поступилъ такъ, какъ въ правѣ поступать и правительство нынѣшней французской республики.

Остаются еще юристы и юриспруденція. Авторъ — самъ юристъ, да еще и цивилистъ, но все же онъ не особенно высокаго мнѣнія о юристахъ и юриспруденціи¹⁾. Тѣмъ болѣе онъ не расположенъ къ юристамъ средневѣковымъ²⁾ и въ особенности не равнодушенъ къ славіи извѣстнаго Бальда: можно подумать, что у нихъ были какіе нибудь личные счеты³⁾. А вообще въ глазахъ нашего автора „средневѣковые легисты тѣмъ меньше заслуживаютъ снисхожденія, что канонисты были ихъ „союзниками“; стало быть, и первые раздѣляли принципы теократіи, и слѣдовательно одобряли „теократическую косность ученія канонистовъ“⁴⁾. Но опять замѣтимъ нѣкоторую неточность: авторъ очевидно не принялъ во вниманіе той роли, какую играли легисты, напр., въ столкновеніи короля Филиппа Красиваго съ папою Бонифатіемъ VIII-мъ.

Изложивши, — нѣсколько индивидуально, хотя, несомнѣнно, и чистосердечно, — „ученіе монаховъ о лихвѣ“, показавши, тоже не безъ преувеличеній, каковы были средневѣковые правители, что дѣлали и

¹⁾ Стр. 432.

²⁾ Ср. стр. 35, 52, 218, 40, 47, 44, 46, 53.

³⁾ Бальдъ (*Baldus*) — изъ такъ называемыхъ постъгlossаторовъ, жилъ въ XIV столѣтіи, умеръ въ 1400 году. Что у нихъ случилось съ нашимъ авторомъ, угадать трудно. Но акцентъ у г. Табашникова становится замѣтно-рѣзкимъ, какъ только онъ вспомнитъ объ этомъ „свѣтилѣ средневѣковой юриспруденціи“. „Возвеличенный ученый“! „прославленный средневѣковый юристъ“! „человѣкъ съ узкимъ кругозоромъ, преданный схоластикѣ“, „весь съ головою ушедшій въ механическое изученіе законодательныхъ памятниковъ Юстиніана“ „точнется около предложеннаго его рѣшенію вексельнаго письма“, и проч.

⁴⁾ Стр. 64.

каковы были средневековые юристы и ихъ юриспруденція, авторъ восклицаетъ: „вотъ при какихъ условіяхъ долженъ былъ происходить въ то время экономическій оборотъ“ ¹⁾! Во всемъ виноваты монахи: они пропустили сѣвозъ приаму чисто евангельское ученіе и тѣмъ превратили его въ христіанство, они смущали тогдашнихъ правителей, они же въ качествѣ „союзниковъ“, испортили средневековыхъ юристовъ и юриспруденцію, и въ концѣ концовъ только путали и затрудняли ростовщиковъ съ ихъ „лишками“.

Но и вообще средніе вѣка нашъ авторъ рисуетъ чрезвычайно мрачно ²⁾, и картина становится еще темнѣе вслѣдствіе его особыхъ воззрѣній на ихъ продолжительность: свои средніе вѣка г. Табашниковъ протягиваетъ на два столѣтія дольше, чѣмъ это принято, — до конца не 15-го, а 17-го столѣтія ³⁾. И на всемъ этомъ протяженіи —, не десяти, а двѣнадцати столѣтій, — характеръ среднихъ вѣковъ одинъ и тотъ же: крайнее невѣжество, ослѣпленный фанатизмъ, изумительное изуверство, преслѣдованіе торговли и вообще гражданскаго оборота, кулачное право, грабежъ, разбой, словомъ, несмолкаемое: караулъ! ⁴⁾. Можно лишь удивляться, какъ при тѣхъ „бытовыхъ условіяхъ“, какія изложены у нашего автора, могли сохраниться и размножиться расы и народы Европы. Но какъ бы тамъ ни было, уже и при общепринятой продолжительности среднихъ вѣковъ, краски, пригодныя для ихъ первой половины, едва ли годятся для второй половины.

Авторъ не боится распространеній, то и дѣло впадаетъ въ повторенія, лишь бы только освѣтить и показать „совокупность быто-

¹⁾ Стр. 86.

²⁾ Стр. 325, 341.

³⁾ Въ самомъ дѣлѣ, писатели XVI и XVII столѣтія (Стракка, Скачча, Рафаэль-де-Турри) оказываются „средневековыми“, хотя въ перепечаткахъ автора показаны годы перваго изданія ихъ сочиненій (стр. 44—46, 233; стр. 9, 19 и 46 прим.). Далѣе: не только въ концѣ XV, но и въ концѣ XVII стол., „печатное дѣло едва выходитъ изъ колыбели“ (стр. 44 прим.). — Словомъ, по воззрѣніямъ и на языкъ нашего автора въ средніе вѣка попадаютъ эпоха возрожденія и реформація, да и вѣкъ Людовика XIV въ значительной степени оказывается ни въ новой исторіи и въ среднихъ вѣкахъ.

⁴⁾ Было бы интересно, если бы авторъ подробнѣе опредѣлилъ содержаніе того „новаго правосозерцанія“, какое, при подобныхъ условіяхъ, должно было выработаться въ средніе вѣка, въ отличіе отъ „отжившаго правосозерцанія римлянъ“ (стр. 218, 40).

выхъ условій, которыя превратили вексель изъ простаго средства перевода и обмѣна денегъ въ процентную сдѣлку“ и „обусловили собою всѣ его дальнѣйшія формаціи“ ¹⁾. Вся эта совокупность сдѣплена и связана однимъ узломъ—„мертвящимъ вліяніемъ клериковъ и созданнаго ими ученія о лихвѣ“. Потому при изложеніи бытовыхъ условій въ ихъ совокупности и въ отдѣльности авторъ непрерывно фиксируетъ „вѣковое оцѣпененіе, въ какомъ держало торговлю духовенство, когда каноническая догма о процентахъ изъ области отвлеченныхъ вожделѣній спустилась на почву дѣйствительной жизни, стала безпощадно и неутомимо угнетать гражданскій и торговый обороты“ ²⁾. Но дѣйствительно ли въ такихъ условіяхъ совершилось „прошлое“ векселя?

До г. Табашникова каноническое ученіе о лихвѣ и борьба церкви съ ростовщиками въ исторіи векселя освѣщены и оцѣнены въ томъ смыслѣ, что ничего не имѣя противъ тратты, церковь какъ могла, охраняла послѣднюю въ сея подлинномъ видѣ и назначеніи, препятствовала злоупотребленіямъ траттою со стороны ростовщиковъ. Этимъ объясняется, почему именно канонисты, а не юристы, первые обратили вниманіе на тратту, почему далѣе канонисты всячески старались установить внѣшніе признаки и различія, по которымъ можно распознать вексель подлинный, т. е., дѣйствительную тратту, отъ векселя „сухого“, „прелюбодѣйнаго“, т. е., ростовщическаго; этимъ же объясняется, почему такъ называемый простой вексель могъ появиться гораздо позднѣе, уже въ странахъ протестантскихъ, и почему во Франціи простой вексель еще и теперь не приравненъ къ траттѣ.

Для г. Табашникова вліяніе церкви и значеніе воспрещенія лихвы отразилось на траттѣ совершенно иначе. Правда, онъ знаетъ и не разъ повторяетъ, что противъ подлинной тратты церковь ничего не имѣла, что сами папы пользовались траттою для перевода сборовъ своей десятины; у него же приведена булла отъ 1575 г., гдѣ папа (Пій V-й) прямо начинаетъ съ заявленія, что „законное употребленіе векселей, введенное необходимостью и общественной пользою, настолько обезображивается стремленіемъ къ противузаконной наживѣ, что

¹⁾ Стр. 145.

²⁾ Стр. 193, ср. стр. 385.

многіе подѣ видомъ такихъ векселей предаются ростовщическому разврату¹⁾. Самъ же авторъ, вслѣдъ за другими, рассказываетъ, какъ ростовщики старались исказить тратту для прикрытія своихъ „процентныхъ займовъ и прибыльныхъ сдѣлокъ“²⁾. Приемы тогдашнихъ ростовщиковъ были тѣ же, что и теперешнихъ ихъ собратьевъ: выражаясь словами нашего автора, они „продѣлывали аллюры обыкновеннаго векселя“, т. е., тратты, придавая чрезъ это своимъ лишкамъ видъ „вексельныхъ плодовъ“³⁾. И все же, если кто въ глазахъ нашего автора заслуживаетъ порицанія, то ужъ никакъ не ростовщики съ ихъ „злокачественнымъ обирательствомъ“⁴⁾; нѣтъ,—имъ де ничего не оставалось, какъ прибѣгнуть къ траттѣ, „чтобы обойти вѣчно душившій ихъ кошмаръ въ видѣ запрещенія взиманія процентовъ“⁵⁾, хотя процентовъ „разбойныхъ“. Неправы тутъ канонисты съ ихъ попытками помѣшать ростовщикамъ исказить тратту; но эти попытки ничего болѣе, какъ „боданіе быка, котораго не умѣли схватить тогда прямо за рога, а только около него суетились, ставя ему чисто формальныя крючкотворныя препятствія“⁶⁾. Какъ же со всѣмъ этимъ связана тратта если не въ своемъ возникновеніи, то въ своихъ „формаціяхъ“?

Многословныя разсужденія⁷⁾ автора въ оправданіе потребности пріобрѣтать лишки не мало затемняютъ смыслъ его соображеній о благодѣтельномъ вліяніи ростовщиковъ на развитіе тратты. Но въ концѣ концовъ все же выводъ оказывается во славу ростовщиковъ: своими „ехидными уловками“, „хитрыми маневрами“ они придали траттѣ коммерческое значеніе, превратили его въ кредитную бумагу, словомъ, создали вексельный кредитъ⁸⁾. Положимъ, на значеніе ростовщиче-

¹⁾ Стр. 272.

²⁾ Стр. 100—101, 192—144, 265—266, 281, 283 и друг.

³⁾ Стр. 269, 266.

⁴⁾ Ср. стр. 364—372, 379.

⁵⁾ Стр. 273, 194.

⁶⁾ Стр. 379.

⁷⁾ Ср. стр. 109, 73, 82, 101 и друг.

⁸⁾ Стр. 129, 21—22; ср. стр. 265.—По поводу „хитросплетеній“ средневѣковыхъ ростовщиковъ,—хитросплетенія вызываютъ просто восхищеніе у нашего автора (ср. напр. стр. 98),—нелишне замѣтить, что и наши нынѣшніе ростовщики, не знакомые ни съ Бальдомъ и Кальдерономъ, ни съ Сотто и съ Новарра, ни съ Стракка и Скачча, ни съ Рафаэлемъ де-Турри или Лессіемъ, проявили достаточно изворотливости въ своихъ „операціяхъ и спекуляціяхъ“, особенно до отиѣмъ законной нормы договорныхъ процентовъ.

ства въ исторіи векселя иначе смотрятъ первые камбисты, т. е., свѣтскіе писатели по вексельному праву. Они жили и писали въ XVI и XVII столѣтіяхъ, близко знали всю технику вексельнаго дѣла, во-очію наблюдали извороты тогдашнихъ ростовщиковъ. Но ихъ авторитетъ не важенъ: одни изъ нихъ еще „не могутъ разстаться съ монашескимъ міросозерцаніемъ“, другіе же не умѣютъ „комбинировать матеріалъ“, которымъ пользуются, и не свободны отъ увлеченія Бальдомъ, а къ послѣднему особенно не расположенъ нашъ авторъ ¹⁾.

Но ближайшіе поводы возникновенія векселя—не вліяніе церкви и не разныя политическія особенности среднихъ вѣковъ; поводы кроются непосредственно въ тогдашнихъ экономическихъ условіяхъ.

Въ изложеніи экономическихъ условій ²⁾ авторъ сначала распространяется о положеніи Европы послѣ паденія Западной Римской Имперіи, и вообще въ средніе вѣка, причемъ, конечно, во многомъ повинны елерики и затянута ими „мертвая петля“ ³⁾. Но собственно вся эта трата словъ на характеристику среднихъ вѣковъ и мертвой петли могла бы быть замѣнена простымъ напоминаніемъ о тогдашнихъ средствахъ и путяхъ сообщенія, какъ объ одномъ изъ ближайшихъ бытовыхъ условій возникновенія и развитія тратты ⁴⁾. Въ итогѣ

Черезъ фальшивую помѣту даты, черезъ фиктивное означеніе валюты, черезъ включеніе удержанныхъ процентовъ въ сумму векселя, вообще черезъ всѣ „аллюры обыкновеннаго векселя“, ростовщическіе векселя и теперь закрываются „благочестивою вышнностью“ коммерческаго векселя (стр. 109), и въ большинствѣ случаевъ пользуются защитой вексельнаго Устава, хотя послѣдній составленъ не для нихъ. Въ этомъ отношеніи нашихъ современниковъ (въ Россіи) еще свободнѣе: они орудуютъ не траттою, а простымъ векселемъ, и потому не имѣютъ надобности маскировать свои сдѣлки разницей (фиктивныхъ) вексельныхъ курсовъ“ (стр. 363).—Быть можетъ, современники даже изобрѣтательнѣе: въ „комбинаціяхъ“ поддѣльныхъ подписей нашли для векселя такое *вѣрное* обезпеченіе платежа, которое далеко оставляетъ за собою аваль, поручительство, закладъ и залогъ.

¹⁾ Стр. 85, 306, 359, 362.

²⁾ Стр. 110—239.

³⁾ Стр. 385.

⁴⁾ Вообще нужно замѣтить, что не только хронологія, но и топографія историческихъ событій для нашего автора не имѣютъ особаго значенія. Напр., Крестовныя Походы окончены уже въ 1190 г. (стр. 143), хотя черезъ четыре страницы (147—148) говорится о возвращеніи Людовика IX изъ Палестины: вѣроятно авторъ полагаетъ, что „фанатично-благочестивый монархъ“ былъ тамъ просто на поклоненіи. Или еще: Ліонъ оказывается при сліяніи Роны и Арны, а Генуя и Женева—одно и тоже (стр. 43, 259, 261, 262, 264, 279, 288) Не мало наконецъ и нѣсколько свободныхъ сближеній; таково, напр. сближеніе „въ извѣстной степени“ графовъ Карла Великаго съ „нынѣшними русскими губернами“ (стр. 107, прим.).

разныхъ соображеній о неудобствахъ среднихъ вѣковъ и нѣсколько продолжительныхъ заимствованій у Неймана относительно Ганзы ¹⁾ описывается ²⁾, будто,—безотносительно къ мѣсту и времени,—купцы, а нѣкто другой, занялись переводомъ денегъ и выдачей траттъ на своихъ агентовъ и факторіи, чтобы не оставлять въ праздности своихъ „запасныхъ денегъ“. Этимъ опять извращенъ тотъ, за сто лѣтъ назадъ и безповоротно установленный Мартенсомъ, фактъ, что въ средніе вѣка, какъ и теперь, организованный переводъ суммъ съ мѣста на мѣсто былъ спеціальнымъ промысломъ банкировъ. Впрочемъ объ этомъ говорится и у нашего автора, но въ другихъ мѣстахъ изслѣдованія ³⁾.

Неудобства и опасности средневѣковыхъ путей сообщеній—такова первая нужда, для которой понадобился вексель. Не безъ вліянія осталось и еще одно обстоятельство—поступленія оборотовъ папской десятины. Здѣсь авторъ вѣрно пересказываетъ то, что уже не разъ сказано другими,—и можно лишь пожалѣть, что и здѣсь онъ не воздерживается отъ частаго употребленія крѣпкихъ словъ и выраженій по различнымъ адресамъ ⁴⁾.

Третья нужда, третье условіе—состояніе монетнаго дѣла въ средніе вѣка ⁵⁾. Наконецъ четвертая нужда—роль и своеобразная организція ярмарокъ въ средніе вѣка,—то и другое мастерски разъяснено и наглядно показано еще у Фремери. Но у г. Табашникова ⁶⁾ роль и значеніе ярмарокъ въ исторіи тратты выходятъ какими-то смутными, неопредѣленными и неотчетливыми; трудно даже сказать, съ какой

¹⁾ Въ своемъ обзорѣ средневѣковой Европы авторъ скоро оставляетъ Югъ и Западъ и (съ Нейманомъ въ рукахъ) прямо поворачиваетъ въ Ганзейскіе города, быть можетъ, въ предположеніи, что торговое движеніе на берегахъ Средиземнаго и Сѣвернаго морей началось и шло параллельно, а торговая дѣятельность и связи Любека, Гамбурга, Новгорода современны такой же дѣятельности Амальфи, Пизы, Генуи, Барселоны. Изъ Гамбурга и Любека авторъ завернулъ въ Новгородъ, рассказалъ, какъ во время одного изъ народныхъ волненій толпа сняла съ нѣмцевъ не только Schuhen, но и Hosen aus. Неблагопріятное впечатлѣніе картины тотчасъ же смягчается: „русскіе того времени были такими же дѣтьми своего времени, какъ остальные ихъ современники“ . . . (стр. 122—126).

²⁾ Стр. 127—129, 131—132; ср. стр. 248.

³⁾ Напр., стр. 132, 146—147, 174, 189, 238.

⁴⁾ Стр. 129—177, 196.

⁵⁾ Стр. 146, 133—140.

⁶⁾ Стр. 199, 352, 377, 196—239.

стороны и въ чемъ, по мнѣнію автора, ярмарки оказали вліяніе на развитіе тратты. Общепринятое мнѣніе, что ярмарки прибавили къ траттѣ акцентъ, нашъ авторъ отвергаетъ, но отвергаетъ, кажется, голословно, и забывши то, что въ другомъ мѣстѣ сказано и рассказано у него же самого ¹⁾. Мало того, — обращая вниманіе на мелочи ²⁾, онъ не замѣтилъ ярмарокъ безансонскихъ, какъ ярмарокъ спеціально вексельныхъ, безъ всякой товарной торговли, учрежденныхъ единственно для расчетовъ (сконтраціи) по вексямъ и для установленія вексельныхъ курсовъ.

Таковы экономическія условія, „нужды средневѣковаго оборота“, вообще „обстоятельства“, которыя и въ изложеніи нашего автора обусловили происхожденіе и первое развитіе тратты; а еще на одно обстоятельство, на крестовые походы, онъ указалъ раньше ³⁾, хотя нѣсколько (на цѣлое столѣтіе) и поспѣшилъ окончить эти походы. Съ такимъ объясненіемъ происхожденія тратты согласится всякій; но вѣдь авторъ общалъ, и не разъ, — иначе чѣмъ другіе вывести происхожденіе тратты и предложить совершенно „новую комбинацію обстоятельствъ“ ⁴⁾.

Результаты, добытые на пространствѣ трехъ первыхъ главъ изслѣдованія, не удовлетворяютъ и самого автора. „Мы охотно“ говоритъ онъ, „признаемъ, что намъ не удалось разъяснить, въ какой послѣдовательности и связи обстоятельства вліяли на возникновеніе и упроченіе идеи нашего института“ ⁵⁾. И это правда. Но правда еще больше. Благодаря разнымъ уклоненіямъ, отступленіямъ и распротраненіямъ, прошлое тратты не только не разъяснено лучше чѣмъ у другихъ, но даже затемнено: всѣ отчетливыя линіи и моменты въ развитіи тратты, какіе были выяснены другими, указаны и на русскомъ языкѣ, напр., въ статьѣ проф. Осипова, — всѣ исчезаютъ въ изложеніи нашего автора.

Собственно 3-й главой авторъ могъ бы закончить свое изслѣдованіе какъ „изслѣдованіе того фактическаго содержанія, которое въ

¹⁾ Стр. 326 и стр. 236—238.

²⁾ Напр., на устройство даже площади въ Антверпенѣ, — стр. 208—210.

³⁾ Стр. 143—144.

⁴⁾ Ср. стр. 109.

⁵⁾ Стр. 243.

разныя эпохи облекалось въ вексельную сдѣлку“ ¹⁾ Но онъ добавилъ еще двѣ главы—4-ю и 5-ю.

Во главѣ 4-й ²⁾ рѣчь идетъ о разныхъ моментахъ уже юридической стороны, какъ то: о составныхъ частяхъ тратты, объ увѣдомительныхъ письмахъ, объ экземплярахъ векселя, о протестѣ, о платежѣ за честь и проч. Послѣ вопроса о происхожденіи наиболѣе интересный и важный вопросъ въ исторіи средневѣковой тратты—о происхожденіи акцепта. Тутъ между прочимъ интересно появленіе правила: *chi accetta—paghi*, а равно и другое правило, не принятое въ современномъ правѣ—объ освобожденіи трассанта, какъ скоро тратта акцептована.

Но въ главѣ 4-й акцентъ не особенно занимаетъ нашего автора, про его особенности въ средніе вѣка онъ или упоминаетъ или вмѣсто фактовъ подставляетъ свои личныя соображенія ³⁾ и въ силу таковыхъ, какъ уже сказано прежде, отвергаетъ возникновеніе акцепта на ярмаркахъ, хотя за таковое есть слишкомъ много данныхъ и доводовъ напр., у Фремери и Бинера. Въ общемъ же изложеніе и этой главы не свободно отъ обычныхъ недостатковъ автора и съ разными выходками по адресу „благочестивыхъ служителей алтаря и ученыхъ богослововъ“, этихъ „прямолинейныхъ людей“ и т. п. ⁴⁾.

Наконецъ глава 5-я посвящена индоссаменту. Безспорно, во всемъ изслѣдованіи это самый неудачный, почти несчастный отдѣлъ, хотя въ исторіи векселя индоссаментъ—наиболѣе трудная и наиболѣе интересная тема. Съ индоссаментомъ тратта вступаетъ въ новую исторію; онъ вырываетъ ее изъ ревнивыхъ рукъ банкировъ и дѣляетъ ее достояніемъ всего коммерческаго люда,—торговли товарной и иной, а не только банкирской. Любопытно взглянуть, что же сказано обо всемъ этомъ у нашего автора.

Прежде всего—вопросъ: откуда и какимъ образомъ возникъ индоссаментъ? Авторъ отвѣчаетъ на вопросъ не разъ и всегда не одинаково. Такъ,—съ одной стороны,—„если вникнуть въ существо индоссамента, то его необходимо будетъ характеризовать какъ уступку

¹⁾ Предисл. стр. VI—VII.

²⁾ Стр. 240—380.

³⁾ Стр. 315—322.

⁴⁾ Стр. 350, 361.

обязательства со стороны кредитора безъ участія въ этомъ дѣлѣ должника¹⁾),—черта не особенно характерная для „существа индоссамент-та и совершенно невѣрная, если изъ-за этого индоссаментъ есть цессія и возникъ какъ таковая²⁾). Но затѣмъ уже другое объясненіе: „если свести къ одному знаменателю, если сопоставить между собою всѣ способы передачи и прослѣдить ихъ взаимную связь и послѣдовательность, то нельзя будетъ не прійти къ заключенію, что всѣ они возникли изъ естественнаго права ремиттента поручать полученіе платежа своему повѣренному“, такъ что индоссаментъ „замѣняетъ собою формальную довѣренность³⁾),—объясненіе, пригодное развѣ для редакторовъ новаго Устава о гербовомъ сборѣ. А еще раньше опять иначе: авторъ признаетъ справедливость мнѣнія, высказаннаго Мартенсомъ, что „первый толчекъ индоссаментъ получилъ на ярмаркахъ въ институтѣ сконтрированія“⁴⁾). Итакъ на 40 страницахъ три различныхъ объясненія; сейчасъ будутъ и другія.

Еще любопытнѣе объясненіе вексельной солидарности а). Для нашего агтора эта солидарность—не только для должниковъ, но и для кредиторовъ (??); б) она выведена изъ „существа индоссамента какъ цессія“. Опредѣливши и объяснивши солидарность нѣсколько по-своему, авторъ увѣряетъ, будто „въ этомъ своемъ видѣ вексель унаслѣдованъ и нашимъ временемъ⁵⁾),—увѣреніе довольно рискованное. Столь же, если не болѣе, рискованно и четвертое объясненіе происхожденія индоссамента—черезъ выведеніе его изъ бумагъ на предъявителя⁶⁾). При такомъ объясненіи неизбежно допустить, что вексель на предъявителя предшествовалъ векселю именному, былъ вытѣсненъ послѣднимъ и замѣненъ индоссаментомъ⁷⁾). Но ничего подобнаго не было,

¹⁾ Стр. 422.

²⁾ Стр. 424—425.

³⁾ Стр. 417, 429.

⁴⁾ Стр. 389.

⁵⁾ Стр. 425.

⁶⁾ Стр. 397—417, 423, 430—432.

⁷⁾ Стр. 396—403, 413; ср. и 422. — Это четвертое объясненіе могло бы быть избѣгнуто, если бы авторъ справился у кого нибудь (напр. у проф. Нерсесова) о бумагахъ на предъявителя и не увлеклся бы полемикой, напр., съ Биверомъ; тѣмъ болѣе, что для такой полемики, казалось, бы безразличны какъ статьи изъ Ордонакса Людовика XIV и грамматическое толкованіе слова: *ragere*, приведенное изъ Savary, такъ и біографія Savary (стр. 435—437, 427—428).

за то извѣстно нѣчто другое: даже въ настоящее время вексель на предъявителя допущенъ лишь въ Англіи.

И въ главѣ 5-й не обошлось, разумѣется, безъ рѣзкихъ интонацій въ посрамленіе все тѣхъ же клериковъ и разныхъ церковниковъ. По этому поводу нашъ авторъ даже готовъ дать еще одно, дополнительное и по счету *пятое*, объясненіе происхожденія индоссамента. Вотъ оно: „по мѣрѣ того, какъ . . . рвеніе преслѣдованія процентовъ стало мало по малу ослабѣвать и сознаніе необходимости платнаго(?) кредита начало уже побуждать слѣпой фанатизмъ и упорство богослововъ“, тутъ и совершилась „метаморфоза“,—т. е., появился индоссаментъ. Послѣ этого нечего и говорить, что „передаточныя надписи не могли появиться тамъ, гдѣ духовенство продолжало держать въ своихъ тискахъ общественный строй, гдѣ его вліяніе еще не настолько ослабѣло, чтобы не было особенной надобности считаться съ его предразсудками“, а за тѣмъ слѣдуетъ уже извѣстная „мертвая петля“ и т. д.¹⁾ Къ сожалѣнію, авторъ не принялъ въ расчетъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ, не безразличныхъ для вопроса. а) Едва ли въ исторіи векселя есть другой моментъ, къ которому такъ мало были бы причастны „клерики“, какъ къ появленію индоссамента: индоссаментъ возникъ и уже запрещается къ 17 столѣтію, а между тѣмъ объ немъ въ эту пору ничего не знаютъ не только канонисты, но и свѣтскіе юристы. б) Индоссаментъ не могъ появиться тамъ, гдѣ „духовенство продолжало держать въ тискахъ“ и т. д.? Но какъ же это случилось, что онъ впервые появился именно въ странахъ католическихъ, а не въ протестантскихъ? Или тиски духовенства перемѣстились на родину Лютера и Меланхтона?

Наконецъ, авторъ не оставилъ въ сторонѣ и вопроса о мѣстѣ и времени происхожденія индоссамента. „Родиной индоссамента слѣдуетъ считать Францію, и передаточная надпись окончательно сложилась во Франціи въ промежутокъ времени между 1620 и 1650 гг. такъ что менѣе чѣмъ въ 30 лѣтъ торговый людъ Франціи съ нею вполне освоился“²⁾. Но и тутъ упущено изъ виду кое-что. У самого же автора есть ссылка на запрещеніе индоссамента въ Франкфуртѣ-на

¹⁾ Стр. 382—383; 419—420.

²⁾ Стр. 425, 428—430. Такъ рѣшенъ вопросъ съ словъ Savary, сочиненіе котораго (Le parfait négociant) оказалось у нашего автора учебникомъ (стр. 403).

Майнѣ уже въ 1620 г., у него же упомянутъ Боценскій Уставъ 1635 г., въ которомъ тоже заурещенъ индоссаментъ;¹⁾ Но еще важнѣе другое: первое историческое свидѣтельство объ индоссаментѣ находится не у Савари и не въ Ордовансѣ Людовика XIV-го (1673 г.), а въ такъ называемой прагматической санкціи неаполитанскаго короля отъ 1607 г., гдѣ индоссаментъ уже разрѣшенъ, но разрѣшенъ съ ограниченіемъ: не болѣе двухъ разъ для одной тратты.

Таково содержаніе изслѣдованія г. Табашникова, если не считать еще алфавитнаго указателя, бесполезнаго для справки о такихъ словахъ, какъ базаръ, Бинеръ, валюта, ключи Св. Петра, монета, *pagate*, и проч.

Въ заключеніе предисловія „авторъ проситъ учителя извиненія за „частое повтореніе нѣкоторыхъ положеній и извѣстную растянutosть изложенія, недостатки“, говоритъ онъ, „вкрапіеся въ книгу вслѣдствіе обширности и спѣшности и замѣченные имъ, авторомъ, при отпечатаніи и сравненіи между собою единичныхъ отдѣловъ изслѣдованія“²⁾. Можно подумать, что съ своею работою авторъ ознакомился только уже по отпечатаніи, а во время писанія и печатанія не всегда отчетливо себѣ представлялъ, что и сколько разъ имъ уже сказано раньше и что будетъ сказано потомъ. Кромѣ того, обширность и растянutosть въ извѣстной степени должны быть отнесены напр., и на счетъ не совсѣмъ соразмѣрныхъ отступленій и нѣсколько частыхъ воспоминаній о клерикахъ съ ихъ тисками и фанатизмомъ, а также и на счетъ не совсѣмъ соразмѣрныхъ отступленій въ пользу ростовщиковъ съ ихъ „лишками“ и „веселыми плодами“³⁾.

¹⁾ Стр. 439.

²⁾ Предисл. стр. VII.

³⁾ Спѣшность также была не малая. Она помѣшала автору перевести нѣкоторыя географическія названія въ современный и въ Россіи употребительный видъ, напр., Піаченца, а не Пльзансъ, Палермо, а не Панорма, и друг. Точно также авторъ не успѣлъ исправить ошибки въ произношеніи нѣкоторыхъ иностранныхъ именъ, какъ напр. Страха (стр. 48). Или: безъ той же спѣшности авторъ, нѣтъ сомнѣнія, привелъ бы въ извѣстность, что Генуа и Женева различно называются и по-итальянски (*Genova*, *Ginevra*), что къ половинѣ XVII столѣтія не Франція была „главной торговой страной“ (стр. 423) и проч. Точно также, только спѣшность можетъ объяснить счетную ошибку въ родѣ той, какая случилась на стр. 176, гдѣ оказывается, что отъ 1325 года X столѣтіе отстоитъ всего на два вѣка. Ошибка сама по себѣ неважна, но она сейчасъ же повлекла за собою другую, болѣе существенную,—когда авторъ рѣшительно увѣряетъ будто „во Франціи мѣняльный промыселъ дѣйствительно существовалъ уже въ X вѣкѣ“, и т. п.

Неудачи, заявленные авторомъ, повели за собою рядъ другихъ недостатковъ, о которыхъ онъ не считалъ нужнымъ засвидѣтельствовать уже самъ. Не будемъ останавливаться на научномъ аппаратѣ автора ¹⁾, оставимъ въ сторонѣ и неряшливость изложенія.

Прежде всего,—хорошо, что никто не сомнѣвается въ пользѣ историческаго изученія вексельнаго права. Иначе, прочитавши изслѣдованіе г. Табашникова и не зная другихъ изслѣдованій на ту же тему, можно безповоротно и на всегда увѣровать въ полную бесполезность „историческаго приѣма“ ²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, по изслѣдованію г. Табашникова никто даже не догадается, что есть, напр., коренное различіе между романскимъ и германскимъ воззрѣніями на тратту,—различіе не совсѣмъ сглажено и по сей день. Никому изслѣдованіе г. Табашникова не объяснитъ, откуда та важная роль, какую напр., въ англійскомъ правѣ и теперь играетъ валюта (*good consideration*); откуда условная отвѣтственность трассанта, откуда и что значитъ правило французскаго кодекса: *l'acceptation suppose la provision*, откуда, такъ долго и почти вездѣ признавалась необходимость разницы мѣстъ выдачи и платежа, почему, кромѣ Англій, не допускается включеніе процентовъ въ траттѣ и даже въ простомъ векселѣ и т. д.—Настолько удалось автору возстановить „преемственную связь между нынѣ дѣйствующими и прежде существовавшими формами векселя“ ³⁾.

Но авторъ разсмотрѣлъ не только фактическую сторону; онъ затронулъ, и довольно подробно, и юридическую сторону своей темы. Но и въ этой части изслѣдованія его успѣхи не сразу очевидны: онъ сбился напр., на акцептѣ, а на индоссаментѣ прямо растерялся. ⁴⁾.

¹⁾ Для такой широкой постановки задачи („прослѣдить жизненный путь“, и т. д.) научный аппаратъ автора, быть можетъ, недостаточенъ, да и нѣсколько старъ. Но и этимъ сравнительно ограниченнымъ матеріаломъ онъ пользуется довольно своеобразно: набираетъ больше отрывочные факты, нужные и ненужные и даже вредные, т. е., противъ себя. Потому его цитаты до нѣкоторой степени похожи на случайный сборъ всякихъ анекдотовъ и разныхъ *curiosa*. Попадаетъ, напр., одна цитата: *T. Livii Patavini Historiarum libri qui supersunt, liber III, cap. и проч.*, есть одинъ разъ и *Pertz, Monumenta Germaniae*, есть разъ *Glück*, разъ *Pardessus (Collection)*, есть и *Montesquieu* и почему то съ указаніемъ года и мѣста изданія (Лейпцигъ и Амстердамъ, 1763 г.),—вѣроятно, тамъ есть особые варианты, неизвѣстные въ обыкновенныхъ изданіяхъ французскихъ классиковъ.

²⁾ Стр. 12.

³⁾ Предисл. стр. VII.

⁴⁾ Духъ свары не оставляетъ автора даже послѣ неудачи съ индоссаментомъ. На послѣднихъ страницахъ (440—442) своего изслѣдованія онъ возражаетъ Гёцу, оговорившись, что монографіи Гёца (*Giro*) онъ не читалъ и знакомъ съ вею лишь по ссылкѣ въ

Поэтому едва-ли оправданы надежды автора, что его изслѣдованіе можетъ пригодиться для законодательства и для практики. Что можетъ узнать изъ него законодатель? Не повѣрить же онъ, что, напр., нерасположеніе европейскихъ народовъ къ ростовщикамъ и къ ихъ „добычѣ денегъ“ есть предрассудокъ и причуда, искусственно привитые монахами и другими церковными приспѣшниками. И какое положеніе долженъ былъ бы занять законодатель, если бы онъ вздумалъ воспользоваться выводами изъ разсмотрѣннаго изслѣдованія и по нимъ опредѣлить свое отношеніе къ векселю? Немедленно уничтожить вексель и отмѣнить все вексельное законодательство. Въ самомъ дѣлѣ, пожившись на изслѣдованіе г. Табашникова, неизбѣжно и послѣдовательно нужно прійти къ тому, что вексель есть только „историческій продуктъ, устарѣвшая форма правоотношеній, имѣющая право на существованіе, пока условія оборота напоминаютъ средневѣковое положеніе послѣдняго“ ¹⁾. Но этихъ то условій, какъ они выставлены у г. Табашникова, въ настоящее время какъ разъ и нѣтъ. Вѣдь ростовщиковъ теперь монахи не беспокоятъ, а у насъ и никогда ихъ не беспокоили, высота процентовъ свободна, если не считать нѣкоторыхъ напоминаній уголовного закона, правительства давно вышли изъ пеленокъ, а правители не считаютъ гражданъ вѣчнымъ скотомъ, юристы нынѣшніе знаютъ не одни только фрагменты законодательства Юстиніана, ярмарки потеряли свое значеніе, дороги безопасны, сообщенія надежны и скоры, нѣтъ болѣе „рыцарей и иныхъ героевъ большихъ дорогъ“, на недостатокъ въ духѣ стяжанія и въ стремленіи приобрѣтать „лишки“, на отсутствіе любви къ „прелестямъ жизни“, — на все это тоже пожаловаться нельзя; наконецъ и „побѣда освободившагося отъ средневѣковыхъ путъ торговаго духа надъ коснымъ преду-

примѣчаніи одного изъ русскихъ учебниковъ вексельнаго права. Это очень жаль: обширная и неподобно на источникахъ обоснованная монографія Гѣца незамѣнима не только для исторіи индоссамента, но и вообще для исторіи тратты. И напрасно авторъ оправдывается „неимѣніемъ подъ руками“ LXVIII т. Энциклопедіи Эрша и Грубера, гдѣ помѣщена статья: этотъ томъ (какъ и всѣ другіе) Энциклопедіи находится на полкахъ бібліотеки Новороссійскаго Университета, легко можетъ оказаться и подъ руками профессора того же Университета. А статья Гѣца именно не изъ тѣхъ, на которыя можно хоть что нибудь возразить въ попадѣ, даже . . . не читавши.

¹⁾ Стр. 20.

бѣжденнымъ теократизмомъ" ¹⁾ теперь безспорна. Зачѣмъ же тутъ вексель, если положеніе оборота совсѣмъ иное чѣмъ въ средніе вѣка?

Трудно также сказать, какую пользу и поученіе изъ книги г. Табашникова можетъ извлечь для себя практика, по крайней мѣрѣ судебная, а не иная? Подъ впечатлѣніемъ этого изслѣдованія практика развѣ могла бы смягчить свои воззрѣнія на бронзовые и дутые векселя какъ на несомнѣнное выраженіе „самою природою вложенныхъ въ человѣка стяжательныхъ инстинктовъ“: вѣдь все это только техническіе приемы „приобрѣтательныхъ оборотовъ“, видоизмѣненія и подраздѣленія „плодоносныхъ контрактовъ“. Тѣмъ не менѣе и нашъ вексельный уставъ изданъ не для подобныхъ оборотовъ, хотя безспорно, имъ пользуются и для такихъ цѣлей, которымъ всего правильнѣе было бы оставаться въ видѣ „фактическаго состава“: цѣли въ употребленіи по преимуществу среди тѣхъ „коммерсантовъ, интересы которыхъ весьма рѣдко совпадаютъ съ нуждами государственнаго обществѣ“ и всегда въ противорѣчій со „строгими требованіями положительнаго права“.

¹⁾ Стр. 62.

Travaux du réseau météorologique du bassin du Dniéper.

Tome I, № 5.

**Aperçu général de l'état des semailles dans le bassin
du Dniéper au commencement du mois de juin (col.
russe) 1893.**

par le professeur P. BROOUNOF de l'Université
de Kiew.

**Т Р У Д Ы
ПРИДНѢПРОВСКОЙ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ СЪТТИ.**

Томъ I, вып. 5.

**Обзоръ состоянія посѣвовъ въ бассейнѣ Днѣпра въ
началѣ іюня 1893 г.**

П. И. БРОУНОВА,

~~~~~Профессора Университета Св. Владиміра.~~~~~

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра.

В. Завадзкаго. Б.-Васильковская ул., д. № 29—31.

1893.

Съ цѣлю параллельнаго изученія жизни полевыхъ и отчасти садовыхъ растений и метеорологическихъ явленій Метеорологическая Обсерваторія Университета Св. Владиміра начала собирать свѣдѣнія о состояніи озимыхъ и яровыхъ посѣвовъ, свекловицы, травъ и фруктовъ въ губерніяхъ, лежащихъ въ районѣ ея метеорологической сѣти, а именно: Кіевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Курской, Орловской, Могилевской, Минской, Смоленской и Калужской. Первые свѣдѣнія были присланы изъ 211 пунктовъ этого района и изъ нѣсколькихъ пунктовъ, расположенныхъ внѣ его, и относятся къ началу іюня (старого стиля) 1893 г. Эти пункты распределены по губерніямъ слѣдующимъ образомъ:

Кіевская . . .	86	Орловская . . .	8
Черниговская .	23	Могилевская .	8
Полтавская . .	33	Минская . . .	5
Харьковская . .	10	Смоленская . .	8
Курская	26	Калужская . .	4

Изъ остальныхъ губерній получено 32 записи (больше всего прислала Волынская губернія—8).

Изъ присланныхъ записей видно, что *озимая рожь* мало пострадала отъ неблагоприятныхъ метеорологическихъ условій прошлой зимы и весны: въ началѣ іюня она находилась въ удовлетворительномъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже въ весьма удовлетворительномъ состояніи, которое для отдѣльныхъ губерній можно выразить слѣдующими отмѣтками пятибалльной системы:

Кіевская . . .	3.3	Могилевская . .	3.0
Черниговская .	3.9	Минская	3.4
Полтавская . .	4.3	Смоленская . . .	3.0

Харьковская . . .	4.6	Калужская . . .	2.8
Курская . . .	4.3	Волынская . . .	3.8 *)
Орловская . . .	4.0		

Отмѣтки слѣдующей таблицы характеризуютъ состояніе *озимой пшеницы*:

Кіевская . . .	1.8	Могилевская . . .	2.4
Черниговская . . .	3.9	Минская . . .	3.0
Полтавская . . .	2.1	Смоленская . . .	? (кажется плоха)
Харьковская . . .	2.8	Калужская . . .	? (тоже)
Курская . . .	3.3	Волынская . . .	4.3
Орловская . . .	3.3		

Въ губерніяхъ: Черниговской, Курской, Орловской, Минской и Волынской она недурна, въ болѣе же южныхъ, а также въ болѣе сѣверныхъ—плоха: въ первыхъ она вымерзла въ прошлую малоснѣжную и морозную зиму и, въ особенности въ холодную весну, во вторыхъ—выпрѣла подъ толстымъ слоемъ снѣга, лежавшаго тамъ необыкновенно долго.

Состояніе *яровыхъ хлопковъ* въ началѣ іюня показано въ слѣдующей таблицѣ:

Губерніи.	Пшеница	Овесь	Ячмень	Просо	Гречиха
Кіевская . . .	4.4	4.8	4.6	3.7	4.2
Черниговская . . .	3.9	4.0	4.3	4.0	4.0?
Полтавская . . .	4.0	4.1	4.0	4.0	4.2
Харьковская . . .	4.4	4.4	4.2	4.0	4.0
Курская . . .	3.9	4.0	4.3	4.0	4.3
Орловская . . .	„	4.2	4.5?	3.8	4.0?
Могилевская . . .	2.7	3.0	2.8	3.5	„
Минская . . .	2.7	3.0	3.0	3.0?	„
Смоленская . . .	4.0?	2.7?	?	?	?
Калужская . . .	?	2.8	?	?	?
Волынская . . .	3.5?	4.2	3.8	3.4	3.3

*) Волынская губернія относится къ району Одесскаго Университета. Мы помѣщаемъ, однако, данныя относительно ея для сообщенія нѣсколько болѣе полноты нашему обзору.

Въ первыхъ шести губерніяхъ, а также въ Волынской они хороши, даже очень хороши, въ Могиленской и Минской они посредственны; въ остальныхъ только что сдѣланы посѣвы и о всходахъ пока еще судить нельзя.

Вообще въ настоящемъ году, на основаніи сказаннаго, можно ожидать хорошаго урожая въ губерніяхъ: Кіевской, Черниговской, Полтавской, Харьковской, Курской, Орловской (и Волынской), посредственнаго (даже ниже средняго)—въ остальныхъ губерніяхъ разсматриваемаго района.

Свекловица, воздѣлываемая въ Кіевской, Харьковской и отчасти въ Черниговской, Полтавской и Курской губерніяхъ, хороша.

Яблони и грушевыя деревья пока въ удовлетворительномъ состояніи.

Въ приложенной ниже подробной таблицѣ указано состояніе озимыхъ и яровыхъ посѣвовъ, свекловицы, травъ и фруктовъ для отдѣльныхъ уѣздовъ отмѣтками пятибалльной системы (въ среднемъ выводѣ).

Въ ней подъ фруктами подразумѣваются преимущественно яблони и грушевыя деревья.

Кромѣ вышеуказанныхъ губерній свѣдѣнія присланы еще изъ Подольской, Херсонской, Екатеринославской, Псковской и изъ Области Войска Донскаго, но въ весьма незначительномъ числѣ, почему мы ихъ не помѣщаемъ.

Метеорологическая Обсерваторія Университета Св. Владиміра, выражая искреннюю признательность лицамъ, приславшимъ ей свѣдѣнія, обѣщаетъ въ скоромъ времени приступить къ ежемѣсячному изданію обзоровъ, подобныхъ настоящему; въ виду этого увеличеніе числа наблюдательныхъ пунктовъ въ возможно болѣе широкихъ размѣрахъ было бы крайне желательно.

**Состояніе озимыхъ и яровыхъ посѣвовъ, травъ и фруктовъ въ первыхъ
числахъ іюня 1893 г.**

УѢЗДЫ	Озимые посѣвы			Яровые посѣвы					Секловица	Травы		Фрукты
	Рожь	Пшеница	Ряпсъ	Пшеница	Овесъ	Ячмень	Просо	Гречиха		Посѣвныя	Непосѣвныя	

Кіевская губернія.

Радомысльскій . . .	3	3	3	"	4	5	3	3	4	2	3	3
Кіевскій . . .	4	3	3	"	4	3	3	?	4	5	4	4
Васильковскій . . .	4	2	2	4	5	5	4	5	5	3	4	4
Сквирскій . . .	3	2	0	4	5	4	4	4	4	4	4	2
Бердичевскій . . .	4	3	0	5	5	5	5	4	4	3	4	3
Каневскій . . .	3	1	0	4	4	4	4	4	4	3	4	1
Таращанскій . . .	3	1	0	4	5	5	4	4	4	4	4	3
Липовецкій . . .	3	2	0	"	5	5	4	5	3	3	5	3
Черкасскій . . .	3	2	1	5	5	5	3	4	4	2	4	3
Звенигородскій . . .	3	1	0	5	5	4	4	4	4	3	4	4
Чигиринскій . . .	3	1	0	4	4	5	4	4	4	1	4	3
Уманскій . . .	3	1	0	5	5	5	4	5	4	1	3	3
Среднее . . .	3.3	1.8	0.8	4.4	4.8	4.6	3.7	4.2	4.0	2.8	3.9	3.

Черниговская губернія.

Суражскій . . .	3	3	"	"	"	"	"	"	"	"	2	2
Стародубскій . . .	3	4	"	4	4	4	3	"	"	"	3	2
Новозыбковскій . . .	4	"	"	"	3	3	"	"	"	"	3	4
Городнянскій . . .	5	4	4	5	3	4	3	"	2	"	4	4
Глуховскій . . .	4	3	"	4	4	4	4	"	4	"	4	4
Кролевецкій . . .	3	"	"	4	4	4	4	"	3	"	5	4
Сосницкій . . .	3	"	"	3	4	4	4	"	"	"	4	3
Черниговскій . . .	5	"	"	"	4	5	4	4	"	4	4	2
Конотопскій . . .	5	"	"	5	5	5	5	"	5	"	5	3
Борзенскій . . .	5	5	"	4	5	5	5	"	"	"	5	3
Нѣжинскій . . .	4	5	"	3	4	4	4	"	5	"	5	3
Козелецкій . . .	4	3	5	3	4	4	"	4	"	5	5	4
Остерскій . . .	3	"	"	"	4	5	4	"	"	5	4	4
Среднее . . .	3.9	3.9	4.5?	3.9	4.0	4.3	4.0	4.0?	3.8	4.8	4.1	3.

УѢЗДЫ	Озимые посѣвы			Яровые посѣвы					Свекловица	Травы		Фрукты
	Рожь	Пшеница	Ряпсъ	Пшеница	Овесь	Ячмень	Просо	Гречиха		Посѣвныя	Непосѣвныя	

П о л т а в с к а я   г у б е р н і я .

Роменскій . . .	5	4	"	3	4	"	"	"	3	"	"	3
Прилукскій . . .	4	"	"	4	4	4	4	4	"	"	4	?
Лохвицкій . . .	5	4	3	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Пирятинскій . . .	4	3	2	5	5	5	4	4	4	5	5	2
Переяславскій . . .	4	2	"	4	4	4	4	"	"	4	4	3
Зеньковскій . . .	3	3	"	4	4	4	3	"	4	"	5	3
Золотоношскій . . .	4	1	4	4	4	3	3	"	4	5	4	3
Миргородскій . . .	5	2	"	4	4	4	?	?	5	"	5	3
Кременчугскій . . .	4	0	"	4	4	4	4	4	"	5	5	1
Кобелякскій . . .	4	0	"	4	4	4	5	5	"	5	4	1
Среднее . . .	4.3	2.1	3.0	4.0	4.1	4.0	4.0	4.2	4.0	4.7	4.4	2.4

Х а р ь к о в с к а я   г у б е р н і я .

Сумскій . . .	5	3	"	4	4	4	4	4	4	"	4	4
Лебединскій . . .	5	3	3	4	4	4	4	3	3	"	4	3
Богодуховскій . . .	5	3	"	5	5	5	4	5	5	1	"	4
Купянскій . . .	3	2	"	4	5	4	4	4	4	"	5	1
Старобѣльскій . . .	5	"	"	5	4	4	4	"	"	"	4	4
Среднее . . .	4.6	2.8	"	4.4	4.4	4.2	4.0	4.0	4.0	"	4.3	3.2

К у р с к а я   г у б е р н і я .

Фатежскій . . .	4	4	"	4	3	4	4	4	"	"	3	4
Щигровскій . . .	5	5	5	5	5	5	5	5	"	4	4	3
Рыльскій . . .	4	3	"	4	4	4	3	4	5	5	5	4
Путивльскій . . .	4	2	"	4	3	"	5	5	3	3	"	?
Суджанскій . . .	"	4	"	3	5	"	4	4	"	4	3	3
Грайворонскій . . .	5	2	"	5	5	"	4	4	4	5	5	5
Дмитріевскій . . .	5	4	"	3	4	"	4	4	2	"	3	?
Бѣлгородскій . . .	3	2	"	3	3	"	3	4	3	3	"	?
Среднее . . .	4.3	3.3	"	3.9	4.0	4.3	4.0	4.3	3.4	4.0	3.8	3.8

УѢЗДЫ	Озимые посѣвы			Яровые посѣвы					Свекловица	Травы	
	Рожь	Пшеница	Рапсъ	Пшеница	Овесь	Ячмень	Просо	Гречиха		Посѣвныя	Непосѣвныя

О р л о в с к а я   г у б е р н і я .

Карачевскій . . .	5	3	"	"	5	5	3	"	"	4	4
Орловскій . . .	4	4	"	"	3	"	4	"	"	4	5
Трубчевскій . . .	4	"	"	"	4	"	"	"	"	"	4
Елецкій . . .	4	3	4	4	4	4	4	4	4	4	4
Ливенскій . . .	3	3	"	"	5	"	4	4	"	5	5
Среднее . . .	4.0	3.3	"	"	4.2	4.5?	3.8	4.0?	"	4.3	4.4

М о г и л е в с к а я   г у б е р н і я .

Оршанскій . . .	2	2	"	"	2	2	"	2	"	"	2
Горецкій . . .	2	2	"	2	2	2	"	"	"	3	3
Могилевскій . . .	3	3	"	3	3	3	"	"	"	"	2
Чериковскій . . .	3	1	"	3	4	3	3	"	"	3	4
Гомельскій . . .	4	4	"	"	4	4	4	"	3	"	4
Ст.-Быховскій . .	4	"	"	"	3	3	"	"	"	"	2
Среднее . . .	3.0	2.4	"	2.7	3.0	2.8	3.5	"	"	3.0?	2.8

М и н с к а я   г у б е р н і я .

Минскій . . .	3	"	"	2	2	2	"	"	"	2	2
Бобруйскій . . .	3	3	"	3	3	3	3	"	3	3	3
Новогрудскій . .	4	3	"	3	4	4	"	"	"	0	4
Игуменскій . . .	4	3	"	"	4	4	"	"	"	"	3
Рѣчицкій . . .	3	"	"	"	2	2	3	"	"	"	2
Среднее . . .	3.4	3.0	"	2.7	3.0	3.0	3.0?	"	"	1.7	2.8

С м о л е н с к а я   г у б е р н і я .

Сычевскій . . .	3	"	"	"	1	1	"	"	"	2	1
Смоленскій . . .	3	2	"	"	"	"	"	"	"	"	3
Рославльскій . .	3	"	"	4	4	"	4	"	"	4	2
Духовщинскій . .	3	"	"	"	3	2	"	2	"	"	1

УѢЗДЫ	Озимые посѣвы			Яровые посѣвы					Свекловица	Травы		Фрукты
	Рожь	Пшеница	Ряпсъ	Пшеница	Овесь	Ячмень	Просо	Гречиха		Посѣвныя	Непосѣвныя	

В о л ы н с к а я   г у б е р н і я.

Овручскій . . .	4	5	„	3	4	4	3	3	„	4	4	1
Влад.-Волынскій .	3	4	„	4	3	3	3	„	„	4	2	3
Новогр.-Вол. . .	4	3	2	„	5	4	4	„	„	„	5	4
Острожскій . . .	4	4	„	„	3	3	„	4	„	„	„	?
Дубенскій . . .	4	5	„	„	5	4	3	3	2	4	4	3
Житомирскій . .	4	5	„	„	5	5	4	3	„	„	5	3
Среднее . . .	3.8	4.3	„	3.5?	4.2	3.8	3.4	3.3	„	4.0	4.0	2.8

К а л у ж с к а я   г у б е р н і я.

Жиздринскій . .	4	„	„	„	?	?	?	„	„	„	4	4
Медынскій . . .	3	„	„	4	3	?	?	„	„	„	4	?
Мосальскій . . .	2	„	„	„	3	?	?	„	„	„	4	3
Тарусскій . . .	2	2	„	„	2	?	?	„	„	2	2	3

О производствѣ наблюденій надъ грозами и осадками.

Проф. П. И. Броунова.

---

1. Изъ метеорологическихъ явленій грозы и осадки принадлежатъ къ наименѣе изученнымъ. Причина этого заключается въ томъ, что на нихъ большое вліяніе оказываютъ мѣстныя условія, почему для изслѣдованія ихъ необходимы гораздо болѣе густыя сѣти метеорологическихъ станцій, чѣмъ тѣ, которыя существуютъ въ настоящее время.

Грозы и осадки—явленія тѣсно связанныя между собою—представляютъ интересъ не только для теоріи, но и для практики, въ особенности для сельскихъ хозяевъ, такъ какъ повторяемостью и количествомъ осадковъ въ значительной степени обуславливается жизнь растений. Малою изученностью ихъ объясняется малая успѣшность въ дѣлѣ предсказанія этихъ явленій, а также главная причина того, что метеорологія принесла пока мало пользы сельскому хозяйству и практической жизни вообще.

Метеорологическая Обсерваторія Университета Св. Владиміра предприняла рядъ изслѣдованій грозъ и осадковъ въ губерніяхъ, прилежащихъ къ Днѣпру и его притокамъ, и обращается къ преподавателямъ гимназій, городскихъ и народныхъ училищъ, духовнымъ особамъ, землевладѣльцамъ и другимъ лицамъ, заинтересованнымъ въ развитіи науки и сельскаго хозяйства и имѣющимъ постоянное мѣсто жительства въ означенныхъ губерніяхъ, съ просьбою не отказать въ своемъ участіи этому полезному дѣлу производствомъ наблюденій надъ указанными явленіями.

Эти наблюденія тѣмъ удобнѣе, что не требуютъ приборовъ. Исключеніе представляетъ опредѣленіе количества выпадающаго дождя, снѣга, града и прочихъ осадковъ, дѣлаемое помощью особаго прибора, называемаго дождемѣромъ, стоимость котораго, впрочемъ, очень не велика.

Обсерваторія разсылаетъ желающимъ производить наблюденія три рода бланковъ для записыванія грозъ, зарницъ и осадковъ. Наполненные записями бланки возвращаются въ Обсерваторію для обработки.

Желательно, чтобы наблюденія производились въ возможно болѣешемъ числѣ пунктовъ, притомъ въ каждомъ пунктѣ—и надъ грозами и надъ осадками. Последнее, однако, не необходимо, въ крайнемъ случаѣ можно ограничиться наблюденіемъ только одного изъ этихъ явленій.

Сотрудники сѣти получаютъ выводы изъ наблюденій, дѣлаемые Метеорологической Обсерваторіей и издающіеся подъ названіемъ „Трудовъ Приднѣпровской Метеорологической Сѣти.“

Обсерваторія имѣетъ въ виду изслѣдовать районъ Днѣпровскаго бассейна, тѣмъ не менѣе наблюденія лицъ, живущихъ внѣ этого района, будутъ наравнѣ съ наблюденіями, произведенными въ самомъ районѣ, съ благодарностью приниматься и обрабатываться.

Хотя бланки и снабжены краткими указаніями какъ производить наблюденія и дѣлать записи, тѣмъ не менѣе мы считаемъ полезнымъ сообщить объ этомъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія, которымъ предпосылаемъ нѣкоторые подробности о самихъ явленіяхъ.

2. Грозы, градъ и ливни. Грозою называютъ электрическіе разряды, происходящіе между облаками, или между облаками и землею, и являющіеся въ формѣ молніи и грома. Грозою считаютъ явленіе лишь въ томъ случаѣ, когда наблюдается молнія и громъ, или же только громъ (такъ какъ громъ не можетъ быть безъ молніи). Молніи безъ грома относятъ къ **зарницамъ**, которыя, какъ полагаютъ, хотя, впрочемъ, это еще не вполне доказано, представляютъ собою отблескъ въ облакахъ отдаленныхъ электрическихъ разрядовъ.

Грозы сопровождаются обыкновенно дождемъ, иногда очень сильнымъ, сильными вихревыми движеніями воздуха, иногда градомъ, а также значительными колебаніями температуры и влажности; иногда, хотя и рѣдко, во время грозы идетъ снѣгъ.

Высота грозовыхъ облаковъ надъ землею поверхностью весьма различна, въ большинствѣ случаевъ—отъ одной до двухъ верстъ. Видъ ихъ весьма характеренъ и всякому извѣстенъ.

Надъ грозовыми облаками бывають нерѣдко видны другія облака, бѣлыя, нѣжныхъ очертаній (перистыя, *cirrus*), имѣющія свое особое движеніе.

Въ нашихъ странахъ грозы всего чаще бывають лѣтомъ и именно между 2 и 6 часами дня. Зимнія грозы весьма рѣдки и потому представляютъ особенный интересъ.

Каждая гроза есть въ сущности ничто иное, какъ вихрь съ восходящимъ движеніемъ воздуха. Размѣры грозовыхъ вихрей невелики, нѣсколько десятковъ верстъ въ поперечникѣ. Высота, на которую они распространяются вверхъ, тоже незначительна, но въ точности неизвѣстна.

Каждый грозовой вихрь передвигается. Отчего происходитъ передвиженіе—на это пока опредѣленнаго отвѣта нѣтъ. Повидимому, причина его заключается въ движеніи того воздуха, въ которомъ вихрь зародился, но несомнѣнно, что большое вліяніе оказываютъ также—распредѣленіе температуры и влажности въ окружающемъ воздухѣ, равно какъ и мѣстные условія. Вліяніе мѣстныхъ условій видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго: случается, что грозовой вихрь исчезаетъ, а затѣмъ снова появляется, т. е. движется какъ бы скачками, перескакивая черезъ болѣе или менѣе значительныя пространства; грозы какъ бы избѣгаютъ рѣкъ, огибають озера, напротивъ того, горы а также болотистыя мѣстности усиливають и, такъ сказать, притягивають ихъ къ себѣ. Впрочемъ, вліяніе мѣстныхъ условій на грозы, какъ раньше было уже замѣчено, до сихъ поръ еще очень мало изучено.

Замѣчательна связь грозъ съ большими воздушными вихрями, называемыми циклонами. Извѣстно, что въ нашей атмосферѣ постоянно движутся огромные вихри (такъ называемые циклоны), вращающіеся противоположно движенію часовой стрѣлки ¹⁾. Внутри ихъ находится разрѣженный воздухъ; они сопровождаются болѣе или ме-

---

¹⁾ Здѣсь предполагается сѣверное полушаріе, въ южномъ—наоборотъ, по движенію стрѣлки.

нѣе сильными вѣтрами, достигающими иногда силы бури, пасмурною погодою и осадками.

Въ юго-восточной, наиболѣе теплой, части циклона, въ которой дуютъ вѣтры съ юга и юго-запада, вдали отъ центра циклона чаще всего зарождаются и движутся грозовые вихри, а также всего чаще бываютъ градъ и ливни. Хотя лѣтніе циклоны, вообще, сопровождаются холодною погодою, но въ названной области циклона небо нерѣдко бываетъ довольно ясно, отчего, при теплыхъ вѣтрахъ, температура здѣсь дѣлается очень высокою, влажность значительно увеличивается и происходятъ восходящія теченія воздуха, вызывающія вихри и грозы.

Интенсивность грозъ выражается силою и повторяемостью электрическихъ разрядовъ, т. е. молніи и грома. Самыя молніи имѣютъ весьма разнообразныя, часто весьма причудливыя формы. Большею частью это — неправильно изогнутыя линіи съ развѣтвленіями, ослѣпительно бѣлаго, рѣже фіолетоваго и синяго цвѣта. Иногда это — мгновенныя вспышки въ облакахъ безъ опредѣленныхъ очертаній. Бываютъ, хотя и рѣдко, молніи въ видѣ спирально извивающихся лентъ, на мгновеніе появляющихся въ воздухѣ. Еще гораздо рѣже наблюдаются молніи въ видѣ огненныхъ шаровъ, медленно передвигающихся съ одного мѣста на другое. Случалось наблюдать, наконецъ, молніи въ видѣ шаровъ, какъ бы навязанныхъ на нитѣхъ.

О силѣ, производящей электрическіе разряды въ атмосферѣ, всего нагляднѣе можно судить по длинѣ молніи. При опытахъ съ электрическими машинами съ трудомъ получаютъ искру длиною въ четыре, пять вершковъ, тогда какъ длина молніи бываетъ нѣсколько верстъ! По изслѣдованіямъ Араго она доходитъ иногда до 15, а по изслѣдованіямъ Пти до 16½ верстъ!

Ударяя въ зданія, деревья и проч., молнія производитъ разнообразныя дѣйствія, смотря по тому, проходитъ ли разрядъ черезъ проводники, или непроводники электричества. Проводники, напр. желѣзо, мѣдь и проч., нагрѣваются, плавятся и улетучиваются, непроводники, какъ напр. дерево, расщепляются, загораются, а иногда разбиваются на куски и разбрасываются, какъ это случается съ камнями.

Обыкновеннымъ зданіямъ молнія опасности почти совсѣмъ не представляетъ, особенно если ихъ нѣсколько близко одно отъ другаго;

большая опасность угрожаетъ отдѣльно стоящимъ, или значительно выдающимся башнямъ и колокольнямъ.

Родъ почвы оказываетъ вліяніе на повторяемость ударовъ молніи: она наименьшая для известковой почвы и наибольшая для глинистой (въ послѣднемъ случаѣ она приблизительно въ 22 раза больше, чѣмъ въ первомъ!)

3. Одно изъ наиболѣе любопытныхъ и наименѣе изслѣдованныхъ явленій, сопровождающихъ грозы, это—градъ.

Форма и строеніе града весьма разнообразны. Чаше другихъ наблюдаются градины шарообразныя и пирамидальныя съ чередующимися прозрачными и непрозрачными слоями. Иногда онѣ чечевицеобразной формы съ углубленіями посрединѣ; послѣднія бываютъ иногда на столько велики, а чечевица на столько сплюснута, что градина обращается въ кольцо. Наблюдаютъ также формы четырехугольныя, пластинчатыя. Бываютъ и очень сложныя градины—состоящія изъ гнѣзда кристалловъ, или напоминающія махровыя цвѣты и проч.

Наиболѣе обыкновенные размѣры градинъ — отъ горошины до голубинаго яйца, но нерѣдко они значительно болѣе. Наблюдались градины въ 15 фунтовъ вѣсомъ каждая! Въ Землѣ Войска Донскаго однажды выпали градины въ два аршина въ окружности! Нѣкоторые наблюдатели указываютъ на градины еще болѣшихъ размѣровъ!

Внутри градинъ случалось находить постороннія тѣла, какъ напр. песчинки, металлическія частицы, космическую пыль, состоящую изъ желѣза и никкеля, органическія вещества и проч.

Облака, изъ которыхъ выпадаетъ градъ, характеризуются свинцовымъ цвѣтомъ и значительною густотою. Иногда они опускаются весьма низко и принимаютъ видъ воронокъ, на подобіе того, какъ это бываетъ въ смерчахъ.

Явленіе града сопровождается особымъ характернымъ шумомъ, происходящимъ, повидимому, отъ ударовъ градинъ другъ о друга подъ вліяніемъ вѣтра.

Градъ выпадаетъ болѣею частью въ лѣтнее время и притомъ днемъ. Градъ ночью—явленіе сравнительно рѣдкое.

Съ градомъ не слѣдуетъ смѣшивать такъ называемой крупы, а также ледянаго дождя. Крупа, это—скупившіеся кристаллы влажнаго снѣга, а ледяной дождь—замерзшія дождевыя капли.

Иногда бывает весьма трудно отличить эти три явления другъ от друга. Особенно это относится къ крупѣ и граду.

Вліяніе мѣстныхъ условій на градъ еще болѣе значительно, чѣмъ на грозы, и тоже весьма мало изучено. Повидимому, градъ бываетъ чаще надъ низменностями, чѣмъ въ горахъ, притомъ надъ низменностями неровными чаще, чѣмъ надъ ровными. Съ вырубкою лѣса количество града увеличивается. Лѣсъ, слѣдовательно, защищаетъ отъ града. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи мѣста, лежащія къ востоку и сѣверо-востоку отъ хвойныхъ лѣсовъ—въ нихъ града почти никогда не замѣчается.

Обыкновенно градъ выпадаетъ одной или нѣсколькими, идущими по одному направленію, узкими и длинными полосами. Такъ, 13 іюля 1788 года во Франціи градъ прошелъ двумя полосами съ запада на востокъ; одна была 16 верстъ въ ширину и 730 верстъ въ длину, другая—8 верстъ шириною и 820 длиною; между ними осталась полоса около 20 верстъ въ ширину, въ которой града не было; градъ сопровождался грозою и распространялся со скоростью 70 верстъ въ часъ, производя большія опустошенія.

Сильной грозѣ съ градомъ часто предшествуетъ смерчъ, подъ вліяніемъ котораго въ высшіе слои атмосферы уносятся песокъ, листья, кусочки дерева и проч., откуда они падаютъ обратно на землю. Не разъ наблюдались каменные дожди. Въ Швеціи 4 іюля 1883 г. выпалъ градъ съ камнями величиною съ каленый орѣхъ. Въ Босніи 23 іюля 1892 года утромъ, во время сильной грозы, изъ облаковъ выпало множество мелкихъ рыбокъ изъ породы уклейекъ. Это объясняетъ упомянутое выше присутствіе постороннихъ включеній внутри градинъ, а также указываетъ на атмосферное происхожденіе послѣднихъ.

Очень мало данныхъ имѣется относительно температуры града. Повидимому, большею частью она 0°, но иногда значительно ниже, такъ Кальете нашелъ однажды температуру свѣже-выпавшаго града равную—9° Цельзія (въ іюлѣ), а Бусиньо—13° (при 26° тепла въ воздухѣ)!

4. Большое значеніе какъ въ теоріи, такъ и въ практической жизни представляютъ **ливни**. Обыкновенно это явленіе также тѣсно связано съ грозами и восходящими движеніями воздуха вообще и тоже въ значительной степени зависитъ отъ мѣстныхъ условій. Замѣчательно, что ливень большею частью бываетъ послѣ града, иногда одновременно

сть нимъ и никогда передъ градомъ. Весьма важно опредѣлять количество воды, выпадающей въ одну минуту, во время ливня или, такъ называемую, *интенсивность* ливня. Это дѣлается помощью дождемѣра, описаніе котораго дано ниже (см. § 10).

Обратимся теперь къ тому, какъ производить наблюденія надъ грозами и осадками, чтобы извлечь изъ нихъ возможно бѣльшую пользу.

5. Производство наблюденій надъ грозами и ливнями. Во время наблюденія грозы въ какомъ либо мѣстѣ особенное вниманіе надо обращать на слѣдующіе три момента: 1) *время перваго грома*, 2) *время, въ которое гроза находится въ ближайшемъ разстояніи отъ мѣста наблюденія* и 3) *время послѣдняго грома*. Эти три момента должны быть возможно точнѣе опредѣлены по вѣрнымъ часамъ и выражены въ часахъ и минутахъ. Они особенно важны по тому, что время перваго грома принимаютъ за *начало грозы*, время послѣдняго — за *конецъ ея*, во время же ближайшаго разстоянія грозы она въ данномъ мѣстѣ обыкновенно бываетъ наиболѣе сильна.

Время перваго и третьяго изъ этихъ моментовъ опредѣлить не трудно; труднѣе опредѣлить второй. Для этого поступаютъ слѣдующимъ образомъ. Записываютъ (въ часахъ и минутахъ) время появленія каждой молніи а также промежутокъ времени (въ секундахъ) между нею и сопровождающимъ ее ударомъ грома. При началѣ грозы этотъ промежутокъ обыкновенно довольно великъ, затѣмъ уменьшается и достигаетъ наименьшей величины тогда, когда гроза находится въ ближайшемъ разстояніи отъ мѣста наблюденія, послѣ чего увеличивается. Время появленія молніи, соответствующее кратчайшему промежутку, и есть время ближайшаго разстоянія грозы. Иногда случается, что громъ раздается сейчасъ же вслѣдъ за молніей: это показываетъ, что гроза проходитъ очень близко отъ наблюдателя, большею частью надъ его головою, т. е. черезъ зенитъ мѣста наблюденія.

По промежутку времени между молніей и громомъ можно судить о томъ, какъ далеко отъ наблюдателя находится гроза. Для этого слѣдуетъ 340 метровъ (159 сажень) т. е. разстояніе, проходимое звукомъ въ одну секунду, умножить на число секундъ, протекшихъ отъ момента появленія молніи до грома. Такъ напр., если это послѣднее 30, то гроза находится на разстояніи 340 м. $\times 30 = 10200$ метр. ($= 4770$ сажень $= 9\frac{1}{2}$ верстъ).

Въ три указанные момента, т. е. во время первого грома, ближайшаго разстоянія грозы и послѣдняго грома, опредѣляютъ *страну горизонта*, въ которой происходитъ гроза, т. е. гдѣ находится грозовое облако, или, если бѣльшая часть неба покрыта облаками, мѣсто, гдѣ молніи сверкають всего чаще, или всего сильнѣе.

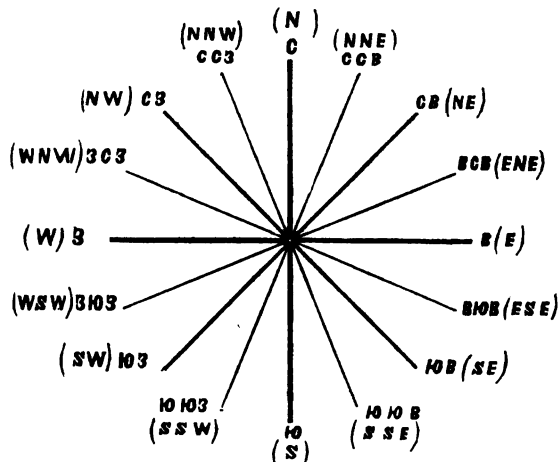
Замѣчать, гдѣ въ три указанные срока находится гроза, надо для того, чтобы можно было при обработкѣ наблюдений намѣтить, хотя бы приблизительно, путь грозового вихря относительно мѣста наблюдений. Подобныя же наблюдены въ сосѣднихъ пунктахъ даютъ возможность опредѣлить этотъ путь болѣе точно.

Для краткости страны горизонта обозначаются слѣдующими буквами:

Сѣверъ	С	(или N);	югъ	Ю	(или S);
сѣверо-востокъ	СВ	(или NE);	юго-западъ	ЮЗ	(или SW);
востокъ	В	(или E);	западъ	З	(или W);
юго-востокъ	ЮВ	(или SE);	сѣверо-западъ	СЗ	(или NW).

Эти страны горизонта, такъ же какъ и промежуточные, указаны на чертежъ 1.

Черт. 1.

Какъ опредѣлить страны горизонта для мѣста наблюдений, указано дальше (см. § 12).

Если гроза проходитъ надъ головою наблюдателя, то положеніе ея во время ближайшаго разстоянія обозначается буквою Z (зенитъ).

Для теоріи грозъ весьма важно изучать грозовые вихри, ихъ горизонтальные и вертикальные размѣры, ихъ образованіе и передвиже-

ніе, а также опредѣлять, въ какую сторону происходитъ вращеніе. Это возможно лишь въ томъ случаѣ, если во время грозы дѣлаются *тщательныя наблюденія надъ направленіемъ вѣтра* и направленіемъ движенія облаковъ. Последнее не всегда возможно, но иногда бываетъ возможно не только по отношенію къ нижнимъ, но и къ верхнимъ облакамъ.

Всего лучше дѣлать наблюденія надъ вѣтромъ и облаками въ тѣ же три момента, т. е. во время перваго грома, ближайшаго разстоянія грозы и послѣдняго грома, такъ какъ эти три момента опредѣляются по часамъ, и мы, слѣдовательно, будемъ знать, какому времени соотвѣтствуетъ каждое наблюденіе. Если возможно, хорошо дѣлать эти наблюденія и въ другіе моменты, напр., за нѣсколько времени до перваго грома и немного спустя послѣ послѣдняго, вообще, возможно чаще въ теченіе всей грозы.

Желательно, чтобы наблюдатель опредѣлялъ не только направленіе, но и *силу вѣтра*. Кто не имѣетъ особаго, для этого предназначеннаго прибора (флюгера съ доскою), опредѣляетъ ее на глазъ, руководствуясь напр. движеніемъ верхушекъ и вѣтвей деревьевъ. Впрочемъ, каждый можетъ самъ устроить крайне простой приборъ, служащій для этой цѣли. Описаніе его помѣщено ниже (см. § 14).

Направленіе вѣтра обозначается тою страной горизонта, откуда онъ дуетъ. Такъ напр., вѣтеръ, дующій съ юго-востока, обозначается ЮВ или SE, съ сѣвера—С или N и проч. Въ первомъ случаѣ вѣтеръ называется юго-восточнымъ, во второмъ—сѣвернымъ и т. д. Тоже самое относится и къ направленію движенія облаковъ.

Силу вѣтра можно обозначать тремя баллами: 0 (очень слабый), 1 (умѣренный) и 2 (весьма сильный).

Для теоріи и практики важно знать, сопровождалась ли гроза дождемъ или градомъ, причемъ слѣдуетъ отмѣчать *начало и конецъ* этихъ явленій (въ часахъ и минутахъ). Ливни представляютъ особенный интересъ, и ихъ слѣдуетъ отмѣчать особо. При помощи дождемѣра можно опредѣлять количество воды, выпавшей во время ливня, а слѣдовательно и интенсивность его.

Чтобы судить о силѣ грозы, опредѣляютъ *силу молніи и грома* по тому впечатлѣнію, которое эти явленія производятъ на наблюдателя, и выражаютъ также тремя баллами: 0, 1 и 2.

Тѣми же баллами выражается и *сила дождя и грома*.

Для изслѣдованія вліянія мѣстныхъ условій на грозы, а равно и для статистики грозъ слѣдуетъ *записывать* *всѣ* безъ исключенія грозы, наблюдавшіяся въ данномъ мѣстѣ, хотя бы даже и такія, которыя проходятъ вдали, и которыя точно наблюдать нельзя.

Каждую грозу слѣдуетъ записывать на особомъ бланкѣ, хотя бы было нѣсколько грозъ въ одинъ день.

Ночныя грозы, какъ болѣе рѣдкія, особенно интересны. Къ сожалѣнію, ночное время крайне неудобно для наблюдений, почему, по отношенію къ ночнымъ грозамъ, можно ограничиться отмѣтой, что гроза прошла чрезъ мѣсто наблюденія, или вблизи его, съ указаніемъ приблизительно времени.

При наблюденіяхъ надъ *градомъ* особенное вниманіе слѣдуетъ обращать на *размѣры* градинъ, ихъ *вѣсъ*, *форму*, *внутреннее строеніе*, видъ, представляемый градиной въ *разломѣ*, *постороннія включенія*, если таковыя есть, температуру. Желательно, чтобы опредѣлялись *размѣры* и положеніе *полосъ*, охваченныхъ градомъ, вредъ и убытки, имъ причиненные. Если градины имѣли замѣчательную форму, то желательно, чтобы дѣлались рисунки ихъ въ натуральную величину.

Для опредѣленія вѣса града (если градъ не особенно крупный, то опредѣлять вѣсъ его не стоитъ) слѣдуетъ собрать нѣсколько градинъ по крупнѣе и свѣсить; по раздѣленіи вѣса на число взятыхъ градинъ получается вѣсъ градины (средній).

Для измѣренія температуры надо собрать градины, тотчасъ послѣ паденія ихъ, въ объемистый сосудъ и погрузить термометръ минутъ на пять.

6. Грозовые бланки. Бланки, рассылаемые Обсерваторіей, заключаютъ въ себѣ вопросы, на которые наблюдатель даетъ отвѣты. Эти вопросы слѣдующіе: 1) когда началась гроза (время перваго грома), 2) когда она окончилась (время послѣдняго грома), 3) когда она находилась въ ближайшемъ разстояніи отъ мѣста наблюденія, 4) каковъ былъ наименьшій промежутокъ времени между молніей и громомъ, 5) какова была сила молніи и грома, 6) когда было начало дождя, начало града, 7) когда эти явленія прекратились, 8) какова была сила этихъ явленій, 9) каковы были направленіе и сила вѣтра во время грозы, а также направленіе движенія облаковъ, какъ нижнихъ, такъ и, если это возможно, верхнихъ.

Изъ сказаннаго раньше видно, какъ заполнить этотъ бланкъ. Добавимъ лишь нѣсколько словъ.

При записываніи времени принято, для отличія, къ числамъ, обозначающимъ часы отъ 12 ч. ночи до 12 ч. дня прибавлять букву „а“, а къ часамъ отъ 12 ч. дня до 12 ч. ночи—букву „р.“ Безъ этого записъ теряетъ свое значеніе.

При обозначеніи силы грозы никогда не слѣдуетъ пропускать обозначенія силы грома, такъ какъ иначе является сомнѣніе—не было ли явленіе зарницей.

Если какое либо явленіе, сопровождающее грозу, не имѣло мѣста, то не слѣдуетъ ставить знакъ 0 (нуль), а надо написать „не было,“ или поставить черту.

Дождь или градъ отмѣчаются въ соотвѣствующихъ графахъ бланка лишь въ томъ случаѣ, когда они происходили въ самомъ мѣстѣ наблюденія. Если же эти явленія происходили вблизи даннаго мѣста, то это надо отмѣтить въ графѣ „Примѣчанія“ съ обозначеніемъ, если возможно, разстоянія отъ мѣста наблюденія.

Первыя грозы у насъ бываютъ обыкновенно въ мартѣ и апрѣлѣ. Появленіе *первой грозы* представляетъ особенный интересъ при изслѣдованіи грозъ, почему наверху бланка, на которомъ записана первая гроза, слѣдуетъ сдѣлать надпись: „Первая.“

На оборотной сторонѣ бланка наблюдатель вписываетъ все то, что сочтетъ заслуживающимъ вниманія по отношенію къ данной грозѣ, а именно: свѣдѣнія о погодѣ, предшествовавшей грозѣ, о ходѣ температуры во время грозы (если у кого есть барометръ, то и о ходѣ атмосфернаго давленія), о видѣ, очертаніи и цвѣтѣ грозовыхъ облаковъ, формѣ и цвѣтѣ молніи, ударахъ молніи, вредѣ, ею причиненномъ, и проч. Полезно срисовывать слѣдъ, оставленный молніей, ударившей въ дерево, домъ и т. д.

На оборотной сторонѣ бланковъ вписываются также наблюденія надъ градомъ.

Бланки, наполненные записями, высылаются въ Обсерваторію по простествіи мѣсяца.

Если въ теченіе мѣсяца грозъ не наблюдалось, то это слѣдуетъ отмѣтить въ первомъ ближайшемъ бланкѣ.

Особенно внимательно надо обозначать на бланкахъ числа мѣсяца и дни недѣли. Записи ведутся по **новому стилю**. Въ случаѣ ошибки бланкъ теряетъ значеніе.

Если наблюдатель не въ состояніи дать подробнаго отчета о ходѣ грозы, то онъ можетъ ограничиться лишь отвѣтами на главнѣйшіе вопросы, какъ то:

- 1) время перваго грома,
- 2) время ближайшаго разстоянія грозы,
- 3) время послѣдняго грома,
- 4) сила молніи и грома.
- 5) сопровождалась гроза дождемъ, или градомъ, или же нѣтъ.

Въ крайнемъ случаѣ можно ограничиться отмѣткой, что гроза прошла черезъ мѣсто наблюденія, или вблизи его.

Весьма желательно знать характеръ мѣстности, въ которой ведутся наблюденія,—ровная она, или нѣтъ, не покрыта ли лѣсомъ, есть ли вблизи озеро, рѣка, прудъ и проч. и какъ они расположены. Самое лучше, если бы наблюдатель въ самомъ началѣ прислалъ сдѣланный отъ руки приблизительный планъ мѣстности съ указаніемъ странъ горизонта.

7. Примѣрный грозовой бланкъ. Для примѣра приводимъ записъ наблюденія надъ гровою, прошедшею надъ Кіевомъ 6 мая 1892 г., сдѣланную въ Метеорологической Обсерваторіи Университета Св. Владиміра.

Время (въ часахъ и минутахъ)	перваго грома	4 ч. 30 м. р.	Сила	молніи 2 грома 1
	ближ. разст. грозы	5 ч. 27 м. р.		
	послѣдняго грома	5 ч. 32 м. р.		
Страна озѣта, въ которой было грозовое облако, или всего сильнѣе сверкали молніи во время	перваго грома	ЮЗ	Время (въ часахъ и минутахъ)	начала дождя 5 ч. 9 м.р.
	ближ. разст. грозы	Z		конца дождя 5 ч. 32 м.р.
	послѣдняго грома	СВ		начала града 5 ч. 20 м.р. конца града 5 ч. 27 м.р.

Сила во время грозы вообще: дождя 2, града 1

Промежутокъ времени (въ секундахъ) между молніей и градомъ во время ближайшаго разстоянія грозы 6

	Направленіе и сила вѣтра.	Направленіе движенія облаковъ	
		нижнихъ:	верхнихъ:
До перваго грома	ЮЮЗ ₀	ЮЮЗ	Не было видно
Во время перваго грома	ЮЮЗ ₂	ЮЮЗ	
Во время ближайшаго разстоянія грозы	З ₁	ЮЗ	
Во время посл. грома	ЗЮЗ ₁	ЗЮЗ	
Послѣ грозы	Ю ₀	ЗЮЗ	

8. Бланки для записыванія наблюденій надъ зарницами. Въ нихъ вписываются: приблизительное время начала и конца зарницы (въ часахъ) и страна горизонта, въ которой явленіе наблюдалось. Въ примѣчаніяхъ сообщается цвѣтъ зарницы, сила ея и проч. Весьма желательны также указанія на народныя примѣты, имѣющія отношенія къ зарницамъ. Записи дѣлаются по новому стилю. Всѣ зарницы, наблюдавшіяся въ теченіе мѣсяца, вписываются въ одинъ бланкъ. Наполненный записями бланкъ по прошествіи мѣсяца, возвращается въ Обсерваторію.

9. **Наблюдения надъ осадками вообще.** Весьма желательны наблюденія не только надъ тѣми осадками, о которыхъ говорилось раньше, но надъ всѣми осадками вообще. Къ осадкамъ вообще относятся: дождь, градъ, крупу, ледяной дождь, снѣгъ, туманъ, росу, иней и изморозь.

Для записыванія осадковъ Обсерваторія высылаетъ особые бланки, каждый бланкъ на цѣлый мѣсяцъ.

Въ эти бланки вписывается *количество выпавшихъ* въ теченіе сутокъ (отъ утра одного дня до утра другаго) *осадковъ*, а также *видъ* (и *продолжительность*) *осадковъ* за каждый день мѣсяца.

Количество осадковъ опредѣляется помощью дождемѣра и выражается въ цѣлыхъ дѣленіяхъ измѣрительнаго стакана (см. § 10).

Опредѣленіе количества осадка дѣлается ежедневно утромъ, между 7 и 8 часами, и записывается въ графѣ бланка, помѣченной *числомъ предыдущаго дня* (это дѣлается на томъ основаніи, что оно относится главнымъ образомъ къ предыдущему дню). Такъ напр., если въ графѣ, помѣченной 26 декабря, стоитъ число 8, то это показываетъ, что такое количество осадковъ выпало въ теченіе времени отъ 7 ч. утра 26 декабря до 7 ч. утра 27-го. Если въ какой либо день осадка не было, то ставится черта, если же количество осадка было меньше одного дѣленія, то нуль (0).

При записываніи вида осадковъ, для краткости, можно пользоваться слѣдующими общепринятыми обозначеніями:

●	означаетъ дождь,	✕	означаетъ снѣгъ,	∇	означаетъ изморозь.
▲	„ градъ,	≡	„ туманъ,		
△	„ крупу,	⏞	„ росу,		
○	„ лед. дождь,	┐	„ иней,		

Къ этимъ знакамъ прибавляется указатель 0, когда соответствующія явленія необыкновенно слабы, и указатель 2, когда они особенно сильны. Такъ напр.

- ⁰ обозначаетъ весьма слабый дождь,
- (или ●¹) обозначаетъ обыкновенный дождь,
- ² обозначаетъ необыкновенно сильный дождь.

Для однообразнаго записыванія этихъ явленій необходимо руководствоваться слѣдующими правилами:

Туманъ долженъ быть отмѣчаемъ лишь тогда, когда наблюдатель окруженъ имъ.

Крупа, это—скупившіеся и смерзшіеся кристаллы влажного снѣга; она бѣлаго цвѣта, непрозрачна и выпадаетъ обыкновенно весною, осенью и зимою.

Ледяной дождь, это—замерзшія дождевыя капли; онъ прозраченъ, выпадаетъ большею частью весною, осенью и зимою.

Градъ—ледяныя образованія, отчасти бѣлыя, непрозрачныя, а отчасти прозрачныя. Часто видна слоеватость. Иногда форма градинъ очень сложная. Градъ выпадаетъ большею частью лѣтомъ.

Росою называется осадокъ находящихся въ воздухѣ водяныхъ паровъ, въ видѣ капель, на земные предметы, температура которыхъ въ ясныя ночи, вслѣдствіе лучеиспусканія теплоты, опускается ниже температуры воздуха. *Если водяной осадокъ является на предметахъ при облачномъ небѣ, это не роса.*

Иней образуется такъ же, какъ и роса, но лишь тогда, когда температура предметовъ ниже нуля. Иней является въ видѣ снѣжныхъ хлопьевъ, серебристыхъ нитей и проч., состоящихъ изъ снѣжныхъ кристалловъ. Онъ обыкновенно мягокъ, нѣженъ и довольно легко спадаетъ съ предметовъ. *Если снѣжнаго вида осадокъ образуется на предметахъ во время пасмурной ночи, это—не иней.*

Изморозь называются ледяныя кристаллы, образующіеся на земныхъ предметахъ, когда послѣ холода быстро наступаетъ теплая и влажная погода. Бываетъ лишь зимою. Она жестка и не такъ легко, какъ иней, спадаетъ съ предметовъ, на которыхъ находится. Послѣдніе выглядятъ какъ бы обсахаренными.

Видъ осадка вносится въ графу бланка, помѣченную *тѣмъ числомъ мѣсяца, когда онъ наблюдался*. Такъ напр., если 17 іюня наблюдался дождь, то знакъ ● ставится въ графу помѣченную числомъ 17. Для обозначенія части сутокъ, въ которую явленіе происходило, можно употреблять знаки п, а, р, значеніе которыхъ слѣдующее: п означаетъ промежутокъ времени отъ 9 ч. веч. предъидущаго дня до 7 ч. утра даннаго (т. е. того, въ который дѣлается запись), а—отъ 7 ч. утра до 1 ч. дня, р—отъ 1 ч. дня до 9 ч. вечера.

Вмѣстѣ съ видомъ осадка указывается также, если возможно, *начало и конецъ* его въ часахъ и минутахъ. Такимъ образомъ можно судить о *продолжительности* осадка, что особенно важно въ случаѣ ливней и сильнаго снѣга.

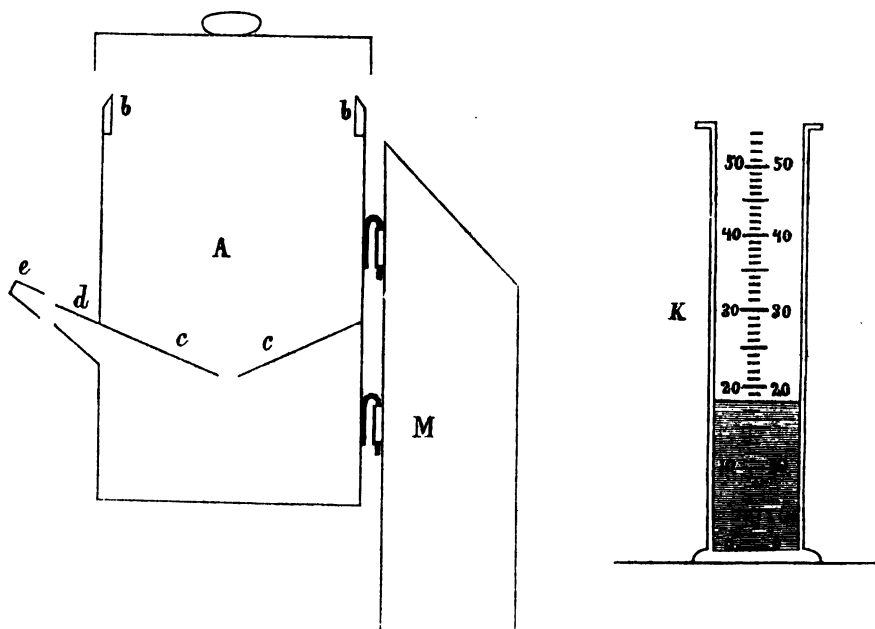
Въ бланкъ вписывается также высота верхняго края дождемѣра надъ поверхностью почвы.

Записи дѣлаются по **новому стилю**.

Наполненные записями бланки высылаются въ Обсерваторію по прошествіи каждаго мѣсяца.

10. Дождемѣръ. Для опредѣленія количества выпавшихъ осадковъ (дождя, града, снѣга и проч.) употребляется приборъ, называемый *дождемѣромъ*. Это—цилиндрическій сосудъ *A* (чертежъ 2) изъ цинковой жести, въ верхней части котораго находится мѣдное, заостренное кверху кольцо *bb*. Внутренній поперечникъ кольца = 252,3 мм. (площадь поперечнаго сѣченія = 500 кв. сант.). Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дна находится воронкообразная перегородка *cc*, въ которой сдѣлано нѣсколько отверстій. Между дномъ и перегородкой, ближе къ послѣдней, придѣлана трубка *d*, которая должна быть закрыта колпачкомъ *e*. Дождемѣръ устанавливается на столбѣ *M* на

Черт. 2.

открытомъ мѣстѣ, въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ зданій и деревьевъ, притомъ такъ, чтобы верхній край его былъ не ниже двухъ аршинъ надъ поверхностью почвы, иначе зимою снѣгъ съ поверхности земли можетъ быть вѣтромъ занесенъ въ дождемѣръ. Кромѣ того слѣ-

дуетъ соблюдать слѣдующія два правила: 1) прикрѣплять дождемѣръ съ сѣверной стороны столба, чтобы онъ послѣднимъ былъ хотя бы до нѣкоторой степени защищенъ отъ солнца (для уменьшенія испаренія), 2) скашивать нѣсколько верхнй конецъ столба въ сторону противоположную той, съ которой прикрѣпленъ дождемѣръ, чтобы зимою на немъ не могъ скопляться снѣгъ и оттуда падать въ дождемѣръ.

Для измѣренія количества осадка, воду изъ дождемѣра выливаютъ черезъ трубку *d* въ особый измѣрительный стаканъ К съ дѣленіями, причемъ наблюдатель замѣчаетъ, на какомъ дѣленіи находится уровень воды (небольшое возвышеніе уровня воды у стѣнокъ стакана не принимается въ расчетъ). Это и будетъ количество выпавшей воды. Такъ напр. на чертежѣ I количество воды выразится числомъ 18¹⁾.

Если шелъ снѣгъ, градъ или крупа, то дождемѣръ передъ измѣреніемъ вносятъ въ теплую комнату и даютъ имъ растаять; только послѣ того, какъ весь осадокъ растаетъ, воду выливаютъ въ стаканъ для отсчета.

Во время таянія дождемѣръ долженъ быть закрытъ крышкой, чтобы вода, находящаяся въ немъ, не испарялась, что можетъ оказывать довольно значительное вліяніе на результатъ.

Отсчетъ дѣлается обыкновенно одинъ разъ въ день, отъ 7 до 8 ч. утра, слѣдовательно измѣряется количество осадка, выпавшаго въ теченіе сутокъ.

Для измѣренія количества воды, выпавшей во время ливня, слѣдуетъ дѣлать отсчетъ до ливня и послѣ него.

Каждый наблюдатель долженъ имѣть два дождемѣра для смѣны одного другимъ во время отсчета, что особенно важно при измѣреніи снѣга, града и прочихъ твердыхъ осадковъ, такъ какъ измѣреніе ихъ, какъ выше было указано, на дворѣ произвести нельзя. Смѣна дождемѣра дѣлается также при измѣреніи ливней.

11. Пригѣрный бланкъ для записыванія осадковъ. Для примѣра приводимъ часть бланка, наполненную записями осадковъ.

Кіевъ. Іюль 1892 г. по новому стилю.

¹⁾ Количество выпавшаго осадка, или, иначе сказать, высоту его измѣряютъ миллиметрами. Для этого при обработкѣ записанный отсчетъ дѣлать на десять. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ количество осадка будетъ 1,8 мм. Во избѣжаніе недоразумѣній Обсерваторія покорнѣйше проситъ вносить въ бланкъ отсчетъ не раздѣленный на десять.

Число мѣся- ца.	Коли- чество.	Видъ и продолжительность.	Замѣчанія.
12	—	—	
13	0	□ п.	
14	86	● ⁰ п; ● р. 1 ч. 3 м. р.—7 ч. 14 м. р.	
15	81	● р.	
16	389	≡ п; ● ² , ▲ р. дождь 4 ч. 20 м. р.—6 ч. 10 м. р. градъ 5 ч. 4 м. р.—5 ч. 6 м. р.	Дождь съ переры- вами.
17	22	≡ ⁰ , ● ⁰ а; ● р.	

12. Опредѣленіе странъ горизонта. Страны горизонта можно опредѣлить помощью магнитной стрѣлки (компаса). Можно также сдѣлать это слѣдующимъ образомъ.

На открытомъ мѣстѣ устанавливаютъ горизонтально дощечку съ прибитымъ въ ней посрединѣ заостреннымъ стержнемъ (можно взять просто гвоздь безъ головки и заострить верхушку пилою). Стержень долженъ быть перпендикуляренъ къ доскѣ, иначе сказать, при горизонтальномъ положеніи доски, долженъ быть отвѣснымъ. Предварительно на доскѣ чертятъ рядъ круговъ, центромъ которыхъ служатъ стержень. Въ ясный солнечный день, приблизительно часовъ съ 9—10 утра, слѣдятъ за концомъ тѣни, и, когда онъ коснется какой нибудь окружности, мѣсто прикосновенія его отмѣчаютъ точкою. Нѣкоторое время тѣнь стержня укорачивается (до полдня), потомъ начинаетъ удлиняться и концомъ своимъ вторично касается той же окружности. Мѣсто прикосновенія опять отмѣчаютъ точкою. Дугу, заключающуюся между двумя отмѣченными точками, дѣлятъ пополамъ и середину соединяютъ съ центромъ окружности. Полученная линія носитъ названіе *полуденной линіи*. Она такъ называется по тому, что тѣнь стержня совпадаетъ съ нею ровно въ солнечный (истинный) полдень. Конецъ ея, обращенный къ стержню, направленъ къ *югу*, обращенный же въ противоположную сторону—къ *сѣверу*. Проведя черезъ центръ круговъ линію, составляющую съ полуденной линіей прямые углы, получимъ направленіе отъ *запада* къ *востоку*.

Хорошо разъ навсегда замѣтить предметы, лежащіе на сѣверъ, востокъ, югъ и западъ относительно мѣста наблюденія. Само собою понятно, что для разныхъ мѣстъ наблюденія эти предметы должны быть различны.

Полезно также провести полуденныя линіи на подоконникахъ, полу и проч. Для этого въ тотъ моментъ, когда тѣнь стержня совпа-

дасть съ полуденной линіей, слѣдуетъ на полу и подоконникахъ комнаты отмѣтить край тѣни, отбрасываемой оконной рамой, или находящимся у окна наружнымъ ребромъ стѣны.

13. Повѣрка часовъ. Повѣрить часы можно съ достаточной для метеорологическихъ наблюденій точностью помощью того же прибора, которымъ опредѣляются страны горизонта. Только надо точнѣе опредѣлить полуденную линію. Для этого на *каждой* окружности отмѣчаютъ пару точекъ привосновенія тѣни, *каждую* дугу дѣлятъ пополамъ и середину соединяютъ съ центромъ круговъ. Рѣдко случается, что полученныя линіи сливаются между собою: большею частью онѣ идутъ отдѣльно. За полуденную линію принимаютъ ту, которая возможно ближе подходитъ ко всѣмъ начерченнымъ.

Послѣ того какъ полуденная линія проведена, можно въ какой угодно солнечный день повѣрить часы (предполагается, что приборъ остается неподвижнымъ). Для этого замѣчаютъ моментъ, когда тѣнь отъ стержня совпадаетъ съ полуденной линіей. Это будетъ *солнечный*, или *истинный полдень*, который, вообще говоря, отличается отъ того полдня, который показываютъ вѣрные часы и который въ общепитіи называется полднемъ (собственно—*средній полдень*). Его можно найти для какаго угодно дня по таблицѣ, приложенной къ статьѣ¹⁾ и показывающей, сколько должны показывать вѣрные часы въ тотъ моментъ, когда тѣнь отъ стержня совпадаетъ съ полуденной линіей.

Приведемъ примѣры. Положимъ, что мы повѣряемъ часы 25 іюля. Въ таблицѣ 26-му іюля соотвѣтствуетъ XII 5 $\frac{1}{2}$. Мы должны въ тотъ моментъ, когда тѣнь совпадаетъ съ полуденной линіей, поставить часы на 5 $\frac{1}{2}$ минутъ 1-го; если мы повѣряемъ часы 14 мая, то въ тотъ моментъ, когда тѣнь совпадаетъ съ полуденной линіей, надо поставить часы на 57 минутъ двѣнадцатаго и проч.

14. Опредѣленіе направленія вѣтра и движенія облаковъ. У кого нѣтъ правильно установленнаго флюгера, совѣтуемъ прибѣгнуть къ слѣдующему способу.

На возможно болѣе открытомъ мѣстѣ вкопать отвѣсно столбъ съ прикрѣпленными къ нему двумя крестообразно расположенными

¹⁾ Въ таблицѣ числа мѣсяца даны по старому стилю. Она составлена не для всѣхъ дней мѣсяца, но никакого труда не составитъ сдѣлать расчетъ для тѣхъ дней, которые въ таблицѣ не помѣщены.

стержнями, сколоченными одинъ съ другимъ такъ, чтобы они составляли между собою прямые углы (прибивается къ столбу конецъ одного стержня). Къ тому мѣсту, гдѣ стержни сколочены другъ съ другомъ, надо привязать небольшую ленту; послѣдняя виситъ отвѣсно, когда вѣтра нѣтъ, и отклоняется въ сторону во время вѣтра. Стержни должны быть обращены концами къ сѣверу, востоку, югу и западу. Этого легко достичь, если прибываемый къ столбу стержень во время установки направить такъ, чтобы въ истинный полдень тѣнь отъ него шла по столбу прямо внизъ. Тогда тотъ конецъ его, который обращенъ къ столбу, будетъ направленъ къ сѣверу, а противоположный—къ югу. Другой стержень расположится по направленію отъ запада къ востоку. По отклоненію ленты судить о томъ, *откуда* дуетъ вѣтеръ, такъ напр., если лента отклоняется къ сѣверу,—вѣтеръ южный (Ю), если отклоняется къ сѣверовостоку,—юго-западный (ЮЗ) и проч.

Для опредѣленія направленія движенія облаковъ наблюдатель становится подъ крестомъ и поджидаетъ, когда надъ его головою будетъ находиться облако. Слѣдя за его движеніемъ относительно стержней, легко опредѣлить *отъ какой страны горизонта* оно движется. Такимъ образомъ легко опредѣлить какъ направленіе нижнихъ (напр. грозовыхъ) облаковъ, такъ и верхнихъ (напр. перистыхъ).

Установка стержней по четыремъ странамъ горизонта можетъ быть произведена также помощью компаса.

18

Сколько должны показывать вѣрные часы
совпадаетъ съ

Число мѣ- сяца.	Январь	Февраль	Мартъ	Апрѣль	Май	Июнь
	ЧС. МН.	ЧС. МН.	ЧС. МН.	ЧС. МН.	ЧС. МН.	ЧС. МН.
1	ХП 9	ХП 14 ¹ / ₂	ХП 9 ¹ / ₂	ХП 1 ¹ / ₂	ХИ 56 ¹ / ₄	ХИ 57 ¹ / ₂
3	ХП 9 ³ / ₄	ХП 14 ¹ / ₄	ХП 9	ХП	ХИ 56 ¹ / ₄	ХИ 57 ¹ / ₂
5	ХП 10 ¹ / ₂	ХП 14 ¹ / ₄	ХП 8 ¹ / ₂	ХИ 59 ¹ / ₂	ХИ 56 ¹ / ₄	ХИ 57 ¹ / ₂
7	ХП 11	ХП 14	ХП 7 ³ / ₄	ХИ 59 ¹ / ₄	ХИ 56 ¹ / ₄	ХИ 57 ¹ / ₂
9	ХП 11 ³ / ₄	ХП 13 ³ / ₄	ХП 7 ¹ / ₄	ХИ 58 ¹ / ₂	ХИ 56 ¹ / ₂	ХИ 57 ¹ / ₂
11	ХП 12 ¹ / ₄	ХП 13 ¹ / ₂	ХП 6 ¹ / ₂	ХИ 58 ¹ / ₄	ХИ 56 ¹ / ₂	ХИ 57 ¹ / ₂
13	ХП 12 ³ / ₄	ХП 13 ¹ / ₄	ХП 6	ХИ 57 ³ / ₄	ХИ 56 ³ / ₄	ХИ 57 ¹ / ₂
15	ХП 13	ХП 12 ³ / ₄	ХП 5 ¹ / ₄	ХИ 57 ¹ / ₂	ХИ 57	ХИ 57 ¹ / ₂
17	ХП 13 ¹ / ₂	ХП 12 ¹ / ₂	ХП 4 ³ / ₄	ХИ 57 ¹ / ₄	ХИ 57 ¹ / ₄	ХИ 57 ¹ / ₂
19	ХП 13 ³ / ₄	ХП 12	ХП 4 ¹ / ₄	ХИ 57	ХИ 57 ¹ / ₂	ХИ 57 ¹ / ₂
21	ХП 14	ХП 11 ¹ / ₂	ХП 3 ¹ / ₂	ХИ 56 ³ / ₄	ХИ 57 ³ / ₄	ХИ 57 ¹ / ₂
23	ХП 14 ¹ / ₄	ХП 11	ХП 3	ХИ 56 ¹ / ₂	ХИ 58	ХИ 57 ¹ / ₂
25	ХП 14 ¹ / ₄	ХП 10 ¹ / ₂	ХП 2 ¹ / ₄	ХИ 56 ¹ / ₄	ХИ 58 ¹ / ₂	ХИ 57 ¹ / ₂
27	ХП 14 ¹ / ₂	ХП 10	ХП 1 ³ / ₄	ХИ 56 ¹ / ₄	ХИ 58 ³ / ₄	ХИ 57 ¹ / ₂
29	ХП 14 ¹ / ₂		ХП 1 ¹ / ₄	ХИ 56 ¹ / ₄	ХИ 59 ¹ / ₄	ХИ 57 ¹ / ₂
31	ХП 14 ¹ / ₂		ХП 3 ¹ / ₄		ХИ 59 ¹ / ₂	ХИ 57 ¹ / ₂

В ТОТЪ МОМЕНТЪ, КОГДА ТѢНЬ ОТЪ СТЕРЖНЯ
ДЕННОЙ ЛИНИИ.

	Юль	Августъ	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
Н.	ЧС. МН.	ЧС. МН.	ЧС. МН.	ЧС. МН.	ЧС. МН.	ЧС. МН.
2 ³ / ₄	ХП 5 ¹ / ₂	ХП 4 ¹ / ₂	ХИ 55 ³ / ₄	ХИ 46 ¹ / ₄	ХИ 44 ¹ / ₂	ХИ 54 ¹ / ₂
1 ¹ / ₄	ХП 5 ³ / ₄	ХП 4 ¹ / ₄	ХИ 55	ХИ 45 ³ / ₄	ХИ 44 ³ / ₄	ХИ 55 ¹ / ₂
3 ³ / ₄	ХП 6	ХП 3 ³ / ₄	ХИ 54 ¹ / ₂	ХИ 45 ¹ / ₄	ХИ 45 ¹ / ₄	ХИ 56 ¹ / ₂
1	ХП 6	ХП 3 ¹ / ₂	ХИ 53 ³ / ₄	ХИ 45	ХИ 45 ¹ / ₂	ХИ 57 ¹ / ₂
1 ¹ / ₂	ХП 6 ¹ / ₄	ХП 3	ХИ 53	ХИ 44 ³ / ₄	ХИ 46	ХИ 58 ¹ / ₂
2	ХП 6 ¹ / ₄	ХП 2 ¹ / ₂	ХИ 52 ¹ / ₄	ХИ 44 ¹ / ₄	ХИ 46 ³ / ₄	ХИ 58 ³ / ₂
2 ¹ / ₂	ХП 6 ¹ / ₄	ХП 1 ³ / ₄	ХИ 51 ¹ / ₂	ХИ 44	ХИ 47 ¹ / ₄	ХП 1 ¹ / ₂
2 ³ / ₄	ХП 6 ¹ / ₄	ХП 1 ¹ / ₄	ХИ 50 ³ / ₄	ХИ 44	ХИ 47 ³ / ₄	ХП 1 ¹ / ₂
3 ¹ / ₄	ХП 6 ¹ / ₄	ХП 3 ³ / ₄	ХИ 50 ¹ / ₄	ХИ 43 ³ / ₄	ХИ 48 ¹ / ₂	ХП 2 ¹ / ₂
3 ¹ / ₂	ХП 6 ¹ / ₄	ХП	ХИ 49 ¹ / ₂	ХИ 43 ³ / ₄	ХИ 49 ¹ / ₄	ХП 3 ¹ / ₄
4	ХП 6	ХИ 59 ¹ / ₂	ХИ 49	ХИ 43 ³ / ₄	ХИ 50	ХП 4 ¹ / ₄
4 ¹ / ₄	ХП 5 ³ / ₄	ХИ 58 ³ / ₄	ХИ 48 ¹ / ₄	ХИ 43 ³ / ₄	ХИ 51	ХП 5 ¹ / ₄
4 ³ / ₄	ХП 5 ¹ / ₂	ХИ 58 ¹ / ₄	ХИ 47 ³ / ₄	ХИ 43 ³ / ₄	ХИ 51 ³ / ₄	ХП 6 ¹ / ₄
5	ХП 5 ¹ / ₂	ХИ 57 ¹ / ₂	ХИ 47 ¹ / ₄	ХИ 43 ³ / ₄	ХИ 52 ³ / ₄	ХП 7
5 ¹ / ₄	ХП 5	ХИ 56 ³ / ₄	ХИ 46 ³ / ₄	ХИ 44	ХИ 53 ¹ / ₂	ХП 7 ³ / ₄
	ХП 4 ³ / ₄	ХИ 56		ХИ 44 ¹ / ₄		ХП 8 ¹ / ₂

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

VI-й годъ изданія.—Открыта подписка на 1893-й годъ на большую политическую, общественную, экономическую и научную еженедѣльную газету

„П Р А В Д А“

и на литературныя ежемѣсячныя „К Н И Г И П Р А В Д Ы“

ПРАВДА, вступая въ третій годъ изданія подъ редакціей П. Н. Подлигайлова,—будетъ по прежнему органомъ національных интересовъ Россіи и Славянъ и культурно-соціального преуспѣянія русскаго народа. Цѣль изданія—осуществлять общечеловѣческія идеи правды, добра, знанія и красоты, поддерживать все честное, бороться съ порокомъ и невѣжествомъ.

ПРАВДА по обилію разнообразнаго—серьезнаго и легкаго—матеріала для чтенія и дорогимъ приложеніямъ незамѣнима; въ ней нѣтъ обычнаго „газетно-журнальнаго балласта“, она въ каждомъ номерѣ даетъ полную картину всего совершившагося за недѣлю въ области политики, жизни, науки и литературы и, замѣняя газеты и журналы, необходима, какъ настольный органъ, для интеллигенціи всякаго рода и званія.

ПРАВДА состоитъ изъ ГАЗЕТЫ и КНИГЪ.

ГАЗЕТА—52 большихъ номера въ годъ и болѣе 700 оригинальныхъ статей: политическихъ, экономическихъ, научныхъ и друг.

Каждый номеръ газеты заключаетъ: I. Руководящія передовыя статьи, не менѣе 5—9, по всѣмъ очереднымъ государственнымъ и общественнымъ вопросамъ. II. Дневникъ редактора по всѣмъ политико-общественнымъ вопросамъ. III. Иностранная лѣтопись.—Письма корреспондентовъ.—Политическое обозрѣніе.—Об-

пественная жизнь.—Придворныя новости.—Судебныя процессы.—Некрологъ.—Разныя извѣстія. IV. Отечественная лѣтопись.—Письма корреспондентовъ.—Законы и распоряженія.—Экономическія вѣсти.—Самоуправленіе.—Дѣла церкви.—Сельское хозяйство.—Торговля и промышленность.—Школа и педагогика.—Общественное здравіе и медицина.—Благотворительность.—Ученныя общества.—Законъ, Судъ и Жизнь.—Военно-морское дѣло.—Жизнь провинціи.—Придворныя извѣстія.—Петербургская жизнь. Слухи и факты.—Театральный міръ.—Некрологъ.—Разныя извѣстія.—Спортъ.—V. Отголоски печати.—VI. Критика и библіографія.—VII. Искусство.—VIII. Фельетонъ.—IX. Интервью съ выдающимися дѣятелями.—X. Научныя статьи—не менѣе 3—5—по всѣмъ областямъ знанія: богословію, философіи, политической экономіи, естествознанію и проч.—XI. Поэзія и проза—міръ грезъ, чувствъ и страстей—новеллы, этюды, поэмы и проч.—XII. Калейдоскопъ.—XIII. Смѣсь.—XIV. Полезное и необходимое.—XV. Туалетъ и гигиена.—XVI. Хозяйство.—XVII. Почтовый ящикъ.—XVIII. Биржа и финансово-торговое обозрѣніе.—XIX. Репертуаръ и XX. Объявленія.

„КНИГИ ПРАВДЫ“ въ годъ ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ. Каждая книга въ изящной обложкѣ и содержитъ романъ, рассказы, поэмѣ, литературный этюдъ и проч.

Въ 1893 г., по примѣру прежнихъ лѣтъ, будутъ напечатаны новыя произведенія: Эм. Золя—„Чудеса святаго Аурда,“ А. Додэ; румынской королевы Елизаветы; Л. Теріе; Беллами; Бр. Гарда; Э. Гофмана; Б. Прусса; Захеръ-Мазоха; В. Геймбургъ; Біорнстерне-Біорнсонъ; М. Нордау; Ж. Мари и мн. др.

Кромѣ того, редакція поставила себѣ задачею, не останавливаясь предъ крупными расходами, ежегодно давать русскихъ и иностранныхъ классиковъ и капитальнѣйшія произведенія современныхъ ученыхъ, и въ 1893 году годовые подписчики получатъ:

Сочиненія императрицы Екатерины II; сочиненія Г. Р. Державина и сочиненія К. О. Рылѣва. Сочиненія Вальтеръ-Скотта и сочиненія Виктора Гюго, по 2 тома, всего 4 тома, а въ слѣд. году остальные томы, и сочиненіе К. Вольфа—„Происхожденіе міра и Жители планетъ.“

Въ своемъ замѣчательномъ трудѣ, достойномъ „конца вѣка“—*fin de siècle*—знаменитый ученый и членъ парижской академіи наукъ К. Volf подробно анализируетъ теоріи Лапласа, Декарта, Орайе и др. о происхожденіи міра, теорію Ж. Дарвина о жителяхъ планетъ и наконецъ излагаетъ собственныя научныя изслѣдованія и выводы.

Сочиненія названныхъ классиковъ составляютъ дорогой и полезный подарокъ, значительно превышающій подписную цѣну, вообще крайне низкую при солидной постановкѣ изданія.

Такимъ образомъ подписчики получаютъ: большую газету и цѣнную библіотеку.

Подписная цѣна съ дост. и перес. въ С.-пб. и по Имперіи: на годъ шесть руб., на полгода 4 руб.; за границу на годъ 10 рублей. Допускается разсрочка: при предпскѣ 3 руб. и въ мартѣ остальные 3 руб.

Подписка принимается въ главной конторѣ газеты „Правда“—С.-Петербургъ, Казанская, у Казанскаго Собора, (парадный подъѣздъ, бель-этажъ).

1—3

Изд.-Редакторъ П. Н. Подлигайловъ.

Подписка на

„Т Р У Д Ы“

Императорскаго Кавказскаго Общества Сельскаго Хозяйства 1893 г., выходящіе ежемѣсячно и посвященные нуждамъ Кавказской Сельско-хозяйственной промышленности, принимается въ Тифлисѣ, въ канцеляріи Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства, что на Барятинской улицѣ, въ Александровскомъ саду.

Подписная цѣна изданія за годъ 4 рубля, съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи и доставкою на домъ.

Для напечатанія въ „Трудахъ“ принимаются сельско-хозяйственныя объявленія, по соглашенію съ бюро Общества.

1—1

Печ. по расп. Совѣта Имп. Кавк. Общ. Сельск. Хоз.

Открыта подписка на 1893 годъ (3-й годъ изданія)
на журналъ:

**„ИЗВѢСТІЯ ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ
ИМПЕРАТОРСКОМЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.“**

„Извѣстія,“ издаваемые подъ редакціей Совѣта Общества, выходятъ выпусками отъ четырехъ до шести въ годъ, изъ которыхъ въ концѣ года составляется томъ не менѣе 20-ти листовъ.

„Извѣстія“ раздѣляются на два отдѣла.

1) Въ первомъ отдѣлѣ помѣщаются научныя и педагогическія статьи изъ области Физико-математическихъ наукъ, читанныя въ засѣданіяхъ Общества.

2) Второй отдѣлъ содержитъ:

а) Лѣтопись Физико-математическаго Общества (протоколы засѣданій, извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта Общества, годичные отчеты, списки книгъ и періодическихъ изданій, поступившихъ въ бібліотеку Общества и т. п.).

б) Библіографическіе отзывы и замѣтки о вновь появляющихся въ Россіи и заграницею сочиненіяхъ по Физико-математическимъ наукамъ. Научныя новости.

в) Задачи и вопросы, предлагаемые для рѣшенія, и рѣшенія ихъ. Въ „Извѣстіяхъ“ могутъ быть съ разрѣшенія Совѣта помѣщаемы объявленія библіографическія и другія, имѣющія отношеніе къ Физико-математическимъ наукамъ.

Въ вышедшихъ до сихъ поръ двухъ томахъ „Извѣстій“ помѣщены слѣдующія статьи:

А. Васильевъ. Изъ исторіи и философіи понятія о цѣломъ положительномъ числѣ.

Д. Гольдгаммеръ. Электромагнитная теорія свѣта.

Естественное вращеніе плоскости поляризаціи свѣта.

Къ электро-магнитной теоріи свѣта.

И. Долбня. Объ интегрированіи посредствомъ эллиптическихъ функцій.

И. Зелинскій. О пропорціональности величинъ.

Н. Казанкинъ. О диссоціаціи въ электрохимическихъ растворахъ въ связи съ ихъ капиллярными свойствами.

Я. Корнухъ-Троцкій. Наблюденіе съ Казанской Обсерваторіи метеорнаго потока „персеидъ“ 10 августа 1890 года.

Н. Нечаевъ. Коэффициентъ пропорціональности въ элементарной физикѣ.

П. Свѣшниковъ. Эпитрохоидальныя поверхности.

Обобщеніе свойствъ эпитрохоидальныхъ поверхностей.

В. Сикстель. Основныя теоремы сферической геометріи.

Д. Синцовъ. Бернулліевы функціи съ произвольными указателями.

Н. Слугиновъ. Замѣтка о числѣ комбинацій гальваническихъ элементовъ.

Г. Шебуевъ. Къ вопросу о распредѣленіи теплоты въ текущей жидкости при теплопроводности и конвенціи.

Къ вопросу о распредѣленіи температуры внутри текущей несжимаемой жидкости и омываемыхъ ею тѣлъ.

Приложеніе теоріи кватернионовъ къ механикѣ подобно—и однородно измѣняемыхъ тѣлъ.

Во второмъ отдѣлѣ, кромѣ отчетовъ о засѣданіяхъ Физико-математическаго Общества, между прочимъ помѣщены слѣдующія статьи и библіографическіе отзывы:

А. Васильевъ. Объ учебникѣ геометріи С. Шохоръ-Троцкаго.

Д. Дубяго. Объ ученыхъ заслугахъ сэра Джорджа Эри.

Пятый спутникъ Юпитера.

Н. Слугиновъ. Объ ученыхъ трудахъ проф. Р. А. Колли.

Ө. Суворовъ. В. Г. Имшенецкій.

О сборникѣ упражненій въ умственномъ счетѣ. Н. Бобровникова.

Въ приложеніи ко второму тому помѣщенъ переводъ мемуара Гельмгольца: Счетъ и измѣреніе.

Подписная цѣна на „Извѣстія“ въ годъ 3 р. (съ дост. и перес.).

Подписка принимается предсѣдателемъ Физико-математическаго Общества проф. А. В. Васильевымъ и казначеемъ А. П. Котельниковымъ (Казань, университетъ), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Первый выпускъ появится 15-го марта.

Предсѣдатель Физико-математическаго Общества А. Васильевъ.

Императорскій Варшавскій Университетъ.

Т Е М А,

предлагаемая Юридическимъ факультетомъ
на соисканіе преміи Адама Хойнацкаго
въ 1893—1895 годахъ.

За популярное народнообразовательное сочиненіе
„О бережливости, сберегательныхъ и ссудо-сберегательныхъ кассахъ
и товариществахъ.“

Извлеченіе изъ правилъ:

Премія присуждается въ 900 руб. Сочиненіе должно быть представлено не позже 30 апрѣля 1895 года. Оно должно быть написано на русскомъ языкѣ и русскимъ подданнымъ; должно быть или напечатано или переписано чисто и разборчиво. Выборъ между русскимъ и польскимъ языкомъ, при печатаніи увѣнчаннаго сочиненія, предоставляется усмотрѣнію автора.

1—2

О Б Ъ И З Д А Н І И УНИВЕРСИТЕТСКИХЪ ИЗВѢСТІЙ

въ 1893 году.

Цѣль настоящаго изданія остается прежнею: доставлять членамъ университетскаго сословія свѣдѣнія, необходимыя имъ по отношеніямъ ихъ къ Университету, и знакомить публику съ состояніемъ и дѣятельностію Университета и различныхъ его частей.

Согласно съ этою цѣлью, въ Универс. Извѣстіяхъ печатаются:

1. Протоколы засѣданій университетскаго Совѣта.
2. Новыя постановленія и распоряженія по Университету.
3. Свѣдѣнія о преподавателяхъ и учащихся, списки студентовъ и постороннихъ слушателей.
4. Обзорѣнія преподаванія по полугодіямъ.
5. Программы, конспекты, и библіографическіе указатели для учащихся.
6. Библіографическіе указатели книгъ, поступающихъ въ университетскую бібліотеку и въ студенческій ея отдѣлъ.
7. Свѣдѣнія и изслѣдованія, относящіяся къ устройству и состоянію ученой, учебной, административной и хозяйственной части Университета.
8. Свѣдѣнія о состояніи коллекцій, кабинетовъ, музеевъ и другихъ учебно-вспомогательныхъ заведеній Университета.
9. Годичные отчеты по Университету.
10. Отчеты о путешествіяхъ преподавателей съ учеными цѣлями.
11. Разборы диссертаций, представляемыхъ для полученія ученыхъ степеней, соисканія наградъ, *pro venia legendi* и т. п., а также и самыя диссертациі.
12. Рѣчи, произносимыя на годичномъ актѣ и въ другихъ торжественныхъ собраніяхъ.
13. Вступительныя, пробныя, публичныя лекціи и полные курсы преподавателей.
14. Ученые труды преподавателей и учащихся.
15. Матеріалы и переводы научныхъ сочиненій.

Указанныя статьи распредѣляются на двѣ части—(1—оффиціальную и протоколы, отчеты и т. п. 2) — неоффиціальную (статьи научнаго содержанія), съ отдѣлами—*критико-библіографическимъ*, посвященнымъ критическому обзорѣнію выдающихся явленій ученой литературы (русской и иностранной), и *научной хроники* заключающимъ въ себѣ извѣстія о дѣятельности ученыхъ обществъ, состоящихъ при Университетѣ, и т. п. свѣдѣнія. Въ *прибавленіяхъ* печатаются матеріалы, указатели бібліотеки, списки, таблицы метеорологическихъ наблюденій и т. п.

22

Университетскія Извѣстія въ 1894 году будутъ выходить въ концѣ каждого мѣсяца, книжками, содержащими въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Цѣна за 12 книжекъ **Извѣстій** безъ пересылки **шесть рублей пятьдесятъ копѣекъ**, а съ пересылкой **семь рублей**. Въ случаѣ выхода приложеній (большихъ сочиненій), о нихъ будетъ объявлено особо. Подписчики **Извѣстій**, при выпискѣ приложеній, пользуются уступкою 20%.

Подписка и заявленія объ обмѣнѣ изданіями принимаются въ канцеляріи Правленія Университета.

Студенты Университета Св. Владиміра платятъ за годовое изданіе **Университетскихъ Извѣстій** 3 руб. сер., а студенты прочихъ Университетовъ 4 руб.; продажа отдѣльныхъ книжекъ не допускается.

Университетскія Извѣстія высылаются только по полученіи подписныхъ денегъ.

Гг. иногородные могутъ обращаться съ требованіями своими къ комиссіонеру Университета Н. Я. Оглоблину въ С.-Петербургъ, на Малую Садовую, № 4-й, и въ Кіевъ, на Крещатикъ, въ книжный магазинъ его же, или непосредственно въ Правленіе Университета Св. Владиміра.

Редакторъ В. Уконниковъ.
